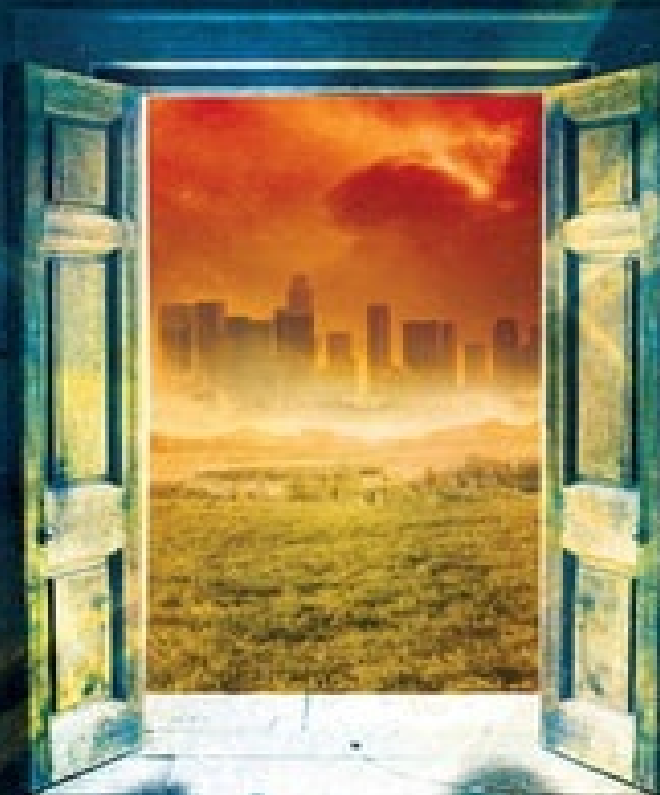

ПЫЛАЮЩИЙ МИР

СЕРИЯ «ТЕПЛО НАШИХ ТЕЛ»
книга третья

АЙЗЕК
МАРИОН

Заходите к нам в гости! vk.com/warmbodies

Быть живым сложно. Быть человеком — еще сложнее. Но с тех пор, как Р вернулся к жизни, он делает успехи: учится читать, разговаривать, может быть, даже любить. Мертвое население городка тоже подает признаки жизни. Р даже может представить своё будущее вместе с Джули — девушкой, которая заставила его сердце биться снова и которая возродила из пепла новый мир. Но теперь из-за горизонта прибывают вертолеты. Кое-кто хочет восстановить порядок и снова погрузить мир в тишину. Вернуть все на свои места, вернуться в старые добрые времена стабильности и контроля, когда сильный пожирал слабого. Зомби никогда не были его единственным оружием.

Как бороться с врагом, который находится внутри каждого из нас? Можно ли когда-нибудь снова изменить этот мир? Дом Джули захвачен, и ей с группой выживших придется погрузиться в потусторонний мир опустевшей Америки в поисках ответов. Но есть ответы, которые Р совсем не хочет знать. Его прошлая жизнь тенью выползает из подвала...

Айзек Марион

Пылающий мир

МЫ

МЫ ЗАТАИЛИСЬ в реках и лесах, в небе, в городах и в солнце, но мы больше не можем ждать. Мы слишком долго терпели. Вновь и вновь мы твердили себе, что не сможем победить, что лучшее, на что нам можно надеяться — это сохранение баланса, но теперь мы считаем, что это не так. Мы чувствуем новое будущее, зарождающееся под нами, магму возможностей, рвущуюся из-под земли.

Мы превращаемся в горы. Мы извергаемся.

Часть 1

Дверь

*Проложу я путь в глубину преисподней, Подниму я мертвых,
чтоб живых пожирали, — Станет меньше тогда живых, чем
мертвых!*

«Эпос о Гильгамеше»

МЕНЯ ЗОВУТ Р. Это не совсем имя, но мне его дал человек, которого я люблю. Неважно, какие воспоминания о прошлых жизнях вернутся ко мне и какие имена они принесут с собой. Только это имя имеет значение. Моя первая жизнь сдалась без боя, сбежала, ничего не оставив за собой, поэтому я сомневаюсь, что стоит оплакивать эту потерю. Мужчина и женщина, которых я не помню, смешали свои гены — и вот, меня вызвали на сцену. Я вышел из-за занавеса, щурясь от ослепительного света в конце родовых путей, и, после короткого, лишнего оригинальности выступления, умер.

Это среднестатистическая жизнь — неисследованная, незамеченная, ничем не примечательная, которая так и заканчивается. В прежние времена жизнь была пьесой из одного акта, и когда она подходила к концу, мы кланялись, ловили брошенные нам розы и наслаждались заработанными аплодисментами.

Затем прожекторы гасли, и мы исчезали за кулисами, где грызли крекеры в зеленой комнате вечности.

Сейчас все по-другому.

Мы ныряем за занавес в поисках новой сцены. Сейчас это пыльная холодная сцена, покрытая густой паутиной и воняющая тухлым мясом, где нет освещения, нет публики — только толпа безмянных статистов, вздыхающих в темноте. Не знаю, сколько я бродил по ней, следуя ужасающему сценарию, который я не мог прочесть. Я только знаю, что шестьдесят семь дней назад я нашел выход. Пинком выбил дверь в мою третью жизнь, которую я никогда не ждал и, конечно же, не заслуживал. Но теперь я здесь, неуклюже учусь жить в ней.

* * *

Я прижимаю лист фанеры к стене и шарю в кармане в поисках гвоздя.

Вытягиваю один и тут же роняю. Беру другой и роняю опять. Достая третий и медленными, хирургически точными движениями приставляю к дереву. Потом роняю молоток.

В горле бурлят ругательства, но они испаряются прежде, чем достигают моих губ. Тело не торопится принять новую жизнь. Молоток в моих непослушных руках представляет собой кусок льда, пальцы кажутся крошечными сосульками. Сердце бьется, легкие наполняются воздухом, кровь из черной становится красной и несется по мне, пытаюсь разбудить мои ткани от долгого сна. Но я не обычный человек. Я оживающий мертвец.

Я беру молоток и поднимаю его. Взмах и... мимо! На этот раз несколько ругательств вырываются из моего рта. «Черт» и даже «дерьмо» — никаких крепких словечек, но этого хватает, чтобы немножко расслабиться. Я держу свою руку и наблюдаю, как темнеет плоть под ногтем, — еще один синяк в мою богатую коллекцию ран. Боль ощущается отдаленно. Мозг еще не вспомнил, что теперь мое тело ценно, и не утруждается уведомлять меня о повреждениях. Я до сих пор турист на земле Живых, фотографирую их с балкона гостиницы, но не желаю ничего сильнее, чем оказаться с ними там, в грязи. Нечувствительность — это роскошь, с которой я готов расстаться.

Фанера выскользывает и падает мне на ногу. Я слышу, как хрустнул палец на ноге. Даже

ругаться не осталось сил, я просто с долгим вздохом опускаюсь на диван и смотрю на выжженную дыру в стене гостиной. Мы — новая семья, и это наш новый дом, который нужно отремонтировать. Пулевые отверстия можно зашпатлевать, но на дыру от взрыва гранаты придется потратить весь день, а ведь мы еще даже не начали отмывать пятна крови. По крайней мере охрана была достаточно любезна, чтобы помочь вынести тела — ну, или чьи-то останки, неважно. Мы сделали все возможное, чтобы убрать то, что они оставили после себя, но до сих пор иногда находим на ковре фрагменты костей, на столе — несколько подрагивающих фаланг пальцев, череп, с тихим гудением наблюдающий за нами из-под кровати.

Почему мы здесь? В этом мире все мечтают о комфорте и безопасности, почему же мы выбрали дом с привидениями среди зоны военных действий? Я знаю, что есть какая-то причина, по которой мы отказались от толстых стен Стадиона. Что-то возвышенное, великое и чрезвычайно важное, но у меня есть более простое объяснение: маленькие человеческие заботы, которые являются почвой для нашего дерева.

Я откидываюсь на колючие подушки и вспоминаю, как я впервые сидел на этом диване. Холодная ночь. Долгая поездка. Джули на лестнице в промокшей одежде приглашает меня наверх.

Существуют места, где жить приятнее, проще и безопаснее. Но это место — наше.

* * *

Я слышу её еще до того, как вижу. Громкий раскатистый рев сопровождается вспышками огня и хлопками, похожими на выстрелы. Старый Мерседес выглядел неплохо, когда я нашел его, но с тех пор, как он присоединился к нашей семье, у него началась тяжелая жизнь. Двигатель дребезжит и выкашливает дым, на ярко-красном кузове не осталось живого места, но автомобиль продолжает работать.

Джули подъезжает к дому и останавливается, заезжая колесом на бордюр. Её голубая клетчатая рубашка испачкана краской, шпатлевкой и несколькими черными пятнами крови зомби — надеюсь, это старые пятна. Как только она начинает открывать дверь, из фургона, стоящего на тротуаре, к ней бросается охрана, и Джули откидывается на подголовник.

— Блин, парни, это совсем не нужно.

Начальник охраны, имя которого я опять забыл, нависает над ней, сжимая винтовку.

— Вы в порядке? Столкнулись с зомби?

— Всё нормально.

— Россо приказал охранять вас 24 часа. Почему вы продолжаете это делать?

— Потому что мы пытаемся заставить их вспомнить, что они люди. Толпа мужиков, тычущих в них оружием, не поможет. Я все время говорю Розе, но он...

— Джули, — солдат наклоняется и повторяет вопрос жестче. — Вы встречались с зомби?

Оно начинается на «Э»...

Джули выходит из машины и бросает через плечо сумку с принадлежностями для рисования.

— Да, майор, я встретила несколько мертвых. Я остановилась и поболтала с ними около минуты, они смотрели на меня, как потерявшиеся дети. Я сказала им, чтобы они продолжали бороться и ушли с моей дороги.

Она машет стоящему на другой стороне улицы испещренному пулевыми отверстиями бунгалу, в котором отсутствуют дверь и окна.

— Привет, Б!

Изнутри раздаётся стон.

— Я говорю об агрессивных, — подчеркнуто терпеливо говорит майор. — О совсем мертвых.

— Нет, сэр. Я не сталкивалась ни с «совсем мертвыми», ни с Костями, ни с бандитами, ни с Поджигателями. Меня тронуло ваше беспокойство, но со мной все в порядке.

Он кивает одному из своих людей.

— Проверь багажник. Иногда они прячутся там. Джули встает спиной к двери и отмахивается от него.

— Ты смотришь слишком много фильмов ужасов, Эван.

Вот. Я хватаю его и запираю в своем хранилище, прежде чем оно снова ускользнет. Эван Кёнерли. Мускулистые руки. Рябое загорелое лицо. Кажется, ему нравится делать вид, что он все еще состоит в армии. *Эван.*

— Когда вы закончите обыскивать мою бедную машинку, — добавляет Джули. — Не могли бы вы захватить для меня эти банки с краской? О, и остерегайтесь журнального столика в багажнике, он может быть опасен.

Она поворачивается к солдатам спиной и, наконец, видит меня. Её раздражение сменяется улыбкой. Мне нравится наблюдать, как она переходит от их мира к нашему. Как будто наступает весенняя оттепель.

— Привет, Р.

— Привет, Джули.

— Как тут у нас дела?

Она бросает сумку с кистями и валиками и осматривает отверстие в стене, а потом начинает крутиться, пытаясь найти признаки прогресса. Её не было весь день. Она прочесывала окрестности в поисках еды и предметов домашнего обихода, — теперь весь мир как распродажа, — а я был здесь, старательно ничего не сделав.

Она смотрит на мою правую руку с фиолетовыми пальцами и сочувственно улыбается.

— Всё еще возникают проблемы?

Я щелкаю суставами пальцев.

— Окоченение.

— Два месяца назад ты даже дышать не умел, поэтому я считаю, что ты очень хорошо справляешься.

Я пожимаю плечами.

— Давай ты поддержишь доску, а мелкую моторику я беру на себя, — она шевелит передо мной пальцами. — Я — знаменитый художник, забыл? Мои работы висят рядом с картинами Сальвадора Дали.

Она поднимает молоток и горсть гвоздей. Я держу доску на дыре, пока она прищуривает глаз и устанавливает гвоздь. Джули ругается лучше всех, кого я знаю. У нее самый обширный запас отборного мата, которым она может ткать сложные узоры затейливых инвектив, или она может объяснить, что ей нужно, используя только вариации слова «хер». Она — поэт ненормативной лексики, и я чуть не начал аплодировать, когда она затопала по комнате, сжимая свою руку и извергая красочные выражения. Не могу не отметить, насколько поразному мы отреагировали на удар по пальцу, и моя улыбка немного меркнет. Джули словно

прожектор, а я — свеча. Она полыхает. Я мерцаю. Джули швыряет молоток в дыру и плюхается на диван.

— Ебись этот день конём.

Я сажусь рядом с ней и мы смотрим сквозь отверстие в стене на разрушенные окрестности как в телевизор. Повсюду на улицах видны воронки от снарядов. Газоны перепаханы. Дома обрушились или обгорели. Прямо начальные титры для очень мрачного ситкома.

Дверь открывается и входит Эван Кёнерли, но он не отпускает колкостей и своих фирменных фразочек. Он бросает банки с краской у входа и поворачивается, чтобы уйти, но останавливается перед дверью.

— Спасибо? — говорит Джули. Он оборачивается.

— Послушай, Джули...

Я не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь обращался ко мне или хотя бы смотрел мне в глаза. Словно я — плод воображения Джули.

— Я знаю, что уйдя жить сюда, ты пытаешься показать людям, что чума отступила и все хорошо...

— Мы этого никогда не говорили. Мы здесь не поэтому.

— Ваш сосед «Б» — плотоядный труп. Ты живешь по соседству с сотнями плотоядных трупов и даже не запираешь дверь.

— Они больше не едят людей, они другие.

— Ты не знаешь, какие они. Они сейчас немного сбиты с толку... но это не значит, что пока ты спишь, они внезапно не вспомнят о своих инстинктах, — он бросает на меня быстрый взгляд, потом переводит его на Джули. — Ты не знаешь, что они сделают. Ты ничего не знаешь.

Джули мрачнеет и выпрямляет спину.

— Веришь или нет, Эван, ты не первый, кто говорит мне, что мир опасен. Нам называли миллион причин, почему надо бояться. Какие еще ты можешь добавить?

Кёнерли ничего не отвечает.

— Мы знаем, что здесь небезопасно. Мы в курсе всех рисков. Но. Нас. Ни хрена.

Не волнует.

Кёнерли дергает головой. Дверь за ним захлопывается.

Джули расслабляется, скрещивает руки на груди и откидывается обратно на диван.

— Хорошо сказано, — говорю я.

Она вздыхает и смотрит на потолок.

— Все вокруг думают, что мы психи.

— Ну, они правы.

Я просто хотел пошутить, но её лицо мрачнеет еще больше.

— Думаешь, мы *должны* вернуться назад?

— Я не это имел в виду...

— Нора там. Кажется, она не против жить в Убежище.

— У нее там работа. У нас... здесь.

— А что мы действительно тут делаем? Мы вообще делаем что-нибудь?

Я надеялся, что это неправда, но контраст между ее робкими вопросами и жаркой перепалкой с Кёнерли показал, что здесь сомневаюсь не я один. Я не единственный, кто задается вопросом; а что дальше? Но когда ответ доходит до моего языка, я говорю:

— Мы распространяем лекарство.

Она встает и начинает ходить кругами, накручивая локон на палец.

— Думаю, я знаю, о чем ты говоришь. Но после того, как мы уехали из аэропорта... Б не становится лучше.

— Джули, — я дотягиваюсь до её руки и сжимаю ладонь. Она перестает кружить и выжидающе смотрит на меня.

— Ни шагу назад, — я тяну её к себе и усаживаю на диван рядом со мной. — Только вперед.

Я всегда плохо врал. Я никогда не смогу назвать черное белым, но если речь идет о сером — то это уже наполовину истина, и у меня получается, потому что Джули улыбается и успокаивается. Она вздергивает подбородок и закрывает глаза. Это значит, что она хочет, чтобы я ее поцеловал. И я целую.

Она замечает мою нерешительность.

— Что?

— Ничего, — я целую её снова. Её губы розовые и мягкие, знающие своё дело. А мои жесткие и бледные, они только недавно поняли, для чего они нужны. Я касаюсь своими губами её губ и двигаю ими, пытаюсь вспомнить, как это делается, в то время, как она прижимается ко мне с нарастающей страстью. Обожаю эту девушку. Я любил её еще до того, как мы встретились, когда от одного взгляда в разрушенном классе забылись все года украденных воспоминаний. Джули выкопала меня из могилы.

Быть рядом с ней — это лучшая привилегия, которую я знаю.

Так почему я боюсь прикоснуться к ней?

Она жметя ко мне сильнее и целует глубже, пытаюсь вызвать ответную страсть, и я знаю, что должен держать глаза закрытыми, но я украдкой подглядываю. Она так близко, что выглядит размытым желто-розовым пятном, как изображают красивых женщин импрессионисты. Потом она отстраняется, чтобы восстановить дыхание, и ее лицо оказывается в фокусе. У нее короткие светлые волосы, торчащие в беспорядке, как раздутые ветром перья. У неё светлая кожа, исчерченная тонкими шрамами. А её глаза... Снова голубые. Этот нереальный золотой цвет пропал.

Я помню тот мистический момент, и в каком шоке я был после нашего первого поцелуя на крыше Стадиона. Неземной, нечеловеческий оттенок, ярко-желтый как солнце — видимое подтверждение того, что происходило внутри нас. Мы никогда не говорили об этом. Это было слишком странно и глубоко, как ожившая мечта, которая исчезнет, если говорить о ней. Мы держали всё в себе, но она все равно исчезла. Несколько дней стоя вдвоем у зеркала мы наблюдали, как оттенок постепенно пропадает, и задавались вопросом, что бы это значило. Её глаза снова стали голубыми, а мои меняли цвет, пока окончательно не стали карими. Это было маленькое свидетельство какой-то магии, которая изменила меня. В иные дни я не уверен в реальности происходящего, в иные ночи я жду, что проснусь от этого чудесного сна, увижу рядом со мной кусок мяса, съем его и вернусь назад во тьму.

Я борюсь с желанием оттолкнуть её и сбежать в подвал. Там стоит запылившаяся бутылка водки, которая может погасить пожар в моей голове. Но слишком поздно. Она расстегивает пуговицы на рубашке. Я помогаю ей скользнуть вниз по плечам Джули. Я слышу её быстрое дыхание и пытаюсь по глазам прочесть эмоции, пока я в очередной раз пытаюсь быть человеком.

Звонит телефон.

Его пронзительный визг высасывает из комнаты вожделие, как из открытого люка самолета. Теперь звонящий телефон не просто раздражитель, от которого можно отмахнуться, как это было раньше. Телефоны стоят в командных офисах Стадиона, и каждый звонок крайне важен.

Джули спрыгивает с меня и несется наверх, попутно набрасывая рубашку, а я плетусь за ней, стараясь не чувствовать облегчения.

— Джули Каберне, — говорит она в громоздкий приемник у кровати.

На том конце провода я слышу Лоуренса Россо, его слова неразборчивы, но в голосе слышно напряжение. Я должен был встретиться с ним сегодня вечером и поболтать — у него есть вопросы о мертвых, а у меня еще больше вопросов о живых, но помрачневшее лицо Джули говорит мне, что вечерний чай остынет зря.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она, потом слушает. — Хорошо. Ладно. Мы приедем.

Она вешает трубку и смотрит на стену, снова накручивая волосы.

— Что происходит?

— Точно не знаю, — говорит она. — Движение. Я поднимаю брови.

— Движение?

— «Несогласованное движение» возле купола Голдмэн. Он звонил, чтобы встретиться и обсудить это.

— Это все, что он сказал?

— Он не хотел говорить об этом по телефону. Я замешкался.

— Нам надо волноваться?

На секунду она задумывается.

— Розы не параноик. Когда мы были в дороге, он всегда приглашал незнакомцев выпить с ним вина, а папа в это время махал пистолетом и требовал предъявить удостоверение личности... — она смотала локон в тугое колечко и отпустила. — Но он оказался лучше защищен, когда случилось... то, что случилось.

Она выдавливает слабую улыбку.

— Может, «несогласованное движение» — это просто гонки, которые устроили в Коридоре ребятишки Голдмэна.

Она хватает с комода ключи от машины и в темпе чечетки спускается с лестницы. Я не должен был спрашивать. В моей голове и так много проблем, не хватало еще проблем снаружи.

Когда мы подходим к машине, я оглядываюсь на дом и чувствую очередной укол вины за чувство облегчения. Это мой дом, но одновременно это место борьбы, испытаний и унижений, с которыми я сталкиваюсь на пути к человечности.

Неважно, что случится в городе, по крайней мере, это не будет связано со мной.

— Я поведу, — говорю я, перебегая ей дорогу. Она смотрит на меня с сомнением.

— Точно?

Её реакция понятна — я по-прежнему использую вместо ручного тормоза другие автомобили на стоянке, но после последнего фиаско в спальне мне необходимо вернуть мужественность.

— Я подучился. Она улыбается:

— Ну раз ты так говоришь, воин дороги, — и кидает мне ключи.

Я завожу машину, включаю передачу и после нескольких рывков, чихов и

незначительных столкновений выезжаю из тупика, игнорируя смех солдат. Когда я принял решение стать живым, я выбрал кучу неприятностей, и смущение — одно из них. Жить больно. Жить трудно. Разве я ждал чего-то другого?

В какой-нибудь милой коротенькой сказке я бы мог. Тогда я был ребенком, новорожденным, превращающимся в человека. Но я вырос быстро, и как оказалось, я не «держу мир на ниточке», и Джули не моя «забавная Валентина» как пел Фрэнк Синатра. Она — сирота-астматичка, а я — оживающий труп, мы едем на ржавом автомобиле в бешеный мир, и Эван Кёнерли был прав: мы ничего не знаем.

МЫ

МЫ ЧУВСТВУЕМ ПОТОКИ внутри земли. Мы видим движение в недвижимом. Мы наблюдаем за людьми, в одиночестве сидящими в своих домах, и слышим расплавленные реки в их головах.

Невысокий мужчина сидит в кресле. Он не двигается уже шестнадцать дней.

Будь он обычным трупом, в этом бы не было ничего особенного, но он — зомби, а это состояние интересует нас гораздо больше. Мёртвые превратились в пар и мы вдохнули его, но зомби всё еще остаются очень значимыми. Быть мёртвым означает покинуть этот мир. Быть зомби значит быть отмеченным печатью смерти и быть частью мёртвой армии, но находиться *здесь*. Для зомби тело становится благословением и проклятьем, поскольку в этом случае у мёртвого появляется выбор.

Когда у мужчины спрашивают его имя, он сжимает губы и выдает заикающийся звук. Его соседка, маленькая Живая, зовет его Б. У неё есть бледный друг — он как электрическая сладость жизни с отметиной удушающей смерти. Но в нём есть... что-то еще. Что-то очень далекое, но огромное. Когда Б улавливает этот запах, он ощущает какое-то движение под ногами. Ему кажется, что земля разверзается. Он чувствует благоговение и страх, поэтому перестает дышать, пока его соседи не уйдут и запах не выветрится.

Что это за существа? Чего они хотят? Почему они не боятся? Знают ли они, в каком смятении он находится, как в его голове душат друг друга тысячи противоположных стремлений? Они навещают его регулярно. На цыпочках проходят в гостиную и пытаются его разговорить. А он сидит в темноте, смотрит на их отражения на экране телевизора и пытается понять, почему он их не ест.

Он помнит день, когда что-то поменялось. Он почувствовал перемену в ветре и в земном притяжении. Холодный чистый поток хлынул в его покрытую пылью душу в виде простого вопроса: «Почему ты здесь?». В тот день он поднялся с теплого трупа, который жевал, и вышел из аэропорта. Нашёл этот дом. Сел в кресло. Он продолжает сидеть в кресле, размышляет, но совсем ничего не делает. Чего-то хочет, ждёт и смотрит телевизор. Он смотрит сквозь бесконечные зацикленные и бессвязные изображения — напряженный футбольный матч сменяется выходящей из бассейна женщиной в бикини, потом закатом и успокаивающим голосом, зачитывающим вдохновляющие фразы, затем сэндвичем с рваной свининой. Он смотрит через открытую переднюю дверь, как соседи проезжают мимо на дымящей колыхающей, и не отводит взгляд даже тогда, когда машина скрывается из виду. Он лениво рассматривает пожелтевшую от летнего солнца газонную траву, уже успевшую дать семена.

Но за Мерседесом, катящим по окрестностям в сторону шоссе, наблюдают другие глаза. У Б много соседей. Каждый день появляются новые. Некоторые приходят из аэропорта, некоторые откуда-то еще. Они приходят в город и украдкой разглядывают улицы и дома — слабое напоминание о чем-то потерянном.

Армия мертвых огромна и сильна, она жестоко обходится с дезертирами, но здесь слышен только ропот. Растерянные трупы сидят в домах и стоят на улицах раздумывая, созерцая и выжидая. Где-то вдалеке они слышат шум — низкий вибрирующий гул.

На востоке, в коричнево-голубой дымке неба появляются три приближающихся черных пятна.

Я

Я ПОЛНОСТЬЮ сосредоточен на контурах и состоянии дороги, скорости и инерции машины и сложной работе газа и сцепления, поэтому Джули первая слышит их.

— Что это? — спрашивает она, оглядываясь вокруг.

— Что?

— Шум.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы услышать его. Отдаленный гул — три черные точки исполняли диссонансный аккорд. Сначала мне кажется, что я узнаю этот звук, и меня сковывает страх.

Потом Джули поворачивается и спрашивает:

— Вертолеты?

Я смотрю в зеркало заднего вида. Три черные фигуры движутся с востока.

— Кто это? — громко спрашиваю я.

— Никто не знает.

— Из Купола Голдмэн?

— Сейчас авиация практически уже миф. Если бы в Голдмэне были вертолеты, то они бы нам сказали.

Вертушки режут над нашими головами и движутся в город. Я все еще новичок в мире Джули и недостаточно информирован о политической обстановке, но я знаю, что мертвые — не единственная угроза, так что неожиданным гостям редко бывают рады.

Джули вытаскивает свою рацию и набирает канал Норы.

— Нора, это Джули. Прием?

Вместо обычных радиопомех рация выдает искаженный визг. Мне не нужно спрашивать Джули, я и сам помню: это сигнал BABL. Отчаянная попытка старого правительства сохранить национальное единство путем заглушения всех аргументов. Я почти не слышу Нору через шумовые помехи — призрак ушедшей эпохи отказывается ослабить хватку.

— ...вы меня слышите?

— Кое-как, — говорит Джули, и я вздрагиваю, когда она прибавляет громкость. —

Видела вертушки?

— Я на работе, но я...ышала их.

— Что происходит?

— Без понятия. Россо...вонил, чтобы встретиться. Ты. риедешь?

— Мы едем.

— Я на...аботе, зайди... мне перед...тречей, хочу показать...то-то...

В шумовую смесь врывается звук царапающих по классной доске ногтей.

Джули съезживается и отводит трубку от уха.

— Нора, помехи просто ужасные, я думаю, какие-то волны.

— ... чтоб их...гр...аные...олны...

— Скоро увидимся. Конец связи.

Она бросает рацию и смотрит, как вертолеты садятся на улицах около Купола.

— Может быть, разведчики Голдмэна спасли их и перевезли со старой базы? —

неуверенно предполагает она.

Мы врываемся в город — труп забытого мегаполиса, который большинство людей называют Убежищем, а несколько тысяч — домом. Вертушки исчезают за разрушенными небоскребами.

* * *

Команда чистильщиков проделала большую работу — убрала тот бардак, который оставили в городе мои старые друзья. Все кости и тела были вывезены, ямы засыпаны, а стены Коридора № 1 почти достроены, так что от Стадиона до шоссе ведет относительно безопасный путь. Но в Коридоре № 2 идут более значительные строительные работы, которые возобновились после долгих лет простоя. Два самых больших поселения Каскадии тянутся друг к другу через разделяющие их мили. По факту это слияние нужно для безопасного обмена ресурсами, но я представляю, что они, как нейроны в мозге человека, пытаются установить химические связи.

Одна связь за другой. Так мы и учимся.

Я заезжаю на стоянку и нахожу место между двумя Хаммерами. Обошлось всего парой царапин. Когда мы направляемся к воротам, я оглядываюсь на наш ярко-красный родстер и проникаюсь к нему симпатией. Кажется, ему неловко между двумя оливковыми громадинами. Но, несмотря на то, что Джули гуманизирует неживое, дает ему имя и даже личность (сильный и спокойный), Мерсик — просто автомобиль, а его «дискомфорт» — просто проекция моих мыслей. Как блестящая красная машина в окружении бронированных грузовиков, я пытаюсь найти свое место в обществе. Кто я? Что я? Во мне повсюду несоответствия, и начинаются они с одежды.

Мода была для меня проблемой.

Поначалу Джули пыталась убедить меня одеваться так же стильно, как раньше.

Само собой, мою первоначальную одежду нужно было выбросить — сколько не стирай, её грязную историю отстирать невозможно — но Джули умоляла оставить на удивление хорошо сохранившийся красный галстук.

— Это заявление, — сказала она. — Этот галстук означает, что для тебя есть нечто большее, чем работа и война.

— Я не готов делать заявление, — сказал я, съезживаясь под скептическими взглядами солдат. В конце концов она смягчилась и повела меня по магазинам. Мы пролезли через обломки разрушенного Таргет-молла, и я вышел из примерочной в коричневых холщовых брюках, серой рубашке без воротника и в тех же черных ботинках, в которых умер — к моему старому деловому костюму они не подходили, но здесь пришлось в самый раз.

— Неплохо, — вздохнула Джули. — Ты хорошо выглядишь.

Она уступила мне, но несмотря на это, чем ближе мы подходили к воротам стадиона, тем мне было комфортнее в новой одежде. Чтобы одеваться броско нужна отвага, которой у меня пока нет. После стольких лет на окраине человечества всё, чего я сейчас хочу, это вписаться.

— Привет, Тэд, — говорит Джули, кивая сотруднику иммиграционной службы.

— Привет, Тэд, — я стараюсь вложить в интонации всё, что необходимо, чтобы меня пропустили. Раскаяние. Безобидность. Дружелюбность.

Тэд ничего не отвечает и это лучшее, на что я могу надеяться. Он открывает ворота, и

МЫ ВХОДИМ НА СТАДИОН.

* * *

Собачье дерьмо на комковатом асфальте. Костлявые козы и коровы в самодельных загонах. Чумазные лица детей, выглядывающих из заросших хибар, которые раскачиваются как карточные домики и едва стоят, привязанные паутиной кабелей к стенам стадиона. Когда мы с Джули поцеловались, то не разрушили злые чары и по стадиону не прошла очищающая волна, отмывая его добела и превращая горгулий в ангелов. Можно даже сказать, что получился обратный эффект, потому что сейчас улицы наводнили трупы. Я слышал, как некоторые оптимисты называют их «почти живые». Не обычные и жестокие «совсем мертвые», не потерянные «преимущественно мертвые» как наш друг Б, но еще не полностью живые, каким якобы являюсь я. Наше чистилище — это бесконечные стены всех оттенков серого, и нужно иметь острый глаз, чтобы заметить разницу между «камнем» и «сланцем», «туманом» и «дымом».

Сейчас «почти живые» передвигаются по стадиону свободно. За ними тщательно наблюдали, месяц испытательного срока прошел, и они хорошо себя зарекомендовали. Но это не значит, что они влились в общество. Люди замечают неуклюжую походку, плохие зубы, бледную кожу с фиолетовым оттенком — результат недостатка кислорода в крови, и обходят их стороной.

Когда мы проходим мимо, они кивают нам. Джули искренне улыбается и кивает в ответ, но стоит мне заглянуть им в глаза, как внутри все сжимается.

Уважение. Даже благоговение. Хотя у них гнилые головы, но все же они догадались, что Джули и я — особенные. Мы остановили чуму и мы здесь для того, чтобы вступить в новую эпоху. Они даже не догадываются, что мы не сделали ничего, чего не могли бы сделать они, просто мы первые, кто сделал это. И мы не знаем, что делать дальше.

* * *

Пусть мне не по вкусу жизнь в стадионе, нужно признать, что с новым начальством это место стало не таким мрачным. Россо сократил охрану как было до Гриджио, переназначил некоторых сотрудников на такую забытую деятельность, как образование. Бывшие преподаватели смахнули пыль со своих книг и обучают тайнам истории, науки и базовой грамотности. Город стал меньше похож на карантинный лагерь, поскольку уменьшилось количество инфекционного патруля и не так часто оружие бывает направлено на старых и больных. В некоторых частях стадиона атмосферу можно назвать идиллией. Я улыбаюсь маленькому мальчику, играющему со щенком на зеленом газоне перед домом, и пытаюсь не обращать внимания на шрамы на его лице, пистолет в кармане и тот факт, что трава искусственная.

Как и в любом городе США.

— Здорово, Джули, — говорит мальчик, когда замечает нас.

— Здорово, Уолли, это твой зверь?

Он не отвечает на вопрос и обеспокоенно рассматривает меня.

— Он... все еще жив?

Улыбка сходит с лица Джули.

— Да, Уолли, он все еще живой.

— Моя мама сказала...

— Что сказала?

Мальчик отворачивается от меня и продолжает играть с собакой.

— Ничего.

— Скажи своей маме, что Р — замечательный сердечный человек, и он не один будет таким, другие тоже.

— Ладно, — бормочет Уолли, не поднимая глаз.

— Как зовут твоего песика? — спрашиваю я, и кажется, он вздрагивает.

— Эээ... Бадди.

Я сажусь на корточки и хлопаю по коленям:

— Эй, Бадди!

Щенок несется ко мне, вывалив язык. Я треплю его мордашку в надежде, что он не собирается меня кусать. Он нюхает мою руку, смотрит на меня, еще раз нюхает и, видимо, решив, что я достаточно живой, переворачивается, подставляя живот.

— Нам надо идти, — Джули трогает меня за плечо.

— На собрание? — спрашивает Уолли, и теперь уже мы вздрагиваем.

— Ты об этом знаешь? — спрашивает Джули.

— Все уже знают. Они передали по громкой связи, сказали всем послушать. Это из-за вертолетов?

— Ну... да...

— Опять начнется война?

Джули смотрит на меня, потом опять на Уолли. Ему не больше двенадцати лет.

— Остынь, парень, — говорит она. — И бросай играть с пистолетом.

Он смотрит вниз, на оружие в кармане джинсов, понимает, что гладит пальцами пистолет, и, краснея, прячет руки за спиной.

— Мы понятия не имеем, что происходит, — говорит Джули. — Мы знаем только, что эти вертолеты — гуманитарная помощь из Исландии, они везут полные ящики конфет. Так что не будь таким воинственным, — она берет меня за руку. — Пойдем, Р.

Я отпускаю Бадди назад к хозяину и мы идем дальше в город, но мы волнуемся еще больше, чем раньше. Оставьте ребенку кричать о том, о чем мы шепчемся.

— НЕУЖЕЛИ ЭТО самая знаменитая пара Убежища? — кричит Нора с того конца склада. — Рули? Джэр? Вы уже выбрали себе название?

Она в полной медсестринской экипировке: голубая мешковатая униформа, латексные перчатки, маска и стетоскоп на шее. Она пыталась сделать так, чтобы форма сидела лучше, и завязала на талии тонкий пояс, но он совсем потерялся среди черных пятен запекшейся крови, которая стекала по рубашке. Её густые кудри собраны на затылке в тугий пучок, но несколько локонов выбилось и закаталось в ссохшиеся дреды. Но в то же время она как-то очень органично выглядит.

— Ты перестанешь или нет? — ворчит Джули, но улыбается. — И без тебя вокруг какая-то ерунда происходит.

— Спорим, так и есть, — Нора останавливается перед нами и рассматривает меня.

— Хорошо выглядишь, Р.

— Спасибо.

— Как живется в провинции? Как тебе быть живым?

— Ну... хорошо?

— Как твои ребяташки? Мне немного неловко.

— Они остались с матерью.

— Улучшений нет?

Я трясую головой и мрачнею.

— В конце-то концов, когда вы расскажете мне, что случилось? Я думала, что с аэропорта началась революция. Я думала, что вы уехали, чтобы распространять лекарство.

— Всё идет не так... как мы надеялись... — бормочу я.

— Я знаю, что у вас там произошло несколько инцидентов...

— Нора, — перебивает Джули. — Давай поговорим о чем-нибудь другом? Для Р аэропорт не самая веселая тема для разговора.

Нора поднимает руки.

— Конечно. Прости. Просто так рада вас видеть. Я бы вас обняла, но... Она указывает на грязную униформу.

— Что это такое? — спрашивает Джули. — Некоторые из них до сих пор нападают? Нора вскидывает голову.

— Ты что, еще не видела это место? Вы в первый раз у меня на работе? Джули оглядывается по сторонам.

— Возможно.

— Ну, уверена, что у провинциальной домохозяйки не бывает много свободного времени.

Пока Джули не успела ответить, Нора разворачивается и идет.

— В любом случае, идите сюда, посмотрите. Латать Р было весело, но у него всего лишь было несколько сломанных костей и ножевых ранений, простите, *поверхностных колотых ран*. Теперь у нас появилось еще больше интересных случаев.

Мы идем к её рабочему месту: огромный склад превратился во что-то напоминающее больницу. Стены из профнастила окрашены в белый цвет, вокруг поддерживающих балок вьются шнуры, питающие рентгеновские аппараты, аппараты ЭКГ и искусственного

дыхания, маленькие электропилы. С тех пор, как я в последний раз видел это место, оно значительно видоизменилось, стало организованным и стерильным, но мне всё равно сразу понятно, где я.

— Здесь... — начинаю я, но слова заканчиваются. — Вы раньше...

— Да, — отвечает Нора не останавливаясь. — Раньше здесь проводились вскрытия зомби. В основном, мы пытались узнать, какими еще способами можно вас убить, но еще проходили медицинскую подготовку. Вы, ребята, отличный материал для практики.

Джули хмурится, но молчит.

— Нам нужно было слегка прибраться, но оборудование в большинстве своем осталось тем же, так что имело смысл сделать зомбибольницу. До того, как всё изменилось, мы называли это место Моргом, а теперь... тоже Моргом, но уже с иронией.

Она ведёт нас к другому концу сооружения, где, кажется, идёт самая бурная деятельность. Мужчины, женщины и дети в разной степени разложения лежат на операционных столах. Картина очень похожа на ту, что я видел раньше, но с основным отличием: молодые врачи не расчленяли трупы, а собирали их.

Бледная молодая женщина не требует пристального внимания врачей. Одна из медсестёр останавливается проверить её пульс и работу жизненно важных органов, но в основном девушка просто лежит и в замешательстве оглядывает комнату.

— Как дела, Эмбер? — спрашивает её Нора. Девушка медленно растягивает губы в улыбке.

— Лучше, — шепчет она.

Рядом с Эмбер лежит мужчина. Он совсем немного подгнил, но в него несколько раз стреляли, и раны начинают кровоточить. Когда две медсестры склоняются над ним, доставая пули из старых ран, на его лице смешиваются волнение и страх. Я смотрю на него с сочувствием.

— Мистер Т примерно в таком же состоянии, в котором был ты, — говорит Нора. — Поэтому, ты, наверное, знаешь, через что ему приходится проходить.

Ещё бы. Я помню, как я медленно, словно алкоголик после пьяного забытья, начал осознавать, какого чёрта произошло прошлой ночью. *Когда меня ударили ножом в плечо? Когда в меня успели четыре раза выстрелить? Когда я упал с крыши и переломал себе почти все кости?* Я помню, как тогда был рад, что не чувствую боли — неожиданный подарок в виде естественной анестезии. Но почему-то думал, что когда раны заживут, я начну чувствовать.

— Как вы лечите разложившиеся части? — спрашивает Джули. — Пересадкой кожи?

— А вот это самое странное. Позволь представить тебе миссис А.

Нора направляется к столу, стоящему в углу отдельно от других пациентов. Обнаженная женщина лежит на клеёнке, на полу постелена еще одна, на которую стекают жидкости из сгнившего тела. Эта женщина умерла очень давно. У неё темно-серая кожа, сморщенная, как у старушки. Она разохлась и в нескольких местах отошла от костей. Если бы в те дни, когда я скитался по аэропорту, я столкнулся с этой женщиной, то держался бы от неё подальше, ожидая, что она начнет рычать, шипеть и выцарапывать себе глаза. А потом в её костях появился бы тот гул...

— Они крайне редко приходят к нам, когда всё зашло так далеко, — говорит Нора. — Представить не могу, как эта женщина вырвалась на свободу, но посмотрите на неё. Смотрите, как сильно она борется.

Самым странным в женщине были её глаза. Всё тело сгнило, но они остались невредимыми. Она напряженно смотрит в потолок, как-будто где-то внутри себя поднимает огромные тяжести. Вытаскивает из глубины человеческой души тысячи тонн воспоминаний — людей, места, случаи из жизни.

Её радужка серого металлического цвета — обычное явление, но я не отрываясь смотрю её в глаза и вижу, как они мерцают. Я вижу проблеск, похожий на вкрапления золота в песке глубокой реки.

— Что это? — спрашивает Джули, но она не смотрит миссис А в глаза. Она наклоняется и показывает на зияющую дыру в прогнившей грудной клетке. — Вы это видите?

— Что-то сверкнуло? — спрашивает Нора. — Как будто солнце попало на маленькое зеркало?

— Да... Но всего на полсекунды. Я думала, мне показалось. Нора кивает.

— Вот об этой странности я и говорю. А насчет твоего вопроса о лечении разложения... посмотри поближе.

Мы с Джули наклоняемся и видим, что дыра в боку женщины вроде бы стала... меньше. Нора кивает.

— Вот об этой странности я и говорю. А насчет твоего вопроса о лечении разложения... посмотри поближе.

Мы с Джули наклоняемся и видим, что дыра в боку женщины вроде бы стала... меньше. Края раны посветлели и появились розовые пятна.

— Что это? — благоговеющим шёпотом спрашивает Джули.

— Понятия не имею. Никогда раньше не была в большем замешательстве. Мы называем это Мерцанием. Каждый раз, когда это... *происходит*, мертвые немножко оживают.

Меня пронизывает странное чувство. Дрожь от ужасного осознания. Я чувствовал это Мерцание. В глазах, в голове, в хрупких сломанных костях. Я чувствовал его вокруг меня, оно спускалось вниз к ногам, настойчиво ведя меня вперед. Я посмотрел в широко открытые взволнованные глаза женщины.

— Ты не мертвая, — прошептал я.

— Так это их лечит? — спрашивает Нору Джули.

— Я думаю, что да.

— Тогда зачем им нужна медицинская помощь? Почему просто не дождаться, пока Мерцание вылечит их?

— Еще одна странность. Оно не лечит раны, только гниение.

— Что ты хочешь сказать?

— Оно может оживить погибшие клетки и затянуть огромную отвратительную дыру, — она указывает на грудь миссис А. — Но оно *пропускает* раны.

— Специально, что ли?.. Нора пожимает плечами.

— Иногда кажется, что так и есть. Временами смотришь на расплзшуюся склизкую гнилую плоть и даже не знаешь, что в этой каше есть рана, пока Мерцание не восстановит ткани. А потом внезапно там оказывается пулевое отверстие, свежее и кровоточащее, как будто Мерцание помнит, что оно там было, и оставляет его лечение нам.

Джули хмурится и смотрит на дыру, которая, кажется, стала еще меньше, пока мы отвлеклись.

— Не вижу никакого *смысла*.

— Раны — это не чума, — обе девушки подпрыгнули, как будто забыли, что я здесь. —

За повреждения, которые мы нанесли сами себе, отвечаем тоже сами.

Нора подняла брови и выпятила нижнюю губу.

— Ух ты, Р. Твой английский стал намного лучше.

Миссис А вздрагивает. Краем глаза я замечаю поток золотых искр, которые пропадают перед тем, как я успеваю сфокусироваться на них. Её кожа становится упругой. Морщины исчезают, возвращается естественный цвет, настоящее лицо оказывается довольно молодым, — ей около тридцати. Глаза цвета жидкого свинца становятся темно-синими.

— Она возвращается, — шепчет Джули, наклоняется еще ближе и внезапно её голос начинает дрожать. — После стольких лет.

Нора стоит с каменным лицом. Она надевает маску и защитные очки, и когда я слежу за её взглядом, то понимаю, зачем. Красная кровь хлынула из зияющих ран по всему телу женщины. Те участки, которые были черными и сморщенными, когда мы пришли, превратились в свежие красные раны, и её новая жизнь утекала вместе с кровью.

— Эту ногу придется отрезать, — бормочет Нора. Она смотрит, что осталось от бедра, из которого хлестала полузапекшаяся кровь, и тянется за пилой.

— Что ты хочешь... — начинает Джули, но Нора перебивает её.

— Лучше отойдите.

Она не стала дожидаться, пока мы послушаемся. Нора дергает стартер пилы и мы уворачиваемся от потока крови, рисующего линию на стене.

Когда я выпрямляюсь, Нора уже формирует культю. Я вижу, что лицо Джули уже не светится надеждой.

— Это какая-то издёвка? — говорит она. — Они оживают, чтобы умереть?

Взгляд Норы невозможно понять из-за очков и брызг крови. Когда она заканчивает с ногой, то продолжает зашивать раны на теле миссис А, но очень быстро становится очевидным, что женщина уже не жилец.

— В чем тогда смысл? — слабым голосом говорит Джули. — Если мы не можем их спасти, в чем смысл?

— Некоторых мы спасаем, — Нора быстро зашивает укус на бицепсе. — Ты возвращаешься в то же состояние, в котором умер, так что если тебя просто укусили, то всё в порядке. Если была излечимая травма, то мы всё исправим. Но если ты умер от пули в сердце, или тебя сильно обглодали... — она делает паузу и пробегается глазами по безнадежному телу женщины. — То это просто эпилог.

Она возобновляет работу с тем же упорством.

— Если ты можешь выбраться из этого Чистилища, как наш друг, — прекрасно.

Уверена, на Небесах ты получишь бонусные очки. Но пока ты еще мёртв.

— Чума не бессмертна, — бормочу я себе под нос. — Она не продлевает жизнь. Просто затягивает смерть.

— Охрененное красноречие, Р. Кто бы знал, что ты у нас станешь поэтом? Она заканчивает с одной раной и переходит к следующей.

— Быть зомби не значит найти лазейку в правилах, — она говорит уверенно, но по быстрым движениям становится понятно, что ей хочется оказаться неправой. — Мерцание — это не какое-то там чудесное воскрешение, — она обрезает нитку и проверяет свою работу. — Умереть значит умереть.

Миссис А похожа на остров в красном море. Её дыхание на какую-то секунду становится быстрым и отрывистым и снова замедляется. Всего несколько минут новой

жизни, и она снова умирает.

— Добро пожаловать обратно, миссис А, — говорит Нора, натягивая самую утешительную улыбку. — Простите, я не могу... — она больше не может улыбаться, её губы дрожат. — Простите, я ничем не могу вам помочь.

Я смотрю в глаза миссис А. В них нет ни упрёка, ни страха, нет даже печали. Её телс напоминает ужасное кровавое месиво, но лицо безмятежно. Она слегка поворачивает голову и открывает рот, как будто хочет что-то сказать мне, но не издает ни звука. Тогда она оставляет попытки, улыбается дрожащими губами и закрывает глаза. Кровь в ранах перестает пульсировать.

Джули и Нора тихо стоят над мертвым телом, как скорбящие на похоронах.

Удивительно видеть, что у Джули от слез блестят глаза. Когда её отец погиб ужасной смертью, она заплакала только через несколько дней. Тогда почему на неё так действует смерть незнакомки?

— Джули? — мягко зову я. Она не отвечает. — Ты в порядке?

Она отворачивается от трупа и украдкой смахивает слезы, но я вижу её красные глаза.

— Нормально. Просто грустно.

Нора снимает маску и очки, швыряет их на пол и отворачивается, чтобы помыть руки, но я успеваю заметить, что она тоже плачет. Что я пропустил? То, что я видел, было ужасно и трагично, это да. Но в то же время прекрасно. Я видел женщину, которая вытащила себя из могилы. Я видел женщину, которая спасла свою душу. А что видели они?

ПОКА наша троица идёт в общественный центр, мы почти не разговариваем. Обычно я отмалчиваюсь, когда девушки общаются, и тихонько плетусь позади, но сегодня они молчат, потому что говорить не о чем. Это так неловко, что я уже собираюсь сказать что-нибудь идиотское, например, прокомментировать погоду, но в итоге Джули нарушает молчание.

— Между прочим, Нора, — она говорит так, будто шёл активный диалог. — не могла бы ты перестать говорить «вы, ребята», когда речь идёт о зомби? Р — не зомби.

Нора хихикает, но не отвечает.

— Нора. Я серьёзно.

— Р, я тебя обидела? — с насмешкой спрашивает Нора. Я пожимаю плечами.

— Ты *меня* обидела, — говорит Джули. Нора вздыхает.

— Прошу прощения у вас обоих. Р — ты не зомби, я уверена, у тебя каменный стояк.

Джули останавливается.

— Тебя что-то не устраивает?

Нора останавливается в нескольких шагах впереди.

— Я даже не думала, что вас может обидеть такая банальщина.

— Для него это не банальщина.

— Он пожал плечами, разве нет?

— Да он всегда так делает! Но он упорно боролся, чтобы вытащить себя из этого ада, он до сих пор борется. Каждый день. Ты могла бы быть полюбезнее и звать его человеком.

Нора поджимает губы. Она выглядит виноватой, но что-то не даёт ей уступить.

— Ладно. Р, прости, что я тебя обесчеловечиваю, — она показывает оставшиеся четыре пальца на левой руке. — Съешь несколько и закончим с этим?

Она уходит, не дожидаясь ответа, и мы смотрим ей в спину. Когда мы виделись в последний раз, она помогала Россо решать проблемы города и готовилась работать в Морге. Она переживала, тревожилась, но это были радостные волнения. Как и Джули, как любой из нас, она видела поток оживающих мёртвых, возвращающихся в город, и считала, что это начало революции против жестокого режима Смерти. Как любой из нас, она была полна надежд и не могла дождаться начала битвы. Но с тех пор, как мы видели её в последний раз — две недели, может, три назад? — что-то изменилось. Может, сказалось перенапряжение на новой работе? Ведь она — студентка-практикантка, которая попала в самое жуткое отделение скорой помощи в истории. Хотя я сомневаюсь, что всё так просто. За свою жизнь Нора повидала столько ужасов, что наверняка справилась бы со стрессом на работе.

— Что ж, — вздыхает Джули, когда Нора исчезает в дверях общественного центра.

— День отлично начался.

Гул вертолетов вдалеке стал похож на искаженный смех.

* * *

Стадион не проектировался как город. Начиналось всё с появления нескольких испуганных людей, которые спали на одеялах прямо на земле, потом они построили несколько хижин, затем ещё и ещё, и в итоге появилось множество примитивных многоэтажек, но плана строительства никогда не было. Все сооружения в городе построены

без нормального проекта и логики, особенно общественный центр, который представляет собой этакую архитектурную химеру, слепленную из кусков разных зданий. Нет двух одинаковых стен: одна стена конференц-зала очевидно принадлежала Макдональдсу — нарисованный черноглазый клоун соседствует с армией продуктов-мутантов. Во время собраний это здорово отвлекает, но в наше время строители не могут сказать «нет» ни одной бесхозной стене.

Если не обращать внимания на эту пёструю конструкцию и тот факт, что собрание проходит на футбольном поле, то удивительно, насколько это похоже на настоящий общественный культурно-спортивный центр. Здесь есть и волейбольный корт, и стол для настольного футбола, и детский уголок, полный плачущих ребятишек, чьи родители могут вернуться, а могут и нет; здесь даже стоит автомат по продаже средств контрацепции. Центр выполняет все стандартные функции, обеспечивая место для сборов молодежи и играет роль ратуши для обсуждений текущих вопросов среди взрослого населения. Теперь здесь обсуждаются вещи посерьёзнее, чем раньше. *«Нужна ли в парке новая беседка?»* превратилось в

«Хватит ли нам провианта на предстоящую зиму?»

Джули участвовала в большинстве таких собраний, сначала как дочь Генерала Гриджио, а потом уже самостоятельно, поэтому здесь её любят как родную.

— Добрый день, Джули.

— Рад тебя видеть, Джули.

— Сожалею о вашей потере, мисс Гриджио.

Друзья Россо, её отца и несколько её собственных. Обычно Джули не испытывает проблем с общением с разными поколениями, но я вижу, что сегодня она вся в напряжении. Все продолжают соболезновать, хотя со дня самоубийства её отца прошло уже два месяца. Её улыбка похожа на гримасу. Эти люди из того времени, когда смерть еще не была ежедневным фактом. Они думают, что Джули сломается, а может, даже хотят, чтобы это произошло, но она здесь не для того, чтобы плакать.

— Спасибо, Тэйлор, — говорит она. — Спасибо, Бритни. Так что насчет тех вертолетов?

Когда мы проходим в зал заседаний, нас окружают её знакомые примерно одного с ней возраста. Это подростки из приемных семей, двадцать с чем-то человек из команды спасателей и несколько непонятных человек вроде меня, чей возраст я не могу определить.

В отличие от меня, у каждого человека здесь есть своё место и история. Я завидую тому, как они легко общаются.

— Привет, Джули.

— Джулез, как дела?

— Давно не виделись, Каберне.

Я напряженно вспоминаю их имена. Если когда-нибудь мне удастся стать частью мира Джули, мне нужно это уметь. Её жизнь не такая короткая, как моя первая глава, но история уже пишется, наполняется незнакомыми персонажами и запутанными сюжетными линиями.

Зэйн? Лурдес? Кто-то на «Кс»...

Никто не пытается облегчить мне задачу. Я ловлю только нервные взгляды. Но сегодня не тот день, когда надо заводить друзей, кажется, даже Джули некомфортно и не хочется общаться. В воздухе витают грозные тучи.

Нора стоит у окна, выходящего на волейбольный корт, скрестив руки и наблюдая за

ребятишками, перебрасывающими мяч. Её лицо находится очень близко к стеклу, и я вижу, что она смотрит в отражение на происходящее за спиной. Когда она видит наше приближение, на её лице смешивается растерянность и печаль.

— Простите, я вела себя как дрянь, — говорит она, продолжая наблюдать за детьми.

Джули приближается к ней и останавливается почти на интимном расстоянии.

— Опять снился плохой сон? Она оборачивается.

— Давай я просто извинюсь и оставим это?

Девушки смотрят друг на друга: Джули изучающе, Нора уклончиво.

— Ладно, — говорит Джули.

Разговор не закончен, но отложен на потом. Две тонкие руки обхватывают её плечи и сжимают в неожиданном объятии, напряжение сходит с лица Джули, и она оборачивается.

— Проклятье, Элла, ты чересчур бесшумна для старой леди.

— Лоуренс научил меня некоторым приёмам. Как ты, дорогая?

— Держусь.

Она улыбается Элле тепло и искренне. Я подозреваю, что несмотря на популярность Джули, круг её настоящих друзей намного уже. Возможно, не шире, чем угол этой комнаты.

— А как твои дела, Р? — с большим интересом спрашивает Элла.

— Идут неплохо, миссис Дес... Дескон... Она улыбается.

— Десконсадо.

Я встряхиваю головой. Почти каждую неделю я хожу к ней в гости, пора бы уже научиться произносить её имя.

— Всё равно большинство людей зовет меня миссис Россо, — говорит она. — Но я еще раз повторяю — зови меня Элла.

Я прочищаю горло.

— У меня всё хорошо, Элла. Держусь... учусь.

— Рада слышать.

Элла пожилая, но так и светится молодостью. Её темные глаза ясные и зоркие, осанка прямая — результат режима постоянного выживания, который не признаёт пенсионного возраста. Даже в её седых волосах есть черные пряди, и она не завязывает их платком, как бабушки, а перетягивает сзади красной косынкой. Она не старушка. Она женщина.

Нора встает у края нашего треугольника и скрещивает руки на груди.

— Привет, Элла, — тихо говорит она.

— Рада видеть тебя, Нора. В последнее время тебя не видать.

— Я занята, зашиваю зомби.

— Точно.

Джули смотрит на Нору. Нора бросает на неё быстрый взгляд и сразу же отводит глаза.

— Я заметила, что ты проводишь много времени с одним из них, — продолжает Элла, заговорщически улыбаясь, но Нора не проглатывает наживку.

— Предполагаю, ты говоришь о Маркусе. С ним много работы. Шесть пулевых ранений и раздробленная челюсть.

Элла слегка разочарована.

— А где он сейчас?

— Хороший вопрос, — Нора смотрит на меня. — Где твой друг, Р?

На секунду я задумался. Как ответить на этот вопрос? Я помню долгий подъем во временный дом М, — он живет на верхнем этаже многоквартирной башни, — и ощущение,

словно ты пьян, потому что её фанерные стены раскачиваются на ветру. Я помню, как открыл дверь и увидел, как он заталкивает в рюкзак свои вещи: две белые футболки, охотничий нож, коробку карбтеина и стопку старых порножурналов.

— Я ухажу в поход на какое-то время, — сказал он, и я помню, что он уделял больше времени количеству и плавности слов, нежели их содержанию. Тогда мы только начали оживать, появилась возможность говорить, и от этого кружилась голова. Мы часами могли сидеть в его комнате и произносить слова, соревнуясь в длине предложений.

— Куда? — спросил я. У меня земля ушла из-под ног.

— Пока не знаю. Просто нужно уйти. Побывать одному. То, что происходит... — он постучал пальцем по лбу. — Причиняет боль.

Я знал, о чем он говорит, хотя ко мне это не относилось. М, как и большинство оживающих Мёртвых, вспоминал прежнюю жизнь. Медленно, маленькими шажками осколки его старой личности проникали в новую, сливались, объединялись и дезориентировали. Некоторые не могли это пережить. Один бросился с крыши Стадиона, крича: «Отцепитесь от меня!», второй убежал в город и пытался примкнуть к «совсем мёртвым», которые зверски отвергли его. Третий просто застрелился. Я слушал эти рассказы как сказки. Я по-прежнему чистый лист, на котором пишет только Джули, и хочу, чтобы всё осталось как есть.

— Удачи, — сказал я, когда М выходил за ворота Стадиона, и он обернулся. М, которого я знал, толкнул бы меня в плечо. Но этот обнял меня. Может, изменения в нём сделали его сентиментальным, а может, это было особенное прощание. Теперь снаружи всё кишит хищниками — людьми, животными и прочими — и «поход» довольно популярный способ самоубийства.

— Увидимся, — бросил он через плечо и вышел в город. И я надеялся — и продолжаю надеяться — что он имел в виду то, что сказал.

— Он ушёл в поход, — говорю я Элле, пока Нора и Джули выжидающе на меня смотрят. Элла потрясена, поэтому я быстро добавляю:

— Он вернется.

— Посмотрим, — говорит Нора.

Элла кивает и медленно опускает глаза.

— Должно быть это очень тяжело... возвращаться. Мне сложно представить, через что вам приходится пройти.

— Когда ты начнёшь проходить *свой* квест? — тихим голосом спрашивает Нора. — Разве тебе не нужно уйти в лес и встретиться со своими прошлыми жизнями? Все это делают.

Я смотрю в пол и раздумываю, как бы поскорей закончить этот разговор.

— Я не хочу вспоминать прошлые жизни.

— Почему нет? — спрашивает Элла.

Джули поднимает брови, смотрит на меня и ждёт. Мы уже говорили об этом раньше, и она всегда была деликатна. Она не заставляет меня начать новую жизнь, но и не препятствует старой.

— Потому что я хочу эту, — выдыхаю я, зная, что эта фраза потеряла своё очарование.

Я жду, что Нора поднимет меня на смех, но она все так же стоит, скрестив руки, смотрит на меня, и я не могу прочесть эмоции на её лице.

— Это мило, — говорит Элла. — Но ты не будешь против мудрого совета пожилой

женщины?

Я пожимаю плечами.

— Нельзя быть человеком без прошлого. У всех людей оно есть.

Нора открывает рот, потом закрывает и смотрит в пол. У неё есть мнение по этому поводу, и я его еще не слышал, но, кажется, её вывели из разговора. Мне хочется того же. Джули смотрит на меня. Она хочет увидеть, как я выпутаюсь.

— ТЕСТ, — Россо трижды стучит по микрофону, по залу разносится фоновый визг. — Он включён?

— Боже, — Джули затыкает уши. — Он что, глухой?

— Всё к тому идёт, — говорит Элла. — Я всё время говорю ему, что он уже очень стар, и прошу передать дела Эвану...

— Нет, нет! — перебивает Джули. — Пожалуйста, только не Эвану.

— Ну, он второй по званию.

— Я думала, званий больше не дают.

— Лоуренс их не любит, но нам нужна структура руководства. Все так говорят.

— Тест, тест, — говорит Россо вслед за визгом микрофона.

— Он включён! — кричит Джули, повернувшись в сторону выхода. — Сделай потише, ты, грёбанный металлист!

Элла хохочет. Смех превращается в кашель, и она кашляет дольше обычного. Джули трогает её за плечо.

— Эй... ты в порядке?

— Всё нормально, — отвечает Элла, глубоко дыша. — Это старость.

Джули смотрит, как её приемная бабушка вытирает губы, и не отпускает её плеча.

— Неужели было очень громко? — удивляется Россо, входя в комнату. — Оттуда не понять. Наш звуач полный отстой.

Элла поднимает голову.

— Ты не подозревал, какое шоу тут устроил? Пожалуйста, скажи, что ты не настолько стар, насколько глух.

— Ладно, достаточно, — Россо закатывает глаза и бросает на меня взгляд, говорящий: «Женщины». Поразительно, насколько это меня радует. Я пытаюсь мимикой выразить братское сочувствие, но вместо: «Я понимаю тебя, брат» у меня получается что-то вроде: «У меня запор».

— Может, я стал несколько хуже слышать, — говорит жене Россо. — Десятки лет стрельб и тяжелого рока сделали своё дело, но это не самое страшное, что может случиться с мужчиной в возрасте, так что отстань.

Элла хихикает. Я рассматриваю этих двух пожилых людей и спрашиваю себя, что они делали не так. Возраст не сломал их, как это бывает с большинством. Россо не такой здоровый, как его жена, он плохо видит и слышит, у него редкие волосы и неповоротливые суставы, но душа у него гибкая, как у Эллы. Я помню, как он смотрел на меня у входа на Стадион, когда Джули умоляла его поверить нам; как он открыл ворота и впустил меня, прекрасно понимая, кто я.

Он не подвержен предрассудкам, как большинство мужчин помоложе. Он всё еще живёт.

— Тебе правда нужен микрофон? — спрашивает Нора. — Здесь обычно бывает всего несколько дюжин человек.

Россо выглядит обеспокоенным.

— Сегодня... ожидается больше народа.

Наступило молчание. Пока мы раздумывали, спросить сейчас или подождать официального объявления, дверь с грохотом открылась и народ повалил.

— Насколько больше? — спрашивает Нора, когда вестибюль заполняется.

— Все.

Россо кивает знакомым лицам, пожимает несколько рук — президент рабочих в запачканном комбинезоне.

— Эээ... Нас двадцать тысяч человек, — говорит Нора. — Зал вмещает пару сотен.

— Мы установили микрофоны в системе оповещения Стадиона. Участвовать будут только представители, но слушать смогут все.

Джули выглядит испуганной.

— Это так важно?

— Всё важно. Мы все вместе живём здесь, каждый заслуживает знать, что происходит. Мы больше не будем проводить закрытых собраний. Все видели, к чему это ведёт.

Наша четвёрка выжидающе смотрит на него, и он немного смягчает тон.

— Но да. Это важно.

— Опять конец света? — Джули выдавливает слабую улыбку.

Россо смотрит на неё с каменным лицом, раздумывает над ответом с пугающей серьёзностью.

— Извините, — говорит он и исчезает в толпе.

МЫ

МЫ ПЛЫВЁМ под городом сквозь почву и камни и смотрим вверх на фундамент небоскребов. Они возвышаются как восклицательные знаки, возвещающие о господстве человека, в конце речи, казавшейся длинной и выразительной. Её писали тогда, когда мы вышли на поверхность, но теперь она больше похожа на лепет ребёнка.

Мы любим этого ребенка с его слюнями и какашками. Он наш, он — это мы, и мы хотим его вырастить.

Поэтому мы движемся вверх, к городу. Мы скользим под ним, проплываем сквозь бесчисленные могилы, движемся от огромных кладбищ к маленьким захоронениям, бережно хранящим семейные кости.

Сегодня мы чувствуем напряжение в земле, сейсмическую активность, которая говорит нам продолжать двигаться, наблюдать, собирать всю информацию, которую можем.

И мы слышим голос.

«Это майор Эван Кёнерли, Стадион. Вызываю Купол Голдмэн, пожалуйста, ответьте».

В большинстве своём паутина проводов под городом неактивна — линии связи между вышками замолчали. Но одна из них — старая кабель, прокинутый через город как детский телефон из консервных банок, — всё ещё пытается работать.

«Купол Голдмэн, пожалуйста, ответьте».

Мы следуем по проводу за этим встревоженным голосом. Мы пересекаем расстояние между одним городом и другим, проплываем под окруженной стенами улицей — Коридором, под ногами строителей, торопящихся по домам. Сигнал выходит из-под земли и оказывается в глубоком подвале Купола, где останавливается. Кабель перерезан. Голос Эвана Кёнерли рассеивается среди окружающих электронов.

Мы оказываемся в тёмной комнате. Трогаем треснувшие почерневшие стены и кучи обгоревшего мусора. Бегло прочитываем страницы её истории: десятки людей кричат в телефонные трубки, проводят унылые сделки, затем планируют нападение и оборону, оборону и нападение... а потом всё. Книжки обрываются на полуслове.

Здесь не написано ни одной страницы о чем-то Высоком, только кипы и кипы печальных документов, антологии счетов-фактур в бежевых пластиковых папках... Что-то движется в стенах вокруг нас. Тяжелые массы гнусных фантазий, образующих вмятины в тонкой оболочке мира.

Нам не хочется здесь находиться. Нам не хочется собирать эту информацию.

Мы ныряем назад в толщу земли, где уютно и хорошо, и мчимся по кабелю к другому концу, в надежде прочесть более светлые книги.

Город это, анклав или просто семья в палатке — мы любим любое скопление разумов. Даже одна голова — это сокровище, а массовое сознание порождает опыт, восприятие, историю — бьющееся сердце в мёртвом мире.

Мы выходим из-под земли в центре Стадиона, и нам кажется, что многое здесь нам знакомо.

«Ах, да, — шепчут некоторые из нас и передают это чувство остальным. — Эти улицы».

Это место».

Мальчик, которого зовут Уолли, стоит во дворе с собакой, которую зовут Бадди.

Оба смотрят на громкоговоритель, висящий на столбе около их дома. Они слушают музыку? Нам бы очень хотелось послушать музыку. Мир не был таким тихим с самого каменного века. Нет, это не музыка. Пожилой мужчина обращается к толпе. Его голос такой же встревоженный, как у Эвана Кёнерли.

«Для тех из вас, кто слушает снаружи. Это офицер Лоуренс Россо, которого вы знаете как Генерала. Я говорю с вами из зала заседаний общественного центра.

Надеюсь, вы хорошо меня слышите, поскольку мы впервые...»

Микрофон фонит и визг эхом разносится по Стадиону. Щенок по имени Бадди прижимает уши.

«Простите, ребята. Боб, можешь сделать потише?»

Мальчик, которого зовут Давид, выходит из соседнего дома, и собака, которую зовут Трина, бежит поприветствовать Бадди.

«Привет, Уолли», — говорит Давид.

«Ш-ш-ш», — говорит Уолли, не поворачиваясь.

«Проверка. Проверка. Сейчас лучше?»

Мари, сестра-близняшка Давида, выходит следом за ним. С тех пор, как их клетки отделились от клеток матери и начали формироваться тела, прошло шесть лет и девять месяцев. С того момента, как у Давида стерлись воспоминания о чреве матери и темноте, что была до этого, боль рождения и сложность формирования разума, прошло два года. Мари еще помнит это, поэтому она смотрит на всё окружающее как гость, изучает странный мир, но очень скоро она сдаст эти страницы в Библиотеку, а мы будем ими наслаждаться, пока она пишет новые.

«Что происходит?» — спрашивает друга Давид, пока собаки обнюхивают друг друга.

«Разве твоя мама не говорила?» — спрашивает Уолли. — «Сегодня большое собрание. Все могут послушать, даже дети. Поэтому заткнись».

«Итак», — говорят динамики, и дети смотрят вверх. — «Думаю, мы всё исправили, поэтому сейчас я попрошу всех отложить работу, убрать молотки, засунуть детям соски и послушать».

Мари пристально смотрит на черный громкоговоритель. Она видит вибрирующую трубку бумажного конуса, пульсирующую, как биение сердца. Воспоминания проносятся в её голове в последний раз и исчезают. Прозрачный розоватый свет её предыдущей жизни гаснет. Она здесь, на Земле, босиком в грязи. Она слушает.

Я

— ВЫ ВСЕ ВИДЕЛИ вертолёты, — говорит в микрофон Россо, пока звуач Боб жуёт сэндвич в задней части комнаты. — И рано утром некоторые из вас видели колонну грузовиков. Это не наш транспорт, и понятно, что Голдмэну он тоже не принадлежит.

— Какого хрена, кто еще здесь появился? — раздается громкий голос из толпы. Микрофоны на потолке делают его еще громче.

Россо поправляет очки, высматривая говорившего.

— Мистер Болт. Вопрос правильный, но я хотел бы напомнить вам, что мы вещаем на весь Стадион. Давайте разговаривать культурным языком.

— Простите, ребята, — кричит мужчина в микрофоны на потолке. — Дядя Тим облажался!

Светлые волнистые волосы. Загар, руки в татуировках, чёрная борцовка.

Выдающаяся щетинистая челюсть и самодовольная усмешка. Я помню этого парня. Однажды я разбил ему об стену голову. Видимо, его не убил... наверное, это хорошо.

— Отвечая на ваш вопрос, — нарочито сдержанно отвечает Россо. — Мы не знаем, кто это. Мы мало что знаем. Генерал Гриджио... не ставил разведку в приоритет.

Когда он вспоминает своего друга, его тон ненадолго перестает быть официальным.

— Мы не направляли разведчиков за пределы Каскадии уже семь лет.

Путешественники встречаются редко, их доклады недостоверны. Даже Альманах, кажется, больше не печатают.

— Вот херня, — говорит Болт, скрещивая на груди руки с наколотыми на бицепсах пистолетами. — Нам нужно узнать, кто это. Врагов надо знать в лицо!

— Раз они не из наших, значит, сразу враги, — бурчит Джули себе под нос.

Я, Нора и Джули стоим у стены отдельно от толпы. Девушки не являются официальными представителями, они здесь находятся в качестве «консультантов», поскольку близко знакомы с нежитью: в случае Норы это — Морг, а в случае Джули...я.

А я? Почему я нахожусь в этой комнате? У меня нет ни звания, ни работы, а процент людей, который считают, что меня надо расстрелять, примерно равен пятидесяти. Россо говорит, что у меня есть важное задание. Мне бы хотелось, чтобы он выразался конкретнее.

— Итак, мистер Болт, — говорит он. — Если вы сможете найти и отключить генератор ВАВЛ, я с удовольствием отправлю по национальным вещательным средствам сообщение для наших врагов — пусть назовут себя. А пока мы — узенький круг света на темной сцене.

Болт злится, но ничего не отвечает.

— А что говорят в Голдмэне? — спрашивает Джули. — Они что-нибудь знают? Россо колеблется.

— Мы пытались с ними связаться...

Ещё одна пауза. Наверно, он внезапно пожалел о том, что решил сделать заседание открытым.

— Кажется, связь со штаб-квартирой Голдмэна потеряна.

По комнате проносится волна испуганного шёпота, и мне кажется, что я слышу, как она разносится по улицам снаружи.

— Так вот оно что! — говорит Болт, вскакивая. — Они вторглись в Голдмэн! Это грёбаная война!

— Для тех, кто слушает нас снаружи, — вздыхает Россо. — Очевидно, мистер Болт перевозбуждён.

— Очевидно *что*?

— Сядь, Тим. Может, это вторжение, а может, и нет. Пока мы разговариваем, разведчики уже на пути к Куполу.

Болт вопросительно смотрит на Кёнерли и тот кивает. Болт преувеличенно медленно садится на место, всем видом демонстрируя мрачную усталость.

— Может, это церковь Огня? — спрашивает мужчина из толпы.

— Вторгаться не в их правилах, — отвечает Россо. — Они разрушают города, а не захватывают власть.

— А если это Ополчение? — спрашивает пожилая женщина.

— Они уничтожили друг друга во время Поглощающей войны. Выжившие погибли в Конфликтах Районов. Насколько мы знаем, в Америке не осталось группировок национального масштаба, — он прочищает горло. — Но как я уже сказал... мы не многое знаем.

Комната погружается в тишину. Все оглядываются, надеясь, что у кого-нибудь еще есть вопрос или предложение, которые разрядят обстановку.

Элла стоит в третьем ряду с конца.

— Допустим, это вторжение. Допустим, они захватили Голдмэн, и мы следующие. Кем бы они ни были. Группировка, у которой есть вертолеты, которая, *возможно*, огромна, и у которой теперь есть ресурсы Голдмэна. Если они хотят заполучить Стадион... мы правда хотим за него сражаться?

— Конечно, мы хотим сражаться! — Болт визжит, словно его оскорбили. — Какого хрена нам еще делать?

— Уйти? Отправиться куда-нибудь еще и попробовать что-то новое? Как сказал Лоуренс, снаружи дикая местность. Там могут быть плодородные земли и пресная вода. Там могут быть прекрасные места для проживания, за которые не с кем воевать. Зачем жертвовать нашими жизнями ради бетонной коробки?

— Потому что снаружи этой коробки *они*, — говорит Болт, и я вздрагиваю, когда замечаю, что он показывает пальцем на меня. — Да, долговязый ублюдок. Думаешь, я тебя забыл? — он снова встаёт, Россо опять вздыхает. — Я не забыл, а что насчёт остальных? Вы забыли про этот гнилой кусок дерьма и про остальных пожирателей плоти, которые ошиваются рядом с вашими домами? Это «лекарство» полная фигня... — он тычет пальцем в мою сторону. — Полная фигня!

Нора сдерживает смех. Джули смотрит на него с ненавистью.

— Ночью, перед тем, как они все «превратились», или как вы хотите это дерьмо называть, этот грёбанный трупак чуть не убил меня и моих корешей. Потом он ушёл и *сожрал* одного из наших ребят. А теперь он стоит здесь, в нашем грёбаном зале заседаний, как грёбанный почетный гость!

По толпе проносится одобрительный ропот. Я чувствую четыре сотни глаз, которые уставились на меня, как лазерные точки на лбу. Должен признаться, он прав.

— Я тоже бы хотела тебя «чуть не убить», — Джули отталкивается от стены и шагает вперёд. — Я знаю многих, кто хотел бы того же. И что?

Я кладу руку ей на плечо, но она этого не замечает.

— В ту ночь произошло много всякой дряни, — продолжает она. — Р убил Крауса, потому что Краус хотел убить его. В этой ситуации любой из присутствующих сделал бы то же самое. *Это случилось.* Так что давайте забудем тот факт, что он убил парня, и сосредоточимся на том, что он — *зомби, который излечивается!*

— Как? — кричит кто-то из толпы. — Как он это делает?

— А что насчет остальных? Как далеко распространяется лекарство?

— Откуда нам знать, что это навсегда?

— Послушайте все, — говорит Россо, но толпа доходит до точки кипения.

— А если мы покинем Стадион, а они начнут превращаться обратно?

— Да, вдруг это уловка?

— Уловка? — недоверчиво переспрашивает Россо. — Ладно, это...

— Мы не знаем о них ничего!

— А что, если они притворяются?

— А вдруг они...

— Народ! — кричит Россо, и сразу же оглушительный визг фонащего микрофона заставляет всех замолчать и закрыть уши руками. Звукорежиссёр Боб подмигивает Россо и показывает ему большой палец.

— Народ, — вздыхает Россо, опуская микрофон. — Это правильные вопросы... некоторые из них. Но на них может ответить только один человек в этой комнате.

Я разглядываю толпу, задаваясь вопросом, кто этот таинственный гений.

— Если вы будете так любезны и заткнётесь ненадолго... — Россо смотрит в мою сторону. Нет. Он смотрит на меня. Он протягивает мне микрофон. — Мистер Р? — говорит он мне. — Вы можете внести ясность в текущее состояние дел?

Фигура Россо расплывается у меня перед глазами. Вместо него я фокусируюсь на разрисованной стене Макдональдса у него за спиной. На клоуне, его маленьких черных глазках. На его размазанных красных губах. На непостижимой анатомии Майора МакЧиза.

— Р, — шепчет Джули, толкая меня вперед. Я поднимаюсь на сцену и пристально смотрю на микрофон. Его черное дуло направлено прямо на меня. Я смотрю на микрофон...

— Р? — приглашает Россо, поднося его ближе.

Я беру его.

— П-привет, — говорю я. Я редко пользуюсь своим голосом, поэтому когда он усиливается и разносится эхом, у меня вытаращиваются глаза. Когда я представляю, как он разносится по Стадиону и меня слышат двадцать тысяч пар ушей, то просто челюсть роняю.

— Приготовьте оружие, ребята, — хихикает Болт. — Кажется, он опять превращается.

Я отвожу взгляд от недоверчивых лиц в толпе и смотрю на Джули. На её лице смешалось столько эмоций — страх, упрямство, легкое раздражение. Но главное, что я и хотел увидеть — это любовь. Джули любит меня. Она верит в меня больше, чем я сам. И она хочет, чтобы я говорил.

Мои губы касаются микрофона. Меня бьет электрическая искра, и я отшатываюсь назад, удивленно потирая губы.

— Это *больно*, — нечаянно бормочу я вслух.

— Прости, что? — говорит Болт, поднося ладонь к уху. Я поднимаю глаза и торопливо говорю:

— Я не могу ответить на ваши вопросы.

Не лучшее начало для грандиозной примирительной речи. Болт смеётся и показывает большие пальцы.

— Я хочу сказать, что... всё, что я знаю, это... — мои мысли скачут в поисках подходящих слов, объясняющих то, что я и сам не понимаю. — Я не знаю, что... излечивает нас, оно... у каждого своё, но для меня... Я решил... Я хотел быть... Я просто попытался...

Мои губы складываются в слабое «О» и застывают в ожидании следующего слога, но ничего не выходит. Мой взгляд метнулся к Джули. Она бы не могла ожидать от меня чего-то большего. Много раз мы обсуждали тайну излечения, но ни до чего не додумались. Даже она с её ничем не сдерживаемой артикуляцией не смогла бы объяснить это. Но Джули по-прежнему выглядит разочарованной. Такой момент — я на сцене, мне даётся шанс оправдать себя и своих бывших мёртвых приятелей перед всем Стадионом, но мой язык бессилён.

— Ну вот и ответ, ребята! — говорит Болт. — Теперь, когда зомби все нам объяснил, пойдёмте снесём наши стены и будем танцевать на грёбаном лугу.

Россо поднимается наверх, трясая головой, и берет у меня микрофон.

— Ладно, давайте честно, — говорит он, указывая на Болта. — Кто избрал этого человека? Кого ты представляешь, Болт?

— Улицу Двадцати одного яйца, сучки! — говорит он излишне подчёркнутым баритоном, и где-то снаружи я слышу гиканье толпы.

— Это улица Петуха, идиот, — говорит Джули. Россо закрывает рукой лицо.

— Я думал, мы это уже прошли, — говорит он себе в руку, так что микрофон не может уловить сказанное. — Я думал, мы перевоспитали хамов.

— Что-что, Ларри? — Болт снова подносит к уху ладонь. — Я старею, и мой слух уже не такой, как раньше.

— Блаженны глухие, — Россо бормочет себе под нос. — Ибо шумные наследуют землю.

Я слышу, как меняется акустика в помещении, поскольку Боб пытается настроить громкость под тихий голос Россо. Будучи «профессионалом», он увеличивает громкость микрофонов в зале, вместо сцены, и становится слышен каждый звук в толпе: скрип кресел и зубов, тяжелые вздохи. Я приготовился оглохнуть, когда Болт заорёт снова, но пока он втягивает воздух, чтобы начать кричать, появляется любопытный звук.

Три музыкальных ноты, за которыми следует участливый мужской голос:

«Спасибо, что дозвонились в Соединённые Штаты. Если на вас или ваш город произошло нападение, пожалуйста, повесьте трубку и свяжитесь с местным ополчением».

— Чё за хрень? — говорит Болт, и его голос грянул так, что он сам съежился. В колонках появляется низкий угрожающий гул.

— Выключи, Боб, — говорит Россо. Боб отключает аппаратуру и комната погружается в тишину.

«Пожалуйста, прослушайте варианты...»

Звук идёт из вестибюля. Россо спрыгивает со сцены и продирается через толпу, с неожиданной силой отпихивая Болта. Я обхожу сцену, чтобы присоединиться к Джули и Норе — они, как и все, в полном недоумении — и мы идём в вестибюль следом за Россо.

«Чтобы получить военную помощь, нажмите один. Чтобы сообщить о превышении полномочий военными, нажмите два».

В углу вестибюля стоит стол справочной службы и старый черный телефон. Лампочка у линии с надписью «Голдмэн» мигает красным. Голос вперемешку с тихой музыкой —

успокаивающими аккордами синтезатора и редкими отзвуками саксофона идёт из телефонной трубки.

«Чтобы сообщить о новом поселении, нажмите три. Чтобы сообщить любую информацию о причинах заражения или его излечении, пожалуйста, повесьте трубку и позвоните в Национальную Службу Заражения «Ротлайн» по телефону 1- 803-768-5463».

Запись шипит и жужжит, громкость меняется волнами, как заезженная за десятилетия кассета. Это словно какой-то загадочный розыгрыш. Россо ошеломлён.

— Кто звонил на 800? — спрашивает Россо, но этот вопрос не адресован никому конкретному.

«Чтобы сообщить об угрозе для или от вашего регионального правительства, нажмите четыре. Если ваш штат пытается отделиться, и вы хотите запросить освобождение от карательных ударов, нажмите пять».

— Несколько часов назад я повторно звонил в Голдмэн, — говорит Кёнерли. — Линия была мертва, но я поставил на автодозвон.

— Как их линия поменялась на федеральную 800?

«Чтобы узнать, как избежать заражения, нажмите шесть. Для связи с оператором нажмите семь. Если вам просто хочется успокоиться, нажмите восемь для переадресации на ЛОТОС».

Голос затихает, остается только фоновая музыка, переходящая в ритм кубинской конги. Россо смотрит на Кёнерли, пожимает плечами и нажимает семь.

«По причине общенационального кризиса и резкого сокращения персонала время ожидания увеличивается. Примерное время соединения с оператором составляет 365 дней. Приносим свои извинения за задержку. Нам очень жаль».

— Даже не знаю, чего я ожидал, — говорит Россо. Он тянется к кнопке сброса вызова.

Раздается жужжание и отчетливый щелчок.

— Алло?

Рука Россо замирает над кнопкой.

— А... Алло?

— Кто это?

— Это Лоуренс Россо из Стадиона. Кто... С кем я разговариваю? Пауза.

— *Эта линия еще не настроена. Я не могу отвечать на вопросы.* Россо смотрит на Кёнерли, потом обратно на телефон.

— Это штаб Купола Голдмэн?

— Да.

— Могу я поговорить с Генералом Кинзой? Снова пауза.

— *В Куполе Голдмэн поменялось руководство. Мистера Кинзы больше нет с нами.*

— Что за новое «руководство»?

— *Эта линия еще не настроена. Я не могу отвечать на вопросы. В течение часа в ваше поселение придут пичмены, они будут представлять нашу организацию.*

— Что за ваша...

— *Они расскажут о нашей организации. Они придут в течение часа. Спасибо, что позвонили в Аксиому.*

Щелчок. Красная лампочка на телефоне гаснет.

Большая часть народа перешла из зала заседаний в вестибюль, но несмотря на огромную толкучку, в комнате стоит тишина. Россо смотрит на телефон, но его мысли где-то далеко. Я

смотрю на Джули и вижу на её лице такое же выражение.

Большинство лиц в комнате выражают обычное смятение и тревогу — у них бегают глаза, они заламывают руки, перешёптываются с соседями — но каждый четвёртый- пятый человек стоит в глубокой задумчивости, будто погруженный в детские воспоминания, и у всех этот странный мечтательный взгляд.

— Откуда я знаю это название... — Джули говорит очень тихо, почти шёпотом, и по тону её голоса я понимаю, что это не какое-нибудь приятное воспоминание вроде вкуса любимых конфет или первых ноток колыбельной.

А чувствую ли я тоже самое? Эту тревожную ностальгию? Нет. Я ничего не чувствую. Мягкая белизна моих воспоминаний настолько совершенна, что даже подозрительна. Как покрашенная дверь с надписью «ЭТО НЕ ДВЕРЬ». Какой-то новый уровень нечувствительности.

— Как по мне, так выглядит как грёбаное вторжение, — ворчит Болт, как будто у него иммунитет к заклинанию, которое всех поразило. — Я предлагаю встретить их у ворот со всем оружием, которое имеется.

— Мистер Болт, — мягко отвечает Россо. — Вы не офицер, так что, пожалуйста, заберите свою группу поддержки и возвращайтесь домой. Мы разберёмся.

Он возвращается в зал заседаний и говорит в микрофоны:

— Собрание окончено, ребята. Происходят... странные события, мы будем держать вас в курсе.

Люди в вестибюле начинают расходиться, тревожно переговариваясь. Болт демонстративно задерживается, но всё же в итоге уходит. Эван и несколько офицеров дожидаются Россо.

— За воротами одно подразделение, — говорит он им. — Вооружённое, но мирное. Я присоединюсь к вам через секунду.

Эван по традиции отдаёт честь — чем больше правительство уходит в историю, тем больше это становится анахронизмом — и они с офицерами выходят.

В здании осталось пять человек, и после бурлящего шума толпы общественный центр кажется призрачным. Нора крутит рукоятки настольного футбола. Маленькие голубые человечки быстро двигаются, но мяча там нет.

— Что это? — Джули обращается к Россо, который не отрываясь смотрит в пол. — Кто они?

— Аксиома *была* Ополчением... — Я слышу в этом многоточии более длинное и мрачное описание. Его голова мелко трясётся. — Но они исчезли. Их уничтожили много лет назад, когда ты еще была маленькой девочкой. Не может быть, чтобы они...

Элла смотрит на него, её горло медленно сжимается. Потом из её легких рвётся резкий влажный кашель, и она наклоняется вперёд, кашляя, хватая воздух и снова кашляя. Россо поглаживает её по спине.

— Где твои лекарства, Эл?

Кашель проходит, и она выпрямляется, дыша, словно пробежала марафон.

— Остались дома.

Россо бросает взгляд на дверь вестибюля, потом на меня, потом на Джули и Нору.

— Девочки, отведёте её домой и проследите, чтобы она приняла таблетки? Мне нужно идти к воротам.

Девушки кивают и берут Эллу под локти. Я следую за ними.

— Р, — говорит Россо. — Мне бы хотелось, чтобы ты пошёл со мной.

Я смотрю на Джули, потом перевожу взгляд на Россо, думая, что я ослышался.

— Пойти с вами?

— Да, к воротам.

Я стою в нерешительности.

— Зачем?

— Не знаю, зачем. Но я хочу, чтобы ты был там.

Я бросаю на Джули взгляд полный отчаяния. «Там» — последнее место, где мне хотелось бы быть. Я хочу вернуться домой, заделывать дыры и драить полы, сидеть рядом с ней на старом рваном диване, читать детские книжки, она помогала бы мне выговаривать слоги, смотреть, как она готовит омлет, а потом есть его, и говорить себе — это еда, это еда, люди — не еда, а вот *это* — еда.

Я хочу быть наедине с ней, а не с этой кучей шумных людей, которые обсуждают военные операции. Я только-только стал человеком. Мой уровень — книжки про Любопытного Джорджа. Я не готов к такому.

— Иди, — говорит Джули, но в её глазах читается беспокойство. — Я найду тебя позже.

Россо терпеливо ждёт. Он знает о моих страхах. Мы потратили множество вечеров на их обсуждение, сидели в его библиотеке и он давал мне советы. Но сейчас в его взгляде нет сочувствия, только решимость. Мужчина говорит мужчине, что должно быть сделано, и доверяет это дело ему.

Я хотел бы быть человеком. Я хотел бы быть частью этого мира. Хотя этот мир не уютный дом, а поле боя. Я думал, что у меня будет больше времени, чтобы подготовиться, но есть один урок, который я успел усвоить за свою короткую жизнь: ничего не происходит тогда, когда ты к этому готов. Ты говоришь жизни: «На счёт три!», а она делает на «два»...

Я отхожу от Джули и киваю Россо. Мы идем к Воротам.

СЕЙЧАС конец июля, и средняя температура колеблется около сорока восьми градусов. Несколько поколений человечество адаптировалось к новому климату, но, тем не менее, все на Стадионе обливаются потом. Моему разрушенному телу некогда было восстанавливать потоотделение — оно было слишком занято повторным изучением более важных функций, так что жара печет моё немаринованное мясо. На этот раз я благодарен Стадиону за его нагромождение трупов — пятиэтажки из заплесневелой фанеры и ржавого металла погружают в тень большую часть территории и остужают духовку до более приемлемых для жизни тридцати семи.

— Мне бы хотелось объяснить *понятнее* для тебя, — говорит Россо, пока наши ботинки чавкают по расплавленному асфальту. На самом деле улица — не более чем грубо вымощенная тропинка, слишком узкая, чтобы мы могли идти рядом, поэтому я иду следом за ним и могу только догадываться о выражении его лица. — Единственное, что я могу сказать: я верю, что ты важен.

Я ничего не отвечаю.

— То есть, ты *значит* что-то важное. Ты и такие же, как ты. И мне очень интересно понять, что же это.

Я по-прежнему молчу. Он оборачивается ко мне.

— Для тебя это чересчур? Я киваю.

Он улыбается и продолжает шагать.

— Извини. Я уверен, что ты и без меня достаточно натерпелся.

— Я не важный, — отвечаю я ему в затылок. — Я... бессильный.

— Почему ты так говоришь, Р?

Я не собирался вдаваться в подробности, но его мягкий искренний тон развязывает мне язык.

— Я не умею читать. Я не могу говорить. Пальцы меня не слушаются. Мои дети не перестают есть людей. У меня нет работы. Я не могу заниматься любовью. Большинство людей хочет меня убить.

Он хихикает.

— Никто не говорил, что жить легко.

— Но когда-нибудь станет легче?

— Нет, — он снова оборачивается ко мне. — Может, в твоём случае и будет немного легче. Но я бы на это не надеялся. День, когда решатся все твои проблемы — это день твоей смерти.

Мы проходим мимо теплиц — скоплений пятиэтажных парников с туманными облаками зелени, просматриваемой сквозь полупрозрачные стены. Из нижних этажей движется вереница рабочих, согнутых под тяжестью мешков со свежими овощами. Этими усилиями удаётся покрыть только треть продовольственных потребностей Стадиона. Приятное маленькое органическое дополнение к привычной карбтеиновой диете. Чем станут заниматься эти люди, когда исчезнут остатки старого мира? Лекарствами? Оружием? Никто не знает, как они делаются, да и ресурсов для их производства тоже нет. Наше поселение очень старается создать иллюзию самодостаточности, но, как и все остальные города и страны, которые нам предшествовали, оно рассчитывает на тысячи вен, качающих

кровь из внешнего мира. Что случится, когда сердце, наконец, остановится?

— Я верю в жестокую правду, — говорит Россо после недолгого молчания. — Но должен признаться, сейчас я сомневаюсь в том, что сказал.

— Почему?

Мы проходим мимо детского дома и смотрим в окна. Почти в половине из них одинокие детские лица. Ребяшки опираются подбородками на сложенные руки и разглядывают улицу, ища какой-нибудь намёк на то, что их жизнь может измениться.

— Когда-то давно у меня с одним молодым человеком состоялся похожий разговор.

Я замедлил шаг и немного отстал от него, но, кажется, он не заметил.

— У него была другая жизнь и другие проблемы, но он задал мне похожие вопросы, и я ответил ему то же самое, — он опустил глаза, рассматривая нескончаемый мусор под ногами. — Вскоре после нашего разговора он погиб, и я надеюсь, что это был его выбор. — Пивная банка. Гильза. Фрукт, сгнивший настолько, что его невозможно опознать. — Возможно, тебе не стоит меня слушать.

Я почувствовал тяжесть в желудке. Я не вспоминал Перри Кельвина очень давно. В моей новой жизни столько радостей и страхов, что очень легко забыть ту, которую я украл, чтобы получить её. Вкус его мозга. Буйство его воспоминаний. Его насмешливый голос в моей голове — мы были друг для друга проводниками, но не напарниками в некой внутренней экспедиции.

Россо идёт молча, наверное, ожидая ответа. Мне лучше было бы помалкивать как обычно, но он хороший человек, и у него тяжёлая жизнь. Я знаю кое-что, что его утешит. И неважно, каким ужасным образом я это узнал.

— Вы много значили для Перри, — говорю я ему. — И ваши советы тоже. Он оглядывается на меня.

— Всё к тому шло. Вы его почти переубедили. Но просто... было уже слишком поздно.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Россо, глядя прямо перед собой. — Я могу поверить, что Джули рассказывала тебе о нём... но не так много.

— Я... прочитал его книгу, — говорю я, раздумывая, как увильнуть от всей правды. — Которую он писал перед смертью.

— Я думал, ты не умеешь читать.

— Я... пролистал?

Россо делает еще несколько шагов, потом встряхивает головой.

— Я и не знал, что он писал книгу. От этого еще грустнее.

— Грустнее?

— Сдаться на середине пути. Оставить незаконченными столько дел... — его голос дрожит и стихает.

Перебор. Я знаю — нет объяснения тому, что я сейчас собираюсь сказать, но раз уж я подошёл к краю, надо прыгать.

— Он закончил её. В некотором роде. Он написал свою лучшую книгу... посмертно.

Россо замирает на середине шага, потом продолжает идти.

— Он не ушёл навсегда, — я слышу, как я говорю, но слова оказываются на языке минуя мозг. — Его жизнь закончилась, но не исчезла. Он всегда будет существовать.

Россо останавливается. Оборачивается. Если он спросит, что я имею в виду, я не смогу ответить. Но он просто смотрит на меня, и у меня возникает чувство, что он понимает, о чём я говорю, лучше меня самого. Он смаргивает лёгкую влагу с глаз, почти незаметно кивает,

разворачивается, и мы идём к воротам.

* * *

Когда-то это был вестибюль стадиона с киосками закусок, спортивных сувениров, вымпелов и свитеров, свисающих с балок, но следы пребывания шумной молодёжи давным давно стёрлись. Теперь вдоль стен стоят ящики с боеприпасами, автоматы высовываются в окошки для билетов в пуленепробиваемых стёклах, а вежливые маленькие автоматические двери заменены на стальные листы, которые почти ни для кого не открываются. Стадион вырос.

В ожидании Россо солдаты собрались у ворот. Они в замешательстве переглядываются, когда видят меня, плетущегося позади него. Россо кивает Тэду; Тэд отпирает задвижку и раздвигает двери, с визгом и гулом скользящие по направляющим. Я следую за Россо через проход, стараясь не замечать пристальные взгляды солдат.

Снаружи нет укрытия от жары. Солнце садится, но даже его косые лучи безжалостны, и воздух поднимается над асфальтом горячей маслянистой рябью. Солдаты выстраиваются за нами в шеренгу, потев в самодельной форме из несочетающихся между собой серых курток и рабочих брюк. Кёнерли носит несколько медалей. Интересно, может, они принадлежали его отцу? Ведь он слишком молод, чтобы заслужить их. А ещё мне интересно, он занимался своей фигурой, чтобы компенсировать шрамы от прыщей? А ещё, что бы он думал обо мне, если бы я не был тем, кто я есть?

— Сэр, — говорит он Россо. — Могу я узнать, зачем он здесь?

Россо прикрывает глаза ладонью и смотрит вдаль на соседние улицы.

— Вы кого имеете в виду?

Кёнерли дергает подбородком в мою сторону.

— Это не тайная операция, Майор, здесь жесты необязательны. Наверное, вы подбираете букву. **Оскар, Папа, Квебек**^[1]?..

Кёнерли кривит губы.

— Могу я узнать, зачем здесь Р, сэр?

Я жду, что Россо отмахнётся от него неопределённым: «Интуиция», но вместо этого он, не отрывая взгляда от города, произносит:

— Р здесь, потому что он беженец из мира, которого мы не понимаем. Я хочу узнать его мнение по поводу наших гостей.

— Что зомби может знать об Аксиоме, сэр?

Наконец Россо оборачивается, но теперь он едва сдерживает гнев.

— Аксиома была уничтожена в Конфликтах Районов, а их главари и штаб-квартиры похоронены в Восемь-Шесть. Мы с Джоном вернулись и сами убедились в этом. В моём кабинете есть фотография, на которой мы стоим у озера, где базировалось их маленькое королевство.

Пока он говорит, я начинаю чувствовать, как к горлу подкатывает тошнота.

Моя память подозрительно похожа на зашгукатуренный дверной проём, и я чувствую, как инфразвуковой гул поднимается откуда-то снизу и вырывается из трещин этой штукатурки.

— Аксиома погибла, — говорит Россо. — Она оставалась мёртвой почти десять лет. Но когда мёртвые снова начинают двигаться, я становлюсь суеверным. Будьте снисходительнее.

Он смотрит на меня, будто хочет убедиться, что я всё еще рядом, и я прихожу в себя. Несколько раз моргаю и киваю ему, хотя я не уверен в том, что это значит. Я соглашаюсь с чем-то? Мне бы хотелось ознакомиться с контрактом, который я подписываю.

— Они едут сюда, — говорит один из охранников, и я внезапно перестаю быть в центре внимания. Главная улица разделяет длинную прямую улицу через центр Убежища, ведущую к поросшим травой холмам за пределами города, и там, рядом с перекрестком, появляется черная фигура.

— Откуда они идут? — громко интересуется Кёнерли. — Голдмэн в другой стороне. Мы смотрим, как фигура появляется из оранжевой дымки заходящего солнца, постепенно обретая узнаваемую форму. Один невзрачный бежевый внедорожник без опознавательных знаков. Он выглядит, как самый дешёвый автомобиль из проката. Солдаты машинально хватают винтовки — они не собираются атаковать, но я вижу, как они сжимают пальцы на рукоятках. Что они сделают с посланниками?

Внедорожник подъезжает к Воротам и аккуратно паркуется между линиями, размечающими парковочное место — одним из сотен на почти пустой стоянке.

Передние двери открываются. Представители так называемой Аксиомы — «пичмены» — выходят из автомобиля.

Когда они приближаются, я чувствую, как под желудком начинает бурлить инфразвук, и слегка дребезжит «дверь» в моей голове.

На пичменах надета униформа. Они носят чёрные брюки. Серые рубашки.

Шёлковые галстуки — синие, жёлтые, чёрные. И улыбаются широкими, белоснежными как фарфор улыбками.

— Привет! — властным баритоном говорит один из них, парень в голубом галстуке. — Спасибо, что уделите время для встречи с нами.

— Всегда пожалуйста... — отвечает Россо далеко не приветливым тоном.

— Мы представляем филиал Аксиомы в Куполе Голдмэн, — говорит второй в жёлтом галстуке. Видимо, их организация не заботится о гендерных различиях в названии должности, потому что этот пичмен оказывается девушкой. Её каштановые волосы завязаны в аккуратный хвост, а макияж самый тяжёлый, который я когда-либо видел на девушке после апокалипсиса: ярко-красная помада и толстый слой тонального крема, отчего её кожа похожа на матовую резиновую перчатку. — Аксиома предлагает проверенные и надёжные решения проблем, — она говорит таким радостным тоном, что кажется, будто вот-вот рассмеётся. — Можем ли мы войти внутрь и рассказать, что для вашего Убежища может сделать Аксиома?

— Я полагал, что Аксиома развалилась восемь лет назад, — Россо сохраняет равнодушными тон и выражение лица. — Их вооружённые силы были уничтожены в Конфликтах Районов, а то, что от них осталось, погребено в Восемь-Шесть.

— Это верно, тогда выдался неудачный год, — мрачно отвечает Голубой Галстук. — Мы понесли большие потери и были на грани исчезновения.

— К счастью, — щебечет Жёлтый галстук. — Устои Аксиомы непоколебимы и глубоки. После небольшого перерыва и незначительной реструктуризации мы вернулись, и теперь мы лучше, чем были прежде. Можно мы войдём и расскажем об услугах, которые можем оказать?

— О каких услугах идет речь? — спрашивает Россо.

— Как вам известно, когда Аксиома взяла на себя руководство, шёл процесс слияния

Купола Голдмэн и Стадиона. Мы бы хотели продолжить это дело.

Россо и Кёнерли переглядываются. Я не знаю, чего они ждали от этой встречи, но я сомневаюсь, что... веселья.

— Можно мы войдём и расскажем о наших услугах? — повторяет Жёлтый Галстук.

Россо смотрит на меня, но я способен только нервно наблюдать.

— Мы всегда готовы к диалогу, — говорит он.

— Прекрасно, — говорит Жёлтый Галстук.

Задние двери внедорожника распахиваются, и появляются еще двое мужчин.

— А они кто? — напрягся Россо.

— Наши помощники, — кажется, Голубой Галстук удивлён вопросу. — Они будут помогать в слиянии.

Это бледные маленькие мужчины с рыхлой фигурой, одетые в белые рубашки с коротким рукавом и чёрные брюки. Они похожи на продавцов в магазине канцелярских товаров. Один из них несёт толстый блокнот, а второй небольшой металлический чемоданчик, который он вручает Черному Галстуку.

Кёнерли делает шаг вперёд.

— Что в чемодане?

Чёрный галстук невозмутимо смотрит на Кёнерли. Он самый высокий в группе и стоит позади остальных как телохранитель. Его взгляд равнодушный и безучастный. От щелкает замками и протягивает чемодан Жёлтому Галстуку, которая поднимает крышку и демонстрирует содержимое как приз в телеигре: стопку документов в бежевых папках.

— Наша презентация, — она одаривает Кёнерли терпеливой улыбкой. — Информационные брошюры, соглашения о слиянии, директивы и тому подобное.

— Мы знаем, как сложно в наше время доверять кому-то снаружи, — говорит Голубой Галстук.

— Мы придаём огромное значение прозрачности сделки, — говорит Жёлтый галстук.

Чёрный Галстук ничего не говорит.

Я вижу, как у Россо играют желваки — он готов сражаться за своё влияние. Снаружи всё выглядит мирно: пять невооружённых послов предлагают создание альянса, но если существует угроза, то она прячется за весёлыми и искренними глазами.

— Очень жарко, — говорит Жёлтый Галстук, вытирая совершенно сухой лоб. — Можно зайти внутрь и всё обсудить?

Взгляд Россо переходит от одного улыбающегося лица к другому, пытаюсь придумать отмазку, но ничего не выходит.

— Конечно, — говорит он и кивает Кёнерли. — Давайте обсудим.

Солдаты окружают посетителей, крепко держа в руках винтовки, и мы проходим через стальные двери.

БОЛТ ЖДЁТ нас внутри. Якобы просто болтая с Тэдом, он сидит достаточно близко к воротам, чтобы слышать всё происходящее. Он встает и, выпятив грудь, оценивающе разглядывает представителей Аксиомы.

— Привет! — кричит Голубой Галстук, махая рукой. В резком свете флуоресцентных ламп вестибюля я замечаю, что и на Голубом, и на Чёрном Галстукке тоже есть макияж, хотя меньше, чем на Жёлтом. Просто легкий слой тонального крема и пудры — словно защита от безжалостных объективов воображаемых телекамер. — Мы представляем филиал Аксиомы в Куполе Голдмэн, — говорит Голубой Галстук. — Мы здесь для того, чтобы закончить слияние.

— Капитан Болт, — осторожно отвечает он, протягивая руку. — Представляю улицу Двадцати Одного Яйца и прилегающие кварталы.

— Он — не капитан, — вздыхает Россо. — И это не улица Яиц.

Голубой Галстук избегает рукопожатия, вместо этого устанавливая зрительный контакт и кивая.

— Сейчас довольно отчаянное время, и полагаться на избранных представителей может быть рискованно, — говорит он с дружественной ухмылкой.

— Но мы с нетерпением ждём, когда сможем обсудить с вами различные варианты правления в будущем, — говорит Жёлтый Галстук. Она осматривает Болта с ног до головы, и её голос становится более высоким и женственным. — Кажется, у вас присутствуют все качества, необходимые лидеру. — Её улыбка больше не похожа на официальную. — Уверена, ваши люди уже выработали весь свой потенциал?

— Вообще-то нет, — кричит Болт. Его вывели из равновесия и он не знает, куда деть своё бахвальство.

— Аксиома всегда замечает потенциал, — говорит она кокетливым тоном. — Мы понимаем, насколько в наше ненадёжное время важны личные убеждения. Если ваше поселение решит сотрудничать с нами, будьте уверены — мы найдем для такого человека как вы, место, где он сможет блеснуть, — Её губы такие красные, что кажется, скоро начнут пульсировать. — Я надеюсь увидеть ваши способности в деле.

Она переключает внимание на Россо, и её голос снова становится сугубо профессиональным.

— Вы не будете против, если капитан устроит нашим помощникам небольшую экскурсию, пока мы обсуждаем слияние?

— Экскурсию, — повторяет Россо.

— Мы бы хотели бегло оценить активы вашего поселения, чтобы выбрать подходящие условия для слияния. Вы не будете против?

Россо смотрит на помощников. Смотрит на Жёлтый Галстук.

— Нет. Я думаю, что буду. Она поднимает брови.

— Я не поняла.

Это её первые слова, которым я поверил. Она как будто читает реплики по схеме, в которой не предусмотрен отказ.

— При всём уважении, — Россо держит нейтральный тон. — Устраивать «экскурсии» для агентов незнакомых вооруженных группировок не в наших привычках. Вы даже не

назвали свои имена.

Жёлтый Галстук кое-как натягивает улыбку.

— Если вы боитесь, что мы здесь для того, чтобы найти ваши слабые места, то позвольте мне вас заверить, здесь нет ничего сложного. Вы живете на спортивном стадионе. Здесь нет слабых мест, поскольку нет сильных. Вы просто люди в коробке, — она широко ухмыляется.

— Аксиома не заинтересована в захвате, — говорит Голубой Галстук. — Это расходует ресурсы и создает опасную напряженность в условиях разрозненности. Мы предпочитаем добровольное присоединение.

Лицо Россо по-прежнему каменное.

— Аксиома, которую я помню, не осторожничала во время своей экспансии. Помнится, она поглотила половину Нью-Йорка, и провозгласила себя новым правительством США, пока бог и несколько десятков армий не решили иначе.

— Ошибки случаются, — Голубой Галстук серьезно кивает Россо, как и тогда, когда он впервые упоминал о их истории. — Наша организация была очень напориста, и это привело к конфликтам. Но многое изменилось. Мы разработали стратегию для эффективного взаимодействия с самым разнообразным населением.

— Мы здесь для того, чтобы доказать вам, что можем принести пользу, — Жёлтый Галстук смотрит честными наивными глазами. — Мы здесь, чтобы помочь.

Чёрный галстук ничего не говорит.

Россо снова смотрит на меня, а мне снова нечего сказать, кроме того, что у меня есть непонятные опасения. Правда в том, что Жёлтый Галстук права — у нас нет никаких секретов, которые могут украсть шпионы. У нас нет стратегии обороны, нет кодов доступа. Двадцать тысяч напуганных и голодных людей в домах из мусора. Но Россо подводит черту:

— Ваши помощники могут присутствовать на переговорах, — говорит он, выдавливая слабую улыбку. — Но боюсь, сейчас экскурсии не проводятся.

Пичмен смотрит на Россо. Флуоресцентные лампы гудят, как рой пчёл.

Жёлтый Галстук улыбается всеми зубами.

— Я рада, что мы нашли компромисс, — в её голосе нет ни следа раздражения. — Мы можем начать презентацию?

Россо указывает на ближайший обеденный стол.

— Присаживайтесь.

Голубой Галстук смотрит на стол, потом на залитый солнцем коридор, ведущий в Стадион.

— Мы бы предпочли более безопасное место. Россо разводит руками.

— Боюсь, здесь так же безопасно, как и везде. Как вы справедливо заметили, мы просто люди в коробке.

— Наверняка у вас есть место, где вы можете посоветоваться вдали от ушей граждан.

— У нас было такое место при предыдущем лидере, но мы его больше не используем. Мы перестали скрывать от людей события, которые могут на них повлиять.

Синий Галстук несколько раз моргает, не переставая улыбаться.

— Так не делается.

— Вы сказали, что «придаёте большое значение прозрачности сделок».

— Просим прощения за некорректное выражение, — говорит Жёлтый Галстук. — Мы имели в виду относительную прозрачность.

— При всём уважении... — он замолкает. — Извините, но я всё ещё не знаю ваших имён.

— Мы представители филиала Аксиомы в Куполе Голдмэн, — отвечает Жёлтый Галстук. — Мы ценим ваше терпение. Но нам нужно ознакомиться с вашими потребностями.

— Вы что, меня *не слышите*? — перебивает Россо. Его глаза начинают метать искры. — Я спрашиваю ваше *имя*...

— Боюсь, ваше отношение может отрицательно повлиять на итоги этой встречи, — влезает Голубой Галстук, внезапно повышая тон. Улыбка сползает с его лица.

Россо закрывает рот. Пичмены были такими любезными, что было легко забыть о вертолётах, колоннах грузовиков и фразе «поменялось руководство». Но изменение в поведении Голубого Галстука внезапно напомнило всем о серьёзности ситуации.

— Поскольку наши материалы деликатного характера, — глубоко извиняющимся вежливым тоном говорит Жёлтый Галстук, — в настоящее время мы не можем проводить презентацию публично. Если вы сможете принять нас в приватной обстановке, — её улыбка появляется как солнце из-за туч, — мы будем очень рады поделиться планами развития вашего города и всего региона Каскадии.

Россо смотрит на Кёнерли. Лицо Кёнерли блестит от пота, а пальцы сжимают автомат — но ведь это всего лишь три психа в цветных галстуках. Какой бы не была реальная угроза, она прячется в тени позади них.

Кёнерли кивает.

— Мы проводим вас в наш командный пункт, — говорит Россо, и, поколебавшись, добавляет:

— Но только вас троих. Ваши «помощники» ждут снаружи.

— Наши помощники ждут снаружи, — слишком легко соглашается Жёлтый Галстук.

Помощники разворачиваются и выходят через ворота, безразличные к своему внезапному «увольнению». Болт смотрит им вслед и хмурится, бросает взгляд на Жёлтый Галстук, потом на Россо.

— Я присмотрю за ними, — он говорит преувеличенно громко, как плохой актёр, и следует за мужчинами наружу.

Но Россо его не слышит. Он мрачно вглядывается в пичменов, словно проигрывает в голове неприятные сценарии. Не говоря ни слова он шагает в ближайший коридор, и пичмены следуют за ним по пятам. Мрачный тоннель ведёт к дневному свету, и, хотя небо уже тусклое и фиолетовое, а воздух становится прохладным, я чувствую влагу на ладонях.

Наконец-то я научился потеть.

* * *

Я плетусь за солдатами и наблюдаю, как ноги пичменов в тяжелых чёрных сапогах, несочетаемых с их деловыми костюмами, месят липкий асфальт. Впереди в мрачном молчании идут Россо и Кёнерли. Они ведут странных незваных гостей в самое сердце Стадиона, и хотя они не вооружены, но кажется, будто из леса, из засады, на нас смотрят оружейные дула. *Возьми эту лопату. Начни копать.*

И всё же я считаю, что это не страх. Это потеря. Ностальгия по чему-то, чему я не могу дать название. Я отвлекаюсь от мыслей о переговорах и переключаюсь на улицы и дома

вокруг. Ненавижу этот город. Мне бы хотелось, чтобы мы больше в нём не нуждались. Но здесь живут люди, которых я люблю. Он покрыт отпечатками их пальцев. Я думаю о старой спальне Джули, цветных стенах и картинах — всплесках её эмоций, висящих рядом с мастерами форм Дали и Пикассо. Я думаю о Норе и её детском доме. Она старше некоторых родителей, но отказалась получать собственную квартиру и осталась мамой для трёх этажей испуганных сирот, в чьи лица она смотрит, как в зеркало. Я думаю о доме Россо, где Элла с молодыми женщинами болтают на кухне, пока Лоуренс сидит у огня и читает хрупкие страницы каких-то старых книг, добавляя в свою и без того обширную внутреннюю библиотеку новые знания.

Я думаю о них и представляю, как всё рушится. Гусеницы танков перемалывают картины и книги. Дети бегут по смятым листам стали и тлеющей фанере. А я стою в центре города и выкрикиваю имена сквозь облака обломков.

Моя рука рефлекторно дергается — я лезу в карман за телефоном, которого нет. Даже если бы он там был, то всё равно бы не работал. Космос бороздят мёртвые спутники. Земная атмосфера хранит молчание, укутанная в такой плотный туман помех, что в нём потеряются даже почтовые голуби. Большинство старых наземных линий связи давно оборвано, и человечество вернулось во времена Бронзового Века: изолированные племена вглядываются в мир теней.

Но мне необходимо поговорить с Джули. Мне нужно слышать её голос и знать, что она всё еще настоящая, а не прекрасное начало страшного сна.

— Можно я возьму твою рацию? — шепчу я солдату, идущему рядом. Он выглядит очень удивлённым.

— Зачем?

— Мне нужно... позвонить моей девушке.

Он колеблется, обдумывая эту глупость, но потом протягивает мне свою рацию. Эти устаревшие устройства стали ценным товаром, который разделили между всеми, и обычно Джули носит её с собой. Как правило, у меня нет срочных сообщений, поскольку я целыми днями занимаюсь работой по дому, огородом, пытаюсь завязать разговор с молчаливыми соседями, сражаюсь с невидимым врагом и просто жду, когда что-нибудь произойдёт. Хотя... сейчас что-то происходит.

Я набираю частоту Джули и нажимаю кнопку разговора. Вздрагиваю от визга шумов, но держу устройство близко к лицу и шепчу:

— Джули?

Я слышу очередь помех, напоминающих слова, но интонация перемешивается с шипением, лишая их смысла.

— Ты меня слышишь?

Опять шум. Ещё один всплеск помех. Мы словно находимся на разных планетах, хотя нас разделяет всего несколько кварталов.

Я возвращаю рацию солдату и обреченно шагаю дальше.

— Размеры вашего поселения впечатляют, — обращается к Россо Жёлтый Галстук, разглядывающая каждое здание. — Если вы решите присоединиться к Аксиоме, то станете важным членом нашей семьи.

— Могу я узнать, — говорит Россо, — чисто гипотетически, какими будут наши отношения с Куполом Голдмэн, если мы решим *не* присоединиться?

Голубой Галстук делает серьёзное лицо.

— Мы живём в очень опасное время. Мир полон насильников, серийных убийц, педофилов, террористов и монстров, которые хотят съесть ваших родных.

— Аксиома предлагает защиту от всего, — говорит Жёлтый Галстук. Чёрный Галстук ничего не говорит.

Россо смотрит в их честные глаза и мрачно усмехается.

— Тогда ладно. Благодарю за разъяснение.

Я вижу, как приближается дверь оружейного склада в конце Оружейной улицы. Большинство дверей в Стадионе сделаны из хрупкой фанеры, которые открываются одним сильным пинком, но эта почти такая же прочная, как главные ворота. Ширина стального полотна позволит свободно проехать армейскому Хаммеру, но по сравнению с бетонными стенами вокруг него, двери выглядят ничтожно маленькими. Это единственная дверь с замком на Стадионе.

Россо вставляет ключ. Кёнерли делает шаг вперёд, чтобы помочь ему отодвинуть тяжёлую дверь, но Россо отмахивается от него и открывает её с легкостью. Это меня немного успокаивает. Его животик и очки — это маскировка. Он прошёл больше войн, чем большинство мужчин смогут вспомнить, и под его морщинистой кожей прячется стальной стержень. Может быть, у него есть план.

Пичмены идут следом за ним во внутренний коридор. Наверное, он был предназначен для проезда на игровое поле машин скорой помощи в случаях травм игроков. Теперь здесь стоят другие автомобили. Гараж оружейной заполняют ряды внедорожников, некоторые из них военные, а некоторые переоборудованы под военные: закамуфлированные армейские Хамви припаркованы рядом с Хаммерами НЗ с люками на крышах и подогревающимися сидениями. Автомобили, которые когда-то облюбовали мужчины — все мужчины мира рассматривались в качестве воинов — сейчас ведут в бой испуганные подростки, готовые умереть. В наши дни идёт настоящая война, которой достаточно для утоления человеческой жажды и которую больше не нужно имитировать.

Позади гаража находится большая открытая комната с рядами высоких полок, дотянуться до которых может только погрузчик. Она напоминает склад стройматериалов, вот только содержимое полок абсолютно противоположно строительству. Прежде я никогда не был на складе оружия, и на секунду в моем первобытном мозгу проснулось желание обладать им. На стеллажах лежит всё: от пистолетов и ружей до гранатомётов. Ящики с гранатами. Наземные мины. И целый угол, посвящённый орудиям убийства зомби: цепные пилы для трупов, железные биты для Костей и полицейская броня для защиты от обоих. Засохшая чёрная слизь на этих предметах будит воспоминания, и моё возбуждение быстро проходит, хотя я по-прежнему под впечатлением. Я и понятия не имел, что Стадион так хорошо оснащён. До меня доходит, почему Россо захотел провести встречу именно здесь.

Наверное, он хотел, чтобы представители Аксиомы увидели, что наш городок не такой беззащитный, каким кажется.

— Итак, — он разводит руками. — Мы здесь. Бетонные стены. Единственный вход. Здесь достаточно безопасно?

— Да, — отвечает Жёлтый Галстук, но не делает ни шагу в сторону стола для переговоров, стоящего в углу. Пичмены стоят посреди зала и разглядывают стеллажи и полки. Голубой Галстук подходит к открытому ящику и проводит пальцем по американскому флагу, отштампованному на ракетах.

— Это боеприпасы армии США. А значит, им как минимум лет тринадцать. Они

небезопасны.

Россо захлопывает крышку и защелкивает замок.

— Может, наши боеприпасы и стары, но работу свою выполняют. В своё время мы отразили несколько атак захватчиков, и большинство из них было очень удивлено тому, насколько эффективными могут быть армейские силы безопасности. Спросите у них, если, конечно, сможете найти кого-нибудь.

— Мы рекомендуем оружие производства Gray River National, — продолжает Голубой Галстук, словно не делал паузы, и не подавая вида, что услышал слабо завуалированную угрозу Россо. — Их изготовили недавно, лет семь назад, и разрабатывали с учётом длительного хранения. Будучи членом Аксиомы, вы получите полный доступ к нашей сети снабжения.

Лицо Россо становится жёстким.

— Мы пришли сюда обсуждать срок годности гранат? Или вы просветите нас, какого чёрта вы пришли и откуда?

Жёлтый Галстук улыбается.

— Конечно. Я буду рада помочь вам в этом.

Будто по невидимому сигналу, Чёрный Галстук открывает чемодан и протягивает его ей. Она достаёт папки, но, хотя теперь чемодан пуст, Чёрный Галстук не закрывает его. Он отделяется от группы, ставит чемодан на переговорный стол и остаётся стоять рядом. С тех пор, как они вышли из внедорожника, я ни разу не видел, чтобы он смотрел в глаза кому-нибудь из них. Он не слепой, но... будто под наркотиками? Или он лунатик?

Голубой Галстук рассматривает каждого солдата, потом меня. Он впервые смотрит прямо на меня, и что-то в его взгляде — невероятно яркий синий цвет его глаз, слабая улыбка, которая никогда не покидает его лица, даже если он говорит серьёзно, — заставляет меня чувствовать, будто в позвоночнике извиваются черви.

— Боюсь, сейчас мы вынуждены попросить всех, кроме руководящего состава, покинуть нас, — говорит он, глядя на меня.

— Чёрт, конечно, одну минуточку, — говорит Кёнерли.

— Наша презентация содержит материалы деликатного характера, которые предназначены только для высшего руководства, — говорит Жёлтый Галстук.

Россо делает маленький шаг в её сторону.

— Послушайте, мисс Представитель Филиала Аксиомы в Куполе Голдмэн. Я уже нарушил ради вас свою политику, проводя закрытое собрание. Не вижу причин, по которым мои сотрудники и консультанты не могут послушать то, что вы скажете.

Голубой Галстук делает голос ещё тише и добавляет в тон странные заговорщические нотки, которые до этого момента ещё не звучали:

— Чтобы оценить наше предложение, нужен определённый взгляд на вещи, которого нет у людей, не стоящих у власти. Они склонны фокусироваться на деталях, которые им кажутся неприятными, и не смогут составить объективное мнение.

— Когда вы дадите нам положительный ответ, — говорит Жёлтый Галстук, — вам будет позволено поделиться информацией со своими людьми в той форме, которую они смогут понять.

— Но боюсь, что сейчас мы вынуждены попросить всех, кроме руководящего состава, выйти.

В Оружейной повисла тишина. Приглушенные звуки Стадиона просачиваются сквозь

стены как шёпот призраков. Я смотрю на лицо Россо, вижу, как под кожей на его щеках играют желваки, и моя уверенность куда-то пропадает. Он может быть сильнее, чем выглядит, он может быть мудрее Гриджо; быть более открытым, сердечным и дальновидным, но если он поначалу держал контроль над ситуацией, то теперь потерял его.

— Майор Кёнерли, — говорит он, не отрывая взгляда от Голубого Галстука, — вы и ваша команда можете подождать снаружи.

— Сэр, это...

— Если наши гости предпочитают вести дела тайно, как преступники, мы можем уступить им разок.

— Но, сэр...

Россо смотрит на Кёнерли и смягчается.

— Мы сами выбираем сражения, Эван. Но, если это возможно, мы выбираем не сражаться.

Кёнерли колеблется, потом отдаёт честь и разворачивается на пятках. Солдаты начинают выходить, но я понимаю, что не могу сделать ни шагу. В моей голове бьется настойчивая мысль, хотя я не уверен, что она принадлежит мне.

Не уходи. Не оставляй его здесь. Но я должен.

Не делай этого.

Это очень знакомый шёпот, но в моей голове побывало столько разных голосов, а я не силён в именах.

Что же мне делать? Не оставляй его.

— Р, — говорит Россо. — Ты можешь идти.

— Нет, — отвечаю я.

— Иди, Р.

— Им нельзя доверять.

— Они не просят, чтобы им доверяли, — говорит Россо. — Они предлагают сотрудничество. И я решу, будем ли мы сотрудничать, когда услышу их предложение.

Меня одаривают тремя приветливыми ухмылками. Кёнерли берёт меня за плечо, но я не двигаюсь с места.

— Это просто встреча, — насколько я помню, он впервые обращается прямо ко мне. — Засекреченные встречи раньше были стандартной процедурой. — кажется, он скорее пытается убедить в этом себя, чем меня. — Шевелись.

Он толкает меня к выходу, и я иду, вливаясь в шеренгу остальных мужчин. В зеркале Рэндж Ровера я вижу, как Россо поворачивается к пичменам. Я вижу, как Жёлтый Галстук открывает папку. Я слышу приторную любезность в её голосе, стихающем за моей спиной. Я прохожу мимо оружия и внедорожников, пересекаю длинный темный коридор, и луна кажется очень маленькой, когда я выхожу наружу.

Кёнерли и его люди заступают на пост подле двери Оружейной, но я не могу ждать здесь вместе с этими безразличными столбами, пока мои мысли сражаются друг с другом. Я ковыляю в сторону пустых улиц. Город спит. Я одинок под жужжащими фонарями.

Мне надо выпить.

НА ПУТИ К САДУ я прохожу мимо квартиры Россо. Через окно я слышу голоса Джул и Норы — ритмы Живых, которые, как и музыка, однажды расшевелили меня. Я до сих пор удивляюсь тому, как легко они разговаривают, как плавно переключаются от одного говорящего к другому практически без перерыва в темпе и длинных неловких пауз, к которым я привык, но я больше не прихожу от этого в восторг, как раньше. Я продолжаю слушать, но не закрываю глаза и не начинаю раскачиваться в такт. В моей голове гудят шершни.

Хотя я был в Саду лишь единожды, маршрут через лабиринт фанеры разворачивается передо мной, словно я там частый гость. Я понимаю, что стою перед толстой дубовой дверью бара, но плохо припоминаю, как добрался сюда. С тех пор, как я был здесь в последний раз, нарисованные на двери жёлтые деревья немного осыпались. На алюминиевом сайдинге все ещё виднеются две вмятины размером с голову. На моем лице появляется довольная улыбка, но я одергиваю себя. Почему я так поступил? Чего я пытался добиться, разбивая Болту голову? Я вершил правосудие над человеком, пристающим к молодым девушкам, или это была реакция мозга на оскорбление моего друга — примитивный рефлекс, которым руководствуются как раз такие люди, как Болт?

Пока я стою и разглядываю дверь, она распахивается и въезжает мне промеж глаз. Я чуть не падаю с террасы.

— Ох, прости! — солдат, распахнувший дверь, хватает меня и придерживает. — Я не заметил... — он узнаёт меня. Отдёргивает руки, как будто я раскалённая плита, выпрямляется и молча уходит.

Я прислоняюсь к перилам, потирая лоб. Что я думал делать в баре? Завязать разговор с ребятами, поболтать о спорте и машинах, поднять в воздух кружки с пивом и заставить всех воспевать о противостоянии Их и Нас? Нет. Я не настолько амбициозен. Я пришёл сюда для того, чтобы отключить мозг.

Запрет Гриджо сняли, поэтому здесь довольно шумно, царит атмосфера веселья и, наконец-то, в стаканах не яблочный сок. Теперь бар снова выполняет свою функцию — здесь можно расслабиться и вспомнить, что жизнь — это нечто большее, чем тускло освещенная трагедия повседневной рутины. Тёплый пьяный свет в конце дневного туннеля.

Конечно, я пришёл сюда не для этого. Я проскальзываю сквозь толпу и нахожу стул в дальнем конце барной стойки, чувствуя на себе дюжины взглядов. По разным причинам — хорошим и плохим — я знаменит. Я — первый Мёртвый, который сразился с чумой, тот, кто положил начало изменениям, которые всё ещё распространяются. Я — больной, излечивший себя. И я — монстр, похитивший дочь Генерала Гриджо, который запудрил ей мозги, заставил в себя влюбиться. Я — демон, который заманил на Стадион армию скелетов, стал причиной смерти сотен солдат и который, возможно, лично заразил Генерала Гриджо и сбросил его труп с крыши Стадиона. Из-за меня зомби ходят по их улицам и разглядывают их детей. Я — причина, по которой всё потеряло смысл.

Я избегаю зрительного контакта со всеми, кроме бармена. Когда он, наконец, кивает мне, я достаю купюру из небольшой пачки, которую мне дал Россо, чтобы помочь «встать на ноги», и кладу на барную стойку.

Он смотрит на меня с тревогой.

— Эээ... что вам налить?

Опять выбор. Еще одна возможность рассказать миру, какой я человек. Во что я одеваюсь? Какую музыку слушаю? Какой у меня любимый напиток?

Я пожимаю плечами и бормочу:

— Алкоголь.

Он берёт стодолларовую купюру, которая в печальной ограниченной экономике Стадиона является всего лишь билетом на выпивку, и наливает мне стопку виски. Я опрокидываю её в оцепеневшее горло и смотрю на столешницу. Толстая сосновая доска полностью покрыта инициалами, рисунками и короткими грубыми переписками. Я изучаю их, как корешки книг, пытаюсь представить, какие истории скрываются за ними.

K+N

~~ШАНКА~~ ДНУ
~~НАНУ~~ ТРИШНУ

K+N

ЗДЕСЬ БЫЛ ТИМ.

- БОЛЬШОЙ ЧЛЕН

сколько ещё нам этим заниматься

~~K+N~~

A♥N

N - ШАНОКА

та переживешь,

эван!

Они простираются дальше и дальше, покрывают всю стойку. Любовь, ненависть, шутки и простое желание быть замеченным — всё это выщарапывалось на дереве год за годом. Основная часть надписей находится на столешнице, они сталкиваются и перекрывают друг друга, как болтовня на вечеринке, но наклонившись вниз, я замечаю несколько на обратной стороне, как будто они не были предназначены для чужих глаз. В основном это те же признания в любви — Джерри любит Дженни, Дженни любит Джоуи, Джоуи любит Джерри. Но одна надпись притягивает мой взгляд. Кажется, её вырезали и тут же попытались соскоблить. У меня кое-как получается сложить буквы вместе.

~~ОДНО~~

Я вздрагиваю. Грудь пронзают холодные иглы. Не знаю, почему это слово отдаётся такой болью; я отвожу глаза. Незамедлительно взгляд перепрыгивает на другие царапины в дальнем углу. Они начерчены так слабо, что в тусклом свете почти незаметны.

правдай, мама

Я зажмуриваюсь в надежде, что соленая влага облегчит внезапное жжение в глазах. Когда я открываю их снова, бармен смотрит на меня. Протягиваю ему еще сотню.

* * *

— Р?

Моё имя действует на меня как ведро холодной воды, и я отвожу взгляд от стойки. На секунду комната закружилась, но я останавливаю её и фокусируюсь на Джули.

— Ты что тут *делаешь*? — спрашивает она. В расплывшихся очертаниях бара её глаза выглядят яркими голубыми маяками, дикими и взволнованными.

— Пью, — не знаю, сколько раз я осушил стакан, стоящий передо мной. Должно быть, всего дважды, но моё тело дает понять, что это его предел, так что, думаю, я пьян.

— Какого хрена, Р? Что случилось на переговорах? Я до сих пор ничего не слышала о Розе, почему ты не нашёл меня?

Я вижу, что она вышла из себя. Понимаю, это странно — я пришёл сюда выпить в одиночестве во время таких важных событий. Я вижу, как она красива: у неё клубничные губы и черничные глаза, персиковый пушок на щеках. Я вижу телевизор позади неё. Дезориентирующая нарезка несвязанных изображений.

Несколько кадров с футболом, несколько отретушированных моделей, сочная вырезка, милый ребёнок, цитата популярного философа на фоне рассвета.

— Р!

По слоям штукатурки на «двери» в моей голове опять разбегаются трещины. Она утверждает, что её не существует: *когда дверь перестает быть дверью? Когда она приоткрывается! Когда она пылает! Когда распаиваются створки!*

Раздаётся вежливый смех как в классическом ситкоме, актёры которого умерли несколько десятков лет назад — смеются толстые глупые мужчины со своими великолепными жёнами.

Джули садится рядом со мной. А кто в этом ситкоме мы? Сирота с пистолетом и её несчастный парень с амнезией? Где наша ложа, куда мы можем подняться? Здесь так

ХОЛОДНО...

Она касается моей руки.

— Р. Ты в порядке? Что случилось?

— Я оставил его с ними, — слышу я свои слова. — Они не те, за кого себя выдают. Они хотят сожрать нас, а я оставил его с ними.

— Они хотят сожрать нас? О чём ты говоришь?

— Я знаю их, — бормочу я. — Я знаю их, я знаю...

Никто в Саду больше на меня не смотрит. Поначалу всё были шокированы моим появлением, но теперь вернулись к своим разговорам и просмотру бессмысленной телепередачи, мигающей раздражающим коллажом из каждого свободного угла комнаты. Цитата на фоне пожимающих руки бизнесменов, громко озвученная для всех неграмотных в комнате: *«Не спрашивай, зачем тебе это. Спроси, зачем ты для этого?»*

Альпинист без рубашки. Пушистые облака. Шевроле Корвет.

Я тянусь к своему стакану и пытаюсь вытряхнуть на язык последнюю каплю. Джули отпускает мою руку и кладёт её на стол.

— Р, перестань! Мне нужно, чтобы ты сосредоточился. Успокойся и расскажи, что произошло. Мне нужно предупредить охрану?

— Они в курсе. Эван Кёнерли был там. Они сделали так, чтобы мы все ушли. Они знают, что мы не можем сказать «нет». Они знают, что мы боимся.

Мои руки дрожат. Я вытаскиваю последнюю сотню и сую её бармену:

— Ещё.

Джули хватает купюру и засовывает себе в карман.

— Мне нужно ещё!

Мой голос... никогда не был таким громким. Он дрожит, как и мои руки.

Телевизор орёт на меня. Нарезка лучших моментов бейсбольных матчей прерывается на середине звуками g&b — показушный вокалист начинает завывать песню.

— Они лжецы, они хотят прибрать к рукам всё, что мы создали, они...

Джули обхватывает моё лицо ладонями и целует меня. Мои губы не двигаются, но она целует страстно, словно я её любовник, а не окоченевший лунатик с открытыми глазами. Окружающий шум становится мягче. Стихает гул внутри меня. Комната перестаёт кружиться, и в фокусе оказывается милое лицо, крепко прижимающееся ко мне. Наши разумы близки как никогда раньше, почти касаются друг друга.

Она отстраняется и смотрит на меня, не отпуская моего лица.

— Смотри мне в глаза, хорошо? — шепчет она. — Просто смотри мне в глаза и дыши.

Я смотрю в её глаза. Они огромные, круглые, и свет от ламп над барной стойкой отражаются в их синеве, как далёкие звёзды. Я делаю глоток воздуха.

— Дышать полезно, — говорит она. — Это успокаивает. Я знаю, что тебе это в новинку, но попробуй запомнить. Дыши и сосредоточься на дыхании.

Я фокусирую взгляд то тех пор, пока всё позади неё не расплывается. Я думаю о дыхании. После долгих лет бездействия мои лёгкие всё еще болят, но постепенно разогреваются и возобновляют свою работу, извлекая чистый и сладкий O₂ и направляя его в мозг, чтобы подпитывать Живые мысли. Каким бы ни было тёмное топливо, которое мой мозг использовал прежде, оно больше подходило для команд и приказов, нежели для прекрасной сложности человеческой личности, надежд и мечтаний.

«Они у меня есть, — говорю я себе, плавая в беззвучном пространстве и держась за

Джули, как за спасительный трос. — *Никто не сможет их забрать».*

— Молодец, — говорит она. — Продолжай дышать. Всё будет хорошо. Что бы не случилось, мы с этим справимся. У нас нет чего-то, без чего мы не сможем прожить».

— Давай уйдём? — медленно выдыхаю я. — Разве нам нужен этот город?

— Куда мы пойдём?

— Подальше отсюда. В хижину в горах. Только мы вдвоём.

— Р, — говорит она, и тона одного слога достаточно, чтобы раскрыть малодушие моей просьбы. — Нам не нужен этот город, но нам нужны люди. И мы нужны им.

— Зачем?

— Помнишь, мы пытались кое-что построить? Ты — один из тех, кто говорил, что мы не можем отступить.

Я прячу лицо в её ладони.

— Но я устал.

— Ты не устал, — она криво улыбается. — Ты просто напился.

Она отпускает моё лицо, и я безучастно разглядываю стойку и лица клиентов.

Они неотрывно смотрят в пять телевизоров, а их кожа в свете экранов кажется серой.

— Р? — говорит Джули, пытаясь вернуть меня на землю. — Ты скажешь мне, что произошло на той встрече?

Песня в стиле рэп из поздней эры: хвастовство богатством и роскошью с мрачным намёком на давний забытый бит, который, возможно, выстукивался на мусорных баках.

— Рация Розы отключена. Может, нам стоит его проведать? Уже два часа прошло.

В динамики телевизора пробираются помехи, заглушая печальные фантазии рэпера.

— Где проходили переговоры? В общественном центре?

Я поворачиваю голову к ближайшему телевизору. Шум полностью поглощает звук, и изображение начинает дёргаться — рэпер открывает чемодан. Он полон денег. Он ставит чемодан на огонь и греет руки, — экран чернеет.

В комнате поднимается протестующий ропот. Кто-то бросает в телевизор стакан, но промазывает, и стакан влетает в полку с алкоголем. На барную стойку брызжет виски и стекло. Экраны остаются чёрными еще несколько секунд, затем мигают, раздаётся громкий хлопок, и возникает новая картинка.

Зернистое изображение камеры слежения, рыбий глаз линзы смотрит вниз на мужчину в белой рубашке, который возится с большой приборной панелью. Другой мужчина в белой рубашке едва заметен в тени, а «капитан» Тимоти Болт стоит между ними. Я впервые вижу его в замешательстве.

«Что это за место? — говорит он, вглядываясь в темноту вокруг. — Как вы узнали, что она здесь?»

Человек за панелью замечает что-то впереди себя и поднимает глаза на камеру. Выпуклая линза превращает его лицо в раздутый ужас. Он выдёргивает кабель из ближайшего гнезда и экран снова гаснет.

— Какого чёрта здесь происходит?.. — говорит Джули.

Из телевизоров раздаётся пронзительный визг, и, пока все закрывают уши, на экране что-то мелькает. Единственный кадр, слишком короткий, чтобы я смог сообразить, что это, но мой мозг начинает стучать, как гонг. Я снова вижу эту «дверь», её ржавые железные углы появляются за осыпавшейся штукатуркой. Позади неё я слышу гул. Сбивчивая пульсация едва различимых басов, поднимающихся из подвала, ударяет в дверь и выталкивает её из проёма.

Треснувшая штукатурка летит во все стороны, как попкорн.

Я крепко зажмуриваюсь. В голове темнота, но этот кадр появляется из тени с невыносимой краткостью. Его очертания недостижимы, они дразнят меня. Я чувствую, как двигаю рукой.

— Р?..

Я хватаю бокал с мартини и разбиваю его об стол. Держу ножку как кинжал.

— Р! Какого хрена!

Я слышу скрип её стула, когда она отскакивает от меня. Я напугал её. Я был уверен, что больше никогда её не напугаю. Когда моя рука движется, голову наполняют воспоминания об аэропорте, криках и пятнах чёрной крови.

Зубчатые концентрические формы. Углы, поглощающие углы. Гротескная мандала, внутри которой пустота.

Я открываю глаза.

Я вырезал на столешнице знак. Его глубокие линии рассекают инициалы влюблённых.

Дверь трещит.

— Атвист, — говорю я.

В двери появляется щель.

ВЫСОКОЕ ЗДАНИЕ. Тёмная комната. Пожилой мужчина. Усмешка. Чемодан. План. раздумываю. Я соглашаюсь.

Я сажусь в самолёт. Смотрю на экран. Передача о природе. О червях и осах.

Я смотрю. Мне мерзко, но я продолжаю смотреть.

Червь проникает в осу. Завладевает её мозгом. Командует ей, куда лететь.

Пожирает её кишки. Строит жилище в её трупе. Червь маленький, умный, вёрткий и сумасшедший. Он побеждает. Он не знает ни красоты, ни удовольствия. У него нет цели. Червь не знает ничего, кроме того, что сейчас делает. Червь побеждает и червь пирует. Осы, волки, поэты, президенты... Червь пирует.

«Верь мне, малыш».

Коричневые зубы. Десны в пятнах. Костлявая рука на моём плече.

«Я знаю своё дело».

* * *

— Р!

Обжигающая пощёчина. Испуганные голубые глаза ищут меня в темноте. Я захопываю дверь подвала своей памяти и пытаюсь сосредоточиться на Саде. В моей голове крутятся тёмные фрагменты, и среди них я вижу одну ясную необходимость.

Я отталкиваю Джули от себя и бегу.

— Р, стой!

Я толкаю тяжёлую дверь, сбиваю с ног двух солдат, и они падают спинами на перила террасы. Джули бежит к двери, зовёт меня, но я не могу остановиться. Я бегу, спотыкаюсь, хватаюсь за канаты, чтобы не свалиться с узкого мостика, скатываюсь вниз по лестнице, ударяюсь о стены и, наконец, оказываюсь на улице. Я чувствую скрип плохо смазанных суставов. Мои негнувшиеся сухожилия протестуют, когда я перехожу на спринт.

Неожиданный вес чемодана. Холодный металл в моих руках. Решение, которое, как я утверждал, я не могу принять.

Я вижу в конце улицы дверь Оружейной. Башни из металла и фанеры маячат надо мной, как судьи, но я так близко... Я могу исправить свою ошибку прежде, чем кто-нибудь заметит. Я могу...

Вспышка. Порыв ветра. Я лечу.

Луна смотрит, как я плыву назад, махая руками. Ленивый летний сплав по реке.

«Ты всё ещё считаешь, что это правильная позиция? — спрашивает меня луна. — В полусне уплыть от сражения?»

Я врезаюсь в стену какой-то квартиры и, пробив металлические листы, оказываюсь в детской спальне. Девочка вскакивает с кровати, и я вижу, как её лицо искажается от ужаса, но не слышу крика, только высокий звон камертона. Я скидываю с себя обломки и возвращаюсь на улицу, в беззвучный кошмар.

С неба бесшумно сыпятся куски бетона, оставляя выбоины в асфальте и дыры в стенах и крышах. Из облака дыма тихо появляются ракеты и летят через Стадион, превращаясь в огненные шары, испепеляющие здания и раздирающие на куски стены города.

Поддерживающие канаты отрываются от бетона и шатающихся зданий. Два из них беззвучно падают, сталкиваются друг с другом и раскалываются пополам, осыпая улицу людьми, выпавшими из кроватей. Тем, кому удалось выжить при падении, остаётся только поднять руки в бесполезном защитном жесте, прежде чем они окажутся похороненными под собственными домами.

Темнота пульсирует красным цветом и бесчисленными огнями. Ящики гранат взрываются очередью белых вспышек. Я бегу мимо мёртвых тел, которые начинают подёргиваться, но предоставляю другим возможность решить их дальнейшую судьбу. Я бегу к дымящемуся отверстию, где оставил того, кто верил в меня, и, когда ко мне возвращается слух, я понимаю, что кричу.

ОСТРЫЕ КРАЯ бетонных развалин всё ещё достаточно горячие, чтобы обжечь мне руки. Я прокладываю себе путь через обломки, но кажется, что он длиннее, чем раньше. Где-то за развалинами слышны выстрелы, но это не сражение, а рвущиеся остатки боеприпасов. Пули вылетают, не дожидаясь спуска курка, будто они сами знают своё предназначение, и им не терпится его исполнить.

Я раскидываю в стороны большие куски бетона и проскальзываю в отверстие того, что осталось от Оружейной. Здесь темно, но оборванные провода освещают пустоту голубыми вспышками наряду с тусклым красным заревом горящих ящиков.

— Россо! — кричу я в мерцающую темноту. — Генерал Россо!

Пол усеян острыми бетонными глыбами и острыми копьями арматуры, но я бросаюсь бежать. Делаю несколько шагов и натываюсь на что-то мягкое. Вспышка электрического провода над головой освещает разорванное взрывом тело, открывая взгляду обожженный поломанный скелет. Опознать труп можно только по рваному галстуку на шее.

Чёрный Галстук ничего не говорит.

Я иду дальше, минуя гараж и попадаю в любимую комнату Гриджо. В бледном оранжевом свете горящих шин нахожу остальных пичменов. Голубой Галстук ухмыляется мне, лежа на полу и глядя голубыми глазами в потолок. Его изуродованное тело отшвырнуло на три метра в угол комнаты. Стальная балка пронзила череп Жёлтого Галстука от виска до виска и пригвоздила голову к полу. В выражении её лица я ищу намёк на осознание ошибки или предательства, но оно застыло в вежливой весёлой маске.

Что же это за люди?

Откуда-то из тени слышен рваный вздох. Я заставляю себя шевелиться.

Он лежит на груди камней. Его грудная клетка смята, а серый комбинезон превратился в тёмно-фиолетовый. Наверное, он пролил на себя вино. Перебрал на дегустации. Утром у него будет болеть голова, но зато он неплохо повеселился. Мы с Джули сядем возле камина и будем слушать историю об этом вечере, переглядываться и улыбаться, пока Элла качает головой на кухне. Он стар, но полон энергии. Мы проведём много дней за чтением его книг. Будем пить вино, а он продолжит учить меня, как быть человеком.

— Прости меня, — шепчет он, когда я опускаюсь рядом с ним на колени.

— За что?

Почему у меня дрожит голос? Он же просто пьян.

— Я так сильно хотел... увидеть, как вы живёте. Ты и Джули, — он кашляет, и тонкая струя вина брызгает мне на рубашку. — Я хотел быть с вами.

Почему мне щиплет глаза? Почему всё вокруг расплывается?

— Я тоже волнуюсь, — он смотрит в ночное небо сквозь дыры в потолке. — Я так давно спрашивал себя, что же будет дальше.

Пьяные говорят странности. Я закрываю глаза, и из них просачивается теплая жидкость.

— О, — его тон внезапно меняется. Я открываю глаза и вижу его благоговейный взгляд и разинутый рот. — Я могу это увидеть.

— Стойте, — я хватаю его за плечо. — Подождите. Его лихорадочные глаза фокусируются на мне.

— Мы так близко, Р. Покажите им.

— Я не понимаю, о чём вы говорите!

Его взгляд возвращается к потолку. Тело обмякает.

— Как прекрасно, — слабо выдыхает он, — всё это.

Какое-то время я смотрю на его лицо. Выжигаю его в своей памяти. Я никогда не видел такого выражения. Оно говорит о вещах, которые никто и никогда не сможет сформулировать, независимо от словарного запаса и подвешенности языка. Но через секунду оно исчезнет.

Я роюсь в завалах. Граната, бензопила — всё не то. Нужно что-то элегантное. Почтительное. Конечно, если существует способ сделать это почтительно. Я скоро сделаю важнейшую вещь. Для искалеченного тела этого человека третьей жизни быть не может. Я не позволю ему такого унижения — стать таким как я.

Я слышу выстрел пистолета. Я полагаю, что это еще один горящий ящик с патронами, и сначала не обращаю внимания, но потом слышу тихий всхлип и оборачиваюсь. Элла упала на колени перед мужем, её волосы обгорели и растрепались, брюки изорвались и испачкались в крови. Револьвер качается в её пальцах и падает на пол.

Тихий шёпот прежних инстинктов говорит мне подойти к ней. Как только я оказываюсь достаточно близко, она падает мне на грудь и позволяет хлынуть слезам.

* * *

Когда мы приближаемся к выходу из туннеля, я слышу голос Джули. Она выкрикивает имена дорогих ей людей. Имя Нору. Эллы. Россо. Моё. Я спрашиваю себя, сможет ли кто-нибудь из нас её утешить. Я помогаю Элле перебраться через груды острых обломков, и мы окунаемся в уличный хаос. Охранные отряды несутся от дома к дому, пытаюсь навести хоть какой-нибудь порядок, но звёзды сегодняшнего ночного шоу — медики. Я мельком вижу Нору, она держит одну часть носилок, на которых лежит кровавое месиво, похожее на Кёнерли. За секунду до того, как она исчезает за углом, я успеваю поймать её шокированный взгляд. Сразу становится ясно, насколько плохи дела, но сейчас я почти не замечаю боли сотен незнакомцев. Я сосредоточен на пожилой женщине, плачущей у меня на руках, и на молодой девушке, бегущей ко мне с полными ужаса глазами.

— Что случилось? — кричит Джули. — Что, мать вашу, случилось, что происходит?

Она хватает меня за запястья и набирает воздуха для следующих вопросов, на которых нет ответа. Я обнимаю её и притягиваю к себе. Она смотрит мне за спину и видит, как Элла оседает на крыльцо, видит, как по щекам женщины текут слёзы, видит дымящееся отверстие в стене Стадиона. И тогда до неё доходит.

— Нет, — говорит она. — Нет.

— Мне жаль, — шепчу я ей в волосы.

— *Нем!* — кричит она и яростно вырывается из моих объятий. — Этого не могло случиться, не могло. *Нем!*

Она отступает от нас с Эллой и в одиночестве идёт на середину улицы, сжав кулаки и стиснув зубы. Она потеряла мать до нашей с ней встречи. Отец постепенно покидал её на протяжении многих лет, но земля на его могиле едва подёрнулась травой. А теперь еще и это. Лоуренс «Рози» Россо, последний кусочек её семьи.

Горе. Ярость. Логичная реакция на жестокую шутку Вселенной.

Я подхожу к ней и хочу обнять снова, но она не готова успокаиваться. Она отпихивает

меня с такой силой, что я едва удерживаюсь на ногах, и бежит мимо меня к Оружейной.

— Джули, не надо! — кричит Элла. — Ты уже ничем не можешь помочь. Джули останавливается на краю глыбы, смотрит в черную дыру и дрожит, быстро и отрывисто дыша. Дыхание превращается в хриплые всхлипы, и она роется в кармане в поисках ингалятора. Вдыхает лекарство, но вдохи становятся всё короче. Она хватается за горло:

— Я не могу... не могу...

Я мчусь к ней и пытаюсь увести её от обломков, но она опускается на тротуар, и её грудь тяжело вздымается. Мне хочется как-нибудь успокоить её, но что я могу сказать? Мои зубы и язык всегда были оружием, они не привыкли утешать. Как же это сделать?

Пока я беспомощно молчу, лекарство, наконец, начинает действовать, и её дыхание приходит в норму. Она поднимается и на обмякших ногах идёт к крыльцу, на котором сидит Элла. Она делает глубокий вдох, выдох и опускается рядом с ней. Прячет лицо в руках Эллы и сотрясается от тихого плача.

Я стою там, где стоял, поодаль от них, и жду. Чувствую холодные капли дождя и смотрю вверх. Чистое небо. Яркая луна. Среди шума двадцати тысяч паникующих людей я даже не обратил внимания на вертолёт над головой, которые распыляли воду на полыхающие крыши.

Теперь я их вижу. Кусочки пазла складываются воедино.

Мы здесь, чтобы помочь.

Высоко над нами, как книга божественной мудрости, парит огромный мигающий экран. Симпатичный мужчина в жёлтом галстуке появляется в кадре и садится у микрофона.

«Жители Стадиона! — говорит он мягким баритоном. — Мы призываем вас к спокойствию. Небрежное хранение боеприпасов с истекшим сроком годности привело к ужасной трагедии и гибели людей в обоих городах, но, как ваш новый сосед, Аксиома уже работает над минимизацией ущерба».

Я замечаю мужчин в незнакомой униформе — бежевых куртках и штанах цвета хаки — которые бегут по улицам с огнетушителями и аптечками первой помощи.

«Мы незамедлительно реагируем на любую катастрофу. В ближайшие дни мы будем тесно сотрудничать с вашим оставшимся руководством, чтобы помочь восстановить порядок. Мы призываем вас к спокойствию. Чувствуйте себя в безопасности. Всё будет так, как и было».

Джули смотрит сквозь пальцы на гигантское лицо, улыбающееся городу. На экране мелькает тот самый знак, который я начертил в баре, затем проигрывается ролик с пьющим Бад Лайт футболистом, и экран гаснет.

— Что происходит? — шепчет она себе в ладони.

Гул приближающегося внедорожника прорезает шум паники на стадионе, которая заметно поутихла после объявления по большому экрану. Кажется, что предложение успокоиться от незнакомца на экране — это всё, что нужно этим людям. Неужели их не волнует, кто в ответе за их жизнь? Или им достаточно симпатичного лица, хорошей укладки, галстука на шее, и рта, который может уверенно лгать?

Я гляжу на вертолёт, чувствую прохладные струи на раскрасневшихся щеках и понимаю, что до сих пор пьян. Или даже хуже. Я выпил ужасный коктейль из виски, адреналина, шока и горя. Меня тошнит.

Рядом с нами останавливается бежевый Кадиллак, и оттуда появляются шестеро мужчин в бежевых куртках. Этот тошнотворный оттенок похож не на цвет тёплого песка, а

на серо-зелено-жёлтый цвет старых офисных компьютеров, дешёвых гостиниц, пригородных торговых центров или казённых ковров. Мужчины несут три пустых пластиковых мешка для трупов. Они двигаются ко входу в Оружейную, но Джули внезапно вскакивает на ноги.

— Что вы делаете? — она шлепком вытирает покрасневшие глаза и бросается им наперерез. — Что вы делаете, вы кто такие?

— Мы собираем тела, — говорит один из мужчин, не глядя на неё и не останавливаясь. Он и остальные обходят её и начинают перелезать через завалы, но она снова преграждает им путь.

— Я спросила, *кто* вы такие?

Мужчины сбавляют скорость, но не останавливаются.

— Мы из Аксиомы. Собираем тела.

— Там мой друг, а вас я знать не знаю, — она смотрит вверх, обращаясь к самому высокому из них. Её голос снова начинает дрожать. — Вы его не заберёте. Уходите.

— У нас есть приказ собрать все тела, прежде чем их заберут местные жители. Пожалуйста, отойдите, — он протискивается мимо неё.

Она вцепляется ему в куртку и рывком тянет его назад. Он падает прямо на острые куски бетона.

— Сказала, пошли вон! — хрипло кричит она, снова поднимая глаза.

В моём пьяном восприятии всё происходит как в замедленной съёмке. Я направляюсь в сторону Джули, но к ногам будто привязаны гири. Один из мужчин толкает её. Она падает на камни. Встаёт, вытирает кровь с рассечённого лба и бросается на него. Она слишком маленькая, чтобы дотянуться до его лица, поэтому бьёт кулаком в горло. Он оступается, кашляет, и я слышу, как Джули кричит:

— Пошли вон отсюда! Убирайтесь!

Я уже рядом. Почва засасывает мои ноги, как липкая смола. Я забираюсь на груды обломков, когда все четверо нападают на неё. Она замахивается на ближайшего, но он хватает её за руку, разворачивает и сильно бьёт по лопаткам. Она летит вниз и приземляется на асфальт лицом.

Я в ужасе, потому что знаю, что сейчас убью этого мужчину. Закон Ньютона неотвратим: на каждое действие есть своё противодействие. Я взбираюсь на нагромождение камней, хватаю его за голову и разбиваю лицо об угол бетонной глыбы. Он умирает в пузырящейся пене крови. Следующий мужчина, который приближается ко мне, не умирает, но, конечно же, становится калекой, когда я бросаю его на бетонную плиту и одним ударом кулака рассекаю ему плечевой сустав, рву связки и отрываю руку. Толстые руки обвивают моё горло и поднимают с земли, но, по-видимому, мой мозг готов к любому развитию событий: я ломаю мужчине рёбра локтями, надеясь проткнуть ему лёгкие, и его хватка слабеет.

Очень далёкий голос спрашивает: *«Что я делаю? Как у меня это получается? Что за человек может обладать такими навыками и применять их с холодностью рептилии?»*

Наконец, кто-то гасит мой импульс. Мне в висок бьёт приклад ружья. И без того медленный мир превращается в мелкую рябь. Понимаю, что падаю, но, когда моё лицо оказывается на тротуаре рядом с лицом Джули, я ничего не чувствую. Её красные и влажные глаза и мои, просто открытые, встречаются, и мы смотрим друг на друга. Где же золото? Где этот нереальный солнечный жёлтый цвет, который говорил нам, что теперь всё по-другому — мы изменились, и мир изменился вместе с нами?

В глазах появляются тёмные пятна. Я пытаюсь сказать ей: «*Продолжай дышать. С нами всё будет в порядке*». Но мои губы не слушаются. Я пытаюсь сказать глазами. Я не оставляю попыток до тех пор, пока мои глаза не закатываются...

МЫ

НАМ НЕ НУЖНО перемещаться. Мы уже повсюду. Но это наскучивает, поэтому мы позволяем себе сосредоточиться на одной местности. Мы уменьшаемся до размеров точки и бродим по земле как древние причудливые представления о духах: как призраки, ангелы и прочие существа в белых простынях.

Нас мало интересует сам мир, материя и пространство. Мы здесь ради историй — ландшафта сознания, покрывающего песок и камни, где над равнинами возвышаются острые вершины, происходят землетрясения и ураганы, и текут реки магмы. Он постоянно меняется, и эти изменения требуют нашего внимания.

Поэтому мы движемся. Пльвём сквозь город, запоминая запах дыма, боль от огня, печаль потери.

Здесь повсюду мужчины в бежевых куртках, они загоняют людей обратно в дома, уверяя, что у них всё под контролем и скоро всё вернётся к нормальной жизни. Эта уютная мечта похоронила тысячи революций.

В панике многие люди делают так, как им говорят. Они видят уверенность, слышат чёткие инструкции и их не очень волнует, кто эти мужчины и какие последствия повлечёт за собой выполнение их указаний. Они всего лишь хотят защитить свои семьи. Они всего лишь хотят пережить эту ночь. Время для вопросов появится утром, когда пожар утихнет, и им больше не будет страшно, больно и голодно.

Но мужчины в бежевых куртках сталкиваются с неожиданностью. В спокойном море послушания то там, то тут появляется рябь. Среди толпы встречаются люди, которые не реагируют так, как остальные. Их разумы потеряли ключи к шифрам, которые им кричат, они не отвечают на инструкции и заверения, и неважно, насколько уверенно те преподносятся. Люди неподвижно стоят на улицах, наблюдают, как мужчины в бежевых куртках выкрикивают команды, смешивающиеся с обещаниями из системы оповещения Стадиона, но не двигаются.

Чтобы заставить их слушаться, мужчины в бежевых куртках подходят ближе и тогда замечают, что с этими людьми что-то не так. Оттенок кожи. Замедленность движений. Шрамы от пуль и ударов ножа, обширные гнилые поражения. А самое главное — их глаза. Множество взаимоисключающих оттенков.

Мы пльвём к зданию, которое излучает боль, но когда приближаемся к нему, то замечаем что-то ещё. Чуму и её противника: золотое мерцание излечения. По нашим рядам пробегает что-то вроде улыбки.

«С тобой всё будет хорошо, — говорит Нора Грин мужчине с тремя осколками бетона в спине. — Они вошши неглубоко. Я вернусь через секунду, и наложу швы».

«Подожди, — когда она делает шаг, чтобы уйти, он начинает задыхаться. — Не оставляй меня».

«Боже мой, бедняжка. Вот почему мы бы никогда не сработались».

«Нора».

«С тобой всё будет в порядке, Эван. Просто успокойся. Я сейчас вернусь».

Она мчится к другому пациенту. Раньше помещение казалось невозможно большим для

такого крохотного приёмного покоя, но сейчас каждый сантиметр пустого пространства заполнен ранеными. Их разместили на электрических больничных койках, грязных двойных матрасах и просто на шерстяных одеялах, брошенных на бетонный пол — в соответствии с усложняющейся отчаянной ситуацией. Мы скачем от медсестры к медсестре — в нынешнюю тяжёлую эпоху настоящих докторов не так уж много — и возвращаемся к Норе, наблюдая, как она бинтует живых и успокаивает мёртвых. Группа гражданских стоит в углу и ждёт сигнала, который будет значить, что настало время попрощаться и прострелить головы своим близким, но иногда они не в состоянии сделать это, и задача ложится на Нору. Из-за её пояса торчит кольт сорок пятого калибра — такая же необходимая для современной медицины вещь, как и скальпель.

Среди крови и криков никто не обращает внимания на ряд особенных пациентов, чьи кровати выстроились в линию вдоль стен. У многих из них травмы намного серьёзнее — оторванные конечности, зияющие дыры — но их раны не кровоточат. Эти пациенты сидят на кроватях и выпучив глаза наблюдают за хаосом вокруг. Мёртвые думают о том, сколько жизни в каждом действии Живых. Их кровь хлещет как шампанское на вечеринке, плач и стоны звучат как церковный хор. Они прекрасны даже в агонии.

Пока Мёртвые наблюдают за смертью Живых, в боковую дверь входит группа мужчин в белых рубашках. Они окружают Мёртвых. Один из мужчин открывает карманный нож. Втыкает его в руку одного из пациентов. Тот даже не вздрагивает, но оскорблённо смотрит на мужчину. Ему обидно.

— Что вы такое? — требовательно спрашивает мужчина.

— Я... человек, — отвечает пациент.

— Нет, ты не человек, — говорит мужчина, и ведёт нож ниже по руке пациента, оставляя глубокий порез.

— Эй! — кричит Нора с того конца помещения. Она передает своего пациента другой медсестре и несётся к забытому углу госпиталя. — Какого чёрта вы делаете? Вы кто?

— Мы из Аксиомы. Что это за люди?

— В смысле?

— Они Живые или Мёртвые?

— Они пытаются понять, кто они. Какого хрена ты тычешь ножом в моих пациентов?

— У нас есть приказ изучить этих существ.

— Это зомби. Но они пытаются стать людьми. Что-то еще?

— Мёртвые не могут «пытаться». Они в режиме ожидания перед нападением. Нора закатывает глаза.

— Госпожи боже, опять повсюду Гриджо. Слушай, мне некогда. У меня люди ждут операции.

Он тычет ножом в лицо пациента.

— Они игнорируют наши приказы и мешают оказанию первой помощи, — пациент ударом выбивает из его руки нож. Кажется, мужчина шокирован. — Видите?

— Пошли вон из моего Морга, — говорит Нора.

— Нам нужно забрать нескольких в Купол Голдмэна для изучения. Наверное, для начала хватит троих.

Нора делает шаг в сторону мужчины.

— Я сказала, пошли вон.

Мы замечаем в Норе Грин кое-что интересное. Множество мелких шрамов на руках и

лице, отсутствующий палец на левой руке — главы её жизни жирным шрифтом выцарапаны на её теле, они призывают нас прочесть их. Мужчина в белой рубашке тоже их замечает. Они интересуют его, но еще больше его интересует пистолет в правой руке Норы, которым она решительно постукивает по бедру.

Мужчина достаёт рацию.

— Командование? Запрашиваю подкрепление в здание госпиталя, — он смотрит на измазанную в крови униформу Норы и на её налитые кровью глаза. — Мы столкнулись с сопротивлением.

Я ПЛОХО СПЛЮ. У меня это не очень хорошо получается. Сон — это режим прекращения огня, объявленный между мной и жизнью, но я не доверяю своему противнику. Я всю ночь не сплю, ожидая подставы. В те дни, когда я был Мёртвым, спать — означало лежать на полу, смотреть в потолок и пытаться вернуть свою разлагающуюся память. Я жил без сна много месяцев, но когда он приходил, это всегда было ужасно. Я не ложился на перину с книгой и чашечкой ромашкового чая, скорее это было похоже на неожиданный выстрел в ногу — и я, смущённый и испуганный, падал на пол.

С той ночи, когда я лежал рядом с Джули на заплесневелом матрасе и когда впервые по-настоящему заснул, мои взаимоотношения со сном улучшились, но всё же большую часть ночей я бодрствую. Слушаю её тихий храп ранним утром, по движениям, хныканью и неразборчивым словам пробую догадаться, какие кошмары приготовил ей мозг, и как успокоить её, когда она проснётся. Если удача мне улыбается, я на час-другой уплываю в неглубокую дремоту, но мой разум, натренированный за годы смерти, всегда настороже.

Так что получить прикладом по голове оказалось очень кстати. Я выспался, как никогда.

Глубоко-глубоко в тёмном переулке моего разума седой уличный прорицатель бормочет что-то о Судном дне и огне, но я не обращаю на него внимания и прохожу мимо, задрав подбородок. Я чувствую свет. Я на тропическом острове, плаваю в тёплой голубой воде. Надо мной летают чайки, подо мной проплывают дельфины. У меня каменный пресс, а кожа здорового бронзового цвета. Джули сидит на пляже в бикини и солнечных очках. Она намазывает маслом своё тело, огромные груди и длинные ноги. Мы в отпуске, мы влюблены, мы...

Мы в ночном клубе. Музыка грохочет, я танцую с Джули. Я неплохо танцую — бедра, руки и ноги безупречно попадают в такт, изображая секс на глазах сотни незнакомцев, но мне несколько не стыдно. У меня полные карманы денег и наркоты. Джули развязно улыбается мне, её длинные волосы свисают мне на лицо, красная юбка задирается выше и выше, все завистливо и похотливо смотрят на нас. Я самодовольно улыбаюсь им и увожу Джули домой, в нашу квартиру в небоскрёбе, и мы всю ночь без передышки занимаемся любовью. Мы не смотрим друг на друга, мы смотрим в окно на город, который расстилается под нами, как покорная шлюха, предлагающая нам всё...

Я в частном самолёте. Мне уютно на мягких кожаных сиденьях, я купаюсь в ярких красках тропиков, смотрю вниз на бесконечные просторы разрушенных городов и несчастных дурачков, которые их населяют. Джули сидит рядом со мной. Я смотрю на неё и хмурюсь, потому что я одет как серьёзный бизнесмен — серебристо-серая рубашка и красный галстук, а она не надела ни брючного костюма, ни юбку-карандаш, ни даже пиджак с подплечниками. Она сидит в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке, на спутанных волосах — красная кепка. Я хочу её отругать, но замечаю, что и мой наряд далёк от идеала. Ткань рубашки грубая и жёсткая, вместо итальянских туфель — тяжелые чёрные ботинки в засохшей грязи.

Я смотрю на Джули. У неё печальное и испуганное лицо, умоляющий взгляд.

Кепка промокла с краю, из-под неё по лбу струится кровь, заливая Джули глаза.

Я смотрю вправо и вижу двух мужчин и женщину, одетых так же, как и я. У одного из

мужчин в руках серебристый чемодан. Он подмигивает мне. Когда самолёт начинает снижаться, направляясь к бесконечным просторам темно-зелёных деревьев, я вылетаю из сидения. Чем дальше мы падаем, тем громче играет музыка — музыкант яростно лупит по маримбе, ломая молотки.

— Пожалуйста, не оставляй меня, — шепчет Джули мне в ухо. — Пожалуйста, не уходи.

* * *

Я приоткрываю глаза, но не уверен, что проснулся. Музыка всё ещё звучит, хотя громкость теперь нормальная, тропический джаз растворяется в весёлом ритме кантри. Он тоже тихий и неразборчивый, но можно догадаться, что мы переместились в другую культуру. Я нахожусь в какой-то тёмной камере, музыка вытекает из громкоговорителя на потолке, но мне трудно разобрать детали, поскольку перед глазами, как фейерверки в честь дня Независимости, скачут цветные пятна. В голове стучит.

Я слышу скрип петель, и в дверях возникает расплывчатый силуэт. На мгновение его лицо приходит в фокус, но тут же расплывается снова. Этого достаточно, чтобы страх просочился в моё бредовое состояние, потому что я узнаю это лицо. Оно принадлежало умершему. Наверное, я тоже мёртв. Наверное, я умер много лет назад и попал в Ад, в котором планету наводняют голодные дети, ходячие мертвецы и бесконечные бессмысленные войны.

Я набираю воздух в лёгкие и хриплю:

— Перри?

Я ловлю мимолетный испуганный взгляд, а затем фейерверк возвращается...

Я на ферме. Я держу веревку, пока Джули скачет по загону на своём новом жеребёнке. Я никогда не видел её такой счастливой, её лицо как...

Кто-то трясёт меня за плечо. Я хмурюсь и погружаюсь глубже в своё сознание.

Джули прижимается щекой к каштановой гриве жеребёнка, пока я веду его обратно в конюшню...

— *Проснись*, — кричит мужчина мне в ухо.

Я извиваюсь и пытаюсь заглушить его, кто бы он ни был. Этот ужасный будильник тащит меня в отвратительное утро. «Отложить», «отложить», ну пожалуйста, «отложить».

Мы гуляем рука об руку по ферме. Она тёплая и полна историй. Она принадлежала нескольким поколениям моей семьи и досталась мне от доброго и смелого отца. Он ничего мне не внушал, он верил в своего сына и никогда не говорил, что только бог может любить его грязное человеческое сердце.

Музыка смолкает.

Мои глаза открываются.

Мужчина и женщина за узким столом смотрят на меня. Второй мужчина стоит рядом со мной, прижимая оголенный провод к моим рёбрам. Теперь понятно, почему у меня изогнута спина, напряжены запястья и почему я привязан к стулу длинным коаксиальным кабелем.

Мужчина убирает провод и я обмякаю.

— Какой соня! — говорит женщина в жёлтом галстуке, словно мамаша, упрекающая сына-подростка.

— Приносим извинения за доставленные неудобства, — добавляет мужчина в голубом галстуке.

Мужчина в чёрном галстуке возвращается на свой стул.

Я точно мёртв. Меня окружают лица, которые я своими глазами видел на земле окровавленными и обгоревшими. Неужели загробная жизнь так жестока, что мне приходится делить её с этими мерзкими существами?

— Мы рады, что вы проснулись, — Жёлтый Галстук тянется ко мне и кладет ладонь на стол в доверительном дружеском жесте. — У нас есть к вам заманчивое предложение.

Конечно же, это не настоящий Жёлтый Галстук. По крайней мере, не та женщина, которую я видел с балкой в голове. Нос длиннее, губы тоньше. Просто различия в чертах лица теряются на фоне остального: такой же одежды, позы, пустой шаблонной искренности. Волосы Голубого Галстука светлее, подбородок острее, а Чёрный Галстук не такой грузный, но всё же это те же три человека, словно их тела — оригиналы, а души — копии.

Мой взгляд мечется по комнате. Все лампочки разбиты, кроме одной гудящей люминесцентной трубки над головой, которая купает пичменов в бледном безжалостном свете, подчёркивая шрамы под слоем тонального крема на их телах.

Ребятишки, а вы кто такие?

Мы — люди. Сладость или гадость?

В комнате темно, но я вижу, что я один на один с этими существами.

— Где Джули? — спрашиваю я у Жёлтого Галстука. Я не вижу у них никакой иерархии, но, кажется, её задача — говорить людям то, что они хотят услышать. Я хочу услышать, что Джули в безопасности, даже если мне это скажет самый лживый рот в мире.

Она вежливо улыбается. Я пытаюсь встать и понимаю, что мои лодыжки привязаны к ножкам стула.

— Приносим извинения за неудобства, — повторяет Голубой Галстук. — К сожалению, из-за недавних событий нам необходимо сдерживать вас, чтобы обеспечить безопасность сотрудников Аксиомы.

— Где Джули? — кричу я ему, но они натягивают холодные пластиковые улыбки, которые дают мне понять, что говорить с ними как с людьми не выйдет. Это не разговор, это торговля.

— Нет сомнений, что вы осведомлены о страшной трагедии, которая случилась на Стадионе, — говорит Голубой Галстук, делая серьёзное и почтительное лицо. -

Неправильное хранение боеприпасов с истёкшим сроком годности привело к взрыву, который забрал порядка сотни жизней, в том числе руководство города.

— К счастью, — вторит ему Жёлтый Галстук, — Аксиома находилась по соседству и оказалась готова помочь нашим новым соседям на западном побережье. Тесно сотрудничая с действующими отрядами охраны Стадиона и медицинскими бригадами, мы смогли локализовать ущерб и оказать помощь пострадавшим.

— Это сделали вы, — бормочу я, глядя на стол. — Все узнают, что это сделали вы. И они пойдут против вас.

В памяти всплыл момент из сна — разговор, которого на самом деле не происходило.

«Верь мне, малыш. Я знаю своё дело».

— Мы послали наших лучших людей, на место погибших командиров Стадиона,

— говорит Жёлтый Галстук, — и оставшиеся руководители с удовольствием приняли нашу помощь.

Я начинаю мотать головой и напрягать связанные руки.

— Мы столкнулись с небольшими трудностями, — говорит Голубой Галстук, —

связанными с неживым населением на Стадионе и прилегающих территориях.

Я замираю и поднимаю глаза.

— С тех пор, как мы прибыли на западное побережье, — говорит Жёлтый Галстук, — мы столкнулись с удивительной... удивительной... — Она моргает, — вещь. С удивительной вещью, — впервые её улыбка дрогнула, а на лице появилось беспокойство.

Голубой Галстук выручает её.

— Мы встретились с необычными неживыми людьми. Которые не... Которые подают удивительные признаки... — она кривится и опускает голову.

— Жизни? — подсказываю я.

— Мы столкнулись с неизвестными. Они ведут себя иначе. Мы не в состоянии предугадать их поступки, и это создаёт опасность.

— Аксиома хочет помочь, — говорит Жёлтый Галстук. — Мы хотим обеспечить безопасность этого региона и всего мира.

— Но это невозможно, пока они существуют, — говорит Голубой Галстук. — Невозможно обеспечить безопасность, когда здесь живут сотни тысяч неизвестных.

Наступает тишина. Жёлтый и Голубой Галстуки смотрят на меня с выражением боли на лицах. Какой абсурд, я понимаю, что смотрю на Чёрный Галстук и жду его предложений, но он всё так же немногим отличается от статуи.

— А что вы от меня-то хотите? — наконец огрызаюсь я. Будто игла звукоснимателя встаёт на дорожку — их улыбки появляются снова.

— Вы такой же, как они, — говорит Жёлтый Галстук, её ладонь опять скользит по столу, едва не касаясь меня. — Но вы другой. Вы влияете на них.

— Нет, я не влияю.

— Всем известно, что вы стали причиной этих отклонений, — говорит Голубой Галстук. — Неизвестные появились из-за вас.

— Я ничего не делал. Это просто случилось.

Жёлтый Галстук наклоняется близко-близко и пристально смотрит на меня.

Это значит, что пора перестать притворяться и начать быть честными друг с другом.

— Нам нужна ваша помощь, — мягко говорит она. — Мы хотим, чтобы все были в безопасности. Мы хотим навести порядок. Но общаться с этими необычными людьми очень сложно. У них неестественная устойчивость к нашей помощи.

Её лицо примерно в полуметре от моего. У неё большие умоляющие глаза. Я замечаю, что тональный крем покрывает всю её шею и ниже. Мне интересно, он покрывает всё тело полностью, придавая бронзовый оттенок грудям, покрытым сеткой вен, и смягчает её высохшие дырки? Из-под её воротника пахнет чем-то вроде перезрелого ананаса.

— Трупы знают, как пахнет смерть, — говорю я, пристально глядя ей в лицо. — Твой дешёвый парфюм не скроет этот запах.

Её лицо застывает на мгновение. Затем она расплывается в улыбке. Чёрный Галстук обходит стол и тычет проводом мне в шею.

— К несчастью, — говорит Голубой Галстук, пока я бьюсь в конвульсиях, — если вы сейчас не способны оценить плюсы работы с нами и риски в случае отказа, нам придётся вас заставить.

— Если во время нашего разговора вы вдруг решите принять наше предложение, — говорит Жёлтый Галстук. — просто скажите «да».

Боль от удара током довольно странная. Такое напряжение не способно причинить

большого вреда, но мои нервы бьются в истерике. Мышцы закручиваются в узлы, кости сигнализируют мозгу, что они разрушены, а мозг жалуется на горячие угли и удары кинжалом. Но, когда Чёрный Галстук убирает провод, никаких повреждений не наблюдается. Как говорят в спорте: «Нет крови — нет фола».

Потрясающе.

Пичмены смотрят на меня и ждут. Я сижу на стуле, безучастно разглядывая комнату. Они хмурятся и Чёрный Галстук тычет проводом мне в горло.

Вены на моей шее вздуваются. Боль пронзает позвоночник, и я могу поклясться, что мозг поджаривается, как мясо в микроволновке. Я смотрю на эти страдания с балкона своего отеля, делая снимки фотоаппаратом с большим зумом. Боль реальна. Я понимаю, что я в агонии. Но мне всё равно.

Чёрный Галстук убирает провод, и Жёлтый и Голубой выжидающе смотрят на меня.

Я пожимаю плечами.

— Бесплезно демонстрировать свою выносливость, — с приклеенной улыбкой говорит Голубой Галстук. — Вы не переживёте нашу беседу. Она будет продолжаться до тех пор, пока не наступит один исход из двух возможных.

— Первый вариант — вы работаете на нас, — говорит Жёлтый Галстук.

— Второй — вы умираете.

Я снова пожимаю плечами.

— Я уже был мёртв. Это не так уж и плохо.

Теперь они улыбаются уже не так уверенно. Я наслаждаюсь тремя секундами своего триумфа, затем пичмены вскидывают головы и прислушиваются. Я слышу за стеной позади себя шум, грохот мебели, приглушённый крик. Пичмены неподвижно и бессловесно рассматривают меня, словно радостные манекены, и будто ждут чего-то.

Из-за стены раздаётся громкий стон боли, смешанный с яростью и возмущением.

— Пошли на хер! Пошли на хер, разодетые мешки с дерьмом! Перекачанные ублюдки!

Джули.

Я дёргаюсь под своими путами, пытаюсь развернуть стул в другую сторону.

— Джули! Я здесь!

Снова вскрик. Теперь в нём больше боли, чем гнева. Ни слова.

— Что... с ней делают? — рычу я, и моё самообладание тает в приступе паники.

— Мы делаем ей аналогичное предложение, — говорит Жёлтый Галстук.

— Она тоже устойчива к боли? — спрашивает Голубой Галстук.

Крики Джули становятся всё громче и громче, а потом внезапно обрываются, переходя в плач.

Я зажмуриваюсь. Я вижу фейерверки. Я вижу огонь. Я вижу, как он пожирает крыши, я вижу выбегающих из школ детей. Я вижу восхищенные лица, аплодисменты, отблеск оранжевого света в глазах и бутылку с запровленной в неё пылающей тряпкой в моей руке...

Я вижу дешёвую коробку из фанеры, опускаемую в яму, проповедника, который прыскает на неё, словно мочится в туалете, а дураки смотрят на это и притворяются плачущими...

Я вижу в лесу женщину-блондинку, она избита и окровавлена, её глаза полны отвращения. Она приставляет к своему лбу мой пистолет...

Я открываю глаза.

Джули привязали к стулу рядом со мной. Наши плечи почти соприкасаются.

Она смотрит на меня и виновато улыбается, а её глаза мокрые и красные.

— Привет, Р, — говорит она.

Её лицо покрыто мелкими синяками. Нижняя губа разбита и раздута. На шее чуть повыше ключицы — моё любимое место для поцелуев — сине-коричневые следы от ожогов.

Я чувствую, как провода впиваются мне в лодыжки и предплечья, стул скрипит от напряжения.

— Перестань, — нежно говорит она. — Я в порядке. Нельзя дать им то, чего они хотят.

— К сожалению, — говорит Голубой Галстук, — сейчас мы должны продолжить разговор.

— Помните, — говорит Жёлтый Галстук. — Как только вы решите принять наше предложение, просто скажите «да».

Чёрный Галстук подносит провод к ожогу на шее Джули.

— Остановитесь! — кричу я, когда она начинает корчиться. — Хватит!

— Если вы хотите принять наше предложение, просто скажите...

— Мы *не можем*... сделать то, что вы хотите! — мой язык меня не слушается. — Даже если... мы бы хотели... *не можем*! Мы не контролируем Мёртвых!

— Судя по нашим отчётам, вы — лидеры неживого населения, — говорит Жёлтый Галстук. — Мы с нетерпением ждём возможности сотрудничать с вами, чтобы достигнуть большего взаимопонимания.

— Да! — рычит Джули сквозь сжатые зубы, корчась на стуле. — Да!

Чёрный Галстук убирает провод от шеи Джули, и она тяжело дыша откидывается назад.

— Вы согласны помогать нам? — улыбка Жёлтого Галстука излучает доброжелательность.

— Да, — сопит Джули.

Я пристально смотрю на неё и не понимаю, что сейчас чувствую.

— Конечно же, вы в курсе, — говорит Голубой Галстук, — что наши беседы останутся доступными для вас на протяжении всего времени, что мы будем сотрудничать. Если в какой-то момент вы перестанете нам помогать, они возобновятся.

— Мы требуем постоянной приверженности, — говорит Жёлтый Галстук. — «Да» должно быть больше, чем просто слово.

— Ох, — говорит Джули, выпрямляясь на своём стуле. — Тогда, конечно, нет. Жёлтый Галстук наклоняет голову и надувает губы, как разочарованная мама.

— Приносим извинения за нашу неспособность договариваться, — говорит Голубой Галстук.

Чёрный Галстук откладывает провод и открывает ящик с инструментами.

— Джули, — я умоляю её, но я не знаю, чего прошу. Я хочу сдать? Я хочу сделать всё возможное, чтобы помочь им завладеть Мёртвыми наряду с Живыми? Какую часть мира я готов испепелить, чтобы защитить Джули?

— Всё хорошо, — говорит она. — Всё будет хорошо.

Чёрный Галстук достаёт пару кабельных ножниц. Он кладёт их на колени Джули и пытается разжать её кулак, чтобы положить пальцы ровно на подлокотник стула.

— Нет, — говорю я. — Нет. Нет. Джули, я не могу...

— Р, послушай меня, — её голос начинает дрожать. — Я не собираюсь им помогать. Это мой выбор, так что не важно, что они сделают со мной...

Она бросает взгляд на свою руку — Чёрному Галстуку удаётся распрямить её пальцы и

он берёт ножницы. Она снова смотрит на меня огромными перепуганными глазами.

— Не важно, что они сделают со мной...

Она визжит. Кончик безымянного пальца с жёлтым лаком на ногте падает вниз, катится по грязному полу и исчезает под шкафом.

Мой разум превращается в топку беспорядочного ужаса.

— *Стой!* — кричу я Жёлтому Галстуку. — Я сделаю это! Что бы вы от меня не хотели, я это сделаю!

— Р! — свирепо рывкает Джули. — Ты не сдашься из-за меня! Это мой выбор, и, чёрт подери, я сама его сделала!

Чёрный Галстук переставляет ножницы выше, к основанию её пальца.

— Ты не обязан всегда меня защищать, — её голос внезапно становится мягким, и ей даже как-то удаётся выдавить улыбку. — Я люблю тебя не поэтому.

Раздаётся тихий звук, будто трескается свежая морковь.

Кровь на рубашке Чёрного Галстука похожа на одну из картин Джули. Она стесняется своих работ, а ту просто презирает, как она говорит: «Глупая попытка быть Джексоном Поллоком^[2]». Но мне всё равно, что это подражание, потому что я ценю форму, яркие цвета, страсть в бешеных мазках её кисти...

Я ломаю передние ножки своего стула, делаю выпад в сторону Чёрного Галстука, роняю его на пол и бью головой снова и снова. Ломаю ему нос, дроблю глазницу... Я собираюсь продолжать, пока не переломаю ему всё, пока наши головы не смешаются в единую массу фрагментов костей и тканей...

Он тычет в основание моего черепа проводом под напряжением, и теперь я её чувствую. Настоящую боль, которая рвётся из глубин моего мозга, трещит в глазах и зубах. Я падаю со своего балкона на грязную улицу, местные жители обступают меня с битами, ножами и кулаками наготове и шипят: «*Добро пожаловать, чужеземец. Это всё, на что ты надеялся?*»

Я вижу над собой Джули. Я корчусь на полу, а мне на лицо, как тропический дождь, падают тёплые капли её крови. За её агонией я вижу печаль. Я вижу горе. Я вижу, как наша хрупкая маленькая мечта исчезает в темноте.

В БРЕДУ я вижу проплывающие мимо меня лица. Я вижу пичменов — их ухмылки исчезли, выражения лиц стали вялыми, они общаются друг с другом короткими жестами и редкими фразами. Я вижу Джули — её утаскивает мужчина в бежевой куртке. Я кричу и отчаянно пытаюсь найти своё тело в удушающей темноте. Мне удаётся пошевелить конечностями и издать слабый стон. Мужчина в бежевой куртке оборачивается. В конце размытого туннеля я вижу лицо старого знакомого.

У Перри взволнованный взгляд. Он кивает головой, словно хочет сказать: «*Не паникуй. Все будет в порядке*». По какой-то причине я ему верю. Перестаю дёргаться и наблюдаю за призраком убитого мною парня. Он тащит тело девушки, которую мы оба любим. Я погружаюсь назад в темноту.

* * *

— Слышишь меня... посмотри наверх...

Мягкий призрачный голос, который не идеально попадает в ноты, но имеет богатый тембр.

— Облака плывут выше... окно открыто... пора отрастить пару крыльев...

Знакомый мотив. Слова знакомы вдвойне. Кадры из фильма переплетаются с мелодией из памяти. Девушка в поле. За несколько миль от неё к ней бежит мужчина.

— Посмотри наверх... посмотри...

Я открываю глаза. Джули смотрит на меня сверху вниз и улыбается. Моя голова покоится у неё на коленях, и Джули гладит меня по волосам правой рукой. Левая, обёрнутая в окровавленную марлю, безвольно лежит у неё на колене.

— Лентяй, — шепчет она. — В последнее время ты очень много спишь. Выспался?

Я приподнимаюсь и падаю ей на плечо, поскольку моя голова лопается как пузырь на воде, отзываясь болью в каждом уголке тела. Мой мозг. Этот кусок вареной говядины, который я так долго оберегал, единственная часть меня, которая, как я считал, стоит этих усилий. Как он может работать, когда его пронзает такая боль?

— Полагаю, ответ — «нет», — говорит Джули. Она снова пробегается пальцами по моим волосам, нежно массируя голову. Это помогает.

Мы сидим на кафельном полу у облицованной плиткой стены. В тёмной комнате стоит кислый запах. Единственный свет падает из зарешеченного окна на двери — в коридоре снаружи мигает лампочка. Мы в камере. Поймана пара юных нарушителей, которая встряхнула этот город. Которые пьют. Курят. Обжимаются в автокинотеатрах.

— С тобой... всё в порядке? — хриплю я, пытаюсь заползти назад в своё тело. Она хохочет.

— С тем, что от меня осталось. Наши хозяева были довольно милы и наложили мне швы, поэтому я думаю, что они пока не собираются меня убивать. Урааа, — её пальцы ощупывают место вокруг ожога на моём затылке. — А ты как?

Я сажусь прямо и смотрю в пустоту, ожидая ответной боли. Моё тело словно вяленое, иссушенное, а суставы и мышцы слегка поджарились. Подкатывают волны тошноты, сопровождающиеся лихорадочным жаром. И, конечно, голова. Кровь пульсирует в суженных

сосудах, давит в переносицу, стучит в глазницах.

— Просто небольшое похмелье, — бормочу я. Она горько улыбается.

— Бешеная ночка.

Мы замолкаем. Будут ли похороны? Будет ли день, когда мы сможем остановиться и осознать, что нить жизни Лоуренса Россо оборвалась? Или его сметут вместе с остальными трагедиями дня и сбросят в мусорную корзину нового мира, где смерть — не заголовок в газете, а всего лишь ежедневная погодная сводка?

Джули встаёт и медленно обходит комнату. Мигающий свет из-за двери освещает ряд раковин и туалетных кабинок. Наша тюрьма — это сортир. Джули останавливается напротив разбитого зеркала и двигается из стороны в сторону, разглядывая себя со всех сторон. Опухший глаз. Разбитая губа. Повсюду синевато-коричневые пятна от ожогов.

— Прекрасно выглядишь, Джули, — ворчит она. — Очень хороший год для Каберне.

Я замечаю, что она прихрамывает.

— Что с ногой? — спрашиваю я.

— Просто суставы ломит. Электричество — это больно, да? Я всегда считала, что пытки током самые лёгкие, потому что тебе ничего не ломают и не режут, ну, ты понимаешь... — она поднимает забинтованную руку. — Эти увечья остаются навсегда. Но мне всё ещё довольно плохо, поразительно.

Я не могу оторвать взгляда от её руки.

— Иди сюда, сядь рядом, — я чувствую, как мой голос дрожит.

Она бросает последний взгляд в зеркало. Откидывает со лба прядь волос, открывая ещё одну глубокую царапину. Вздыхает и возвращается в мой тёмный угол, скользит спиной вниз по стене и садится напротив. Я беру её перевязанную руку, смотрю на недостающий том на книжной полке её пальцев. Они украли её кусочек. Она не стала меньше, она осталась такой же, но я чувствую потерю. Она — это не только её тело, но её тело — это она, поэтому я его люблю. И его часть исчезла.

Она наблюдает за тем, как я её изучаю, и, когда замечает, что на моих глазах заблестела влага, отдёргивает руку.

— Посмотри на это с другой стороны, — она натянуто улыбается. — Если мы когда-нибудь решим пожениться, тебе не придётся покупать кольцо.

* * *

Мы потеряли счёт времени, сидя в темноте. Никто не приходит и не уводит нас на следующую «беседу». Никто не ставит под дверь еду. Над кабинками включается динамик, и сначала играет заурядный инструментальный рок, затем на середине переключается на инструментальный хип-хоп, а потом выключается. Включается снова, начинает играть классическая музыка. Наверное, это психологическая пытка, а может, дурацкая идея создать нам атмосферу. Я стараюсь не обращать внимания.

— Моцарт, — горько усмехается Джули, глядя на динамик. — Это же вершина музыкального искусства, правда? Величайшее человеческое достижение? А мы используем его для фоновой музыки в туалетах. Нам на него буквально насрать.

В её голосе сквозит боль. Время от времени она судорожно сжимает свою правую руку. Когда музыка выключается, она сразу же обращает внимание на пятно света на полу.

— Как думаешь, сколько ещё проработают солнечные батареи? Когда мы и все, кого мы

знаем, умрут, эта лампочка всё ещё будет мигать?

Я смотрю на неё с тревогой.

— Прости, — говорит она, встряхивая головой. — Я пытаюсь отвлечься. Она встаёт и подходит к двери. Прижимается лицом к решётке.

— Эй? Здесь есть другие заключённые? Кто-нибудь ещё наслаждается божественным клиентским обслуживанием Аксиомы?

Она пинает дверь. На ней остаётся след от ботинка, но тяжелые петли только слегка дрожат.

— Эй! — кричит она, в её сарказме слышно отчаяние. — Эй!

Она пинает дверь второй раз, кривится и сгибается пополам, держась за руку.

— Господи, — шепчет она. — Это правда больно. По коридору разносится эхо тихого голоса:

— Джули?

Её глаза распахиваются шире и она подскакивает обратно к окну.

— Нора?

— Приветик.

На лице Джули отражается волна смешанных эмоций: она весело смеётся, хотя на глаза наворачиваются слёзы. — Я так рада, что ты здесь.

— Ты рада, что я в тюрьме? Ну, спасибо. Джули хохочет ещё громче.

— Потому что я эгоистичная сучка. Конечно, я рада.

Я стою позади Джули и вижу в нескольких метрах по коридору окно другой камеры. Между прутьями решётки виднеется вьющийся локон.

— Р с тобой? — спрашивает Нора.

— Да, он здесь.

— Что это? Чего им надо?

— Даже не знаю. Они думают, что мы контролируем Мёртвых. Психи.

— Ты в порядке?

— В основном, да. Хотя случилось вот что.

Она просовывает в окошко перебинтованную руку.

— Ох, Джулез...

— Ага. Теперь мы сёстры по культяпкам.

— Мне жаль.

— Спасибо.

— Ты привыкнешь. Мне это мешает только тогда, когда я играю на гитаре.

— Всё равно я не собиралась становиться музыкантом. Этот ген умер вместе с отцом, — она делает секундную паузу. — А ты? Ты в порядке?

— Они не долго возились со мной. Я здесь за мелкое хулиганство.

— Что случилось?

— Они хотели забрать моих Оживающих. Ну я и пристрелила парнишку.

— Вот это моя девочка. Пауза.

— Джулез?

— Да?

Опять пауза, на этот раз длиннее первой.

— Я слышала о Лоуренсе. Тишина.

— Мне так жаль.

Джули прислоняется к двери, прижимая лоб к решётке.

— Ага.

— В Морг приходила Элла. Сказала, что хочет кому-нибудь помочь. Я спросила, есть ли у неё медицинская подготовка. Она сказала, что двадцать лет назад ходила на занятия по сердечно-лёгочной реанимации.

— С ней всё хорошо?

— Я бы не сказала.

Джули притихает и закрывает глаза. Я подхожу к окошку.

— Нора, ты видела М?

— Маркуса? Нашего великого туриста? Конечно, нет. Но если он решит вернуться, то сейчас самое время.

— Он решит, — бормочу я, в основном себе. — Он сказал: «Увидимся».

— Как мило. Но мне он сказал: «Я не заслуживаю жить здесь». Я отхожу от окна. Моё место занимает Джули.

— Сколько мы уже сидим в этих грёбаных толчках?

— Что? Ты не царапаешь чёрточки на стене своей клетки? Где твой тюремный дух?

— Большую часть времени мы провалялись без сознания.

— А. Ну, я уверена, что взрыв был три дня назад. Джули кивает и задумывается, смотря в пол.

— Значит... сегодня 26 июля?

— Если я правильно посчитала, то да, — отвечает Нора. — А что?

К моему удивлению, Джули смеётся. Она смеётся так, как смеются над несмешной шуткой.

— Сегодня мой день рождения.

После недолгого молчания Нора раздражается горьким смехом.

— Тогда с днём рождения, сестра по культяпкам! Всего наилучшего, целую!

— Р, где мой подарок? Что ты за парень вообще?

— Просто представь, теперь ты достаточно стара, чтобы покупать пиво!

Я слушаю, как девчонки бьются в припадках смеха, обмениваются клишированными фразами по поводу дня рождения и шутят над своими общими увечьями, но не могу заставить себя присоединиться. У меня не настолько мрачное чувство юмора. Конечно, линия, которую переступила Джули, довольно субъективна, и, в конечном счёте, бессмысленна, но я не так представлял себе вступление Джули во взрослый возраст. Она много лет была взрослой, во всех смыслах. Дольше, чем я. Но какая-то старомодная часть меня хотела отметить этот официальный шаг в зрелость. Я хотел проснуться пораньше и положить на подушку ромашки. Чтобы весь день играла только её любимая музыка. Может быть, я бы даже попробовал испечь торт.

А вместо этого я устроил ей вот такую вечеринку. Мы сидим в камере и ждём следующего раунда пыток. *Сюрприз!*

Я слушаю, как две подружки высмеивают друг друга, и спрашиваю себя — может ли их смех оказаться чем-то вроде сигнализации, потому что, словно по команде, дверь распаивается и по коридору стучат тяжёлые сапоги.

Смех обрывается. Джули пятится назад, пока не наткнется на меня, и я обнимаю её, вбирая ледяную дрожь, сотрясающую её маленькое тело.

— Р, — шепчет она, когда на окно падает тень, и холодная пугающая рептилия в моей

голове начинает изучать объекты в комнате. Зеркала. Осколок стекла...

Дверь открывается, и входит Перри Кельвин.

У Джули подкашиваются колени. Она виснет на мне. Я оступаюсь, падаю назад и остаюсь сидеть, держа её за подмышки.

— Пора идти, — говорит Перри, подавая мне руку. — Скорей.

Вдалеке за стенами я слышу шум. Яростные крики, стук кулаков в дверь. Лицо

Перри скрыто тенями, но густые брови, хриплый голос и протяжная интонация... Я не знаю, кто он такой, как он здесь оказался и могу ли я ему доверять, но я не могу представить сценария хуже, чем тот, о котором уже думал. Я беру его за руку и встаю, таща Джули за собой.

Она пристально смотрит на него и не может произнести ни слова, но уверенно встает на ноги и следует за нами.

— Эй! — кричит Нора. Я вижу, как она цепляется за прутья решётки. — Отпусти их дерьма кусок, они не могут ничем вам помочь! Я — медсестра Оживающих, они зовут меня Королева Грин! Если кто-то и может ими управлять, то это я!

— Это твоя подруга? — спрашивает Перри.

— Кто ты? — шепчет Джули, отрывая взгляда от его глаз. — Кто ты?

— Да, — говорю я ему. — Она — наш друг.

Перри открывает замок в камеру Нору. Она выходит, видит его лицо и застывает на месте.

— Срань Господня, ты похож на... Вдалеке слышен звук сбиваемого замка.

— Потом познакомимся, — говорит Перри. — Следуйте за мной.

Он бежит по коридору, но шокированные девушки остаются на месте.

— Кто это? — со страхом в голосе спрашивает Джули.

— Понятия не имею. Да и неважно, — я беру её за руку. — Мы уходим отсюда.

Она смотрит на Нору, потом на меня, потом на призрака, ожидающего нас в конце коридора. Мы бежим.

КОГДА МЫ врываемся в очередную дверь, я жду встречи с дневным светом, но каждый раз это ещё один коридор, ещё одна комната, ещё одна дверь.

Профессионально залитый бетон внутренних стен сменяется наспех построенными постапокалиптическими конструкциями из заплесневелого гипсокартона, ржавых металлических листов и вездесущей фанеры. Я не помню, чтобы на Стадионе были такие большие здания, поэтому начинаю подозревать, что мы находимся в другом месте.

В наружных комнатах освещение намного лучше, и, пока мы бежим по лабиринту, я мельком поглядываю на лицо Перри. Конечно же, это не он. Как он может быть Перри? Я лично съел мозг того парня, а мои собратья растащили его тело по кусочкам. Он спрятался в глубине моего мозга, стал голосом моей совести. Мы объединили усилия, чтобы спасти наши души. Мы с Перри Кельвином заключили мир, и наши пути разошлись — этот парень не он. Он старше, его кожа сильнее обветрена, челюсть более выражена. Думаю, Нора и Джули тоже это заметили, но невероятное сходство потрясло их, поэтому они молчат, хоть это им и несвойственно.

Впереди появляется дверь с окном, из которого льётся свет. От мысли о нём я едва не пускаю слюни — после трех дней в холодной дыре наедине с темнотой и болью моя кожа будет впитывать солнце как сладкий чай. Не-Перри придерживает для нас дверь, и мы выходим... Это был не солнечный свет. В тёмном углу стоит бледный уличный фонарь, а над головой — удушающее небо из бетона, окрашенного в голубой цвет.

— Добро пожаловать в Купол Голдмэн, — говорит Не-Перри. — Двигаемся дальше.

В отличие от Стадиона, это место не стремится быть похожим на настоящий город. Посреди открытого пространства нет миниатюрных многоэтажек.

Собственно, и открытого пространства тоже нет — кажется, «архитекторы» Голдмэна постарались заполнить конструкциями каждый квадратный метр Купола. Они сливаются в одну скрипучую массу, которая простирается по окружности от земли до выпуклого потолка. Кажется, улица, на которой мы находимся, является единственной. Она пересекает гротескные соты от одного края Купола до другого.

Пешеходы смотрят на нас с паутины головокругительных узких мостиков, соединяющих две половины улья.

Но нет сирен. Нет прожекторов. Никто с большого экрана не приказывает арестовать нас.

— Они послали меня, чтобы я привёл вас на следующую беседу, — Не-Перри ведет нас вниз по улице к ряду утопленных в стены парковочных мест, похожих на гаражи в дешёвых квартирных комплексах. — Я забрал у них рации и запер их в кабинете, но они скоро выберутся, поднимут тревогу и Купол закроется. У нас примерно пять минут.

Он открывает один из пикапов — потрёпанный старый Форд серого цвета с неплохо укомплектованной оружейной стойкой. Джули собирается открыть пассажирскую дверь, но Не-Перри перехватывает её руку.

— Нет. Вы все полезайте в кузов.

— Почему? — спрашивает Нора.

— Там есть несколько верёвок. Привяжите их к запястьям и притворитесь, что вы зомби.

— Чёрт побери! — Джули внезапно выходит из прострации. — Кто ты *такой*?

Он видит холодный блеск в её глазах и понимает, что она на пределе и никуда не поедет до тех пор, пока не получит ответ.

— Эйбрам Кельвин, — отвечает он. — Брат Перри. Джули внимательно рассматривает его.

— У Перри не было...

— Слушай, я сказал, как меня зовут. Сейчас у нас вправду нет времени это обсуждать. Лезь в чёртову машину.

Он прыгает внутрь и захлопывает дверь. Я забираюсь в кузов и девушки следуют за мной. Мы несколько раз обматываем верёвки вокруг запястий и ложимся на ржавый железный пол как связки дров. Я здесь один бледный, но их синяки и запёкшиеся раны компенсируют отсутствие бледности, тем более, что в этом подземелье довольно тусклый свет.

Автомобиль вылетает из гаража, и я смотрю, как надо мной проплывает потолок Купола. Охранник на одном из нижних мостиков смотрит вниз, видит, что везёт пикап, и плюёт. Его болезненно-зелёная мокрота падает в паре сантиметров от моего уха.

— Почти приехали, — кричит Эйбрам через заднее окно. — Заткнитесь и притворитесь мёртвыми.

Я поворачиваюсь к Джули. Наши глаза в нескольких дюймах друг от друга. Мы бьёмся головами об пол кузова. Помнит ли она, как давным-давно я учил её притворяться мёртвой, когда мы впервые пришли в аэропорт? Тогда жизнь была простой — только она, я да несколько смешных трупов.

— Не перестарайся, — шепчу я, когда пикап останавливается под ярким фонарём.

— Просто двигайся неестественно.

Я слышу, как открывается дверь, и к машине приближаются шаги.

— Род деятельности и номер страховки?

— Пилот, помощник по снабжению, комбатант, охранник гостей, — отвечает Эйбрам.-
078-05-1120.

— Цель прибытия?

— Трое мёртвых без категории во вторую кремационную печь.

Я пытаюсь не реагировать на эти слова. Мы и вправду как связки дров. Я знаю, что жечь Мёртвых — обычная практика; я видел, как нас складывали в сочащиеся кучи, обливали маслом и превращали в костры, — Кости любили документировать эту процедуру, чтобы напоминать всем нарушителям о их месте в естественном порядке вещей. Но на короткое время мне показалось, что всё изменилось. Жители Голдмэна с большим интересом наблюдали за происходящим на Стадионе. Они отслеживали наше объединение с Живыми, и, когда Коридор № 2 близился к завершению, а договор о Слиянии был почти подписан, казалось, что появилась реальная возможность для распространения лекарства. Разве может всё так легко рухнуть из-за нескольких дураков с большими пушками?

— Слишком большая машина для трёх трупов, — говорит охранник. — Здесь есть место минимум для дюжины.

— Руководство торопится избавиться от трупов без категорий. Боится, что это начнёт распространяться.

Охранник наклоняется, чтобы взглянуть на нас. Неряшливый мужчина в шапочке и синей фланелевой рубашке вместо бежевой куртки Аксиомы. Один из настоящих

охранников Голдмэна.

— Зомби перестают проявлять агрессию? — спрашивает он, разглядывая моё лицо. — Тебя беспокоит, что это распространяется?

— Они не «перестают проявлять агрессию», они впадают в спячку. Это обманная тактика чумы. Мы не знаем, к чему это приведет, поэтому действуем наверняка.

— Сжигая всех подряд?

— Слушай, если у тебя проблемы с новой политикой нашего города, ты можешь донести своё мнение до руководства, а сейчас открывай ворота, чтобы я мог делать свою работу, лады?

Охранник косится на меня. Я сжимаю зубы и издаю тихий низкий стон — голос измученной души в гниющем теле. Я играл эту роль много лет и, наверное, у меня получилось довольно жалостливо, потому что охранник виновато морщится.

— Ты хочешь сжечь их *живьём*?

— Они не живые, идиот, они зомби! Открывай чёртовы ворота. Охранник освещает фонариком одно лицо за другим.

— Не знаю... Как по мне, эти ребята не похожи на заражённых, — он достаёт рацию. — Я позвоню руководству.

Нора издает драматичный и совсем неубедительный стон, садится, хватая его за голову, бьёт ей об кузов пикапа и кусает его за ухо. Он отпрыгивает и тянется за пистолетом, но Эйбрам уже вышел из машины и прижал к голове мужчины револьвер.

— Брось пистолет, брось рацию и открой ворота.

Охранник роняет вещи на тротуар. Его губы начинают трястись. Он бежит в будку, чтобы набрать код от ворот. К тому времени, как он заканчивает с воротами и стальная дверь открывается, его лицо становится мокрым от слёз и соплей.

— Просто сделай это, — плачет он, прижимая ствол револьвера Эйбрама к своему лбу. — Я не смогу сделать это сам. И я не хочу причинить кому-нибудь вред.

Наконец, Нора и Джули, которые стонали на все голоса, как нелепые упыри в малобюджетных фильмах, перестают притворяться и раздражаются веселым смехом.

— Выше нос, солдат, — говорит Нора. — Чтобы подцепить от меня какую-нибудь заразу, сначала тебе придётся купить мне выпить.

Эйбрам бросает пистолет и рацию охранника в кузов пикапа и прыгает за руль.

Когда мы выезжаем на улицы города, я победно улыбаюсь ошеломленному мужчине, а Нора и Джули машут ему на прощание. Он остаётся стоять с открытым ртом.

МЫ

МЫ НАБЛЮДАЕМ за тем, как Эйбрам Кельвин едет прочь от Купола.

Сквозь нас пробегает волна чувств. Они сложные и противоречивые — радость, печаль, тоска, любовь, — но наши чувства всегда такие. Они наводняют залы Библиотеки как богатый древний напиток, наполненный воспоминаниями. Нечасто случается смотреть на что-то и не впитывать его дух, поскольку всё запоминается как минимум некоторыми из нас. Каждое дерево было опорой, каждый поток — купальней, каждый камень когда-то ранил ноги, разбивал окна или участвовал в строительстве дома. На земле всё имеет для кого-то значение, и не существует человека, которого бы никто никогда не любил.

Если даже у камня есть несколько предназначений, то у человека их тысячи, и мужчина в автомобиле притягивает нас. Мы разделяемся. С наших полок соскальзывает книга. Она тонкая, не имеет обложки, скреплена алой нитью и сильно повреждена. Чернила размылись от слёз, на страницах капли крови. Но в нашей Библиотеке книги могут излечиваться. Они могут расти. Они могут дописать себя.

Некоторые из нас покидают наши просторы. Некоторые из нас наблюдают за Эйбрамом и читают его, в надежде выяснить, кто он. В надежде восстановить страницы, которые вырвал бессердечный мир.

Мы следуем за автомобилем.

Я

ВНУТРИ ЗАЩИЩЁННЫХ СТЕН Коридора № 2 я могу представить, что нахожусь старом мире. Асфальт здесь гладкий и чёрный, со свежей жёлтой разметкой, полностью очищенный от брошенных автомобилей и обломков рухнувших зданий. Нет кратеров от разорвавшихся бомб, нет трещин и выбоин, а трёхметровые бетонные стены отлично скрывают беспорядок снаружи, так что ничего не нарушает иллюзию жизнеспособности города. Плюс ко всему, они гарантируют, что мои прежние менее просвещённые друзья не смогут окружить нас и съесть.

Затем иллюзия исчезает. Стены растворяются в деревянной опалубке и раскаде арматуры, и мы снова оказываемся на обычной улице, открытой городу и его скрытым угрозам. Несмотря на бесчисленные плюсы безопасной дороги между двумя нашими поселениями, я не сомневаюсь, что одним из первых шагов Аксиомы будет заморозка проекта Коридора, чтобы территории оставались разделёнными между правящими группировками. Когда деспоту было на руку объединение народа?

Тёмные облака начинают сбрасывать свой груз, и Джули и Нора ёжатся, когда холодный дождь начинает поливать нашу маленькую компанию. Я вижу нескольких одиноких зомби. Они смотрят в небо, а капли дождя падают прямо в их немигающие глаза. Мёртвые всегда стремятся в город. Каждое утро они выходят из своих жилищ на окраинах, выполняют свою ужасную работу, а потом возвращаются домой, чтобы подремать несколько часов и начать всё сначала. Не так давно некоторые начали менять этот утомительный ритуал. Молодая женщина с серой кожей в безрукавке и юбке — она просто потерялась, отбившись от своего охотничьего отряда, или впервые ощутила холод дождя и задалась вопросом: почему? Или испачканный кровью мужчина, бредущий к Стадиону — он идёт туда, чтобы убивать и утолять голод или чтобы попросить о помощи?

Когда мы проезжаем мимо них, они поворачиваются в нашу сторону и шипят.

Их серебристо-серые глаза полны животного голода. Я говорю себе — успокойся. Всё, что может случиться, не случится в одночасье.

— Видишь, насколько ты продвинулся, Р? — говорит Джули. — Я знаю, что иногда тебя одолевают сомнения, но посмотри на них и посмотри на себя. Никто и никогда не догадался бы, кем ты станешь.

Как всегда она чересчур великодушна, но я принимаю похвалу. Учитывая, что я, кажется, обманул нашего спасителя, в её словах может быть доля правды.

Нора открывает заднее окно.

— Остановись. Мы залезем в машину.

— Мне не нравится дистанция, — Эйбрам не отрывает глаз от дороги. — Потерпите ещё пару миль.

— Эй! Эта часть города принадлежит мёртвым. Я чувствую себя здесь приманкой для акул. Тормози.

Он проезжает еще два квартала, а потом заворачивает в крытую парковку. Пока мы выбираемся из пикапа, я вижу, как он внимательно прислушивается. Интересно, что он больше боится услышать: голодные стоны моих ребят или рокот вертолётных винтов?

Джули прыгает на пассажирское сиденье, не обращая внимания на нехватку места для ног.

— Итак, — говорит она, пристально разглядывая Эйбрама, пока мы с Норой кое-как пытаемся поместиться на заднем сиденье. — Ты готов поговорить?

Эйбрам делает медленный выдох.

— Все пристегнулись?

Колени Норы упираются ей в грудь, а мои мне в подбородок.

— Даже если мы попадём в аварию, то всё равно никуда не денемся, — отвечает Нора.

Эйбрам вырывается из гаража и едет на юг по шоссе, пробираясь сквозь автомобильный мусор. Дождь барабанит по лобовому стеклу, превращаясь в жирные брызги.

— У Перри не было брата, — говорит Джули.

— Он плохо меня помнил. Когда мы виделись в последний раз, ему было пять лет. Наша мать не любила говорить о людях, которых мы потеряли. Говорила, что нужно жить настоящим, — он ухмыляется. — Очень удобная точка зрения, когда теряешь сына.

Джули медлит.

— Что случилось?

— Как обычно. Монстры нападают, люди умирают, семьи разделяются.

Некоторое время я бродил неподалёку, пытался самостоятельно найти их, потом меня подобрала Аксиома. Прежняя Аксиома, которая тогда ещё была всего лишь отрядом ополчения и только выходила на рынок.

Я подаюсь вперёд.

— А какие они сейчас? Кажется, вопрос его разозлил.

— Другие.

— Они люди?

Судя по его взгляду, я обеспечил себе статус идиота.

— Кем ещё они могут быть, чёрт возьми?

Джули пытается вернуть беседу в прежнее русло.

— Ты вырос среди них? Под их опекой?

Он медлит, потом хихикает и переключает внимание на дорогу.

— Думаю, можно сказать и так. Дикий ребёнок, воспитанный волками.

— Тогда почему бы тебе не вернуться к ним? — Нора скрещивает руки на груди. — Зачем ты нам помогаешь?

Впереди рассыпалась и перегородила дорогу одна из множества куч сплюснутых автомобилей. Эйбрам включает полный привод и направляет машину через груды кузовов. Они, словно смятые пивные банки, ожидают дня переработки, который никогда не наступит.

— Если ответить коротко, то я думал, что нашёл свою семью, — дворники протирают лобовое стекло, но дождь снова заливает его. Мир из мягкой размытости вспыхивает отвратительной ясностью и обратно.

— В течение многих лет я находил подсказки, которые указывали на Каскадию. Когда я услышал, что мы переезжаем в Убежище, то попросил задание. Я понимал, что шансов мало, даже если учесть, что у меня был свободный доступ к сотням заключённых — простите, я хотел сказать, *гостей* — и через несколько дней я уже собирался всё бросить. И тут этот парень... — он тычет пальцем в мою сторону. — Этот парень произнёс его имя. Посмотрел прямо на меня и сказал: «Перри».

В машине наступила мрачная тишина.

— Не волнуйтесь, — добавляет он. — Я знаю, что он мёртв.

— Откуда? — тихо спрашивает Джули.

— Разве моё лицо повергло бы вас в такой шок, если бы он был жив? Как по- моему, это очевидно.

Снова тишина. Я готовлюсь к страшному вопросу: «*А как он умер?*» Но сейчас Эйбрам меня щадит.

— Я полагаю, мои родители тоже погибли, — говорит он, глядя через лобовое стекло.

Джули кивает.

Губы Эйбрама вытягиваются в тонкую линию.

— Так что это моё решение.

Мы поднялись на холм на шоссе, и теперь на горизонте позади нас видно Стадион. В заднем окне я вижу, как он удаляется, превращаясь в серый мираж за струями дождя.

— А если ответить длиннее? Эйбрам не отвечает.

— Ты предал Аксиому и просрал свою жизнь только ради того, чтобы поговорить с человеком, который *мог* знать твоего брата?

Я вижу его глаза в зеркале заднего вида. Они такие знакомые. Близко посаженные и карие, как у Перри. Но взгляд жёсткий, словно у него было несколько дополнительных веков, а не лет.

— Нет, — отвечает он и выезжает из леса по маленькой, никак не отмеченной тропе.

* * *

Улица похоронена под толстым слоем гниющих листьев. Свет от фар скользит по ветхим домам с заколоченными окнами и выпотрошенным автомобилям, утонувшим в высокой траве. Наверное, дома выглядели также ещё до апокалипсиса.

— Куда мы едем? — спрашивает Джули.

— На сегодня вопросов достаточно, — отвечает Эйбрам.

В конце улицы, рядом с изрешеченным пулями знаком тупика, есть признаки жизни. Мужчины в бежевых куртках движутся в темноте с тусклыми налобными фонариками.

— Они...

— Я сказал, заткнись.

— Эй, — вклиниваюсь я, подаваясь вперёд, но кажется, это просто формальный жест. Джули смотрит на лицо Эйбрама с каким-то растерянным ужасом. Нет, это не тот парень, которого она любила. Даже не его отголосок.

Когда мы приближаемся ко входу в лагерь, из маленькой палатки выходит мужчина. Он прикуривает сигарету, затягивается и ждёт, пока Эйбрам опустит окно.

— 078-05-1120, - говорит Эйбрам уставшим тоном. Надоевшая процедура.

Охранник проверяет список в блокноте, кивает, затем светит фонариком на заднее сиденье.

— Кто они?

— Новички из Голдмэна. У них еще нет номеров.

Он машет нам рукой, сигарета оставляет в воздухе спираль дыма. Мы едем в лагерь.

Яркий свет от наших фар проникает глубоко в темноту, открывая то, что скрывает слабое освещение лагеря. Должно быть, это была какая-то большая семейная община. Шесть домов на одном участке, сарай и несколько хижин в поле. Мать, отец, их дети и дети их

детей, а может, и дети детей их детей — все спрятались в конце этой улицы в глубине леса, чтобы никто не смог тревожить их новостями и ужасами остального мира. Как они, должно быть, удивились, когда узнали, что кастрюля продолжила кипеть даже после того, как они ушли из кухни. Как были потрясены, когда увидели обжигающий поток, приближающийся к их дверям.

Теперь ферма занята новой семьёй с более активной позицией в отношении к несовершенству общества. Кажется, все дома и хижины переоборудованы в казармы. Солдаты Аксиомы входят внутрь и выходят по различным поручениям, приносят или получают оружие и снаряжение. Позади домов по всему полю располагаются десятки палаток, напоминающих лагерь на музыкальном фестивале — жалкий Вудсток войны.

— Что мы тут делаем? — шепчет Нора, пропустив мимо ушей наставление Эйбрама. — Разве они нас не ищут?

— Здесь очень плохая связь. Зона действия рации едва дотягивает до километра. В лагере ничего не узнают, пока не прибудет посыльный.

— Переговоры не планировались, так ведь? — говорит Джули, наблюдая, как солдаты устанавливают гранатомёт на Тойоту. — Вы бы согласились на Слияние, если бы в этом случае заполучили Стадион, но вы бы всё равно заполучили его, так или иначе.

Губы Эйбрама трогает горькая ухмылка.

— Мы предлагаем инновационные решения современных проблем.

Он паркует машину рядом с одной из хижин. Выпрыгивает из автомобиля и идёт внутрь, а мы идём следом.

В хижине жарко и сухо. Неожиданный уют комнате придаёт огонь, потрескивающий в маленькой железной печи. Здесь есть односпальная кровать и два кресла, телевизор и старая ТВ-приставка. Похоже на комнату мужественного мальчика-подростка, который ищет независимости. Застарелые пятна крови на занавесках говорят о том, что его поиски внезапно прекратились.

Сейчас комната занята женщиной и девочкой. Обе сидят напротив телевизора и смотрят, как взлетает самолёт, как кот играет с пойманной птицей, смотрят, как давно умершие певцы исполняют песни для давно умершего жюри. Калейдоскоп изображений разбрызгивает по стенам комнаты странные цвета.

— Почти вовремя, — говорит женщина, не оборачиваясь.

Девочка бежит к Эйбраму и обнимает его ногу, но он не улыбается. Ей около шести лет, у неё прямые чёрные волосы и смуглая кожа — румяная блондинка точно не её мать. Один глаз девочки большой и тёмный, а второй спрятан под серо-голубой повязкой с нарисованной маргариткой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Привет, сорнячок, — говорит Эйбрам, садит её на руку и приподнимает. — Тебе было весело с Кэрол, пока меня не было?

Девочка печально качает головой.

— Конечно, нет. С Кэрол тебе скучно.

— Она каждые пять минут спрашивала, когда ты вернёшься, — говорит Кэрол. — Я уже готова была сказать, что ты умер, чёртов бездельник.

— Выдалась напряжённая неделька.

— Я слышала. Ты должен мне пять дней с Люком. Эйбрам качает девочку на руке, рассеянно улыбаясь.

— Возможно, какое-то время мне придётся побыть на задании, но когда у меня появятся свободные дни... конечно, — он опускает её на пол. — Спраут, мне нужно, чтобы ты взяла рюкзак и упаковала свои вещи. Мы отправляемся в путешествие.

Кэрол хмурится.

— Путешествие? Что за хрень ты несёшь?

Эйбрам начинает бросать еду и одежду в рюкзак, не обращая на неё внимания.

— Кельвин! Ты не можешь брать ребёнка на задание...

— Спасибо, что присмотрела за Спраут, Кэрол. Если хочешь, можешь идти домой.

Свет на стенах становится красным, и звук телепередачи прерывает сирена.

Эйбрам застывает над своей сумкой.

— Вот дерьмо, — Кэрол бросается к экрану, словно начинается её любимая передача. — Наконец-то им это удалось? Мы завладели федеральным телевидением?

На пустом красном экране около двух секунд звучит сирена, затем калейдоскоп возобновляется.

Медведь вытаскивает из реки лосося. В замедленной съемке лев бросается на зебру. По деревне маршируют солдаты.

— Это грёбаный шифр, — ворчит Кэрол. — Ты помнишь, что он означает, Кельвин? Я не выучила домашнее задание.

— Нет, — спокойный тон Эйбрама противоречит поспешности, с которой он пакует вещи. — Посмотри в инструкции.

Кэрол вытаскивает толстую пачку листов в переплёте и шлёпает его на стол, пока телевизор мигает своей коллекцией изображений-метафор.

— Не могу поверить, что мы продолжаем пользоваться этим устаревшим дерьмом, чтобы передавать сообщения, — говорит она, перелистывая ламинированные страницы. — Почему нельзя сказать прямо?

Эйбрам заставляет себя засмеяться.

— Если бы мы «говорили прямо», люди могли бы действительно нас понять. Этого допустить нельзя.

Кэрол смотрит на него.

— Что?

— Это прописано в названии, — он тычет пальцем в сторону бумаг в переплёте, похожих на инструкцию к какому-то старинному промышленному оборудованию. — *Эвфемизмы, используемые для предотвращения излишнего понимания.*

Кэрол изучает обложку.

— Я скажу это снова. *Что?*

Он застегивает молнию на рюкзаке.

— Забудь. Всё равно я уверен, что это просто учебная тревога, — он направляется к двери.

Сквозь фоновую музыку прорывается угрюмый методичный голос.

«Ничего не происходит без причины. Всему есть своё место». Телевизор показывает гориллу, шагающую по клетке в зоопарке.

«Человек — единственное существо, которое ставит это под сомнение».

Горилла исчезает, появляется тёмная фотография, на которой изображено лицо мужчины.

Лицо Эйбрама.

Кэрол таращит глаза и смотрит на Эйбрама.

— А вот это достаточно яс...

Эйбрам бьёт кулаком ей в висок. Она падает на пол.

— Какого хрена! — кричит Нора.

Он выхватывает пистолет из-за пояса Кэрол и бросает его Норе.

— Ты умеешь этим пользоваться, верно?

Нора открывает рот, чтобы ответить, но в это время кадр с плавающей в крошечном аквариуме золотой рыбкой меняется на фотографию Норы, сидящей на полу своей камеры и хмурающейся в объектив, и ничего не говорит.

— Что за чёрт? — шепчет Джули, когда картинка с щеглом в клетке исчезает, и появляется тусклая фотография Джули на пыточном стуле.

«Когда человек покидает своё место, когда он противится своей природе и отвергает свою роль, тогда приходят страдания».

Спраут смотрит на няню и хнычет. Эйбрам перекидывает рюкзак через плечо и берёт дочь за руку.

— Шевелитесь, — обращается он ко всем присутствующим, а затем выходит.

Мы колеблемся, пытаюсь осознать поворот событий, но стон Кэрол приводит нас в себя и мы бежим. Перед тем, как я захопываю дверь, я бросаю взгляд на телевизор и вижу, как на меня смотрит моё собственное лицо. Я не помню, когда было сделано это фото, но в моей памяти были провалы даже до пыток током и обморока. Несмотря на резкий свет вспышки, я выгляжу на удивление живым. Кожа бледная, но нет фиолетового оттенка, как у Оживающих. Глаза абсолютно нормальные. Коричневые, как грязь, как дерьмо, как глаза шестидесяти шести процентов остальных кареглазых людей планеты (я беру цифры из последних подсчётов, когда они проводились). Как раз то, что я хотел, разве нет? Быть таким же, как любой другой человек, живущий в мире, где страдают дети, подвергаются избиениям женщины, а за рабочими столами сидят дикие животные?

«Когда звезды выпадают из своих отверстий, — говорит телевизор, — дом рушится. Найдите их и верните на место».

Над моим лицом мелькает кадр с логотипом Аксиомы, экран краснеет и звучит тошнотворный сигнал тревоги. Затем возобновляется обычная телепередача.

Счастливые дети на качели из колеса.

Зелёное стекло Башни Свободы, сияющее над юным Нью-Йорком. Извивающийся червь.

Я ЁРЗАЮ НА переднем сиденье, пока мы мучительно медленно и лениво выезжаем из лагеря. Это похоже на попытку притвориться мёртвым, пока медведь грызёт твой череп. Я замечаю, как несколько солдат выходят из своих палаток, освещая фонариками лица друг друга, но к тому моменту, когда разворачиваются поиски, мы уже приближаемся к выходу. Я вижу мерцание телевизора внутри палатки охранника и напрягаюсь, но потом замечаю, что сам охранник всё ещё стоит снаружи, докуривая сигарету. Он кивает Эйбраму и машет нам рукой.

— Господи, спасибо тебе за вредные привычки, — бормочет Джули, наблюдая в заднее окно за облаком дыма.

Как только мы скрываемся из вида, Эйбрам выжимает газ. Старый двигатель грохочет и из выхлопной трубы появляется огонь, но автомобиль ревет и летит вперёд, расплёвывая горсти мёртвых листьев. Вместо того, чтобы возвращаться на шоссе через холм, он выбирает дорогу, проходящую рядом, но скрытую от глаз авиации толстым потолком деревьев.

— Куда мы едем? — спрашивает Джули, наклоняясь к переднему сиденью.

— Потом разберёмся, — отвечает Эйбрам. — Сейчас нам надо отъехать подальше. Джули кивает.

— Оставайся на этой дороге, она единственная расчищена. Примерно через восемь километров будет хороший асфальт, а потом выезд на шоссе.

— Эйбрам, — говорит Нора ему в затылок. — Эта штука по телевизору... это правда канал ЛОТОС?

— Раньше он был каналом, который все знали и любили, но теперь у него поменялись продюсеры.

— Значит, наши фотографии... это «ордер на арест» или что-то вроде того... Эйбрам кивает.

— Они разлетятся по всей стране. Теперь вы официально объявлены в розыск.

Из-за разбитого дорожного покрытия салон автомобиля наполняется равномерным гулом как в самолёте. Дочь Эйбрама зажата между Джули и Норой и выглядит перепуганной. Интересно, что из происходящего она понимает?

— Как они это сделали? — спрашивает Джули после минуты мрачного молчания.

— Сделали что?

— Федеральную телевизионную сеть и радио... люди пробовали настроить их с тех пор, как... девятнадцать? Лет назад был включен сигнал ВАВЛ.

— Двадцать.

— Значит, на протяжении двадцати лет все американцы пытаются взломать эту вещательную систему, и тут появляются твои люди... — её голос дрожит и становится громче, — врываются в наши дома, берут под свой контроль город, и пока происходит вся эта круговерть, ты идёшь вперёд и берёшь Святой Грааль? Единственную рабочую частоту в стране? — она встряхивает головой. — Как?

Я вспоминаю тот краткий перерыв в телепередаче в баре. Камера наблюдения фиксирует помощников пичменов в какой-то странной тёмной комнате. Я слышу тихий стук в дверь в моей голове. *Тук... тук... тук...*

— Она в Стадионе, — бормочу я.

Все, кроме Эйбрама, смотрят на меня.

— Та штука, которая отвечает за вещание, находится в Стадионе, — я вижу след горькой улыбки на лице Эйбрама, и смотрю прямо ему в глаза. — Вы пришли именно за ней.

Он пожимает плечами.

— Конечно, мы не развлекаться приехали.

— Хрень какая-то, — Джули смотрит на него и прищуривается, словно пытается найти подвох. — Люди живут на Стадионе больше десяти лет. Мы вывернули это место наизнанку. Ты говоришь, что вы сидите на частоте ЛОТОСА, которая всё время принадлежала нам, но никто об этом не знал?

— Кое-кто знал.

Джули застывает от возмущения. Потом меняет тон.

— О чём ты говоришь? — тихим голосом произносит она. Эйбрам вздыхает.

— Слушай, я не Главный. Я даже не руководитель, я просто летаю с грузом и присматриваю за заключёнными. Меня не приглашали в курилку обсуждать планы. Но я слышал, что примерно два месяца назад кто-то вклинил в трансляцию своё сообщение.

Джули не отрываясь смотрит на него.

— Это было проделано грубо и наспех, но тот, кто это сделал, знал код, как и мы.

— Что он сказал? — тихо спрашивает она.

— Что на ваш Стадион напали, и нам нужно его защитить. Потому что у вас есть кое-что, что нужно нам.

Джули закрывает глаза. Она принимает случившееся как мученик в ожидании пули — чуть вздрогнув. Я полагаю, что когда её отец пытался её убить, а потом позволил себя сожрать, это был отчаянный заключительный шаг, который не так удивляет, как... предательство, которое ему предшествовало... Годами знать, что у них есть, но предпочесть ни с кем не делиться... Я вижу, что чем больше она думает, тем глубже копается в этом.

Это замечает и Нора, которая пытается сменить тему.

— Кстати, Эйбрам Кельвин, — она хлопает по подголовнику его сиденья. — Кажется, ты очень хочешь познакомиться с нами... Меня зовут Нора.

Эйбрам сухо улыбается.

— Точно. Имена. Там, откуда я родом, мы ими редко пользуемся.

Он бросает взгляд на Джули, но она, задумавшись, смотрит в окно, и Нора отвечает за неё.

— Это Джули. У неё с твоим братом кое-что было.

Улыбка сходит с лица Эйбрама. Как ни странно, но кажется, эта тема его не интересует, поэтому теперь я решаюсь представиться.

— Я Р.

— Яир?

— Р. Просто буква.

Он осматривает меня с ног до головы, как будто необычное имя подразумевает наличие физических дефектов.

— Кто носит имя из одной буквы? Я пожимаю плечами:

— Я.

Он смотрит мне в глаза — проверка на честность, потом фыркает и переводит взгляд на дорогу.

— Кто называет ребёнка «Спраут»? — говорит Нора, и мы подпрыгиваем от

неожиданности, когда Спраут отвечает:

— Я.

Мы впервые слышим её голос.

— Мы назвали её Мурасаки, — вздыхает Эйбрам. — Но однажды я сказал, что она стала большой, как бобовый росток^[3], и по какой-то причине она прицепилась к этому.

Лицо Спраут озаряется улыбкой, обнажающей два неполных ряда зубов, но потом улыбка гаснет, и она снова принимает обеспокоенный вид.

— Где её мать? — спрашиваю я. Джули выходит из задумчивости и бросает на меня суровый взгляд. Я вспоминаю урок, который она преподавала мне в начале моего становления человеком: если член какой-то семьи отсутствует, никогда не спрашивай, где он. Чёрт возьми, ты и так это знаешь.

К моему облегчению, Эйбрам пропускает мой вопрос мимо ушей.

— Между прочим, спасибо тебе, — говорит ему Джули. Она всё еще подавлена, но потихоньку приходит в себя. — У меня еще не было шанса тебя поблагодарить.

Эйбрам оглядывается на неё.

— Спасибо? За что?

— За то, что вытащил нас из Голдмэна. Учитывая, что это произошло на третий день... — она машет забинтованной рукой. — Догадываюсь, что мы бы не протянули дольше.

Он переключает внимание на дорогу, отрицательно покачивая головой, но Джули продолжает.

— Я помню, ты сказал, что у тебя были другие причины бросить Аксиому, но ты по-прежнему сильно рискуешь, таская нас с собой. Если бы ты просто сбежал тайком, может быть, не считался бы сейчас дезертиром... спасибо.

— Я сделал это не ради вас, — говорит он с нотками брезгливости. — Зачем бы мне рисковать жизнью ради каких-то незнакомцев в тюрьме? У вас была информация о моей семье, Руководство хотело вас убить. Отличный повод для побега.

Джули хмурит брови.

— Знаешь что, задница. Я не говорила, что ты герой. Я просто поблагодарила.

Эйбрам мрачно посмеивается.

— Я бросил вас в тюрьму, наблюдал за вашими мучениями, потом увёз сюда, может, здесь бы вас убило моё начальство, а ты говоришь «спасибо», — он снова качает головой. — Я не должен был вмешиваться в естественный отбор. Вам явно не суждено его пройти.

Мои мысли уплывают далеко в темноту за окном, подальше от этой перепалки.

Я представляю одинокого М, бредущего по лесу. Он хватается за голову и стонет, пока прежняя жизнь устраивает в его мозгу гнездо. Может, М бросится в водопад, чтобы положить конец этой неразберихе в своей голове, и напуганная эгоистичная часть меня завидует ему. Завидует его простому поединку, ведь он выходит один на один с самим собой. Я понимаю, что такое внутренний конфликт, но бороться за или против других людей во внешнем мире... намного трудней.

Я смотрю на Джули через зеркало заднего вида в надежде установить какой-нибудь мысленный контакт, обменяться взглядами, которые скажут: «*Вот мы вляпались!*», но она оцепенело смотрит в окно позади нашего непробиваемого водителя, и молчит. Я пристально смотрю на неё, пытаюсь поймать взгляд, но потом замечаю кое-что в окне за её головой. Две точки света проплывают между деревьями. Они появляются и исчезают, потом загораются

вновь. Светлячки? Феи? В мое сознание проникают воспоминания, не те, которые прячутся в забытом подвале моей первой жизни, а те, которые появились в начале второй, но уже успели покрыться пылью. Я бродил по лесу в полном одиночестве, ведомый голодным зверем внутри меня. Я пытался собрать воедино кусочки реальности — что такое деревья, что такое животные, кто я такой — но реальность постоянно менялась. В лесу было что-то странное. В воздухе парили руки и тени, они светились, и сквозь отверстия в воздухе на меня смотрели лица. Кажется, это огни из того самого сна.

Парящие глаза. Чеширский кот. Огни ускоряются, приближаются, и завывание двигателя стирает мои причудливые воспоминания.

Это фары.

— Я думал, за нами будет большая погоня, — бормочет Эйбрам и прибавляет газу. Такая скорость опасна даже на скоростном шоссе, что уж говорить об усеянной листьями проселочной дороге. Я слышу, как позади меня щёлкают ремни безопасности.

Наши преследователи упорно приближаются. Скоро я уже могу рассмотреть контуры их автомобиля — он новее и быстрее. Это мятный Порше.

— Почему они на грёбаной спортивной тачке? — визжит Нора. — Ты столько лет на них работал, а водишь этот кусок дерьма?

— Мне нужно, чтобы ты заткнулась, — цедит Эйбрам сквозь стиснутые зубы. Он пытается не потерять управление, но скрипучая подвеска старого Форда не может смягчить бесконечные выбоины, и я чувствую, как стучит моя челюсть. Двигатель ревёт как раненый медведь.

Порше подъезжает почти вплотную и мигает дальним светом, как дружеское замечание от водителей: «*Эй, приятель, у тебя габариты не работают*». Затем он идёт на таран.

Этот предупредительный удар уносит нас в занос всего на мгновение, но на такой скорости это очень страшно. Спраут в панике начинает плакать короткими всхлипами, и Джули обнимает её.

В свете фар Порше, отраженного от нашего багажника, я замечаю длинную стальную трубку, прикрепленную к их капоту, от которой в багажник идут два шланга. Я поворачиваюсь к Эйбраму, который отчаянно пытается сконцентрироваться на дороге впереди. Не знаю, как помягче преподнести эту новость, поэтому просто говорю:

— У них есть огнемёт.

Он издаёт смешок, на секунду закрывает глаза, собирается с силами, выворачивает руль вправо и даёт по тормозам. Порше пролетает мимо. Эйбрам бросает мне на колени пистолет, и я смотрю на него, как на инопланетную технологию, экзотическую лучевую пушку.

— Я не могу.

— Что, чёрт возьми, значит «не могу»?

— Я не могу стрелять, — я дрожащей рукой протягиваю пистолет Джули, но она успокаивает Спраут и не замечает. Порше делает разворот. Нора хватается ружьё с оружейной стойки и перелазит в кузов через заднее окно. Она садится на одно колено и целится в шустрый Порше, который рисует на дороге букву U и возвращается к нам. Перед тем, как они врезаются в нас, она успевает выстрелить только один раз и падает на спину. Но стекло у водительского сиденья внезапно окрашивается в красный цвет. Порше останавливается. Эйбрам топит в пол педаль газа, и Порше отстаёт от нас на то время, что меняются водители, но потом снова оживает.

— Нора, лезь внутрь! — кричит Джули.

— Минуточку, — отвечает Нора, прицеливаясь. — Я в этом деле очень хороша. Она стреляет. Переднее колесо Порше шипит и начинает трепыхаться... потом дыра запечатывается, и шина надувается снова.

— Это нечестно, — бурчит она.

— Нора, лезь! Они хотят...

Второй удар выбивает слова из губ Джули и роняет Нору на пол кузова. Когда она поднимается на колени, дуло огнемёта смотрит ей в лицо, а его горелка трепещет на ветру, как факел. Она поспешно прыгает в окно и, извиваясь, заползает на сиденье, а Джули задвигает стекло, когда задняя часть автомобиля вспыхивает оранжевым пламенем.

Отличный способ прекратить захватывающую погоню. Когда оконные уплотнители тают, а женщины кричат и прижимаются к спинкам передних сидений, чтобы защититься от жара, я вижу впереди старую заправку — место, где усталые путники перед тем, как продолжить путешествие по дикой местности, могли купить какой-нибудь вяленой говядины и наполнить баки топливом. Задние шины лопаются. Пикап кренится, теряет управление, и я вижу, как на нас надвигается бензоколонка. Перед тем, как мы врезаемся в столб, у меня хватает времени только на одну мысль: «Слава богу, мы пристегнулись», потом мой ремень безопасности выдёргивается из ржавого замка, и я вылетаю через лобовое стекло вперёд головой.

Я ЛЕЧУ.

Я лечу на самолёте. Я лечу в бронированном самолёте, все места заняты пожилыми мужчинами, а один из них сидит напротив меня за столом и улыбается. Он что-то объясняет мне о необходимости и о целях, оправдывающих средства, — он думает, что мне до сих пор нужны какие-то оправдания, что я всё ещё хочу верить, что я хороший человек. Он думает, что такие молодые люди, как я, не могут быстро понять правду о мире, но он ошибается. Я делаю глоток виски и слушаю его бормотание...

Старик исчезает, и я оказываюсь на самолёте поменьше, он терпит бедствие. Океан вечнозелёных растений протирается под нами, блондинка бросает на меня последний взгляд — возможно, это прощание. Джули зовёт меня по имени, деревья раздирают самолёт...

Гравий царапает мне плечи, и я качусь кубарем, пока моё тело не врежется в мусорный бак. Я тут же поднимаюсь на ноги, готовый сражаться с врагами и защищать друзей, но потом вспоминаю — теперь я чувствую боль. Я слабый и уязвимый. Я человек. Я только что вылетел через лобовое стекло. Стекая, кровь попадает мне в глаза, и голова начинает ныть. Я чувствую каждый сантиметр моих повреждений, но прокладываю путь сквозь них. Неровной походкой направляюсь к автомобилю.

Эйбрам выползает из машины и открывает заднюю дверь со стороны Джули. Я чувствую приступ неприятных эмоций — он спасает женщину, которую я люблю, в то время, как я представляю собой спотыкающуюся бесполезную массу, но Эйбрам тянется через Джули и вытаскивает свою дочь. Он садит Спраут на траву на безопасном расстоянии, и когда снова оглядывается на пикап, я уже там. Джули и Нора выглядят целыми и невредимыми, но немного оглушёнными ударом о передние сидения. Заднее окно превратилось в конфорку, воздух пахнет палёными волосами.

Я вытаскиваю Джули, Нора выскакивает следом, и мы бежим к заправке, чтобы спрятаться от неминуемого взрыва. Мужчина в бежевой куртке выходит из темноты с огнетушителем. Он покрывает машину пеной и укоризненно смотрит на нас, — нам должно быть стыдно за то, что мы натворили.

Джули, Нора и Эйбрам ощупывают себя, будто проверяя, не оставили ли дома ключи и кошельки. Но всё оружие осталось в пикапе.

Из дыма выходят ещё двое солдат Аксиомы с ружьями наготове. Первый кладёт огнетушитель и присоединяется к своим товарищам, и я замечаю у него под верхней одеждой серый галстук. Он выглядит нелепо на фоне грубой униформы.

Галстук — это ранг. Цвет — это его функция. Вместе они показывают...

«Заткнись, — огрызаюсь я, заставляя мысли повиноваться. — Ты этого не знаешь».

Серый Галстук достаёт свой пистолет, но не утруждается брать нас на мушку.

Мы уже и так пойманы.

— Ну? — говорит он с нетерпением. — Руки вверх?

Мы поднимаем руки. Я чувствую влагу на затылке. Моя кровь ещё не горячая, но теплее температуры окружающей среды. Хотя тёплая кровь — слабое утешение.

— Паркер, — говорит Эйбрам. — Ты совершаешь ошибку.

Паркер моложе Эйбрама, ему двадцать с небольшим. Он сутулится и лениво улыбается. Выглядит скучающим.

— Этих троих, — он указывает на меня, Джули и Эйбрама, — мы забираем в Купол. Он указывает на Нору.

— Эту можно убить.

— Чего? — возмущается Нора. — Нет, вы не можете! По телевизору сказали: «Найдите их и верните обратно».

— По телевизору показали клетки для этих троих, — говорит Паркер. — Это значит «поймать». А для тебя был аквариум с рыбой, это значит «убить».

— Аквариум — та же клетка, идиот! Вы должны поймать нас всех!

Паркер смотрит на своих коллег.

— Я точно уверен, что аквариум значит «убить». Ну, типа, «кормить рыб».

— Боже мой, ваши шифры полный отстой, — стонет Нора. Паркер пожимает плечами.

— Если я ошибаюсь, то делаю тебе одолжение. Ты ведь всё равно не хочешь идти туда, куда пойдут твои друзья.

— Паркер, послушай меня, — говорит Эйбрам, делая шаг вперёд. Остальные солдаты вскидывают ружья, но он не обращает на них внимания. — Аксиома — это неуправляемый поезд. Беги, пока можешь.

— Закрой рот, Кельвин, — наконец, Паркер поднимает пистолет. — Шаг назад. Эйбрам шагает вперёд.

— Не говори, что не заметил изменений. Мы слишком торопимся, захватываем территории, которые нам не нужны и которые не можем удержать. Ты не слышал ни слова о том, когда игра закончится.

— Игра закончится? — с издёвкой говорит Паркер. — Ты хренов пилот, Кельвин. Оставь «игру» игрокам.

— А кто здесь игрок? Те, кто у власти, и те, кто посадил их туда? Ты хоть знаешь, кто сейчас президент?

Паркер смотрит в сторону, раздумывая.

— Мы получаем приказы от боссов, а те от своих боссов, но если ты спросишь, кто сидит наверху, то в ответ получишь только пустой взгляд. Спроси у этих долбанных «пичменов» хоть *о чём-нибудь*, и ответом будут только пустые взгляды.

Паркер пожимает плечами.

— Хорошо, согласен, они немного жуткие. Я слышал, это результат новых методов обучения, — он щурится. — А что ты считаешь?

— Я считаю, что теперь здесь *небезопасно!* — он делает ещё шаг, но, судя по отчаянию в его голосе, это не уловка, чтобы отвлечь Паркера. Он верит каждому своему слову. — На кого мы работаем? Что мы предлагаем? Если ты не можешь ответить на эти вопросы, то ни о какой безопасности в компании речи быть не может. Что если «наверху» нет никого? Вдруг Аксиома — это обезглавленная курица, которая, следуя оставшимся импульсам, царапает грязь, пока истекает кровью?

Паркер внимательно смотрит на него, потом разражается хохотом.

— Ух ты, Кельвин. Я слышал от тебя разную хрень, но это что-то свеженькое. Как тебе удалось отработать у нас половину жизни и даже ни разу не надеть Коричневый Галстук?

— Паркер...

— Пустая трата времени. Если бы ты научился выполнять работу молча, ты бы уже стал начальником.

— Паркер, *послушай...*

— Так, всё, — Паркер указывает пистолетом на Порше. — Лезь в машину, пока я ещё раз не поразмыслил над шифром и не решил, что птица с клеткой тоже значит «убить».

Эйбрам скрипит зубами и не двигается.

Паркер переводит пистолет с головы Эйбрама на Спраут.

— Знаешь, о твоём ребенке в передаче не упоминалось. Думаю, мне решать, что с ней будет.

— Папочка? — хнычет Спраут, глядя в дуло пистолета, и Эйбрам напрягается, будто по его телу бежит ток.

— Отвали от моей дочери, — рычит он.

— Или что, Кельвин?

— Или я пойду сквозь пули, вцеплюсь тебе в горло и буду душить, пока не умру от потери крови.

Паркер медлит, потом фыркает, чтобы скрыть, что спасовал, и отводит пистолет.

— Ты залезешь в чёртову машину? Мне скучно. Эйбрам берёт дочь за руку и притягивает её к себе.

— Ты дурак, Паркер.

— А ещё я человек в галстуке и с пистолетом, мне пообещали жильё на Манхэттене, а ты отправляешься за решётку.

Эйбрам плюёт на землю и идёт в сторону Порше. Паркер машет пистолетом нам с Джули.

— И вы двое, ребята.

Мы делаем несколько нерешительных шагов. Другие солдаты идут рядом, направив на нас ружья. Паркер толкает Нору пистолетом в спину и говорит:

— В кювет, пожалуйста.

— Разреши ей уйти! — кричит Джули, её глаза начинают блестеть. — Она им не нужна, она не имеет к этому никакого отношения! Забирай нас, но отпусти её!

— Ты... новенькая, так? — хихикает Паркер. — Аксиома никого не отпускает. Нора спускается в грязную от засохших масляных потёков канаву бензоколонки. Паркер обходит её сзади, может, чтобы следить за нами, а может, чтобы обеспечить себе беспрепятственный обзор. Джули смотрит на Нору безмолвно и беспомощно. У Норы равнодушное лицо, но она тихонько кивает Джули, словно освобождая её от ответственности за то, что сейчас произойдёт.

Неужели это правда случится? Жизненный путь Норы Грин пролегал через долгие километры опасностей, горестей и одиночества, и оборвётся в этой канаве, потому что мужчина, которого она никогда раньше не встречала, увидел в телевизоре рыбу? Мой разум отказывается это принимать даже тогда, когда Паркер приставляет ей ко лбу пистолет. Даже тогда, когда Джули бросается к Норе, а солдаты отталкивают её к машине. Даже тогда, когда у меня перед глазами всё начинает плыть...

Но когда Паркер отворачивается, чтобы защититься от брызг крови, из темноты за его спиной появляется фигура. Огромная рука обвивает его вокруг шеи, а большая ладонь опускается на пистолет. Перед тем, как приятели Паркера открывают огонь, ему даются две сладкие секунды, чтобы осознать поворот судьбы. Затем рука разворачивает его к ним лицом, и он становится мясистым мягким щитом для человека, управляющего им, словно куклой. Пока люди Паркера набивают его грудь пулями, его пистолет делает то же самое с их головами, пока рука на его шее, наконец, не разжимается, и трое солдат не падают на

землю.

Огромная рука принадлежит огромному мужчине. Высокому и грузному.

Бородатому и лысому. Его белая футболка запачкана грязью, потом и древесным соком, а теперь еще и залита кровью.

— Вспомнил, — говорит М, вытряхивая пистолет из безжизненной руки Паркера.

— Раньше был рестлером, морским пехотинцем, наёмником... много жестокости, — он с лёгким изумлением разглядывает тела, валяющиеся вокруг него. — Забавно. Всегда думал, что я поэт или что-то в этом духе.

Внутри меня происходит необыкновенное редкое явление. В груди появляется пузырь теплоты. В моей гортани возникают спазмы — я смеюсь.

М поворачивается к Норе.

— Ты в порядке?

Она слишком перепугана, чтобы отвечать, так что просто кивает.

— Закройте уши.

М растаптывает ногой головы дёргающихся тел, выполняя обязанность перед обществом, потом выходит из канавы с улыбкой на шрамированных губах.

— Привет, Арчи.

Я бегу к нему и обнимаю. Он хлопает огромными ручищами мне по спине, выбивая воздух из лёгких.

— Рад тебя видеть, М.

— Это Маркус.

— Боялся, что ты ушёл, чтобы...

— Да ну.

Этого ответа достаточно. Я, улыбаясь отступаю назад.

— Откуда ты взялся? — говорит Джули, убирая ладони от глаз Спраут. — Я думала, ты пошёл в лес.

— Я собирался, — он пожимает плечами. — Но природа скучна. На лице Норы появляется робкая улыбка.

— Спустился к заправке, чтобы найти пива... нашёл, — он морщится и потирает лоб. — Хотел проспаться... а вы шумите, ублюдки... — он разводит руками, показывая на забрызганный кровью Порше, сломанный догорающий пикап и трех мёртвых мужчин в бежевых куртках. — Какого чёрта?

— Маркус, — Нора трогает его за плечо. — Пока ты был в походе, столько всего произошло...

МЫ

В НЕБЕ ОЧЕНЬ тихо.

Если подняться достаточно высоко, тишина становится практически полной.

Нет ощущений, воспоминаний, разговоров на миллионах перекрывающих друг друга языках. Это место — одно из немногих на планете, где толком ничего не происходит. Даже птицы и насекомые ведут свои дела у поверхности земли. Шум пришёл сюда ненадолго лишь однажды, когда люди научились летать, когда они доверили свои жизни стратосфере и наполнили её страхами и фантазиями, ссорами и примирениями, сексом в туалете и паническими атаками. Но эта эпоха прошла как одиночный крик в кафедральном соборе, разнёсшийся эхом и затихший через секунду. Небо снова стало спокойным.

Некоторые из нас любят прятаться здесь. Наши середнячковые книги, апатичные жизни, не побеспокоенные агонией или экстазом, скучные жизненные моменты и воспоминания, — некоторым из нас нравится плыть сквозь новорождённые облака, купаться в пустоте, спасаясь от суматохи Библиотеки, и вздыхать.

Но кое-что нарушает их покой, разрывает мягкую тишину.

Радиоволны. Безмолвные в течение многих лет, они начинают настойчиво вибрировать. Впервые за десять лет бессмысленные записи и визг помех обретают значение.

Мы настраиваемся на их частоту и слушаем. Волнуются даже те, кто, вздыхая, прятались в тишине. Это музыка? Это послание надежды? Голоса, которые пытаются прийти к согласию и построить всё заново?

Нет.

Это вторжение. Захват. Неуклонно распространяющийся яд. Это военные, передающие информацию нелепым шифром, транслирующие злые намерения мультфильмами и картинками. В то же время, это охота. Мобилизация. Когтистая рука тянется, чтобы душить.

«Найдите их и верните обратно».

Далеко под облаками мы видим крошечный свет.

Маленький автомобиль, полный людей. Каждый из них связан с тысячами наших книг. В нескольких километрах позади них начинается преследование. Рации пробиваются через статические помехи, выкрикивая проклятья и отдавая приказы.

Вздыхающие собираются с силами и покидают тишину облаков. Они присоединяются к остальным, тем из нас, кто разозлён, возмущён, обижен и убит, самоотвержен и отважен. Тем и нас, которые чувствуют боль других и хотят это прекратить.

Мы спускаемся все вместе. Движемся вслед за крошечными людьми, наблюдаем и ждём, припадая ухом к шумным нитям жизни.

Время тишины прошло.

М УСТРАИВАЕТ КОЛЕНИ на приборной панели и делает всё возможное, чтобы ужаться в размерах. Переключая передачи, Эйбрам нечаянно задевает его живот костяшками пальцев, и они обмениваются неловкими взглядами. Джули сидит в центре заднего сиденья и держит на коленях Спраут, обхватив её руками, как ремнём безопасности, а я сижу рядом с ней, упираясь коленями в спину М. Я смотрю в окно, пока Нора рассказывает ему о новом мрачном пейзаже наших жизней.

Дождь закончился. Небо излучает слабый серебристый свет. В последние несколько дней мы с Джули много времени провели без сознания, но когда в последний раз по-настоящему спали? Не могу представить, что обмороки после пыток очень способствуют отдыху. Моё тело всё ещё не очень нуждается в человеческих потребностях, — не помню, когда в последний раз я чувствовал голод, и неделя без сна для меня обычное явление, но я волнуюсь за Джули. Я никогда не видел её такой измученной. Она не такая разговорчивая, как обычно, и позволяет Норе рассказывать о событиях. Джули придерживает искалеченную руку, морщась на каждой дорожной кочке, и мне так хочется забрать её домой, снять бинты, смыть с её тела кровь и грязь. Но с каждой пройденным километром понятие «дом» становится всё абстрактнее.

— Ну... — говорит М, когда история Норы подходит к печальному настоящему, в котором мы убегаем от трех мёртвых солдат в неопределённое будущее. — Ясно.

В машине тихо, только грохот мостовой да ровный «тик-тик-тик» застрявшей в покрышке пули.

— Эйбрам, — говорит Нора.

Он молчит со времени перестрелки. Смотрит на дорогу — наверное, это мудрое решение, поскольку скорость перевалила за 140 км/ч.

— Куда мы едем?

— Подальше от них.

— От кого? От тех парней, которых мы убили? Он смотрит на неё через зеркало.

— Скажи, ты ведь не думаешь, что на них всё закончилось?

— Нет, я...

— Они дадут Паркеру примерно десять минут, чтобы отчитаться, а потом отправят другую группу. Если мы сбежим и от них, они отправят две. Потом три и так далее, — он сжимает руль, лавируя между выбоин, и едет прямо по ним, если их становится слишком много. — Всё, как он сказал. Аксиома никого не отпускает.

— Почему они так убеждены в том, что мы важны? — бормочет Джули себе под нос. — В этом нет смысла.

— Для новой Аксиомы не обязательно, чтобы в их действиях был смысл.

— А для старой было обязательно? — спрашиваю я.

Он смотрит в зеркало, чтобы вспомнить того, кто задал вопрос. Со времени нашей встречи он услышал от меня меньше двадцати слов.

— Мы были умными, — говорит он, возвращаясь к дороге. — Мы никогда не были добрыми, забирали, что хотели у любого, кто этим владел, но мы пытались построить безопасный мир и, идя к этой цели, принимали стратегические решения. А сейчас просто пожираем всё, что видим. Так не может продолжаться.

— Не ответил на вопрос Норы, — говорит М.

— Куда мы едем? — повторяет она. — Я не мешала тебе вести, потому что думала, что у тебя есть план.

— План, — он выезжает на автостраду. — Я планировал уехать за пару сотен миль от побережья, высадить вас в каких-нибудь выбранных вами развалинах, увезти дочь в отцовский домик в Монтане и переждать там, пока Аксиома не взорвётся. А у тебя какой план?

Наконец мы выбираемся из скользкой гнили леса на бетонное плато И-5, и Эйбрам разгоняет Порше до скоростей, на которых наверняка не гонял в своей жизни до апокалипсиса. Тогда машины были просто дорогими знаками могущества, полными неиспользуемой мощи.

Сейчас её можно использовать на всю катушку — спидометр показывает 160.

— Он не сработает, — говорю я. — Твой план.

Я жду возражений, но Эйбрам ничего не отвечает.

— Ты не сможешь от них убежать. У них есть самолёты.

— Их не так много, чтобы тратить на охоту за нами, — слабо протестует он.

— У них есть вертолёты. Он молчит.

— Они найдут нас. Скоро. Тишина.

— Эйбрам. Ты не доберешься до своего домика.

— Я знаю! — насупившись, огрызается он, глядя на меня в зеркало. — Но спасибо, что объяснил это моей шестилетней дочери.

Спраут смотрит на меня. Тревога в её глазах приближается к точке росы.

— Они поймают нас?

— Нет, малыш, — говорит Эйбрам. — Посмотри, как мы быстро едем. Они нас не поймают.

— Р, — говорит Джули, видя, как переживает Спраут. — Почему ты так говоришь?

Я смотрю вперёд, разглядывая пейзаж, расстилающийся перед нами от леса до равнин и древних индустриальных руин.

— Нам нужно ехать туда, где они нас не увидят.

Каждые несколько секунд Эйбрам бросает взгляд на зеркало, проверяя плоское пространство автострады. Свет отражается от машин позади нас, но двигается только наш автомобиль.

— Например?

Вдали на горизонте, в розовой дымке рассвета, на вершине радиовышки мигает синий огонёк.

— Дом, — низким басом говорит М.

— Аэропорт? — спрашивает Джули, отслеживая мой взгляд, но не совсем понимая мои намерения.

— Аэропорт, — повторяет Эйбрам. — Ты хочешь спрятаться в самом большом муравейнике на западном побережье.

Я закрываю глаза, собираясь с мыслями.

— Аксиома не пойдёт за нами.

Он недоверчиво смеётся.

— Им и не надо! Мы умрём прежде, чем они узнают, куда мы залезли.

— Ты не понимаешь, — говорит Джули. — Там безопаснее, чем ты думаешь.

— Это значит, что там безопаснее, чем *они* думают, — добавляет Нора. Эйбрам вздыхает, словно его внезапно окружили дети.

— Вы говорите про «лекарство»? Про мёртвых без категорий? Хотите сказать, что Мёртвые в аэропорту «меняются», и теперь всё тихо-мирно?

— Вообще-то нет, — говорит Джули. — Это... сложно объяснить.

— Не сложно. Зомби — это двигающиеся ткани, отвечающие на примитивные голодные импульсы. Они не умеют думать, не могут меняться. Ничто не указывает на излечение.

— Как ты, чёрт подери, в себе уверен, — Джули подаётся вперёд и хмурится, глядя ему в затылок. — Если они не могут думать, как они отличают человеческое мясо от мяса животных? Почему не едят друг друга? Почему охотятся в группах? Откуда они знают, где у нас находятся мозги?

Пальцы Эйбрама впиваются в кожаную оплётку рулевого колеса.

— У них есть базовые инстинкты, но они не *осознаны*. Они не обладают самовосприятием.

— И ты можешь сказать это, просто глядя на них? Ты можешь заглянуть к ним в души?

В глазах Эйбрама блеснула ярость.

— У них *нет* душ! Кем бы они ни были прежде, они исчезли!

Джули смотрит, как он злится, а потом внезапно ласково спрашивает:

— Почему ты так сильно хочешь в это верить? Эйбрам не отвечает.

— Р, — говорит она. — Покажи ему.

Я боялся этого момента, но знал, что он наступит. Я закатываю штанины, просовываю ноги между сидений и кладу ботинки на колени М. Мне понадобилось много времени, чтобы их обнаружить, потому что они были спрятаны в таком месте, которое редко видишь. Я не обращал на них внимания даже когда раздевался в душе и разглядывал своё воскресшее тело. Я всегда думал, что умер от естественных причин, пока впервые не разделся перед Джули. Сначала мне показалось, что она тихо охнула, восхищаясь моим достоинством, и почувствовал прилив уверенности — *может, я буду хорош в этом деле*. Но потом увидел, куда она смотрит, и первая наша попытка сблизиться провалилась.

Эйбрам не охает, но когда он понимает, что это за круглые раны на моих икрах — два ряда высохших, но не заживших проколов ни с чем не спутаешь, — его лицо выглядит немного напряжённым.

— Не знаю, есть ли у меня душа, — говорю я. — Но точно знаю, что не исчез.

М задирает свою футболку, показывая шрамы от зашитых пулевых ранений.

— Как он и сказал.

Взгляд Эйбрама скользит по нашим телам, отмечая наши многочисленные шрамы во внезапно изменившемся контексте. Это не бесспорное доказательство, но очень убедительное. Зачем кому-то врать, что он Мёртвый?

— Лекарство существует, — говорит Джули. — Это не обман. Они не впали в спячку. Они возвращаются.

Эйбрам переводит взгляд на дорогу и молчит. Я не могу расшифровать его эмоции — их одновременно так много.

— Мёртвые в аэропорту застряли между жизнью и смертью, — продолжает Джули. — Они могут попробовать убить нас, а могут и нет. Но если мы останемся здесь, на открытом пространстве, твои друзья точно это сделают.

Эйбрам перестал одержимо проверять зеркало. Может быть, его больше не волнует

погоня, а может, он нам поверил. Он смотрит прямо перед собой, на поднимающуюся из-за горизонта башню авиадиспетчеров.

— Если мы сможем прятаться до тех пор, пока наш след не потеряется, — говорит Нора. — У нас есть шанс от них оторваться.

— И даже если они проследят за нами до аэропорта, — добавляет Джули. — Они будут психами, если последуют за нами. Они увидят, что это место кишит зомби, и решат, что мы погибли. И ты тоже.

У Эйбрама серьёзное безэмоциональное лицо. Он смотрит на въезд к выходу из аэропорта, и, хотя это была моя идея, я слышу, как трус внутри меня умоляет его не ехать туда. Мои воспоминания об аэропорте так же мрачны, как воспоминания о камере пыток, но их больше. Может, я бы предпочёл попасть в плен, нежели снова видеть это место. Но ритм мигающего огонька на вышке успокаивает меня, как маяк необдуманной надежды и пересмотренных сновидений, и Эйбрам выбирает аэропорт.

ЭТО БЫЛ ОТЛИЧНЫЙ день для спасения мира!

Р и Джули, держась за руки, бежали вниз по ярко-зелёному склону, их щёки размялись, глаза сияли. Над головами светило солнце и мелодично смеялись птицы. Внизу, в долине, как прекрасная жемчужина, сверкал аэропорт. Он был полон зомби, которые бродили, вытянув перед собой руки, и врезались друг в друга, хрипя: «Мозгииии!» как смешные старички.

— Мы вылечим их! — смеялась Джули.

— Мы уничтожим чуму! — ликовал Р.

— Любовь всё преодолет! — объявило сияющее солнце.

Р и Джули с бандой своих лучших друзей вприпрыжку забежали в аэропорт. Несколько страшных скелетов пытались их остановить, но Р и Джули взяли за руки, и облако розовых сердечек превратило Кости в бабочек.

— Теперь вы нам не страшны! — сказала Джули, и все засмеялись.

Р вместе с друзьями обежали вокруг аэропорта под весёлую музыку, расклеивая на окна милые картинки и веселя зомби, и тогда зомби сказали:

«Давайте снова станем людьми!». Их серая кожа стала розовой, а серые глаза превратились в голубые, парни влюбились в девушек, и все переженились.

— Я изменил свои взгляды! — сказал папа Джули.

— Я снова жива! — сказала её мама.

— Я всегда буду любить тебя, несмотря ни на что! — сказала Джули, глядя в прекрасные голубые глаза Р, и они поцеловались. Друзья зааплодировали, — это был прекрасный день.

А потом электричество выключилось. Огни погасли. Фрэнк Синатра невнятно забормотал и затих: «*Что-то прекрасное случается летоммммм...*» Р несколько раз моргнул и заметил, что его старые друзья рвут плотки новым, новые друзья стреляют в головы старым, а бежевый пол аэропорта стал чёрно-красным. Р увидел свою жену, которая пряталась сзади, он увидел, как его дети, испуганно и голодно озираясь, поднимают оторванную руку, он увидел панику на лицах Живых и растерянность на лицах Мёртвых. Р и Джули бросились бежать прочь от этого плохого места, задаваясь вопросом: «*Это был сон?*»

* * *

Сейчас мы не спим.

Впереди проступают неясные очертания аэропорта — длинное здание из серого бетона с покрытыми плесенью окнами возвышается как королевская гробница для старого короля. Когда я здесь «жил», это место всегда казалось призрачным, но теперь, когда исчезли Кости и расплылся людской муравейник, оно кажется совсем заброшенным. Ни внутри, ни снаружи нет охотничьих отрядов. За терминалом не слоняются одинокие необщительные Мёртвые. Нигде нет признаков движения. Было бы неплохо, если бы они все разошлись и отправились в город, как пациенты Норы или наш сосед Б. Несомненно, кто-то так и поступил, но не все.

Возможно, все так никогда не сделают.

Мы подъезжаем к входу в зал прибытия и паркуем Порше в спрятанном от посторонних

глаз тёмном углу зоны погрузки. По большей части это чистая зона, но несколько брошенных автомобилей намекают на слишком печальные истории, чтобы размышлять о них. Кем были те люди, которые бросили семейный минивэн и оставили дорожку из рассыпанных вещей, торопясь на последний рейс из Америки? Куда летел самолёт, и не сбили ли его, когда он прилетел? Превратилась ли владелица этого плюшевого пони в умную и сильную молодую женщину, или она стала пятном пепла в Атлантическом океане?

Я заставляю себя отвлечься от нездоровых мыслей. Эйбрам готовится и к длительному путешествию, и к возможной схватке. Он перекидывает через плечо рюкзак и копается в багажнике Порше, пока не находит вещевой мешок, и передаёт её М, поглядывая на него с осторожностью. М отвечает на испытующий взгляд радостной улыбкой, немного омрачённой шрамами на его губах.

Оружия хватит на всех, но после вручения Джули — дробовика, Норе — винтовки, а себе — большого ружья, он неуверенно смотрит на меня и протягивает маленький пистолет.

Я пристально смотрю на блестящую чёрную рукоятку. Мышечная память устремляется в мою ладонь. Успокаивающий вес стали, волнующий толчок отдачи, удовлетворение от брызг...

— Спасибо, не надо, — говорю я, демонстрируя подрагивающие руки. — Я все еще «без категории».

— Если бы я поверил, что ты заражён, — говорит Эйбрам, — я бы повернул к тебе пистолет другим концом. Шрамы ничего не доказывают

Я пожимаю плечами.

Эйбрам протягивает пистолет М, но М проходит мимо него, лезет в багажник Порше и вытаскивает АК-47.

— Вот это мой размер, — говорит он. Эйбрам сомневается.

— Ты умеешь им пользоваться?

М отщёлкивает обойму, проверяет патроны, передёргивает затвор, нажимает на спусковой крючок и защёлкивает обойму обратно.

— Ага.

— Он же сказал, что был морским пехотинцем, тупица, — говорит Нора, выполняя те же действия со своей винтовкой.

— В пехоте только два года, — говорит М. — И еще пять в Грей Ривер.

Эйбрам кивает с фальшивым восхищением, возвращая пистолет в свой вещевой мешок.

— Значит, ты член семьи Аксиомы. Я так понимаю, в Грей Ривер не давали стоматологическую страховку.

— Нам не нужно оружие, — говорит Джули. — По идее, нам даже не стоит его брать, нас могут неправильно понять.

Эйбрам качает головой.

Я не хочу с ней пререкаться, но мои воспоминания об этом месте всё еще живы.

— В последний раз, когда...

— Всё произошло очень быстро. Мы не дали лекарству времени на распространение. Теперь всё будет иначе.

Я не стал спорить, хотя я не уверен. И Джули оставляет у себя дробовик.

* * *

Тихий аэропорт выглядит как-то неестественно. Аэропорты строились ради переполоха, шума и концентрации человеческой энергии. Нет другого места на Земле, где одновременно сосредотачивалось столько различий в маленьком здании; здесь смешивалось столько культур и языков; люди из разных стран питались одинаковой пищей и использовали одни и те же туалеты, складывали рядом одежду, украдкой наблюдали друг за другом при прохождении рентгена, втискивались рядышком на узкие скамейки у выходов, вдыхали запахи друг друга, все были настороже, волновались, куда-то стремились, — весь мир с его противоречиями сжимался здесь в маленькую точку.

Теперь нет. Эти летучие химические вещества давно взорвались, оставив только пустую оболочку. Перед терминалом нет ни одного движущегося существа, и мой страх начинает развиваться в другом направлении: сможет ли это место нас защитить? Если все Мёртвые ушли, здесь не безопаснее, чем где-нибудь ещё. Но я недолго переживал. Мы проходим через пустые линии досмотра и поворачиваем налево, к выходу № 12. Вот они, мои прежние соседи, толпятся на фуд-корте медленным сонным роем. Центр страха в моём мозге никогда так не путался. Я чувствую облегчение или ужас?

Эйбрам одной рукой сжимает руку Спраут, а второй целится из ружья, держась спиной к стене, но остальные опускают оружие и спокойно, осторожно идут вперёд.

— Привет, ребята! — басит М, дружески махая рукой.

Толпа продолжает копошиться. Некоторые пару раз щелкают зубами и снова неуклюже волочат ноги, но большинство остаются стоять неподвижно, с непонятным нам выражением лиц. Они выглядят устало и измучено. Их свинцовые странные глаза смотрят на нас со скорбью и тоской, как смотрят нищие, смирившиеся с голодом. Я чувствую волну жалости и любви к этим существам.

Когда-то я был таким же. Я до сих пор один из них. Тем не менее, каким-то образом я сбежал от этого, но они остались в ловушке.

Когда мы сидели с Джули на холме, был момент, когда я подумал, что было бы проще отпустить их. Не легче, но проще. Мы пришли сюда, чтобы поделиться знаниями и распространить то, что мы могли бы создать. Тогда они увидели бы свет и исцелились. Наше влияние на Кости оказалось молниеносным и довольно драматичным. Их пустые оболочки ощутили сдвиг в атмосфере и изменение реальности, так что они мигом сбежали. Возможно, они ушли искать жилище поспокойнее, другую землю, на которой смогут создать свою вселенную. Но наше влияние на мёртвых, которым еще предстояло обратиться в скелеты, было слабее. Что-то изменилось, и испещрённый шрамами гигант рядом со мной, Б и каждый пациент в Морге Норы является тому доказательством. Но наша попытка идти и нести "благовую весть" была губительно наивной.

Мы их не впечатлили и не убедили. Они ждут чего-то большего.

М шагает вперед в толпу, пожимает им руки и дружески хлопает по спинам. Мертвые хмуро смотрят на него, словно не понимают, что он такое. Ему нужно ещё немного времени, чтобы зажили следы гниения, но у меня остались кое-какие чувства от зомби, поэтому я знаю, что они считают его живым. А это значит, что они в замешательстве, но не потому, что раздумывают, съесть его или не съесть. Здесь что-то другое, более сложное.

Я иду в качающуюся вонючую толпу следом за М.

— Эй, Р?

Я оглядываюсь и вижу, как Джули и Нора мешкают в конце коридора, как дети на причале, которые боятся прыгнуть в озеро.

— Ты уверен в этом? — спрашивает Джули.

— Может, найти какой-нибудь крови и намазаться? — говорит Нора и съедается. —

Как ты проделывал это с Джули?

Я качаю головой.

— Это была не просто кровь. Это означало "я иду с тобой". Теперь такое не работает.

— Почему нет?

Я пожимаю плечами.

— Потому что я больше не Мёртвый. Я погружаюсь в толпу.

— Ты псих! — кричит Эйбрам со своей позиции в конце коридора. — Куда ты пошёл?

Я указываю на дальний конец зала позади тысяч голов зомби:

— Там есть безопасное место, — и иду дальше. Джули и Нора держатся поближе к моей спине, и, пока Джули упорно старается не бояться этих существ, Нора ведет себя чуть более открыто.

— Привет!.. — говорит она сквозь стиснутые зубы. — Как дела?.. Пожалуйста, не ешьте меня...

— Пойдем, папа, — говорит Спраут. Она тянет его за руку, но он не двигается с места.

— Давай! — подбадривает Джули.

— Я не потащу свою дочь через ораву зомби.

— Раскрой глаза. Всё нормально.

— Ты не знаешь, что они будут делать. Она взмахивает руками:

— Никогда не знаешь, кто что может сделать! Да в любой толпе кто угодно может оказаться убийцей, насильником, террористом-смертником. Ты сливаешься с толпой и надеешься на лучшее.

Как и Джули, я тоже принимаю храбрый вид, но у меня не получается притворяться, что мне не страшно. Сражение с этой чумой не дало мне иммунитета. Среди первых важных вопросов в моей новой жизни был: "А что будет, если меня опять укусят?". Но нам не пришлось долго ждать ответа. Самоубийственный побег показал нам, что сейчас происходит то же, что и раньше. Мы присоединяемся к мёртвым. Начинаем сначала.

Несмотря на свою борьбу, несмотря на Мерцание и другие тайны излечения, я так же уязвим, как и Джули. И точно так же завишу от прихотей толпы.

Когда рестораны заканчиваются, толпа редет, и мы оказываемся на открытом пространстве со скамейками и искусственными деревьями. Дальше по коридору еще одна группа зомби стоит вокруг прилавка, глядя на пустой ящик для бубликов, и делает вид, что изучает меню. Женщина за прилавком оступается, наверное, случайно. Толпа инстинктивно встает в линию. Перед тем, как первый человек в очереди мог бы озвучить заказ, новенькая кассирша снова отвлекается, и очередь разочарованно расходится.

Я смотрю на это с огромным интересом. Это сохранились отголоски старых инстинктов или признак начинающегося излечения? Окоченевшее тело растягивает конечности, проверяя свои рефлексы? Я помню, как впервые попробовал настоящую еду. Несколько недель подряд каждый вечер я запихивал в рот хлеб и пытался его проглотить. Иногда я даже умудрялся задержать его в желудке, пока Джули радовалась, а потом уходил в ванную и меня тошнило. Я боялся, что не переживу своё превращение, и не хотел, чтобы она волновалась вместе со мной.

Это произошло примерно через месяц. Я почувствовал старый голод, который не требует человеческих жертв. Я смотрел, как Джули жарит картошку из нашего огорода и

поливает ее соусом, как вдруг мой желудок заурчал. Я хотел есть.

Мне не нужно было высасывать энергию человеческой души, я хотел поесть драников. И я их съел. Второй раз я смог поесть только через неделю, и даже сейчас мое тело отвергает обычное питание, и принимает его только тогда, когда мне начинает угрожать голодная смерть. Но это дало мне надежду, в которой я нуждался, хоть и не знал об этом. Это был шаг.

Сейчас я наблюдаю за этими трупами, толпящимися у прилавков с гастрономией, и я надеюсь на них. Я помогу им сделать следующий шаг.

— Куда он подевался? — спрашивает Джули, поднимаясь на цыпочки, чтобы увидеть сквозь толпу позади нас. Она прыгает на скамейку. — Эйбрам? Спраут?

Мне не нужна скамейка, чтобы увидеть, что в зале их нет.

— Неужели они нас кинули? — она подносит ладони ко рту и кричит:

— Эйбрам!!!

— Потихе, — говорит он, выходя вместе с дочерью из служебной двери. — Ты их разбудишь.

Джули вздыхает.

— Надеюсь, теперь ты понимаешь, как было глупо идти длинным обходным путем. Видишь, все хорошо?

— Я семьёй не рискую, — он останавливает на мне строгий взгляд. — Ну, и где твоё "безопасное место"?

К облегчению Эйбрама — и моему тоже — я не соврал, и наш маршрут не проходит мимо прилавка с бубликами. Справа был коридор, и я привел нас в туннель, который соединяет терминалы А и Б. Позади нас над головами висят знаки, обозначающие уборные и багажные ленты. Книжный магазин называется "Книжная бухта". На стенде с бестселлерами находится пугающий фолиант: "Вселенная Внушения: Как сознание формирует реальность". Я улыбаюсь, вспомнив, сколько часов я провёл, изучая слова в этом аэропорту и размышляя над тем, что они пытаются сказать мне.

— Что? — спрашивает Джули, заметив мою слабую улыбку.

— Ничего. Просто размышляю. Какая у тебя любимая книга? Она задумывается.

— У меня их около пятидесяти.

— Я хочу читать вместе с тобой, — я улыбаюсь шире и представляю, как она сидит рядом со мной на диване, прислонившись к моему плечу, и придерживает пальцами раскрытую книгу. — Давай переделаем нашу столовую в библиотеку?

Она задумчиво улыбается.

— Было бы здорово!

В ее голосе столько энтузиазма, что внутри меня словно лопается пузырь. Холодное напоминание о тех обстоятельствах, которые неделю назад превратили нашу жизнь в невероятную фантазию.

Мигают лампочки. Заработали генераторы или солнечные батареи — неважно, какой заброшенный источник энергии дает этому месту силы проснуться. Аэропорт возобновляет грустное подобие своей работы. Загорается свет, система оповещения заикается об оставленном без присмотра багаже, начинают двигаться эскалаторы. Я шагаю на ступеньку, Джули встаёт позади меня, и мы устраиваем себе перерыв, пока другие проходят мимо, бросая на нас неодобрительные взгляды.

Однажды мы с Джули через эти окна, занимающие всю стену, наблюдали закат. Теперь

мы смотрим в другую сторону, и видим, как солнце касается гор, заливая взлетно-посадочные полосы розовым светом. Самолет American Airlines без двигателей. Развалившийся на две части борт United Airlines. Почерневшие обломки частного самолета. В последние дни люди полагали, что где-то есть другое, более безопасное место, и аэропорт был маленьким грустным островом, связующим звеном всех обречённых надежд.

Я вижу, как мимо нас проплывают горшки с искусственными растениями, в которых теперь растут настоящие ромашки, и мои мысли согревает легкая ностальгия. Я наклоняюсь через перила, чтобы сорвать одну, но не дотягиваюсь.

В это время эскалатор заканчивается, и остальная часть группы нетерпеливо ждёт нас, скрестив руки на груди.

— Что? — спрашивает Джули. — Мы пришли сюда, чтобы ждать, разве нет?

— Будем пережидать в безопасном месте, — говорит Эйбрам. — А не в стеклянном коридоре, который открыт со всех сторон.

— Мы почти там, — заверяю я. Конечно, он прав. Мне нужно сосредоточиться, но я не могу бороться со своими фантазиями. Несмотря на множество мрачных воспоминаний, это место пробуждает несколько ярких, которые я создал вместе с Джули и которые заставляют меня улыбаться. Тогда все стало так просто. Так легко и сладко. Только я, провальное похищение и мозг её парня в моем кармане.

Я веду группу вниз по туннелю к двери своего бывшего дома — моего убежища от ужасов бессмертной жизни. Никогда не думал, что вернусь сюда, чтобы спрятаться от чего-то худшего.

Я тяну на себя дверь самолета и с мрачной улыбкой отхожу в сторону.

— Добро пожаловать на борт.

САМОЛЁТ В ТОМ ЖЕ состоянии, в каком мы его оставили. Пустые бутылки из-под пива, пластиковые контейнеры из-под замороженной тайской лапши и, конечно же, груды моих памятных вещей. Я впервые поражаюсь обширности своей коллекции. Ручки, кисти для рисования, камеры, куклы, фигурки, картины, смокинг, не дошедшие до адресатов письма, семейные фоторамки, башни из комиксов... Ими занята третья часть сидений самолёта. Если я приносил с каждой редкой охоты один-два предмета, сколько времени я потратил, чтобы всё это собрать? Шесть лет? Семь? Тогда почему я не сгнил так же сильно, как многие другие? Почему я не стал очередным иссохшим метатесиофобом^[4], принимающим любые изменения яростным шипением?

Джули выбирает себе кресло и садится. Она берёт свой старый плед из порезанных джинсов, но на этот раз не для того, чтобы от меня защищаться. Она поглаживает среднее сиденье, и я сажусь рядом, наслаждаясь её доверием.

М медленно поворачивается вокруг себя, осматривая катастрофический беспорядок, царящий в моём жилище.

— Ты привёл девушку в такой дом?

— Он показался мне очень милым, — говорит Джули. М хмыкает.

— А где жил ты? — спрашивает его Нора. — Не могу себе представить, чтобы там было чище.

— Там было чисто, — отвечает он, — для общественного сортира. Нора начинает хохотать, потом замирает.

— Сортир?

М пожимает плечами.

— Это была комната с дверью. Всё, что нужно.

Нора рассматривает его со странным выражением лица, которое мне совершенно неизвестно. Я могу разобрать только замешательство, но здесь явно есть что-то ещё.

— Я был зомби, — оправдывается М. — Не придирался к жилью. Нора опускает глаза в пол. Смотрит сквозь него.

— Что случилось? — спрашивает Джули. Она порывается встать, но Нора качает головой и приходит в себя.

— Ничего. Простите. Что-то вроде дежа вю. Она обращается к М, но не смотрит на него.

— Ты помнишь, где жил? Иногда мне кажется, что раньше мы встречались. М осторожно отвечает:

— Думаю... в Сиэтле?

Нора снова отрицательно качает головой.

— Нет. Я никогда там не была, — она поднимает глаза и делает глубокий вдох. — Итак, что мы будем есть? Я слышала, в аэропорту отличная еда.

Она исчезает за занавеской стюардесс и гремит ящиками на кухне.

— Нора? — зовёт М, бросая на одно из сидений сумку из Порше. — Еда... здесь.

Секундная тишина, затем она появляется из кухни, открывает сумку, достает кубик карбтеина и бутылку воды, забирает свой скудный паёк и уходит в хвост самолёта.

М смотрит на меня. Я пожимаю плечами. Смотрю на Джули. Она тоже пожимает

плечами.

Я замечаю, что Эйбрам ещё не вошёл. Он и Спраут стоят в дверном проёме и рассматривают странности моего бывшего дома.

— Ты хочешь прятаться *здесь*? — говорит он.

Я поднимаю руку, чтобы показать преимущества самолёта.

— Один вход. Аварийные выходы. Маленькие окна, — он не отвечает, поэтому я продолжаю. — Высоко от земли. Хорошая видимость. Солнечная эне...

— Посмотри за Спраут, — он перебивает меня и подталкивает дочь вперёд. — Я хочу проверить периметр.

Спраут забегает внутрь и останавливается возле нашего ряда. Она выжидающе смотрит на меня, но я не реагирую, и тогда она говорит:

— Подвинься, пожалуйста.

Я пересаживаюсь к проходу, и Спраут падает рядом с Джули.

Джули бросает на меня недоуменно-восторженный взгляд и сдерживает смех.

— Тебе нравится Джули? — спрашиваю я, и девочка кивает. — Мне тоже.

Я оглядываюсь на дверь, чтобы дать Эйбраму несколько советов насчёт аэропорта, но он уже ушёл.

* * *

Меньше, чем через десять минут, все, кроме меня, засыпают. Сейчас примерно полдень, солнце стоит высоко, жарко, но ночь была очень длинной. Даже М удалось задремать с лёгкостью Живых, а я терпеливо сижу рядом со Спраут и Джули, слушая хор храпа. Кажется, М возвращается к человеческому существованию во всех отношениях быстрее меня, но я не понимаю, почему. Он хорошо разговаривает, у него прекрасные рефлекссы, и, если верить его рассказам, он уже успешно занимался любовью с живой — хотя и очень отчаянной — женщиной уже после месяца на Стадионе. Я взял хороший старт, именно я втянул его в эту гонку, но теперь он оставил меня далеко позади. Что же меня сдерживает?

Я встаю и иду в заднюю часть самолёта, где могу психовать, никого не разбудив. Я пробираюсь мимо Норы — она вытянулась на трёх сиденьях, но её ноги висят в проходе. М было бы здесь комфортнее, но наверное, он почувствовал, что Норе необходимо пространство, и втиснулся в один из плюшевых тронов бизнес-класса.

Приближаясь к концу салона, я внезапно вспоминаю свою другую, не такую причудливую коллекцию. Последние три ряда похоронены под горами драных штанов и окровавленных рубашек, сверху лежит ботинок с оставшейся в нём ногой. Грязное бельё лежит на сиденьях и валяется в проходе — университетское общежитие юного серийного убийцы, подающего большие надежды. Я оглядываюсь через плечо, чувствуя как по спине пробегает стыд.

По мере возможности я сохранял одежду своих жертв. В полусонном тумане сознания осталось смутное представление о том, что так можно увековечить память съеденных мной людей. Почтить их благородную жертву, принесённую моим потребностям, которые не подлежали обсуждению. Конечно, я уделял этому больше внимания, чем остальные зомби, но вряд ли кто-то меня за это похвалит. Я чувствую отвращение. Начинаю собирать одежду и запихивать её на багажные полки.

За дверью туалета что-то гремит.

Я так и застываю с окровавленным рождественским свитером в руке. Из-за двери слева раздаётся стон, ему вторит более громкий стон справа. Я оглядываюсь в поисках оружия. Не вижу ничего, чем можно было бы проломить голову, но я много раз делал это голыми руками. Люди не понимают, что это сделать очень просто, нужно только...

Я останавливаю поток мыслей. Разжимаю кулаки. Напоминаю себе, что убийство — уже не мой способ знакомиться.

— Кто там? — мягко говорю я, и шум за дверью прекращается. На защелках обеих дверей написано: «ЗАНЯТО». Мне кажется странным, что зомби беспокоятся о замках. Я стучу пальцем по левой двери. — Я не хочу причинить тебе вред. Ты тоже не хочешь навредить мне. Может, выйдешь?

Красная надпись «ЗАНЯТО» меняется на зелёную «СВОБОДНО». Дверь со скрипом открывается, и я вижу знакомое лицо. Женщина, около двадцати пяти лет, каштановые волосы, бледная кожа, глаза натурального — не металлического — серого цвета.

Я отступаю, чтобы освободить проход, и моя «жена» выходит из туалета.

Одежда на ней грязная, но я не обращаю внимания на бесчисленные пятна крови на белой блузке, я ищу её бейджик. Его нет. Она его выбросила? Зачем?

— Имя? — спрашиваю я, возвращаясь к нашему примитивному общению. Она отрицательно качает головой. Что за выражение у неё на лице? Стыд? Печаль? Или просто смятение и страх, какие испытывает путешественник в чужой стране?

Я слышу за спиной щелчок, открывается вторая дверь. Мои «дети» застенчиво выглядывают из проёма. Ну, хоть у них есть имена. Кажется, я вытащил их отсюда как раз в тот короткий промежуток времени, когда они начали оживать — когда вставало солнце, когда пел Синатра и всё должно было быть хорошо. Их кожа не совсем бескровна, но ещё очень бледная, даже у Джоанны бледность сильно контрастирует со смуглыми арабскими чертами. Они выглядят живыми, но немного заторможенными. Глаза, как и у матери, остановились между двумя стадиями. Они выглядят так же, как и в тот день, когда я их оставил. В тот день, когда мы с Джули решили, что у нас слишком большие амбиции и пора бы переехать.

По сравнению со Стадионом, наш пригородный дом находится на линии фронта, но всё равно, жить там — значит отступать.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я у своей безымянной жены. Она опускает глаза.

— Хотела... остановить.

Сначала я не уверен, что понимаю, о чём речь, но потом замечаю её состояние. По её щекам на шею спускаются вдавленные пятна, как на побитой груше. Энергия человеческой жизни не смогла её забальзамировать, клетки тела признали, что они мертвы, и одна за другой обезвоживаются и отмирают. Она морит себя голодом.

Дети выглядят получше, на их коже виднеется всего одна-две вмятины. Я предполагаю, что им не хватает силы воли, как у матери, и они питаются живой плотью, но потом замечаю в руке Джоанны печенье, а у Алекса кусок сыра. Они едва надкусаны, но очевидно, что детишки стараются.

— Ешь? — спрашиваю я у жены, указывая на сыр.

Она качает головой, и на этот раз её эмоции ясны: её стыдно. Можно принести труп пиццу, но нельзя заставить его есть. Какой бы сильной не была воля, человеческая плоть вкусна. И всё в таком духе.

Я смотрю через плечо, потом вытягиваю вперёд руки:

— Ждите здесь.

Я иду на цыпочках к двадцать шестому ряду и трясусь Джули за плечо. Она стонет и извивается, пытаюсь отвязаться от меня.

— Джули, — шепчу я. — Проснись.

Она открывает глаза и искоса смотрит на меня.

— Что.

— Моя жена и дети... они тут.

Она подпрыгивает, смаргивая сон прочь.

— Здесь? В самолёте?

— Я не знаю, что делать.

Она выползает из-под Спраут и осторожно кладёт голову девочки на сиденье.

Мы торопимся назад к туалетам, где моя маленькая идеальная семья тоскливо смотрит на спящую Нору.

— Нора, — говорит Джули, толкая её в плечо.

Нора подскакивает, потрясённо разглядывая новичков. — Они чуть меня не съели?

— Нет, — говорю я. Потом добавляю с сомнением:

— Возможно. Но они правда не хотели.

— Это... Твои дети?

— Ну... да.

— Привет, ребяташки, — безэмоционально говорит Нора, потом смотрит на их мать. —

А ты кто?

— Это жена Р, — слабо улыбается Джули. Нора вздыхает.

— Прекрасно. Чёртов любовный треугольник.

— Это был... брак по договору, — бормочу я.

— Как зовут твою жену?

— Не знаю.

Нора раздумывает, потом кивает.

— Хорошо, значит, не любовный треугольник.

Мне неловко. Моей жене тоже. Я смотрю в пол, она — в окно. Потом она берёт детей за руки и неуклюже направляется к выходу.

— Эй! — зовёт Нора, спрыгивая с сиденья и делая несколько шагов вниз по проходу. —

Я просто пошутила!

Но жена не просто обиделась, здесь есть что-то ещё. Я выглядываю в окно.

Пустую гладь асфальта заполонило море серых лиц.

Самолёт окружён Мёртвыми.

— Это нехорошо, — говорит Джули, прослеживая за моим взглядом. Она бежит проверить Спраут.

Я остаюсь стоять, замороженный толпой. Даже в период расцвета этого гнезда я никогда не видел столько зомби в одном месте.

Церковные службы Костей проходили неподалёку, но всегда находились те, кто считал их жаркие проповеди бессловесным шипением и щёлканьем, так что, какими бы харизматичными не были Кости, эти собрания никогда не привлекали больше половины населения аэропорта. Сегодня здесь собрались все.

Но, несмотря на их сходство с армией, я не чувствую враждебности.

Большинство даже не смотрит на самолёт. Они смотрят на север, в направлении выхода

из аэропорта, и ждут.

Дверь самолёта со скрипом открывается, и с грохотом захлопывается. Я слышу щёлканье замка. Эйбрам шагает по проходу с винтовкой наготове, его грудь тяжело вздымается, словно он долго бежал.

— Они идут, — говорит он между вздохами.

— Мы знаем, — отвечает Джули. — Мы их видим.

— Да не Мёртвые, — он поднимает Спраут с кресла и идёт к ряду около аварийного выхода, закрывая по пути шторы иллюминаторов.

— Аксиома? — Нора не хочет в это верить. — Твою мать, как они смогли нас так быстро найти?

— Наверное, где-то на Порше стоял маячок, но я полагал, что блокировка частот перебьёт сигнал... — он закрывает последний иллюминатор, погружая салон во мрак. — Уже неважно. Они здесь.

— Сколько их? — спрашивает Нора. Она становится серьёзной и берёт с полки над головой ружьё.

— Слишком много, — он опускается в кресло около окна, держа Спраут на коленях и сжимая винтовку побелевшими пальцами.

— Что происходит? — М, зевая, выходит из-за шторы первого класса. Никто не отвечает ему.

— Итак, какой у тебя план? — с нарастающей паникой спрашивает Джули. — Сидеть здесь и ждать, что они не станут обыскивать единственный уцелевший самолёт на полосе?

Он поднимает штору на пару сантиметров и разглядывает качающийся рой, окружающий нас.

— Мой план — сидеть здесь и надеяться, что ваши приятели вспомнят, как сильно они любят человеческое мясо.

Я поднимаю штору со своей стороны. Как железные опилки, притягивающиеся магнитом, Мёртвые смотрят в одном направлении: в сторону служебных ворот в северном конце полосы. Ворота раздвигаются, и въезжают пять бежевых внедорожников. Они останавливаются. Без сомнения, они знали, что здесь будут зомби, но точно не ожидали практически сформированную армию.

Мёртвые пока не проявляют агрессию. Они нерешительно вскидывают головы, волнуясь, как затравленные собаки, обнюхивающие руку незнакомца — погладит или приласкает? И я вижу среди них свою семью. Джоанну, Алекс и жену без имени. Они стоят позади толпы, ожидая действий новоприбывших.

Внедорожники едут вперёд.

— Какого чёрта они делают? — шепчет Джули. Она сказала, что они будут психами, если решат прийти сюда за нами. И была права — они пришли.

Открываются люки, появляются солдаты в бежевых куртках. Они устанавливают на крыши винтовки.

— Нет, — бормочу я, прижимаясь к стеклу.

Мои бывшие соседи взволнованно, но с любопытством наблюдают за приближающимися внедорожниками. Потом начинают умирать.

— Р, СТОЙ!

Я замираю в дверях самолёта, но не оборачиваюсь. Чувствую, как страх Джули щекочет мне затылок.

— Ты ничем не можешь им помочь! Ты даже не знаешь, как из него стрелять!

Я опускаю глаза и замечаю, что держу АК-47. Наверное, я машинально схватил его с кресла М и вроде бы даже снял с блокировки и загнал патрон в патронник. Не уверен, что кто-нибудь знает, что я это умею. Однако, руки дрожат сильнее, чем обычно, я практически в конвульсиях. Я роняю оружие на пол и шагаю в посадочный рукав.

— Р! — она бежит за мной. — Их там тысячи. Ещё один погоды не сделает.

— Джоанна и Алекс, — говорю я, не останавливаясь.

Выстрелы продолжают, как чередой фейерверков, и я представляю себе, как с каждым хлопком заканчивается одна зарождающаяся человеческая жизнь.

Я спускаюсь по лестнице на первый уровень и слышу позади топот ног. Джули уступила и присоединилась ко мне, держа автомат М как гигантскую игрушку. Я останавливаюсь у выхода и поворачиваюсь к ней.

— Оставайся тут.

— Да пошёл ты, один ты туда не пойдёшь.

Выстрел. Выстрел. Паф-паф-паф-паф...

— Пожалуйста, — я представляю, что стреляют в неё, а не в незнакомую толпу, и мой страх усиливается десятикратно. — Я прошу тебя остаться. Скоро вернусь.

Я не дожидаясь ответа. Будет она уважать мои желания или нет, но я сказал всё, что мог, кроме «прощай». Я выхожу через дверь на ослепительный солнечный свет.

* * *

Я ожидал более кровавой расправы, но, видимо, солдаты экономят патроны и стреляют методичными выстрелами прямо в головы вместо того, чтобы поливать толпу очередями пуль. Они могут позволить себе такую роскошь, поскольку толпа не нападает на них. Мёртвые волнуются, покачиваются и громко стонут, на лицах читаются человеческие эмоции: страх, горе, недоумение. Кажется, они очень озадачены происходящим.

Но что-то начинает меняться, когда автомобили медленно продвигаются вперёд, оставляя за собой упавших на асфальт Мёртвых и толпу, вытирающую с лиц брызги мозгов своих товарищей. Мёртвые останавливаются всего в нескольких шагах от вершины, у самого конца своего подъёма. Оступаются и падают назад.

Неопределённый оттенок их глаз мигает серебристым цветом, и лица замирают в убийственном безразличии Совсем Мёртвых.

Я хочу одновременно смеяться и плакать. Какая глупость. Так безжалостно скашивать все зелёные росточки. Когда волна Мёртвых захлёстывает внедорожники, я стараюсь не радоваться воплям солдат. Но я радуюсь.

Когда начинается атака, я замечаю в конце толпы свою семью. Я подбегаю к ним и хватаю детей за руки.

— Пошли.

Ближайший внедорожник исчезает под Мёртвыми. Несколько зомби вытаскивают стрелка из люка и рвут его на части, остальные добираются до водителя. Чего они ждали? Двадцать-тридцать человек против нескольких тысяч зомби? Как сильно нужно быть приверженным к системе, чтобы подчиняться таким сумасшедшим приказам?

Окна бьются от отчаянных выстрелов, у моих ног поднимаются клубы пыли. Я тяну детей ко входу в терминал, оглядываюсь, чтобы удостовериться, что моя жена поняла мою задумку, но её нет. Осматриваю полосу — жены нигде не видно. Я стою в тени Боинга, держу за руки ребятишек и растерянно смотрю на толпу, выведенный из равновесия эмоциональным ударом. Мне даже в голову не могло прийти, что у моей жены, как и у остальных, случится рецидив. Мне казалось, что она забралась слишком высоко, чтобы вернуться в это дикое безумие. И, что ещё важнее, я полагал, что не переживаю за эту безымянную, безголосую женщину, но, к моему ужасу, это не так.

Мёртвые движутся к следующему автомобилю. Мужчины выскакивают из оставшихся четырёх и занимают за дверями оборонительные позиции. Пусть пули летят в Мёртвых с четырёх сторон, но это предприятие окажется невыгодным для Аксиомы. Третий внедорожник исчезает из вида. Четвёртый. Но толпа — уменьшенная на несколько сотен, но всё ещё подавляющая большинством — несётся в сторону последних двух Эскалейдов. Я слышу в небе знакомый рокот. Ветер начинает трепать мои волосы, и у меня хватает времени испугаться, когда вертолёт — не какая-то перепрофилированная вертушка новостного канала, а настоящий, военный — приближается к крыше терминала и парит над головой, затмевая полуденное солнце.

Где-то внутри кабины солдат поворачивает цепную пушку, установленную на носу вертолёта, и начинает прокашивать в толпе брызгающие полосы. Спасать людей в грузовиках уже поздно, но здесь собрались все жители аэропорта, и он пользуется возможностью уничтожить гнездо. Ещё одной угрозой меньше.

Мёртвые неплохо стараются. Они забираются на крышу ближайшего автомобиля и тянутся к шасси. Некоторые даже пытаются прыгать, но пилот держит вертолёт вне досягаемости, хотя намного ниже, чем ему нужно на самом деле.

Наверное, он получает удовольствие, наблюдая за этими отчаянными попытками, в то время, как их сбивает стрелок. Я вижу его лицо за лобовым стеклом. Он садистки улыбается, как ребёнок, поджигающий муравейник.

К громким выстрелам цепной пушки добавляются тяжёлый звук автомата. В окне второго этажа я вижу, что это Джули стреляет из АК-47. Наверное, она знает, что против бронированного вертолёта это бесполезно, но мы всегда совершаем подобные отчаянные поступки, когда не остаётся никаких других вариантов. Её пули сбивают с вертолёта краску и оставляют пятна на лобовом стекле, так что Джули всего лишь уменьшила его стоимость в случае перепродажи, не более. Стрелок не обращает на неё внимания, пока ей не удаётся пробить лопасть винта. Пушка поднимается, и, когда пули ударяют в пол вокруг неё, наполняя воздух битым стеклом и кусками обшивки, Джули бежит в укрытие. Довольный собой, стрелок возвращается к Мёртвым.

Я тащу детей к терминалу, полный решимости спасти хотя бы этих двоих, но когда протягиваю руку, чтобы открыть дверь, я слышу крик. Грубый, жалобный, похожий на вой собаки, нечленораздельный, но трепещущий от эмоций. Я смотрю вверх.

Моя жена стоит на балконе диспетчерской вышки, прямо над вертолётom, опираясь на перила. Она смотрит на меня, и я понимаю, что звуком, который я слышал, был её зов. Звук,

которым один человек пытается докричаться до другого, не используя слова и имена. Но теперь ей не нужны слова. Она кричит снова с такой тоской, что мне всё становится понятно.

Прощай.

Она прыгает. Летит лицом вниз, широко раскинув руки, волосы развеваются в ясном летнем небе. Она падает на размытый диск вращающихся винтов и испаряется. Тёплая жидкость брызжет мне в лицо. Я слышу, как об асфальт смачно шлёпаются тяжёлые куски, но этот звук милосердно заглушает визг разбивающегося вертолёт. Помятый ротор скрежещет, затем что-то щелкает. Вертолёт кувыркается и, вращаясь, летит в бетонное основание здания. Он не взрывается, но с глухим хрустом бьётся о стену и искорёженной кучей падает на землю.

Наступает тишина. Оставшиеся Мёртвые успокаиваются и привычно опускают плечи. Их ярость проходит, а моя нарастает, разрывая меня по швам. Я смотрю на кровавую бойню, взгляд скачет от трупа к трупу — они смотрят в ужасный небесный рот, мозги стекают по затылкам. Они боролись, двигались вперёд, но маленькие кусочки свинца стёрли их за несколько минут, разбросали по земле и по моей одежде останки женщины, которая никогда не говорила мне, как её зовут.

Женщины, которую я встретил во сне, на которой женился, не перекинувшись ни единым словом. Мы стали парой по правилам, которые ни один из нас не понимал. Она не должна ничего для меня значить. Я не знал о ней ничего: ни кто она, ни кем бы хотела стать, если бы появилась возможность. Наверное, это всё. Она пыталась превратиться во что-то прекрасное, а эти жестокие глупые дети вылезли из своих куколок просто потому, что могли.

Я бегу к вертолёту. Открываю дверь кабины и хватаю пилота за грудки, вытаскивая из ремней безопасности.

— За что? — рычу я в сантиметре от его лица.

На секунду его взгляд сосредотачивается на мне. Краем глаза я вижу кусок стали, который торчит из его бока, и мёртвого второго пилота на соседнем сиденье, но я фокусируюсь на лице первого. Сейчас оно ничего не выражает, но я вижу отголосок слабой ухмылки, с которой он смаковал убийство слабых.

— Зачем вы это делаете? — моя голова превращается в жаркую тёмную котельную. — Почему никак не остановитесь?

Он открывает рот. Раздается прерывистый хрип. Кажется, его глаза смотрят сквозь меня.

— Почему?! — кричу я и трясущего его. — Какая у вас цель? Кто вами руководит? Я чувствую, что внутри меня гул ярости смешивается с шумом из подвала.

Дверь грохочет.

— Где Атвист? — я кричу в его лицо, вытаскиваю кусок стали и втыкаю ему в грудь. Дверь внутри меня сражается со своими замками, и через щель между створками я вижу огонь, обгоревшую плоть и извивающихся червей.

Я сую руку в зияющую рану и ковыряюсь, пока не нахожу лёгкие.

— Скажи мне!

Я сжимаю их, направляя воздух в его горло.

— Скажи!

Я слышу шаги за спиной, и пылающая красная тьма перед глазами рассеивается. Я

осознаю, что кричу на мертвеца, мой кулак где-то у него в груди, а друзья смотрят на меня и испуганно молчат.

Я втыкаю кусок стали в череп пилота, медленно встаю и отворачиваюсь, вытирая руку об штаны. Джули, М и Нора таращатся на меня. Эйбрам с дочерью ждёт у двери в терминал, больше поражённый, чем обеспокоенный. Мне очень хочется извиниться, найти хоть какое-то оправдание тому, что они только что видели, но мне слишком противно. Не столько от себя, сколько от всего остального. Моё отвращение к миру так глубоко, что отвращение к себе тонет в нём, даже не вызывая ряби.

— Надо уходить, — говорю я, глядя в пол.

Долгое молчание нарушается только тихими стонами Мёртвых. Они бродят вокруг нас как лунатики, разглядывают асфальт и ковёр из трупов, и, похоже, не знают о нашем присутствии. Словно они залезли в такую глубокую яму, где до них не дотягивается даже запах жизни.

— Куда? — тихо спрашивает Джули.

— В мир. Здесь ничего не осталось.

— А что там?

— Мы не знаем. Поэтому и надо идти.

Я не смотрю им в глаза. Прохожу мимо и встаю напротив Эйбрама.

— Аксиома владеет территориями на побережьях. А что между ними?

Он осматривает меня с головы до ног, раздумывая, насколько серьёзно стоит ко мне отнестись.

— Почти ничего, — отвечает он. — Брошенные города. Опустевшие территории. Возможно, несколько убежищ.

— Возможно?

— Последние отчёты приходили несколько лет назад. Сейчас Аксиома держится у берегов, но все знают...

— Да никто ничего не знает, — огрызаюсь я. — Мир вырос. Город стал страной, страна — планетой. Там обязательно что-то будет.

Все смотрят на меня, ошеломлённые моей внезапной многословностью, но я так сосредоточен, что забываю стесняться.

— Что, например? — спрашивает Нора.

— Люди, — наконец, я разрешаю себе посмотреть ей в глаза, потом в глаза Джули и Эйбрама. — Помощь. Может, даже ответы.

Джули кивает.

— Аксиома завладела нашим домом и всем, что вокруг. Они планируют идти дальше, и мы не сможем остановить их самостоятельно.

— Я не планировал их останавливать, — говорит Эйбрам.

— Точно, твой домик, — она встречает его взгляд с пугающей зрелой сталью в глазах, которая скрывается под юным легкомыслием. Я всегда немного волнуюсь, когда это вижу. — Может, ты и прав. Может, если прятаться достаточно долго, Аксиома сгорит сама по себе. Но я думаю, что сначала они сожгут остальную часть континента. Что ты хочешь подарить Спраут на восемнадцатилетие, когда вы выйдете из бункера? Выжженную землю, которой управляют сумасшедшие?

— Я не вижу других вариантов, — выдыхает он.

— А ты их ищешь? Там могут оказаться армии повстанцев, процветающие города, люди,

распространяющие лекарство... Мы понятия не имеем, что там есть.

Эйбрам смотрит на неё так пристально, что не замечает, как Спраут отделяется от группы.

— Папочка, — говорит она, забираясь на колесо 747-го. — Пошли уже куда-нибудь.

— Мура, слезай! — он подбегает и стаскивает её вниз. Мои ребяташки смотрят на маленькую девочку, осознавая, что она на них очень похожа, но они еще шокированы гибелью матери, которая на их глазах превратилась в брызги. Меня мучают угрызения совести, когда я замечаю, что капли на их лицах красного оттенка. Тёмные, почти пурпурные, но не чёрные. Она была так близко.

— Ну и что ты предлагаешь? — говорит Эйбрам, не поворачиваясь. — Исследовать? Путешествовать? Ты забыл, что за тобой гоняется Аксиома? Тебе дважды повезло, но когда мы поймём... — он делает усталый вздох. — Когда *они* поймут, что здесь произошло, всё станет намного серьёзнее. Мы уже не сможем убежать.

— Надо бежать быстрее, — отвечаю я. Он показывает на упавший вертолёт.

— Это один из примерно десяти вертолётов, оставшихся в Америке, и ты знаешь, у кого остальные.

— А самолёт?

Он открывает рот, чтобы поиздеваться над этим вопросом, потом оглядывается на дочь, снова карабкающуюся на огромное колесо.

— Ты сказал, что ты пилот, — говорит Джули. — Сможешь вести 747?

Он отрывает взгляд от шасси, смотрит на круглый клоунский нос одного из крупнейших коммерческих авиалайнеров и смеётся.

— Эта грёбаная штука такая большая, что я и забыл, что это самолёт.

— Ты можешь его вести?

Он изучает его минуту, бормоча себе под нос.

— Что-то среднее между гражданским и военным... Последняя модель... Наверное, похож на С-17... — он бросает взгляд в сторону Джули. — Я смогу вести, если он летает, но это очень большое «если». Здесь всё поломано и выпотрошено.

— Он работает, — говорю я.

— В ангаре Island Air есть топливо, — говорит М, потом прикрывает рот ладонью и шепчет Норе:

— Я его нюхал. Нора улыбается.

— Крепкая штука?

— Ещё какая.

Эйбрам смотрит, как Мёртвые спотыкаются о трупы на асфальте. Смотрит на два новых трупа в вертолёте, одетых в такие же бежевые куртки, как и он сам. Смотрит на свою дочь, которая сидит на колесе на уровне его глаз. На её обеспокоенном лице появляется редкое радостное волнение.

— Нужно провести предполётную проверку, — говорит он, стараясь сохранять нейтральную интонацию. — Но не очень-то надейтесь.

* * *

Пока Эйбрам проверяет жизненно важные части самолёта, М провожает меня к своему секретному тайнику: под брезентом спрятана пирамида из бочек с топливом, хотя я

сомневаюсь, что именно брезент сохранил его сокровище. В целом постапокалиптическое отчаяние почти не затронуло аэропорт. Здесь сохранились солнечные батареи, автомобили на ходу и самолёт, который, может быть, летает. Я подозреваю, что все эти годы грабителей сдерживали я и мои мёртвые приятели, собравшиеся здесь в большом количестве. Тысячи охранников работали круглосуточно — с перерывами на обед.

Мы загружаем столько бочек, сколько может поместиться в багажный погрузчик, и везём к самолёту. Эйбрам сидит на крыле, проверяя закрылки, и мы несколько минут наблюдаем за ним, пока он нас не замечает.

— Стабилизированное? — очевидно, что он хватается за соломинку. Мир десятилетиями готовился к апокалипсису, сохранение топлива было в приоритете. Найти скоропорт так же сложно, как китовый жир. М тычет рукой в этикетку на бочке: часы, окруженные стрелкой.

— Сколько ещё осталось? — спрашивает Эйбрам. М пожимает плечами.

— Много.

Эйбрам смотрит на бочки. Он открывает рот, но не может придумать отговорку и вздыхает.

— Привезите их. Нам понадобится каждая капля.

Открывается дверь аварийного выхода, и на крыло выходит Джули.

— Значит, всё работает? Он полетит?

— Это 2035-я модель, — устало отвечает Эйбрам. — Одна из последних, вышедших на авиалинии. Похоже, самое важное осталось в целости, — он вытирает пот со лба. — Мне нужно немного времени, но думаю, я сумею поднять его в воздух.

Я не видел у Джули такого взгляда с того дня на крыше Стадиона, когда она увидела, что труп, который поцеловала, оказался живым. Тогда как минимум одна вещь в мрачном мире могла измениться. Она ничего не говорит, просто стоит на крыле, а я купаюсь в её ослепительной улыбке. Когда солнце золотит кожу и ветер развеивает ей волосы, шрамы и синяки на её лице на мгновение исчезают.

— Я могу поднять его в воздух, — предупреждает Эйбрам, — но не знаю, сколько мы там продержимся.

Джули не говорит ни слова. Она разворачивается, уходит обратно в самолёт и захлопывает дверь, продолжая улыбаться.

— Мне нужно около трёх часов, — говорит он нам с М, и мы отходим от гипнотического эффекта счастья Джули. — Примерно столько же времени понадобится Аксиоме, чтобы понять, что их команда потерпела поражение, и отправить ещё одну. Это сулит неприятности.

— Чем мы можем помочь? — спрашиваю я. Радостное волнение Джули и страх Эйбрама смешиваются внутри меня, как несовместимые лекарства.

— Мы собираемся отправить в путешествие через всю страну самого жирного летающего кабана в мире, — говорит он. — Нужно сбросить побольше веса.

М смотрит на своё большое пузо.

— Я... пойду за бочками.

— Убрать всё с кресел? — спрашиваю я, когда М неуклюже уходит прочь.

— Если есть время. Но ты можешь начать выносить дерьмо из кабины, — наконец, он отрывает взгляд от панели и переключает внимание на меня. — Значит, ты был зомби. И жил в этом самолёте.

Я киваю.

— Что зомби делают с книгами и с кисточками для рисования? Я опускаю глаза.

— Ничего не делают. Просто не хотят забыть.

— Что забыть?

— О существовании чего-то большего. Он равнодушно смотрит на меня.

— И, может быть, оно вернётся снова.

Он не отвечает и вообще никак не реагирует. Просто отворачивается и возобновляет работу. Я возвращаюсь в самолёт и принимаюсь за уборку.

* * *

Я никогда не объяснял Джули, что для меня значит весь этот хлам, и она никогда не спрашивала. Но, когда я выталкиваю кучи барахла из аварийных выходов и смотрю, как мусор ударяется об асфальт и разбивается вдребезги, она не помогает мне, а наблюдает издалека, как будто боится влезть во что-то личное.

— Это был якорь, — говорю я, выбрасывая охалку снежных шаров и наблюдая, как они лопаются, словно большие дождевые капли. — Который помогал мне держаться за старый мир.

Я поднимаю тяжёлую коробку с комиксами — с них я начал вспоминать, как читаются слова — и останавливаюсь, чтобы изучить обложку верхней книги.

Отважная группа выживших окружена толпой небрежно нарисованных зомби, отличающихся от людей только своими ранами. Тысячи людей с их семьями и историями превратились в сюжеты драм с несколькими привлекательными персонажами. Я бросаю коробку и смотрю, как трепещут страницы, как комиксы смешиваются с газетами и модными журналами, мускулистыми мужчинами и тощими как скелеты женщинами, монстрами, героями и полными отчаяния заголовками.

— Мне больше это не нужно.

Джули подходит ко мне. Поворачивает к себе моё лицо и целует. Потом пинает старый монитор и кричит: «Уух!», когда он взрывается с весёлым «чпок».

* * *

Нора предлагает нам помочь, но я вежливо отказываюсь. Уборка моего бывшего дома — очень эмоциональный процесс, и Джули — единственная, кому я доверяю свой хлам, поскольку она относится к нему с уважением. Нора пожимает плечами и уводит Спраут на улицу наблюдать за отцом, пока мы копаемся в моих суррогатных воспоминаниях, заменяющих отсутствующее прошлое.

Мы с удовольствием сражаемся с беспорядком — всё должно быть выброшено, но когда я поднимаю проигрыватель, Джули даёт мне подзатыльник.

— С ума сошёл? Поставь на место и включи.

— Он тяжёлый.

— Последние пять дней мы только и слышали, что приказы, стрельбу и наши крики. Я хочу послушать какую-нибудь музыку.

Она ставит пластинку, вытащенную с верхней полки. В колонки врываются вступительные звуки тромбона из песни Синатры «Лети со мной» и Джули сияет.

— Никогда бы не подумала, что мы включим эту песню, без шуток.

Пока мы работаем, она старательно выбирает самые оптимистичные композиции, хотя по большей части моя коллекция довольно безрадостна. Сам того не осознавая, я, похоже, собирал два жанра музыки: тёплые утешающие реликвии более простого времени и горьковато-сладкую меланхолию от начала до конца.

Поскольку основная часть классики исцарапана и не проигрывается, то мы быстро исчерпываем запасы музыки для уборки.

— Думаю, пора возвращаться к Синатре, — говорит она, когда игла соскальзывает во внутренний круг, и альбом *Sgt Pepper* начинает подвывать неразборчивые заклинания.

— Погоди, — говорю я, останавливая запись. Я вытаскиваю из кучи одну из моих любимых пластинок и вручаю Джули конверт, пока несу её к проигрывателю.

— Elbow? — она читает оборот обложки и грустнеет. — Я их помню. Одна из любимых групп моей мамы.

Я медлю, держа иглу над пластинкой, но Джули отмахивается.

— Всё нормально. Ставь.

Я опускаю иглу. Нежная, полная тоски песня резко меняет настроение. Я осторожно улыбаюсь ей, надеясь, что всё в порядке.

— Хотелось послушать что-то новое. Она читает мелкий шрифт на конверте.

— 2008? Нет, это не новое, Р. Даже я новее. Я пожимаю плечами.

— Я... немного запоздал.

Она ухмыляется, и когда начинается первый куплет, смотрит в потолок.

«Мы напористы, время в наших руках. Маленькая комната и величайший из планов. Дни стали морозными и солнечными — Прекрасная погода для полёта. Прекрасная погода для полёта».

— Ладно, — она кивает. — Ладно, хороший выбор. Позади нас кто-то откашливается.

— Прошу прощения, что прерываю вашу вечеринку, — говорит Эйбрам, стоя в дверях. — Но я упоминал о том, что люди идут сюда убивать нас, верно?

Джули оглядывает салон. Он пуст, за исключением нескольких бейсбольных карточек и бесполезных долларовых купюр под сиденьями.

— Мы закончили.

— Кажется, проигрыватель тяжёлый.

— Если он не взлетит из-за пары килограмм, Эйбрам, я отрежу себе руку. Согласен? — она закрывает глаза и раскачивается в такт музыку. — Господи, классная песня.

Эйбрам бросает на неё скептический взгляд и проскальзывает в кабину пилота, чтобы начать заправку самолёта. Не успевает он отойти от входной двери, как там появляется Нора.

— Р? — шепчет она, глядя вслед Эйбраму, дабы убедиться, что он не подслушивает. — Можешь подойти сюда?

Я иду за ней через посадочный рукав в зал ожидания к выходу 12. На полу лежит несколько открытых выпотрошенных чемоданов. Туалетные принадлежности и компьютерные детали остались нетронутыми, но одежда нашла своё применение. Между двумя рядами сидений находится огромный шалаш, сделанный из платьев и халатов, намотанных на ручки швабр.

— Нам нужно больше швабр, — говорит тонкий голосок изнутри. — Идите и принесите ещё.

Мы с Джули переглядываемся и наклоняемся, чтобы заглянуть внутрь. По-видимому,

дочка Эйбрама устраивает чаепитие с моими всё ещё липкими от материнской крови ребятишками.

Спраут оглядывается, улыбается и машет рукой.

— Привет! Мы построили дом!

Я понимаю, что между ними на полу лежат не тарелки и столовое серебро, а блокноты и компасы. Кажется, Спраут нашла набор архитектора. Но больше переживаю не за её непрактичные карьерные цели, а за выбор друзей. Джоанна и Алекс сидят на коленях под разноцветным хлопковым потолком и пристально смотрят на Спраут с растерянной мечтательностью в унылой серости глаз. Я не вижу никаких признаков голода или агрессии. Они стали свидетелями массового убийства своих соседей и превращения матери в жидкость, но с ними не случилось рецидива. Я помню, как они бежали по аэропорту, смеялись и играли — почти как нормальные дети, а ещё помню, как они поднимали оторванную человеческую руку и делили её между собой, словно гигантский хот-дог. Чума изменчива. Она кружит вокруг их сердец, стучит в окна. Я не могу доверять ни им, ни ей.

— Выходи, — говорю я Спраут, и её улыбка тает.

— Почему?

— Тебе нельзя быть рядом с ними.

— Почему?

Позади нас оживают двигатели самолёта. Сначала они делают оборот и пыхтят, затем устанавливается ровный гул.

— Спраут, солнышко, — говорит Джули. — Пора идти. Но Джоанна и Алекс могут идти с нами.

Я многозначительно смотрю на неё.

— Могут?

Она смотрит на меня ещё многозначительнее.

— Мы собирались бросить их здесь?

— Ну, я...

— Р, — она в ужасе. — Аксиома будет искать нас и вырежет это гнездо. Хочешь, чтобы твоих детей скосило вместе с остальными?

— Нет, но... они опасны.

— Кто опасен? — спрашивает Эйбрам, выходя из тоннеля. — Что тут происходит? Спраут выглядывает из-под шёлкового пеньюара.

— Привет, папочка!

Эйбрам приседает. Он видит, как мои дети разглядывают его дочь.

— Господи, — он плюётся, скидывает крышу шалаша, хватается и вытаскивает Спраут, пока мои дети безмолвно наблюдают.

— Ты его сломал! — плачет Спраут. — Ты сломал мой домик!

— Да что с вами такое? — говорит он, оглядывая присутствующих в зале взрослых.

— Мы за ними приглядывали, — говорит Нора. — Они ничего не делали.

— Это же грёбаные зомби, ради бога!

Джули встаёт. В её глаза возвращается сталь.

— Они идут с нами.

— Вы с катушек съехали.

— Мы свяжем их и будем держать в хвосте самолёта. Они не смогут никому навредить. Это самые близкие люди Р, мы не оставим их твоим приятелям на растерзание.

Я слышу новый звук, смешивающийся с гулом двигателей. Низкий рокот сливается в противную гармонию.

— Использовать для побега гигантский самолёт — это самая глупая вещь, которую я когда-либо делал, — говорит Эйбрам. — Если ты ждёшь, что я...

— Тихо, — рявкаю я, поднимая руку, и наклоняю голову, прислушиваясь. Кажется, Эйбрам готов меня ударить, но потом он тоже слышит этот звук.

Бежит к окну и смотрит на горизонт на севере. Два чёрных пятна омрачают голубое небо. Три... Четыре...

Аргументы кончились. Без каких-либо комментариев Эйбрам хватается за дочь и тащит её в рукав. Джули и Нора смотрят на меня огромными глазами.

— Идите, — говорю я. — Я скоро буду.

Нора бежит в туннель и просовывает голову через разбитое окно.

— Маркус! Тащи сюда свой крепкий зад! Начата посадка на рейс 666! Джули колеблется, но потом следует за Норой.

Я смотрю на Джоанну и Алекса. Они смотрят на меня. Когда я связываю поясами их запястья, то надеюсь, что волнение, которое я вижу в их тусклых глазах, — это понимание, а может, и прощение.

* * *

В истории коммерческих авиаперевозок ещё не было такого быстрого вылета.

Самолёт отъезжает от терминала в тот момент, когда я закрываю за собой дверь. Никто не ищет свои места, не сражается с багажными полками, ну, и, само собой, никто не рассказывает о правилах полёта. Пока я запираю ребятишек в туалете — кажется, когда я их нашёл, им там было довольно комфортно — Эйбрам несётся по взлётной полосе, словно едет в спортивном автомобиле, а не на самолёте. Чёрные точки позади нас выросли в большие чёрные пятна. Их бессвязный гул, как жужжание разъярённых пчёл, забивается мне в уши. Когда Эйбрам даёт газу и самолёт рвётся вперед, я чуть не падаю в проходе.

— Р! — кричит из бизнес-класса Джули. — Иди сюда!

Я пытаюсь продвигаться вперёд, но сила инерции тянет меня назад. Пока я добираюсь до Джули, самолёт дрожит и трясётся, словно мы едем по просёлочной дороге.

— Маркус! — кричит Эйбрам. М сидит в конце бизнес-класса, за несколько сидений от нас. — Ты же очистил взлётную полосу, да?

— Ага, — отвечает М сквозь зубы, сжимая дрожащими пальцами подлокотники кресла.

Нора хлопается на кресло рядом с ним и улыбается.

— Боишься летать?

Он таращит глаза. На лбу блестят бисеринки пота.

— Немного.

— Я никогда раньше не летала. Я в восторге.

— Рад за тебя, — ворчит он, и Нора хохочет. Она тянется к нему и кладёт ладонь ему на руку.

— Маркус. Мы столько пережили, что просто не можем погибнуть в долбаной авиакатастрофе.

М делает глубокий вдох и медленно выдыхает. Нора похлопывает его по руке и возвращается на своё место.

Я падаю на своё рядом с Джули и пристёгиваюсь, поскольку самолёт угрожает развалиться на части. Она тянется и берёт меня за руку, но я не вижу в её глазах страха. Несмотря ни на что, даже на то, что над нами нависло множество возможных смертей — грохочущий самолёт, вертолёт позади, неизвестная дикая местность, в которую мы летим мы летим, — её глаза полны надежд. Они так сияют, что я могу поклясться, что на мгновение в их ледяной синеве появляется золотой проблеск.

— Ну вот, — говорит она. Самолёт делает последний рывок и отрывается от земли. Тряска прекращается. Остаётся только гул двигателей. Мы скользим сквозь пространство.

— Ух ты! — выдыхает Эйбрам сам себе, и я понимаю, что он почти не надеялся, что это сработает.

Я изучаю окно позади себя, пока не нахожу наших преследователей. Теперь их отчетливо видно, но они перестали увеличиваться. Если бы они были оснащены ракетами или даже крупнокалиберными пушками как предыдущий вертолёт, у нас могли бы быть проблемы, но эти вертолёты не боевые. Это лёгкий авиатранспорт, который достался им от новостных станций и корпораций, и когда мы набираем скорость, они сжимаются под нами, и отдалённые вспышки винтовок и пистолетов становятся всё менее и менее пугающими. Наконец, возвышающиеся кучевые облака принимают нас в свои хлопковые недра, и мир становится белым.

Тяжелый вздох вырывается из М в виде недоверчивого смешка. Нора изумлённо выглядывает в окно.

Я слышу, как в кабине, в кресле второго пилота, хихикает и хлопает в ладоши Спраут.

Джули сжимает мою руку, и я понимаю, что это левая рука. Она или не обращает внимания на боль в пальце, или совсем про него забыла.

Проигрыватель всё ещё включён. В относительной тишине нашего взлёта я слышу, как он щёлкает и перескакивает на внутреннюю дорожку. Потом турбулентность раскачивает салон и иголка царапает по нескольким песням, приземляясь практически там же, где мы её оставили — на горьковато-сладкой мелодии медленно нарастающей красоты.

«Итак, пытаюсь изменить свою жизнь, Мы вместо этого решили Оборвать нить, которой мы были Пришиты к этому ужасному гобелену, А почему бы и не попробовать? Прекрасная погода для полёта».

Окружающий нас туман несколько раз мерцает, и внезапно мы оказываемся над ним. Перед нам предстаёт невероятный фантастический пейзаж с кремово-розовыми башнями. Кое-где внизу, в дырах, проглядывает настоящий мир, полный обещаний и угроз, которые требуют, чтобы мы вернулись и вступили в схватку.

— Мы идём, — говорю я миру, сжимая руку Джули. — Мы готовы.

Часть 2

Подвал

«Они жили одним моментом, без воспоминаний, без надежды».
Альбер Камю, «Чума»

МЫ

МАЛЬЧИК ОДИНОКО бредёт по шоссе. Он идёт уже очень долго. Его «Найки развалились много лет назад, и ноги отрасли собственные «ботинки» — нежную плоть защищает слой мозолей. Мальчик мёртв, но он не сгнил. Его смуглая кожа пепельно-серого цвета, но мощное противостояние в течение многих лет сохраняло её плотность. Чума не победила мальчика. Он держит её на расстоянии вытянутой руки и раздумывает над её предложением.

Мы следуем за мальчиком, как и за другими, крутимся неподалёку и проникаем сквозь него, считывая страницы его короткого жизненного романа. Но мы держимся к нему ближе, чем к остальным. Он интересуется нас. Он выглядит на семь лет, но на самом деле намного больше, будто бы его законсервировали и спрятали в погреб. Так что мы не можем предсказать его взросление. Смерть приостановила его жизнь, но не смогла убить. Он сражается с ней каким-то неожиданным оружием, использует его как нож для открытия секретных сундуков, и мы не совсем уверены, что знаем, кто он такой.

«Я помню эту дорогу, — думает он. — Я на правильном пути».

Мальчик помнит больше, чем большинство Мёртвых. Не факты, но стоящие за ними аморфные истины. Он не знает, как его зовут, но знает, кто он. Он не знает, куда идёт, но он не заблудился. Мир раскрывается перед ним как четырёхмерная карта, её линии выгибаются и отслаиваются от бумаги, внешние и внутренние реальности переплетаются в одну.

«Что здесь произошло? — спрашивает он у нас, проходя мимо разрушенного города на участке земли, когда-то называемом Айдахо. — Что заставило их уйти?»

Мы не отвечаем.

Он идёт мимо изрешеченного пулями салона Гео, и его взгляд скользит по трупам семьи внутри машины. Они довольно свежие — у матери даже сохранился хвост на голове.

«Пытался ли кто-нибудь им помочь?» Мы знаем ответ, но не озвучиваем его.

«Они были хорошими людьми? Сколько таких, как они, внутри тебя?»

Пока он идёт, он задаёт нам кучу вопросов, но мы храним молчание. Однажды мы разговаривали с ним, это было очень давно, когда его боль дотянулась до нас и схватила за горло. Много лет прошло с тех пор, как мы в последний раз чувствовали такой сильный напор, и поэтому ему удалось выдать из нас несколько слов. Сейчас мы молчим. Пропать между нами слишком велика, чтобы слышать шёпот, а кричать мы не любим.

Мальчик соглашается с нами и продолжает идти. Он привык молчать. Он был один очень долго.

На окраине города шоссе разветвляется на юг и на север, и мальчик останавливается, чтобы свериться со своей странной картой. Потом замечает нарастающий звук в тишине. Он никогда раньше не слышал такого. Мягкий гул, похожий на лавину. Он смотрит вверх. Солнце бьёт ему в глаза, отражается от их ярко-золотой роговицы. Он не щурится. Широкие зрачки поглощают свет и разлагают его на спектр — мальчик различает все его цвета, волны и частицы и внутри этой тетрахроматической радуги видит самолёт.

Он и раньше видел самолёты. Последние семь лет он разглядывал их, мечтал о них, хотел, чтобы их пыльные фюзеляжи начали двигаться, но никогда не видел, чтобы хоть один

из них летал. Он смотрит на маленькую чёрную фигуру, рисующую в небе белую линию, и спрашивает себя — кто там наверху? Интересно, куда они летят? Потом опускает глаза и продолжает идти.

Я

НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ я разглядываю облака. Потом смотрю, как их разглядывает Джули. Я переключаю внимание на её затылок, позволяя расплыться сюрреалистичному пейзажу за окном. Немытые, пропитанные жиром, грязью, потом и кровью волосы — остатки пережитого за неделю со времени последнего приёма душа, этого невообразимого предмета роскоши из далёкого времени.

Медленно, бесшумно я вдыхаю тёплый воздух, идущий вверх от её головы. Я не очень-то рассчитываю на свой окоченелый нос — Мёртвые очень практичные люди, они отбросили обоняние и вкус, чтобы освободить место для более функциональных чувств. С момента моего возвращения к жизни я заметил, что моя способность обнаруживать плоть Живых притупилась, хотя иногда естественные ароматы тревожат мой нос. Но я всё ещё радиоприёмник, застрявший на одной частоте, пока остальные утонули в шумах помех.

Мой первый вздох не приносит ничего, кроме ощущения воздуха, проходящего через ноздри. Я пробую ещё и на этот раз улавливаю её след — отдалённую нотку таинственного земного букета, который не почувствуешь нигде, кроме женских волос. Она оборачивается.

— Ты что, меня *нюхаешь*?

Я отдёргиваю голову и смотрю прямо перед собой.

— Извини.

— Не нюхай меня. Я воняю как дерьмо.

Я смотрю на неё искоса.

— Это не так.

— Я чувствую свой запах, и я воняю, как дерьмо.

— Ты не воняешь.

— Ладно, Гренуй^[5], и чем же я пахну?

— ...собой, — я наклоняюсь к ней и с мелодраматическим восхищением делаю ещё вдох.

Она смеётся и отталкивает меня.

— Ты грёбанный псих.

Я смотрю мимо неё на небо, продолжая улыбаться. Снова поражаюсь тому, что мы летим. Наверное, люди поднялись над облаками впервые за много лет, плавая в голубой пустоте между Небесами и Землёй и дразня богов.

Джули прослеживает за моим взглядом и смотрит в окно.

— Помнишь, как я однажды спросила у тебя, увидим ли мы снова самолёты в небе? Когда лекарство только появилось, и мы мечтали о будущем?

— Я киваю.

— Ты сказал: «Да», — она берёт мою руку, лежащую на подлокотнике. — Я знаю, что это просто самолёт, и это не значит, что цивилизация вернулась, но... Не знаю. Когда я смотрю туда, кажется, что это победа.

— Мы внутри «Волшебного экрана», — говорю я, сжимая её ладонь. — Что мы нарисуем?

Её улыбка дрогнула. Воздух между нами стал холодным. Понятно, я опять это сделал. Я

сослался на чужие воспоминания. Джули делилась своими мечтами с мальчиком на крыше Стадиона, но это был не я. То, что я сделал с её возлюбленным и другом детства не новость; она знает, как я получил эти воспоминания, но мы негласно решили не упоминать об этом шраме на коже наших отношений.

— Отойди, — говорит она, отдёргивая руку. — Мне надо пописать. Я шагаю в проход, и она протискивается мимо меня.

— Джули, — говорю я, но она исчезает в туалете, даже не оглянувшись.

Я смотрю на закрытую дверь. Я не первый раз спотыкаюсь о жизнь Перри, но обычно она переводит тему. В этих украденных воспоминаниях есть что-то большее?

«Мне не хватает самолётов», — говорит Джули.

«Мне тоже», — говорит Перри.

«Белые полосы... которые режут небо узорами... Мама говорила, получается очень похоже на такую детскую игрушку — «Волшебный экран».

Вот она. Рана без раны. Слова её погибшей матери вытащены из воспоминаний погибшего возлюбленного.

Я закрываю глаза и опускаюсь ниже в своё кресло, устало вздыхая. Я не должен был быть монстром и причинять людям боль. Я должен был делать это нежно, на одном дыхании.

Джули сидит в туалете дольше положенного. Наконец она выходит, но избегает моего взгляда, хотя я замечаю её мокрые глаза.

— Прости меня, — говорю я, когда она возвращается в своё кресло. — Я не...

— Нормально, — она качает головой и вытирает глаза рукавом. — У меня была мама, она умерла. Это случилось почти восемь лет назад. Я не могу каждый раз так расстраиваться, когда что-то напоминает мне о ней.

Я слышу, скольких усилий требует эта твёрдость в голосе.

— Это просто... вопросы. Я не знаю, что случилось на самом деле, — её глаза опять начинают слезиться, и она отворачивается к окну, чтобы это скрыть. — Не было ни записки... ни прощания. Мы думали, что она знает, что может случиться, если уйти ночью в одиночку, но вдруг она была очень наивной? Что если она считала, что сможет приехать в Детройт, присоединиться к Восстановителям, прожить жизнь, которую она всегда... — её голос надламывается, и секунду она сидит молча. — Думаю, это неважно. В любом случае, она нас бросила. Мне хотелось хотя бы узнать, почему, потому что я постоянно прогоняю это в голове... — она говорит всё тише, почти не слышно. — Словно ничего не закончилось. Как будто она снова и снова умирает.

Я сомневаюсь, что она всё ещё говорит со мной. Может, она говорит с облаками, этими неуловимыми перистыми прядями, которые даже отсюда кажутся далёкими. Внезапно она начинает смеяться.

— Может, она до сих пор там! — из её горла едва вырывается мрачный звук наигранной лёгкости. — Мы нашли только платье и кое-что... кое-что от неё. Насколько я знаю, она может бродить по стране в компании других зомбимамок.

Она одаривает меня улыбкой, которая означает, что Джули шутит, но это выглядит совсем неубедительно.

— Это же так работает? Иногда они годами гниют? Я двусмысленно киваю.

Она не ошибается. Я тому доказательство. Но надежда, которую я вижу в её глазах, выглядит слишком отчаянной, несмотря на попытки это скрыть. Слишком большое желание.

Опасно ей подыгрывать.

Она отворачивается к окну.

— Я знаю, — бормочет она, будто прочитав мои мысли. — Я знаю, это глупо. Просто я думаю об этом, — кажется, облака уплывают от нас, растворяясь в голубом пейзаже. — В последнее время я особенно часто по ней скучаю.

Мой ответ должен быть деликатным, но слова — довольно грубый инструмент, способный сломать то, что нужно отремонтировать. Поэтому я держу язык за зубами. Я кладу ладонь ей на спину и так и сижу. Под мягкий гул двигателей и воздуха проходят минуты. Я чувствую, как её дыхание становится медленным, мышцы расслабляются. Она засыпает.

* * *

Не представляю, сколько сейчас времени, но после всего пережитого нами это вряд ли имеет значение. Долг сна требует оплаты. Кажется, даже Эйбрам дремлет, зарывшись в кресло и включив автопилот. Я чувствую усталость так же, как и все, но мой мозг ещё не нашёл своего выключателя. Я брожу среди спящих как упырь по кладбищу.

М слабо кивает мне, когда я прохожу мимо. Сейчас он выглядит ещё бледнее, чем когда был Совсем Мёртвым — кажется, его укачало. Нора развалилась в соседнем кресле, храпя как оголодавшая без сна женщина. Я стараюсь не завидовать.

Я открываю дверь в туалет в хвосте самолёта и смотрю на остатки своей семьи. Два юных трупа связаны ремнями. Алекс сидит на унитазе. Ноги Джоанны свисают с раковины. Они смотрят на меня огромными печальными глазами, как запертые в клетке щенки, которые не понимают, что натворили. Я не могу это выдержать.

— Оставайтесь тут, — говорю я, расстёгивая ремни. Они кивают.

— Обещаете, что останетесь? Они кивают.

— Скажите словами. Пообещайте. Они кивают.

Я помню, как наблюдал за ними, пока они смеялись и играли как настоящие дети — это был тот золотой час, когда разбудить Мёртвых можно было улыбкой и красивыми картинками. Я помню, как тогда из их ртов вылетали длинные предложения.

«*Это наш друг*», — сказала Джоанна, знакомя меня с одним из ребятишек аэропорта. Я встречался с ним сто раз и сто раз забывал этого мальчика, угольная кожа которого начала коричневеть.

«*Он ещё не помнит, как его зовут, но он уходит, чтобы вспомнить*».

Я посчитал количество слогов в этих предложениях и сказал Джоанне, что это её новый рекорд. Я помню это, потому что она больше этот рекорд не побила.

— Голодная, — говорит она, щёлкая зубами. Я захопываю дверь.

* * *

Эйбрам чувствует, что я стою в дверях кабины, и просыпается. Его лицо — лицо Перри — отражается в грязном зеркале, и я вспоминаю Перри в белой униформе пилота, заляпанной кровью, и самолёт, мчащийся к земле.

«*Это же не твои воспоминания, так ведь?*» — спрашиваю я у него будто в сне, хотя это совсем не сон.

«Нет, — отвечает он. — Это твои».

— Чего надо? — шепчет Эйбрам, возвращая меня из прошлого к настоящему. Второй пилот Эйбрама спит у окна, по её подбородку течёт слюна.

— Куда...

— Тише, — шипит он, показывая пальцем на Спраут.

— Прости, — говорю я с той же громкостью. Он скептически смотрит на меня.

— Прости, — едва слышно шепчу я.

— Господи, — вздыхает он. — Ты точно тупой, как зомби. Он переключает внимание на дочь.

— Она не спала два дня. Иногда она очень долго не спит и начинает плакать, как будто ей больно от усталости, но всё равно не засыпает. Не знаю... — он качает головой и снова смотрит на меня. — Так, что ты хотел?

— Куда мы летим?

Он снова поворачивается к ветровому стеклу, к бесконечному пространству синего и белого.

— В Канаду.

— Почему в Канаду?

— Они заразились позже нас. Наверняка, у них ещё есть мясо на костях.

Я киваю. С логикой не поспоришь, но всё-таки мне что-то не нравится. Я думал, что мы ищем запятнанные обломки Америки, чтобы каким-то образом освободить их, не бросить гнить. Конечно, политические линии мира размыло дождём, но пересечение границы похоже на дезертирство.

— Однажды я видела канадские кости, — говорит Джули, и я выглядываю из кабины. Она всё ещё сидит на своём месте, слегка приоткрыв глаза. — Они не выглядели такими уж мясистыми, а это было почти восемь лет назад.

— А у тебя какие идеи? — чуть громче шепчет Эйбрам. — Ты придумала что-то получше?

Джули открывает глаза и выпрямляется на сиденье.

— Может, Исландия?

— Исландия, — повторяет Эйбрам.

— Это остров. Одна из самых обособленных стран мира. Никогда не участвовала в войнах, полностью обеспечивает себя геотермальной энергией, там почти нет криминала. Если бы кто-то и пережил чуму, то это были бы они.

— Только они не выжили. Ни у кого не получилось. Последней заразившейся страной должна быть Швеция.

— Это просто слухи, — Джули волнуется всё больше. — Никто не получал новостей из-за моря несколько лет.

Моё беспокойство нарастает. Как далеко мы собираемся уехать в поисках противоядия от Аксиомы? Или наши планы уже меняются?

— Исландия в тысячах миль от нас, — говорит Эйбрам. — У нас нет ни спутниковой, ни радиосвязи. Мы окажемся на Северном полюсе или на дне Атлантического океана.

— Канада тоже далеко. Если ты можешь привезти нас в Канаду, то почему в Исландию не можешь?

Эйбрам вздыхает и смотрит на меня.

— Скажи своей девушке, чтобы шла спать.

— Эй, — Джули возмущённо поднимается с кресла и встаёт в проходе. — Ты *пилот*, а не командир, так что не ты командуешь парадом. Нам нужно всё обсудить.

Спраут ворочается и хнычет. Эйбрам замирает, ждёт, пока она не успокоится, и выходит из кабины. Он подходит очень близко к Джули и смотрит на неё сверху вниз.

— Что обсудить? — мягко спрашивает он.

— Вот это всё, — говорит она, возвращая ему взгляд.

Он приседает до уровня её глаз и говорит очень медленно:

— Канаду? Она *большая*. Она находится на *севере*. Судя по *компасу*, мы летим на север, поэтому очень скоро... мы прилетим в Канаду!

Я вижу, как Джули сжимает кулаки, но ничего не говорит.

— Это самый лучший вариант, — Эйбрам слегка смущается и перестаёт разговаривать с ней, как с ребёнком. — Даже если в Канаде ничего нет, там самое то прятаться. Мы летим в Канаду, — он возвращается в кабину, останавливается в дверях и смотрит на Джули. — Пожалуйста, говори тише. Моя дочь спит.

Он шлёпается в кресло пилота и начинает настраивать приборы.

Джули сидит, скрестив руки, и рассматривает отверстия в полу. Я занимаю своё место рядом с ней и смотрю Эйбраму в затылок. Я ищу в своём мозгу хоть что-то, что осталось от Перри, что-нибудь, что могло бы помочь мне понять этих людей и этот хаос, в который мы погружаемся. Но я очень осторожен — когда ушёл Перри, его место заняли другие голоса. Моя голова — это тёмная комната, населённая незнакомцами, и я не хочу, чтобы они проснулись.

Я СТОЮ НАПРОТИВ двери.

Я нахожусь в коридоре. Стены обклеены обгоревшими и облезшими безвкусными обоями с повторяющимся узором домика, окружённого деревьями. Откуда-то сзади я слышу звуки моей жизни. Голоса друзей. Я чувствую на спине солнечный свет, но он так далеко, что не греет. В конце пустого и длинного коридора находится дверь.

Дверь очень старая. Покосившаяся. Пластина ржавого металла под слоями облупившейся краски. Штукатурка, которой когда-то была замазана дверь, лежит кучей у моих ног. Дверь незаперта, ничем не защищена, свободна. Ручка близка ко мне до неприличия.

— Открой её, — говорит стоящий рядом Перри. Я пытаюсь взглянуть на него, но он отворачивается, и я вижу только его затылок. — Это твой дом, — говорит он дыркой в черепе, которую я ему проделал. Она похожа на окровавленный беззубый рот. — Когда ты, наконец, войдешь?

Он дёргает дверь и она приоткрывается. Я в ужасе отшатываюсь, ожидая, что оттуда ползут щупальца и вылетит рой саранчи. Но внутри только пыль и тишина. Мигающая лампочка едва освещает темноту. За дверью находится крутая лестница, ведущая вниз.

— Ты долго будешь стоять в коридоре? — говорит он и толкает меня вниз на лестницу.

* * *

— Эй? Р? Ты ещё с нами?

Джули наклоняется надо мной и похлопывает меня по щекам. Я моргаю и сажусь прямо, взгляд мечется.

— Что... где...

— Ого, — говорит она, отступая назад. — Если ты спишь, то ты *спишь*.

Все столпились в проходе и смотрят на меня. Кто-то с беспокойством, кто-то с нетерпением. Я выглядываю в окно — мы на земле.

— Что случилось? Где мы?

— В Хелене, — отвечает Эйбрам. — Нужно кое-что взять.

— А Маркусу нужно проблеваться, — говорит Нора, слегка толкая локтем в живот М. Он свирепо смотрит на неё.

Друг за дружкой все начинают выходить. Я встаю, но не иду следом. Я потерял ориентацию в пространстве и не уверен, что это не сон.

— Ты в порядке? Ты же *спал*, или это был опять твой очередной приступ фуги?

— Нет... Я не уверен... — сейчас в самолёте нет никого, кроме нас двоих. — Мы в *Монтане*?

Она улыбается.

— Когда ты, наконец, проснешься, то поймёшь, в чём смысл. Пошли. Я смотрю в сторону туалета в хвосте.

— С ними всё хорошо, — говорит она. — Я сказала им, куда мы пошли, и они сказали, что будут здесь.

— Они *сказали*?

— Ладно, кивнули.

Она разворачивается, и я иду следом. Голова ещё кружится, но теперь медленнее. Самолёт стоит посередине взлётной полосы, в отдалении от терминала и его возможных жителей, поэтому мы вылазим через грузовой отсек. Узкая лестница между секциями ведёт вниз — в холодный заплесневелый подпольный мир, который я никогда не отваживался исследовать, пока арендовал этот самолёт. Даже не знаю, что по моему мнению там скрывалось, но самым страшным, что я заметил, было несколько пауков.

Утончённый интерьер салона сменяется грубой индустриальной обстановкой грузового отсека, затем гидравлической рампой, спускающейся к взлётной полосе. Ощущение твёрдой земли под ногами немного успокаивает. Я оглядываюсь на открытую рампу и мне инстинктивно хочется её запереть, будто авиалайнер — это семейный седан, припаркованный в опасном районе.

Но вот только насколько он опасен? В окнах терминала и на полосе не видно никакого движения, только метры побелевшего бетона, пыли и листьев. Наверное, чума не использует этот аэропорт как убежище. Может, это место предназначено для чего-то другого.

— Арчи, проснись! — кричит Нора. — Давай, шевелись!

Пока я оборачиваюсь, Эйбрам нажимает на маленький прибор под самолетом.

Рампа поднимается и закрывается со щелчком.

Вход без замка. Как прекрасно осознавать, что мой самолёт обладает всеми преимуществами последних моделей. И то, что я не единственный, кто испытывает тревогу, когда мы направляемся в сторону тихого города.

* * *

Наша группа похожа на оборванный военный взвод — все идут с оружием наготове. М и Эйбрам несут своё оружие как дисциплинированные солдаты, а Нора и Джули держат винтовки вдоль бедра и самоуверенно ими размахивают. Из общей картины выбивается только слепая на один глаз девочка, бредущая позади отца. И, как всегда, я.

Я смотрю на свои руки. Они не трясутся. Мне нужно сказать Эйбраму, что я готов взять пистолет, но не делаю этого.

— Что мы тут делаем? — я шепчу на ухо Джули.

— Видимо, у Эйбрама где-то в городе спрятан транспорт. Они выросли здесь, он и Перри.

Я смотрю на бледный горизонт позади аэропорта. Бесконечные холмы, покрытые пылью цвета ржавчины и жёсткими кустарниками, которые расцарапают ваши ноги как когтями, если вы попытаетесь сбежать из дома в одних плавках...

Я спотыкаюсь. Ботинки шаркают по асфальту. Я потираю лоб и быстро оглядываюсь. Никто на меня не смотрит. Окрестности подёргиваются рябью как мираж или как воспоминания о ночи после хорошей пьянки.

— Значит, это тот самый город, из которого ты пытался сбежать? — спрашивает Эйбрама Нора. — Когда на твою семью напали?

Эйбрам продолжает идти.

— Ты сказал, Перри было пять. Выходит, это было... очень давно?

— Ты это к чему?

— Нууу... почему ты думаешь, что твои мотоциклы ещё здесь?

— Потому что это место не привлекает грабителей.

Когда мы подходим ближе, рябь от жары начинает рассеиваться и город становится чётким.

Чернота.

Вокруг всё чёрное. Скелеты обгоревших до каркасов домов, кирпичи старых зданий, почерневших как брикеты древесного угля. Даже улицы чёрного цвета из-за расплавленной резины и сажи от сотен сгоревших автомобилей. Единственными цветными пятнами остаются трава и виноградные лозы, которые стелются по руинам, питаясь богатым углеродом трупом города.

— Пойдёмте назад, — слышу я свой голос. Джули смотрит на меня через плечо.

— Что?

— Нам не стоит здесь находиться. Пойдемте назад.

Мой расстроенный голос привлекает внимание группы, они перестают маршировать и ждут, пока я разберусь.

— Небезопасно, — мямлю я.

— Это кучка пепла, — говорит Эйбрам, отряхивая руки. — Здесь нет никого и ничего. Что может быть безопаснее?

Мои глаза блуждают по обугленному пейзажу впереди. Обгорело каждое здание. Даже те дома, которые стоят слишком далеко друг от друга, чтобы огонь мог перекинуться. У огня была цель. Он был с друзьями.

— Р, что не так? — спрашивает Джули.

Мне не нравится взгляд, с которым на меня смотрит М. Будто он чувствует.

Понимает. Но он не понимает, и я не понимаю тоже.

— Я не знаю, — говорю я Джули. Я опускаю в пол глаза. — Я не знаю. Эйбрам начинает шагать.

— Нам нужен транспорт, — говорит Джули, касаясь моего плеча. — Мы ничего не найдём, если останемся в небе.

Я киваю.

— Если ты трусишь, — кричит Нора, — представь, что едешь на отпадном Харлее, ветер развеивает твои волосы, позади тебя сидит бабёнка. Мы достанем тебе клёвые солнцезащитные очки и сделаем татуху!

Я жду, что М присоединится к шутке, взъерошит мне волосы и назовёт девчонкой, но он продолжает смотреть на меня с грустью и пониманием. Злость берёт верх над страхом.

— Пошли.

— Мы будем держать ухо востро, — говорит Джули, сжимая моё плечо. — Всё будет хорошо.

Я чувствую прилив отвращения к этому универсальному ответу. Она понятия не имеет, чего я боюсь, так откуда она взяла, что всё будет хорошо?

Мы спускаемся в чёрный город, и хотя он был разрушен много лет назад, клянусь, я чувствую едкий аромат тысяч сожжённых вещей.

СОЛНЦЕ.

Оно проникает мне в руки, ноги и лицо, заполняет клетки как шарики с тёплой водой. Его тепло отражается от смолистого толя^[6] и впитывается мне в спину, насыщая меня со всех сторон. Я лежу на склоне крыши рядом с дымовой трубой и прячусь. Никто не знает, что я могу вскарабкаться по дубу за окном своей спальни и запрыгнуть с ветки сюда. Семилетние дети не могут этого сделать, но я не такой. Я долго тренировался.

Со мной мои игрушки. Два пластиковых человечка. Один — хороший парень, герой. Я так думаю, потому что у него крупная челюсть и угловатая стрижка. Второй

— монстр. Не знаю, кто он, но у него синяя кожа и он уродлив. Я заставляю его сражаться с героем. Они стоят у меня груди, готовясь к атаке.

— Я убью тебя! — громко рычит монстр.

— Нет, я убью тебя первым! — отвечает герой самым низким баритоном, на который я способен.

Вдалеке во дворе возле леса я слышу крик отца. Он повторяет что-то снова и снова — наверное, моё имя. Тон очень грубый, но его смягчает тёплый воздух, и он кажется далёким и незначительным. Я даже могу представить, что он ищет меня, чтобы подарить подарок.

Я ударяю фигурки друг о друга в яростной схватке. Пластиковые кулаки стучат о пластиковые челюсти.

* * *

Я растягиваю кольцо воздушного шарика и подставляю под кран. Включаю воду и смотрю, как он раздувается.

— В кого ты будешь его бросать?

Я смотрю на отца. На его огромное мясистое лицо. У него толстые и мозолистые от десятилетий тяжёлой работы руки.

— В Пола, — отвечаю я.

Он вытаскивает из сумки в углу один из готовых шариков и сжимает его.

— Он тёплый. Я киваю.

— Хочешь устроить ему приятный душ? Бери холодную воду.

— Зачем?

— Потому что попадающий шарик не должен доставлять удовольствие. Он должен заставить его кричать.

— Зачем?

— Потому что это правила игры. Победитель радуется, проигравший страдает.

Какой смысл в том, что проигравшему тоже было хорошо?

Он протягивает мне новый шарик.

— Наливай холодную.

Он открывает морозилку и бросает в раковину лоток со льдом.

— И вот это возьми.

* * *

Пока молодой пастор излагает нам суровые истины, я разглядываю бежевый ковёр, выискивая среди пятен узоры.

— Не позволяйте длинным волосам вас обмануть, это не миролюбивый хиппи.

Лука, глава двенадцатая: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение». Он пришел не для того, чтобы заводить друзей. У него огонь в глазах и меч во рту. Он пришёл, чтобы рассечь мир пополам.

Нагромождение стульев с фиолетовыми подушками. Складные столы.

Бледный свет флуоресцентных ламп. С понедельника по субботу отель сдает этот потрёпанный конференц-зал для политических митингов, корпоративных тренингов, распродаж и оружейных выставок. По воскресеньям его отдают нескольким десяткам семей с гитарами и микрофонами. Они вешают баннер с надписью «БРАТСТВО СВЯТОГО ОГНЯ».

— Он пришел, чтобы *разделять!* — кричит в свой микрофон пастор, вышагивая перед тридцатью сморщившимися подростками взад и вперед. — Брата от брата.

Пшеницу от соломы. Спасённых от проклятых. Он здесь для того, чтобы провести линию. На чьей стороне будете вы, когда наступит Последний Рассвет?

Я заставляю себя оторвать взгляд от пола и посмотреть в его лихорадочные глаза.

— Наверное, вы думаете, что у вас достаточно времени, чтобы решить. Может, вам так нравится жить в этой выгребной яме, что вы хотите нажать «отложить» и сказать Господу: «Приди попозже». Наверное, вы думаете, что если совершите достаточно хороших поступков — накормите беженцев, постройте школы, переработаете достаточно банок, то Господь передумает.

Он отрицательно качает головой и продолжает низким голосом:

— Господь не передумает. Вы не сможете потушить его огонь. Он придёт, чтобы сжечь этот извращённый мир. Не знаю, как насчёт вас, но я молюсь, чтобы он поторопился. Я окунаю свой дом в бензин.

* * *

Скелеты Хелены нависают надо мной, обуглившиеся балки прокалывают небо, как рёбра древних животных. Сажа падает мне на лицо, и я вытираюсь, размазываю пятна, снова превращая порозовевшую кожу в серую. Я вижу чистый белый сайдинг, наложенный поверх чёрных рам домов. Аккуратные огороды под джунглями плюща. По усеянному стеклом улицам катаются дети на велосипедах. В тишине звучат голоса.

— Р, — говорит Джули. Она идёт рядом и озабоченно поглядывает на меня. — Ты в порядке?

— Я не знаю, кто я, — говорю я, глядя на улицу впереди. Моё лицо расслаблено, глаза смотрят вдаль. Она тянется к моей руке. Я разрешаю ей сжать мою ладонь, но не сжимаю в ответ.

— Здесь, — говорит Эйбрам, останавливаясь перед тем, что, возможно, когда-то было двухэтажным домиком. Теперь это просто четыре стены, и обрушенная кровля. Окна закоптились, в каждой трещине ползут болезненно-коричневые виноградные лозы. — Вот он.

— Откуда ты знаешь? — удивляется Нора, глядя на смутные очертания дома,

неотличимые от остальных вокруг.

Эйбрам встаёт на колени и запускает в траву пальцы. Он смотрит на мёртвое дерево возле забора и оборванные остатки верёвочных качелей. Его лицо трогает слабая улыбка.

Верхний этаж раздавлен рухнувшей крышей, но нижний ещё стоит. К гаражу ведёт крутой подъездной путь. Эйбрам поднимается по ступенькам к входной двери и тянет за ручку. Обожжённая древесина скрипит и гнётся, но не двигается с места. Он поворачивается и идёт в гараж.

— Подожди, — говорит Джули. — Мы можем её выбить.

— Неважно. Мотоциклы в мастерской.

— Ты не хочешь войти в дом? — недоверчиво спрашивает она. — В дом, где ты вырос?

Он останавливается напротив гаражной двери и уныло смотрит на неё.

— Я здесь не рос. Здесь я играл в игрушки и катался на велосипеде. *А вырос* в тренировочном центре Аксиомы.

Он тянет дверь гаража и она открывается. Облако сажи, как проклятие из потревоженной гробницы, вылетает ему навстречу. Он кашляет и шагает внутрь.

Мы идём следом, держась на почтительном расстоянии. М остаётся на тротуаре в позе солдата-ветерана в карауле, обманчиво непринуждённо придерживая винтовку. Он возвращается в свою первую жизнь, словно второй и не было вовсе.

— Итак, это Мастерская, — благоговейно произносит Нора, медленно кружась вокруг себя. — Мистер Кельвин постоянно о нём говорил. Его взгляд был таким мечтательным, словно это потерянный рай.

На самом деле, гараж — это подвал, в котором стоят скамейки с инструментами, в углах лежат детали двигателей и стоят канистры с топливом, которого хватит на поездку в Бразилию и обратно. В центре гаража пусто, за исключением пяти холмиков, спрятанных под брезентом. Эйбрам скидывает брезент один за другим: пять блестящих мотоциклов. Компактные городские BMW, лишённые всякой напыщенности. Они бы выглядели очень серьёзно и практично, если бы не винтажность. Эта классика граничит с антиквариатом. Их чистые линии и обилие хрома напоминает эру мира и любви. Любовь — это всё, что вам нужно, попробуйте, это легко. Я слышу песни, стихи, протесты. Интересно, хоть одно поколение верило во что-нибудь по-настоящему? Или один неудачный прыжок смутил нас, и мы никогда не попробуем снова?

Лицо Джули трогает грустная улыбка.

— Мотоциклы Перри. Он ездил на каком-то современном дерьме, но по-настоящему любил только их.

Эйбрам осматривает двигатели, проверяет тормоза, постукивает отвёрткой по ржавчине.

— Раньше я думала, что они выглядят не очень надёжно, — говорит Джули. — Я хотела, чтобы он достал Харлей. Он сказал, что у меня нет вкуса, и если я когда-нибудь опять начну этот разговор, он не станет учить меня ездить, — она смеётся, замечтавшись. — Такой он был мудака.

Эйбрам не обращает на неё внимания. Он лениво ходит по мастерской, трогает инструменты и берёт детали с полок. Он их помнит, должно быть они были очень глубоко вырезаны в его памяти.

— Твой отец говорил, что однажды вернётся за своими детками, — говорит Нора, пытаясь поймать взгляд Эйбрама. — Спорю, он был бы счастлив узнать, что ты сейчас это

делаешь.

Эйбрам подставляет таз под один из мотоциклов и начинает сливать масло.

— Эй! — говорит Нора.

— Что, — отзывается Эйбрам.

— Почему ты не хочешь с нами разговаривать?

Он поднимается и лезет в ящик за масляными фильтрами.

— Полжизни ты искал свою семью и, наконец, нашёл людей, которые их знали, но даже ничего про них не спросил? Не хочешь узнать, откуда я знаю твоего отца? Ты не хочешь знать, кем был твой брат?

— Я хотел *встретиться* с братом, — отвечает Эйбрам, работая со следующим мотоциклом, пока сливается первый. — Я хотел посмотреть, кем он стал, я хотел узнать его, — он ставит тазик. — Но мне совсем *не хотелось*, чтобы незнакомые люди описывали мне его, как персонажа какой-нибудь чёртовой книги, — он откручивает крышку и в таз стекает старый почерневший осадок. — Перри умер. Его не существует.

Тишину в гараже нарушает только звон двух гаечных ключей, с которыми играет Спраут.

— Почему ты ещё здесь? — сухо спрашивает Джули. — Если ты так просто можешь стереть из памяти свою семью, и мы для тебя просто бесполезные незнакомцы, почему ты не кинул нас в ту же секунду, когда понял, что Перри умер?

Эйбрам встаёт и исчезает за третьим мотоциклом.

— Если мы хотим уехать отсюда на этих мотоциклах, мне нужно хорошенько поработать. Почему бы тебе не взять Спраут и не поиграть снаружи? Вы обе фантазёрки.

Джули разворачивается и выходит из мастерской. Спраут выходит следом, стуча ключами. Мы с Норой переглядываемся и идём за ними.

Джули стоит на траве, положив ладони на поясницу, смотрит на небо и медленно дышит. Спраут подходит к ней вплотную и крутит ключами, словно говоря: «*Посмотри*».

— Что это? — спрашивает Джули, выдавливая игривую улыбку.

— Мистер и Миссис Ключ. Это балерины. Джули хихикает.

— Мистер Ключ *не самое* лучшее имя для балерины. Спраут улыбается. Ключи продолжают танцевать.

Джули опускается на землю и скрещивает ноги на грязной жёлтой траве.

— Твой папа когда-нибудь рассказывал тебе о дяде Перри? Спраут кивает.

— Он говорил, что не может его найти.

— Я его нашла. Мы были лучшими друзьями.

— Он умер?

Улыбка Джули дрожит.

— Да. Он умер. Но он был хорошим.

Лицо Спраут становится очень серьёзным. Мягкие черты ребёнка не должны быть способны на такое.

— Он был умным, весёлым... — Джули вся в воспоминаниях. — Он много грустил, и если он видел, что страдают люди, то очень злился, но всё равно был хорошим. Он хотел сделать мир лучше. Но перестал верить, что сможет это сделать.

Гаражная дверь дребезжит на направляющих и громко закрывается, поднимая клубы сажи.

Джули бросает взгляд на дверь и взъерошивает Спраут волосы.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы встретились.

* * *

М и Нора делают несколько попыток помочь с мотоциклами, но Эйбрам отвергает их предложения и держит дверь закрытой, поэтому мы находим тенёк во дворе и садимся ждать. Джули кладёт дробовик на траву, роется в рюкзаке, пока не находит нож и клейкую ленту, потом встаёт и расстёгивает пояс.

М вскидывает брови.

Джули расстёгивает клетчатую рубашку, которая надета поверх пропитанной потом безрукавки. М садится напротив неё, будто хочет уделить больше внимания лекции учителя. Джули замечает это, закатывает глаза и достаёт нож. Она протыкает рукав рубашки у плеча и отрезает его.

— Нафига ты это делаешь? — спрашивает Нора.

Джули заталкивает дробовик в отрезанный рукав, прижимает к каждому краю ремень и приматывает скотчем. Она встаёт, перекидывает через плечо самодельную кобуру и улыбается.

— Мило, — говорит Нора. — Теперь с тебя спадут штаны.

— А это ты видишь? — Джули даёт Норе подзатыльник. — Мне не нужен ремень. Нора одобрительно кивает.

— Неплохо для бледного эльфа.

— Если вы хотите устроить соревнования, — говорит М, — с удовольствием буду судьёй.

Джули недовольно поглядывает на него. Нора усмехается.

Я наблюдаю за перепалкой и мучаюсь вопросом — стоит ли заткнуть рот М, поскольку он говорит о теле моей девушки, но мою дилемму прерывает рокот запущенного в гараже двигателя. Он делает несколько оборотов и глохнет. Это повторяется дважды, потом два двигателя выключаются, а третий переходит в мягкий шум. Мы собираемся на подъездной дорожке и наблюдаем за дверью гаража, как семья у операционной. Но Эйбрам не появляется. Нора шагает вперёд и стучится.

— Эйбрам? Мы можем ехать? Нет ответа.

Она открывает дверь. Два мотоцикла лежат на полу, оставшиеся три стоят около двери, один из них заведён. Эйбрама нет в мастерской. Наверху короткой лестницы скрипит на ветру дверь, ведущая на первый этаж.

Первой на лестницу поднимается Джули. Я неохотно иду в обугленное сердце бывшего дома Кельвинов следом за ней. Под ногами хрустит расплавленный коричневый ковёр. Стены чёрные, кроме тех мест, где отслоилась бумага гипсокартона, обнажив белые, как отбелённая кость, пятна штукатурки. О Кельвинах не напоминает ничего. Все воспоминания их жизни — мебель, которую они выбирали, обои, цветовая гамма — всё сгорело, и прогулка по этому дому напоминает мне поедание дряхлого мозга. Ничего не осталось, кроме пустых коридоров и безымянных призраков.

— Смог завести три, — безучастно говорит Эйбрам. Он стоит к нам спиной и пристально смотрит на фото в рамке, стоящее на каминной полке. На крыльце бревенчатого домика сидят отец, мать, малыш и подросток. — А другие нерабочие.

Он поворачивается, мельком смотрит на нас, берет за руку Спраут и идёт к лестнице в

подвал.

— Не знаю, как вы собираетесь спасти мир после десяти тысяч лет разрухи, — говорит он, спускаясь по лестнице. — Но удачи вам.

— Эйбрам? — говорит Джули, направляясь к лестнице.

Двигатель ревет и через закопчённое окно я вижу, как мотоцикл поднимается вверх по подъездной дорожке. Эйбрам взял рюкзак и ружье. Его дочь сидит перед ним, сжимая руль крошечными ручками.

— Нет, — рычит Джули. — Нет, нет, нет, нет!

Она в два прыжка преодолевает ступени подвала, и к тому времени, как я догоняю её, она уже успевает прыгнуть на один из двух оставшихся мотоциклов. Джули пинает стартер, поворачивает дроссель и пулей вылетает из мастерской, оставляя меня задыхаться в синем дыму.

Я прыгаю на последний мотоцикл и смотрю на рычаги и переключатели, пытаюсь вспомнить, как они работают. Если моя старая жизнь хочет ко мне вернуться, сейчас для этого самое лучшее время.

Я закрываю глаза и пинаю стартер. Кручу дроссель и отпускаю сцепление.

Мотоцикл прыгает вперёд, врежется в бочки с топливом и останавливается. Я падаю на руль, но мне удаётся не заглушить двигатель. Сзади по лестнице бегут Нора и М, они кричат мне, но я их почти не замечаю. Я снова нажимаю на дроссель и мотоцикл подо мной делает рывок. Я выползаю на улицу, едва сохраняя равновесие. След выхлопных газов от мотоцикла Джули ведёт вниз по улице и поворачивает за угол, как линия на карте. Я иду по следу.

ПОКА Я ПЫТАЮСЬ удержать равновесие на стальном монстре, мой мозг не перестаёт ворчать. Он напоминает мне, что Эйбрам и Джули — опытные водители с нормальными человеческими рефлексами, и я никогда их не догоню. Он напоминает мне, что мы не проживём с тремя старыми мотоциклами и сумкой карбтеина в глуши Монтаны. И у мозга есть личный интерес напомнить мне, что я без шлема.

Когда двигатель Джули просыпается и прочищает горло, выхлопной след исчезает, но к этому моменту я уже понимаю, куда она едет. Я вырываюсь за пределы города на открытую равнину, ведущую к аэропорту. Я нахожу её мотоцикл рядом с 747-м, около пытящего глушителя вьются лёгкие клубы дыма. Из самолёта слышен её хриплый от отчаяния голос.

— Эйбрам! Твою мать, Эйбрам!

Она стремительно несётся из рампы грузового отсека к своему мотоциклу, сжимая кулаки.

— Его здесь нет. Он слепой, тупой сукин сын, сраный трус, я думала, что он будет здесь, я думала, что он сел в самолёт!

— Джули, — я кладу ладонь ей на плечо, чтобы остановить её бешеную беготню, но она дергает плечом и скидывает руку.

— Если он нас бросил, мы в жопе. В *жопе*. Никакой Канады, никакой Исландии, мы останемся в этой долбаной пустыне и нам понадобятся месяцы, чтобы даже...

— Джули!

Наконец, она смотрит на меня.

Мне пришлось повысить голос, и я делаю вдох, чтобы говорить тише.

— Я знаю, куда он поехал.

— Откуда?

Я не собираюсь озвучивать ответ. Один раз я уже ткнул в этот шрам и почувствовал, как она вздрогнула от боли. Я смотрю на неё, и Джули всё понимает.

Она садится на свой мотоцикл. Я везу свой, разворачивая его по U-образной траектории, как ребёнок четырёхколесный велосипед, потом выжимаю газ и рвусь вперёд. Ноги подпрыгивают в воздух, и мне нужна секунда, чтобы поймать равновесие и найти упоры для ног. Я оглядываюсь на неё в надежде, что моя клоунская езда вызовет у неё улыбку, но её лицо остаётся мрачным. Джули может найти смешное практически в чём угодно: в оголодавших зомби, армиях скелетов, в собственном заточении и пытках. Но она никогда не станет шутить со своей мечтой о лучшем мире, и я боюсь за любого, кто встанет у неё на пути.

* * *

Старший брат счастлив.

Я люблю, когда старший брат радуется, потому что это значит, что всё в порядке. Он переживает сильнее остальных; он думает, что остальные недостаточно внимательны, даже папа, поэтому если старший брат счастлив, я знаю — мы в безопасности.

— Перри! Тащи водяные пистолеты! Мы можем устроить в лесу сражение! Старший

брат набивает рюкзак одеждой и весёлыми штуками.

Футбольный мяч. Фрисби. Цветные карандаши и доска для рисования. Я хочу попросить, чтобы он нарисовал мне монстра. Мама сказала, что придуманные монстры страшнее настоящих. Я повешу монстра старшего брата на дверь, чтобы отпугивать их.

— Погнали, ребятки! — кричит папа. Они с мамой стоят у машины, двигатель работает, время ехать. Я хватаю водяные пистолеты, выбегаю и сгружаю их в кузов. Старший брат залезает туда, тянется вниз и поднимает меня за подмышки, как это делали папа с мамой, когда я был малышом. Мы сидим на ржавом металле, и я чувствую под собой грязную воду, которая собралась в трещинах, но мы с братом улыбаемся. Мы прижимаемся затылками к окну — это значит, что мы готовы ехать — и папа выезжает в город на скоростную дорогу, затем едет по дороге мимо старых сараев, потом по гравию, потом по грунтовке. Мы с братом прыгаем на ухабах, как попкорн на сковороде, который жарит мама, и я начинаю смеяться. Старший брат тоже смеётся, хотя он настолько стар, что уже почти взрослый. Он смеётся, потому что счастлив, а это значит, что всё хорошо.

* * *

Я съезжаю с шоссе на дорогу со старыми сараями. Теперь их нет — несомненно, сараи пошли на дрова для растопки, но бетонные плиты фундамента остались стоять, как баскетбольные площадки, неожиданно оказавшиеся посреди поля.

Я поворачиваю на дорогу из гравия, и мы проезжаем мимо нескольких десятков старых ферм. В моих украденных воспоминаниях нет ничего о тех, кто мог здесь жить, но когда Хелена сторела, им пришлось уехать. Мне немного интересно, зачем они заколотили окна. Некоторые дома заперты, а в одном небольшом коттедже даже есть забор из металлической сетки, окружающий двор. Мельком я замечаю технику, не похожую на сельскохозяйственную, но заставляю своё внимание держаться дороги. Мы не найдём Эйбрама ни в одном из этих домов, расположенных на недружелюбном расстоянии друг от друга. Они всё ещё остаются соседскими, а он хочет быть в полной изоляции, которую может найти лишь в конце длинной грунтовой дороги. Я вижу, как некоторые дома оторвались от гравийной артерии и погрузились в лес как сырые и тёмные пещерные рты со знаками «ПРОХОД ВОСПРЕЩЁН».

Некоторые из них почти полностью скрыты ветвями и кустарниками, поэтому я переключаюсь на вторую передачу, внимательно изучая все окна. Когда мы приближаемся к месту воспоминаний, я начинаю волноваться, что за минувшие годы дорожка к дому Кельвинов полностью заросла, но затем я, дрейфуя, останавливаюсь. Джули останавливается позади меня. Когда пыль оседает, мы видим широкое шоссе, ведущее в лес. На дороге растёт трава, но она невысокая.

Кусты подстригали года два назад — их обрубленные ветки оцетинились новыми отводками.

Этой дорогой пользовались. А сегодня ей пользовался как минимум один человек. Через траву ведёт линия тёмной земли, оставленной одинокой покрывкой. Джули поворачивает дроссель и пулей пронесется мимо меня, поднимая струю гравия, превращающуюся в брызги грязи. Я догоняю её, стараясь держать мотоцикл вертикально на неровной поверхности, но мне не приходится долго мучиться. Через несколько сотен метров

по лесу мы подъезжаем к воротам. Тяжелые стальные трубы в красно-белую полоску, которые когда-то защищали городские парковки от угона транспорта. Словно Лесная Служба Монтаны пропустила уведомление, оставленное нами на планете несколько десятков лет назад.

Спраут сидит на коленях в конце дороги, пытаясь загнать гусеницу к себе на палец. Её отец пробует распилить замок на воротах карманной ножовкой.

— Раньше этого тут не было, — говорит он, не останавливаясь и не оборачиваясь. — Они вернулись?

Мы с Джули слезаем с мотоциклов и приближаемся к воротам.

— Я их искал столько лет, а они всё это время были здесь? — продолжает он.

— Эйбрам, — говорит Джули. Он продолжает пилить.

— Почти готово.

Джули смотрит на него, пытаясь привести дыхание в норму.

— *Эйбрам.*

Наконец, он поворачивается. Смотрит на неё, на меня и раздражённо поднимает руки.

— Как? Как, чёрт возьми, вы узнали, куда я поехал?

Джули смотрит на меня. На секунду мне кажется, что я должен ему рассказать. Его не было в большей части воспоминаний, которые я забрал у Перри, но я уверен, что мне хватит тех первых пяти лет, чтобы убедить его, кем я когда-то был. Если бы он знал, что чума не такая уж непобедимая, это бы пошатнуло его непоколебимое мнение? Или просто сломало его? Винтовка за его спиной затыкает мне рот.

— Мы ехали по следу, — говорит Джули.

— Брехня. Даже Дэви Крокетт не смог бы отследить мотоцикл на мощёной дороге.

— Эйбрам, пожалуйста, — говорит Джули, пытаясь поскорее соскочить с темы. — У нас, наверное, последний самолёт в Северной Америке. У нас есть долбаная колесница богов, которая отвезёт нас куда угодно, но она бесполезна без тебя.

— Я починил для вас отцовские мотоциклы. Организуйте банду байкеров-хиппи.

Я пас.

Он отворачивается и продолжает пилить.

— Мы уже это сделали, Эйбрам! — Джули делает несколько шагов в его сторону. — Ты согласился ехать с нами! Что изменилось?

— Я согласился только с тем, что Аксиома поймает меня, если я попробую поехать сюда. Поэтому я сюда прилетел.

— Почему этот грёбанный дом? Ты можешь полететь куда угодно, а выбрал вот *это*? — она показывает на грязную дорогу и окружающий её тёмный болотистый лес.

— Здесь есть бомбоубежище. И годовой запас провианта.

— Годовой? — насмехается Джули. — А что потом? Будешь охотиться на кроликов и всю оставшуюся жизнь прочить в лесу?

Эйбрам не отвечает. Пила издаёт тонкий звук, похожий на высокую ноту, взятую скрипкой.

— Ладно, пускай ты покончил со своей жизнью, прекрасно, но как же Спраут? Ты хочешь похоронить её вместе с собой?

— Не впутывай её, — ворчит Эйбрам, не прекращая пилить.

— Она уже впутана! Она здесь! — Джули поворачивается к Спраут, которая, нахмурившись, наблюдает за перепалкой, пока забытая гусеница забирается вверх по руке.

— Спраут. Ты хочешь жить в лесу только с отцом? Или хочешь завести друзей и научиться разным вещам? Может, научиться строить или изобретать? Попытаться помочь миру?

Эйбрам разворачивается и швыряет ножовку в грязь.

— Не смей науськивать мою дочь. Это *моё* решение.

— Это *её* детство! — кричит Джули, снова делая к нему шаг. — Это её жизнь!

— Она *моя* дочь, чёрт побери!

— Она не *твоя* вещь! Она — *человек*!

Они стоят нос к носу, трясутся от ярости, и каким-то образом Джули удаётся смотреть на него сверху вниз, хотя её ноги намного короче.

— Папочка? — голос Спраут слишком тихий и робкий и почти теряется в напряжённой атмосфере. — Я хочу строить.

Эйбрам даёт воротам хорошего пинка. Замок щёлкает и створки распахиваются. Он грубо хватает Спраут подмышки и садит её на мотоцикл. Запускает двигатель и в воздух взлетает струя грязи. Перед тем, как они исчезают в лесу, Спраут бросает на Джули печальный взгляд.

Единственным звуком остаётся противный скрип зубов Джули. Затем она прыгает на свой мотоцикл и заводит его.

— Джули, не надо, — говорю я, направляясь к ней.

— Что не надо? — огрызается она.

— Не заставляй его. Ты же не знаешь, что он сделает.

— Это *он* меня заставляет, — отвечает она, повернувшись ко мне спиной. Я внезапно осознаю, что к ней привязан дробовик. — Я тоже не знаю, что сделаю.

Она поворачивает дроссель и с рёвом направляется по тропинке. Я следую за ней с нарастающим страхом. Мозг подкидывает мне картинки возможных исходов, и к тому времени, как деревья редуют, приближаясь к поляне, я готовлюсь к бою, умоляя прошлое ещё раз одолжить мне боевые навыки.

Когда я выруливаю из-за угла, Джули и Эйбрам уже стоят на поляне. Я жму на тормоз, и мотоцикл поскользывается, подпрыгивает и выскользывает из-под меня, а я падаю в грязь. Никто даже не смотрит, как я поднимаюсь и стряхиваю пыль с одежды. Они смотрят прямо перед собой на бревенчатый домик в центре небольшой залитой солнцем поляны. Неотёсанные брёвна, черепичная крыша и кирпичная труба обещают уютные вечера у огня — классический образ деревенского домика, если не считать дверей и окон. Дверь представляет собой совсем не деревенскую клёпаную сталь, а окна — тёмные отверстия с причудливыми стальными решётками.

В центре двери — знак. Зубчатая пустая мандала.

Эйбрам выдёргивает из рюкзака винтовку и слезит с мотоцикла. Джули делает то же самое.

— Держись поближе, Мура, — говорит Эйбрам и движется к крыльцу. Ни кресел-качалок, ни фонарей. Там, где должна быть дровяная поленница, лежат боеприпасы. Он подходит к окну и прислушивается. Я слышу только отдалённые трели птиц и шорох сосновых ветвей. Он хватается за тяжёлую дверную защёлку, приготавливает оружие и открывает дверь.

Стрелять не в кого. Домик пуст. Нет мебели и кроватей, только голый пол и кухонный уголок, заваленный посудой, вероятно, предназначенной не для приготовления пищи.

Вместо лосиных голов и картин с пейзажами на стенах висят кандалы. С толстых кабелей, привинченных к стене, свисают резиновые наручники и ошейники. В кандалах никого нет, но тёмные пятна на стенах рассказывают мрачные истории.

— Что это? — шепчет Джули, держа дробовик наготове.

Эйбрам перебирает инструменты на кухонном столе. Скальпель. Расширитель.

Пила для черепа. Я вспоминаю Морг Норы и то, что было до него — место, где изучали Мёртвых и учились их убивать. Это самое простое объяснение, но здесь что-то не так.

Я шагаю вперёд и поднимаю со стола предмет, чтобы удостовериться в том, что я вижу. Кукла. Пластиковый голый пупс, белый как кость, с пустым плоским овалом вместо лица.

— Папочка, смотри, — говорит Спраут, поднимая что-то с пола и протягивая это Эйбраму. Кукольное личико. Или одно из них, неважно. Я вижу другие лица, разбросанные по столу. Маленькие бумажные кружочки, вырезанные из журналов: симпатичные мило улыбающиеся мужчины и женщины.

Спраут прижимает вырезку к лицу куклы и она прилипает. Что происходило в этом домике?

Эйбрам качает головой, будто хочет сосредоточиться. Он встаёт на колени и поднимает с пола крышку люка. Вытаскивает фонарик и смотрит на Джули.

— Побудь со Спраут. Джули мотает головой.

— Я тебя прикрою. Со Спраут может посидеть Р.

— Мне не нужно прикрытие, и я не доверяю «Р». Остайся со Спраут. Он спускается по лестнице и исчезает в тёмном квадрате. Мы ждём.

— Ну? — через секунду кричит Джули. Тишина.

— Эйбрам? — она ступает на край люка и вглядывается в темноту. — Эйбрам! Она смотрит на меня, накручивая локон.

— Я не вижу его, — она оглядывается на Спраут, потом снова на меня. — Иди проверь.

Я осознаю, что стою в дальнем углу комнаты, будто что-то меня туда оттолкнуло. Я не помню, как оказался там. Идеальный чёрный квадрат люка будто недостающий пиксель в формирующейся реальности.

— Р?

Я несколько раз моргаю и подталкиваю себя к краю люка. Дневного света достаточно, чтобы разглядеть лестницу и небольшой участок пола под ней.

Заставляю руки и ноги выполнять свою работу и спускаюсь. Я затыкаю нос — воняет плесенью и разложением. Пиррова победа для моего обоняния, но ведь так пахнут все подвалы. Паутины и крысиные тушки. Это просто подвал.

Я спускаюсь на дно и вглядываюсь в темноту.

— Эйбрам?

Ответа не последовало, но по мере того, как мои глаза привыкают к темноте, я вижу, как его фонарик шарит по пустым ящикам. Ядвигаюсь вперёд, заметив, что подвал больше самого домика. Это обширная бетонная камера с рабочими столами, полками и частично отделённой ванной комнатой. Интересно, домик был просто запоздалой идеей?

На столах и полках разбросаны инструменты, медицинские приборы и не поддающиеся объяснению странные вещи вроде стопки дорожных знаков и коробки с париками, но, в общем, в бункере довольно чисто.

Эйбрам сидит на полу напротив камеры, похожей на холодильник без двери, скрестив ноги. Фонарик освещает призрачным голубым светом его лицо — пустые глаза, сжатые губы

— и внутренности холодильника.

— Всё пропало, — бормочет он. — Еда, лекарства, кровати, одеяла... даже грёбаная туалетная бумага. Они оставили только это.

Полки морозильника голые, но далеко не пустые. Аккуратно сложенные трупы возвышаются до половины стены, образуя градиент разложения: внизу сухие кости, посередине скелеты, обтянутые кожей, а наверху — коричневые раздутые тела. У некоторых в головах есть дыры, но их меньшинство. Кажется, большая часть умерла по непонятным причинам.

— Что они пытались сделать? — спрашиваю я, не в силах оторвать глаз от братской могилы.

— Понятия не имею.

Из груди одного из тел вылезает крыса и перебегает на свежий труп. Она откусывает кусок от сочащейся мочки уха. Труп дергается.

Эйбрам встаёт и направляется к лестнице, оставив меня в полной темноте. Я спешу следом за ним, пытаясь не обращать внимания на влажное шевеление за спиной.

Спраут ждёт у края люка, но я не вижу Джули, пока не выхожу на дневной свет. Она стоит напротив маленького кабинета в дальнем углу дома и смотрит вниз. Что-то читает. Большую розовую карточку. Когда она поворачивается к нам, то прячет её за спиной.

— Что нашли?

— Ничего, — отвечает Эйбрам.

— Ничего? — она смотрит на меня и видит ужас на моём лице. — Р, что ты...

— Что это? — спрашивает Эйбрам, протягивая к ней ладонь. Почему-то Джули колеблется — всего пару секунд, но я уже ощущаю крошечные вопросы, как мурашки бегущие по коже.

— Ты мне скажи, — говорит она, протягивая карточку. — Похоже на записки для совещания или что-то вроде того.

Я подхожу к Эйбраму и читаю через плечо. Текст состоит преимущественно из аббревиатур и жаргона, он бьёт мне в мозг как радиопомехи. На секунду мне кажется, что я снова стал неграмотным. Но хорошо сосредоточившись я могу его разобрать.

Полная зачистка, МТ, ID, WY, 87 обр. собрано

Бродячих: ^свежие ^податл ^активн прот. гнездовых

Бродячие Ориент. отвечают: 45%

Гнездовые: 5%

Зап. прекратить набеги на гнёзда, увелич. зачистку улиц

Зачистка улиц

Уличная зачистка АГ 10–30 обр. в день, ^60 % в мес.

Обр. указывает на расширенную миграцию, до 300 ми прот. первонач.

Причина неизвестна, но зап. капит.

Новые Ориент. метод "de-id" ^20 % эффект.

65 обр: X

12 обр: 40 % сотр.

8 обр: 76 % сотр.

2 обр: 100 % сотр.

Зап. все объект. Принимают "de-id" в совокуп. С Детройт. "de- edu" методом, содрж. изучение Нью-Йорк "розовый напиток" метод

Зап. закрыть все объекты Хелены, перевезти персонал + обр в Детройт + Нью-Йорк, объединить методы + ресур.

План на 1 г.: 100 % сотр., начать массовое произ.

Эйбрам смотрит на карточку намного дольше, чем требуется, чтобы её прочитать.

— Это... что-то для тебя значит? — спрашивает Джули. В её тоне есть что-то большее, чем простое непонимание. Намёк на потревоженный осадок утонувших мыслей.

Эйбрам отрицательно качает головой. Непонятно, то ли он отвечает Джули, то ли внутреннему голосу. Он берёт Спраут за руку и выходит из дома.

— Эй! — Джули выбегает за ним. — Эйбрам!

Солнце опустилось немного ниже, небо стало чуть бледнее. Воздух неподвижен, и деревья выглядят неживыми. Эйбрам поднимает Спраут, усаживает на свой мотоцикл и садится позади неё. Он сдаётся и с горечью произносит:

— Я поведу самолёт.

Джули останавливается на крыльце и скидывает голову.

— Правда?

— Пока не найду безопасное место, где смогу осесть. Может, это случится через год на другом конце света, а может, завтра в Торонто. В любом случае, я выйду из игры, найдёте вы свою утопию или нет. Это понятно?

Джули не отвечает.

— Это *понятно*?

— Да, — говорит она, — понятно.

Эйбрам заводит мотоцикл, делает разворот и исчезает за деревьями. Мы стоим на ступенях крыльца, слушая затихающий шум мотора.

— Что вы там нашли? — тихо спрашивает Джули.

— Трупы, — отвечаю я, глядя в темноту тропы. — И больше ничего.

— Ого.

Я смотрю на неё.

— А что нашла *ты*?

На её лице мелькает удивление и лёгкое смущение, будто я подкрался к ней сзади, пока она писала дневник, но всё исчезает так быстро, что я не могу быть уверен, что это не игра моего воображения.

— Просто клочок бумаги, — говорит она. — Просто несколько слов.

Она прыгает на мотоцикл и пинает его, возвращая двигатель к жизни. Я еду в лес следом за ней.

МЫ

МАЛЬЧИК хочет есть.

Он парит где-то между стадиями, идеально балансируя между Жизнью и Смертью, почти недостижимый для них обоих. Но только почти. Он прошёл сотню миль, не потребляя энергии, но никто не может так долго бросать вызов физиологии — его баланс нарушается.

Он не помнит, когда ел в последний раз. Его прошлое — это неразбериха, разорванная и беспорядочно склеенная книга. Большой человек, высокий человек, семья скелетов. Потом другие мёртвые люди. Размытые лица, незнакомые комнаты. Его передавали из рук в руки, заботились о нём, кормили кусочками мяса, но потом забывали в тёмном коридоре, и его подбирали кто-то другой, опять кормил и опять забывал.

Мы не можем расшифровать эти намокшие слеplенные страницы и переходим к свежим, где он ощутил новый запах, появившийся в аэропорту, новые звуки, эхом разлетевшиеся по коридорам, голоса и скрипучую старую музыку. Он увидел, как всё вокруг меняется, почувствовал, как изменения проникают внутрь него и отталкивает это. Он не был готов принять этот якобы новый мир, похожий на неадекватного отца, который избил ребёнка, а теперь извиняется и лезет обниматься. Мальчик не доверяет его распростёртым объятиям.

Теперь он далеко от этого мира, глубоко в лесу. Он одинок сильнее, чем был когда-либо, если одиночество можно измерить километрами. Этот участок шоссе так долго оставался нетронутым, что лес начал превращать его в зелёное пространство, сглаживать, как исчезающий шрам. Молодые сосны пробиваются сквозь асфальт, разбитый для них корнями сосен-родителей. Сначала идут плиты, потом обломки, потом камешки и песок. Вдали от решётки чужих умов он может почувствовать ненадёжность окружающих вещей. Краем глаза он замечает движение. Здесьние предметы ждут, что кто-нибудь скажет им, что они из себя представляют. В этих местах мальчик готов увидеть что угодно: сферические двери, треугольные огни, хрустальных птиц и тощих медведей, но никак не мужчину в футболке Sonic Youth на велосипеде.

Мужчина проезжает мимо, потом останавливается, слезает с велосипеда и идёт к мальчику. У него аккуратная бородка и коротко подстриженные волосы, глаза спрятаны за солнцезащитными очками Wayfarer. В другую эпоху он мог бы работать в модной компании по разработке программного обеспечения, но сейчас он грязный и вспотевший, из его сумки торчит дуло.

Мальчик смотрит себе под ноги. Мужчина приближается к нему.

— Ты Живой? — спрашивает он, останавливаясь на безопасном расстоянии. Мальчик пожимает плечами.

— Думаю, это значит «да». Ты один? Мальчик кивает.

Мужчина разглядывает его. Мальчик бледен, насколько смуглая кожа может быть бледной.

— Ты можешь разговаривать?

Мальчик не поднимает головы и не отвечает. Он может говорить, но не делает этого. Разговаривать — значит позволить людям проникнуть внутрь, разделить общую землю и

общий язык. Даже если это мерзкие слова, разговор — это связь, которая требует хоть небольшого доверия. Больше доверия, чем есть у мальчика.

Но мальчик одинок. И голоден. Он смотрит на мужчину.

— Господи! — говорит мужчина, отпрыгивая назад и инстинктивно протягивая руку к оружию, но останавливается и внимательнее вглядывается в глаза мальчика. Яркий мерцающий жёлтый. Два золотых кольца.

— Это не глаза Мёртвых, — говорит он. — Тогда чьи? Мальчик пожимает плечами.

Мужчина смотрит на мальчика. Оглядывает его с ног до головы.

— Как тебя зовут?

Мальчик пожимает плечами. Секунду мужчина раздумывает.

— Почему бы тебе не пойти со мной.

Мальчик изучает лицо мужчины, пытается прочесть что-нибудь. Но солнцезащитные очки скрывают его душу.

«*Это хороший человек?*» — спрашивает нас мальчик. Мы не отвечаем.

Мальчик берёт мужчину за руку. Мужчина улыбается.

На велосипеде нет места для мальчика, поэтому мужчина везет его рядом с собой. По мнению мальчика, это добрый поступок, ведь теперь мужчина будет идти медленнее и его путь станет в два раза длиннее. Мёртвые кормят маленьких мертвецов, чтобы те смогли в будущем помочь им прокормиться. Никаких чувств, никаких уз, только растущая геометрическая прогрессия. Мальчик очень давно не встречался с добротой.

Они идут молча. Время от времени мужчина поглядывает на мальчика. Он чувствует этот взгляд даже через тёмные очки — ощущает на щеке лёгкое тепло.

Они выходят из леса и оказываются в маленьком городке у шоссе. Ветви деревьев протыкают окна просевших домов с поросшей на крышах травой. Солнце тает над горизонтом.

— Здесь мы будем спать, — говорит мужчина, снова поглядывая на мальчика. Они покидают разрушенную дорогу и входят в разрушенный город.

Рядом с автозаправкой находится крошечная детская площадка. Одни качели и паукообразный турник. Его яркие краски облупились и он представляет собой купол из ржавых стальных перекладин.

Мужчина оттаскивает охапку черепицы от стены бензоколонки к турнику, бросает её через отверстия и забирается внутрь.

— Здесь безопаснее всего развести огонь, — говорит он, улыбаясь мальчику. — Здесь сюрпризов нет.

Мальчик заползает в купол и садится на траву, растущую в песке. Он наблюдает за мужчиной, который разводит в гнилой черепице крошечный печальный костерок, по большей части состоящий из дыма. Когда мужчина понимает, что огонь не разгорится сильнее, чем есть, он садится и, наконец, снимает очки. Смотрит на мальчика. Мальчик пытается прочесть его взгляд, но он такой пронзительный, что заставляет ребёнка отвернуться.

— Прости, что я так пялюсь, — говорит мужчина. — Я никогда не видел таких глаз, как у тебя.

Мальчик лезет в сумку. Под пистолетом и большим ножом лежит кусок вяленой говядины. Он вытаскивает его и осторожно рассматривает. Когда-то он уже это пробовал, но, может быть, сейчас...

— Давай, — говорит мужчина. — Если голоден, то ешь.

Мальчик откусывает кусочек и жуёт солёное, химически законсервированное мясо. Никаких следов жизненной энергии, ни человеческой, ни любой другой. Он выплёвывает мясо на землю.

Мужчина кивает.

— Так и думал.

Мальчик поднимает на него глаза, не понимая смысл комментария.

— Я слышал о таких, как ты. «Преимущественно мёртвые»? Застрял... где-то между?

Мальчик опускает глаза и смотрит на огонь.

Мужчина садится на корточки, перебирается к мальчику, задевая опущенной головой несколько перекладин, и садится рядом.

— Наверное, это сбивает с толку. Мозг пробует донести до тебя, что ты — человек, хотя там ничего нет, только пучок импульсов в пустой комнате, — он смотрит на щёки мальчика. — Иногда я чувствую себя так же.

Пока мужчина разглядывает его щёки и шею, мальчик смотрит в огонь. Ядро костра светится сквозь дым мутным красным сиянием.

— Но ты знаешь, тебе не нужно об этом беспокоиться, - мягко и очень искренне говорит мужчина, — потому что на самом деле ты не живой. Просто попробуй это запомнить, хорошо? Если запомнишь, всё станет проще.

Мальчик поворачивается к мужчине и смотрит на него. Тот улыбается и кладёт руку мальчику на бедро. Другую руку себе на ширинку.

Мальчик откусывает ему ухо.

Мужчина вскрикивает и вскакивает на ноги, ударяется головой о перекладину и падает лицом в огонь. Борода вспыхивает, как сухой мох, но мужчина лежит неподвижно. Мальчик задирает его футболку и вгрызается в источник жизни, пульсирующий сквозь фасцию, дельтовидную, трапециевидную и широчайшую мышцы.

«Как вы сохраните этот момент? — спрашивает он нас, уткнувшись лицом в окровавленную плоть. — Меня и этого плохого человека? Этот поступок, который я должен был совершить? Выше или Ниже? Люди прочтут его и извлекут урок, или вы закроете его на замок?»

Нам хочется объяснить мальчику. Он не понимает, мы — не библиотекари, мы есть книги. Но даже если сейчас мы нарушим молчание, он не услышит нас. Он слишком занят.

Он сдирает с мужчины слой за слоем, переливая жизнь из его клеток в свои.

Мальчик очень долго боролся с голодом, пытаясь сохранить шаткий баланс, но всему есть предел. Он чувствует, как лекарство циркулирует в голове, щекочет глаза, открывает тайные истины, стучит в душу, но он держит дверь закрытой. Мальчик злится и не готов разговаривать.

Он ест, пока не наедается до отвала, садится на песок и смотрит на кровавую массу. Большая часть человека исчезла, но оставшиеся сухожилия начинают дёргаться. Мальчик не трогал мозг. Этот мозг — как токсичные отходы, пузырящиеся в его черепе, и его нужно уничтожить. Мальчик достаёт из сумки нож и отрезает мужчине голову. Тот открывает глаза. Теперь они стали серыми. Глаза наблюдают за мальчиком, копающим в песке яму. Наблюдают, как он опускает туда голову, наблюдают, как он засыпает их песком. Остаётся небольшой холмик, и мальчик строит из него песчаный дворец и вылезает из-под турника.

Он не забирает ни нож, ни пистолет, ни велосипед. У него нет цели выжить или

прогрессировать, он просто ищет. Хотя, он снимает с мужчины тёмные очки и надевает на себя, чтобы скрыть мерцание — доказательство борьбы, которая идёт внутри него. Мальчик возвращается на шоссе. Мужчина, на которого он понадеялся, тлеет на костре, брызгая жиром. Завитки сального дыма поднимаются к звёздам.

Я

ЛЕСА МОНТАНЫ мне знакомы. Я смотрю на деревья, и мои руки и ноги снов переживают то ощущение, когда на них взбираешься. Кора дугласовой ели с острыми выступами, мелкая наждачка осин, кривые стволы древних и полных тайн сосен.

Мы съезжаем по укрытому тенями склону холма, шум мотоциклов с заглушенным двигателем едва нарушает тишину. Я знаю, что Джули может ехать быстрее, но она притормаживает, позволяя мне задавать темп, так что мы едем, как ребяташки на четырёхколёсных велосипедах, пока не выезжаем на дорогу из гравия, затем на просёлочную, потом на шоссе. Я облегчённо выдыхаю, когда поворачиваю дроссель, и мотоцикл устремляется прочь от этого леса с призраками.

К тому времени, как мы добираемся до аэропорта, солнце исчезает, и на горизонте остаётся только тёмно-розовая полоска. Нора и М стоят, скрестив руки и прислонившись к переднему колесу самолёта, и хмурятся.

— Чё за хрень, Джулез? — спрашивает Нора, взмахивая руками, как вопросительными знаками.

Видимо, Эйбрам опередил нас больше, чем на несколько минут, поскольку грузовая рампа опущена, а мотоцикл стоит внутри. Джули мотает головой — «не спрашивай», и заезжает внутрь. Я еду следом, и мы начинаем закреплять ремни.

— Мы подумали, что он хочет забрать самолёт, — говорит Нора, поднимаясь к нам вместе с М. — Я его чуть не пристрелила.

— Без него самолёт бесполезен, — бормочет Джули.

— Я бы выстрелила в ногу. Может, в член.

Четыре мощных двигателя оживают, наполняя грузовой отсек вихрями пыли.

Джули бьёт кулаком по кнопке закрытия двери.

— Так что же произошло? — спрашивает Нора, пока мы поднимаемся по лестнице на верхний ярус.

— Он... передумал, — потрясённая неуверенностью в голосе Джули даёт Норе понять, что она больше ничего не добьётся.

* * *

Второй взлёт не такой мучительный, как первый. О том, что это не обычный рейс настоящей авиакомпании говорит только отсутствие привычных успокаивающих речей капитана. У нас даже есть стюардесса. Как только мы набираем высоту, по салону с подносом с кубиками карбтеина проходит Спраут.

— Хочешь перекусить? — спрашивает она у Норы, сидящей через ряд от нас.

— Нет, благодарю, — отвечает Нора.

М берёт один и вертит в руке, словно кубик Рубика, потом откусывает кусочек.

— Хочешь перекусить? — спрашивает у Джули Спраут. Джули берёт кубик.

— Спасибо, Спраут. Превосходный сервис.

— Меня папа послал. Джули смотрит на меня.

— Правда? Очень мило с его стороны.

— Я думаю, ему стыдно, — говорит Спраут. — За то, что ругался. Хочешь перекусить? — она подталкивает ко мне поднос.

Я беру кубик.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она разворачивается и идёт дальше по проходу.

— Куда она идёт? — интересуется Джули. Потом я слышу звук открывающейся двери и голос Спраут из конца самолёта.

— Хотите перекусить?

Я вскакиваю на ноги, собираюсь бежать...

— Пожалуйста.

Спраут, широко улыбаясь, появляется в проходе и несёт поднос как опытный профессионал. Она возвращается в кабину к обязанностям второго пилота.

Я сажусь на место. Джули кусает кубик.

— Что думаешь, Р? — она задумчиво жуёт. — Она может заниматься этим ещё несколько лет до колледжа, а потом получить учёную степень и уйти в архитектуру. Может, Джоанна и Алекс станут её учениками.

Я вглядываюсь в белоснежный лунный ландшафт моего кубика и чувствую укол голода, будто несколько сантиметров желудка проснулись. Я откусываю и жую, морщась от сухости и непонятного запаха, словно обед из четырёх блюд взбили в один смузи.

— Я знаю, — бормочет Джули. — Это не смешно. Я пожимаю плечами, продолжая жевать.

— Вроде бы смешно.

— Это шутки про мёртвых детей.

Я слышу в её голосе нотку, которая заставляет меня перестать жевать. Я слышал её ещё тогда в доме. Ил, поднявшийся со дна океана.

— Суровая оценка, — говорю я ей в затылок и прижимаю Джули носом к окну. — Думаешь, у них есть будущее?

Она молчит, вглядываясь в темноту.

— Думаю, есть. Просто мне хотелось бы, чтобы оно у них было не в таком мире.

— Может, так и будет, — отвечаю я, но я не могу говорить уверенно. Слова проходят сквозь неё и вылетают в окно как слабый призрак.

Она вытаскивает журнал из кармана перед собой и откидывается назад.

Разглядывает модель на обложке. Таких женщин на земле больше не найдёшь — причёсанная, накрашенная, холёная и подтянутая до такой степени, что в ней больше не узнать человека.

— Раньше я читала всё, что могла найти о старом мире, — говорит Джули, перелистывая хрупкие страницы. — Я изучала его, как мифологию. Мне всегда было интересно, какими бы были люди, которых я знала, если бы жизнь была просто кучей вариантов. Во что вы верите, какие у вас приоритеты, где вы живёте и чем занимаетесь... — она останавливается на Бродвейском мюзикле и горько улыбается. — Ты можешь представить себе эти варианты? Ты окружен облаком возможностей, которое ждёт твоего решения.

Она продолжает листать страницы. Рестораны. Фильмы. Музеи. Она останавливается на

Университете Мичигана, и её улыбка исчезает.

— Мама выросла в этом мире, — она рассматривает пышные фотографии библиотек, арт-студий, истерически смеющихся дружеских компаний. — Она не была богатой, но жила до распада Америки. Она работала с палитрой, которую я не могу себе представить, — она пробегает пальцами по сморщенной бумаге и выцветшим чернилам. — У неё был этот мир. А потом она его потеряла... — её голос переходит в бормотание. — Это будет преследовать тебя вечно, да? Как можно это отпустить?

Она заталкивает журнал обратно в карман сиденья и на секунду закрывает глаза. Потом открывает и поворачивается ко мне.

— Что было в том доме? Я не отвечаю.

— Что они пытаются сделать? — она почти умоляет. — Сколько ещё мерзости случится в этом месте? — наверное, я должен попытаться её успокоить, сжать руку и произнести слова утешения, но я смотрю сквозь неё в тёмную дыру окна и вижу могилы и пламя, стальные трубы и коричневые зубы, и...

— Эй, — Нора выглядывает из своего сиденья и смотрит на нас через проход. М тихо посапывает рядом с окном. — Мы могли бы и не узнать.

— О чём ты? — спрашивает Джули.

Нора стреляет глазами в сторону кабины пилота, встаёт и указывает подбородком на разделяющую перегородку. Джули выпихивает меня в проход и мы идём с Норой за занавеску.

— Взгляните, — говорит Нора, доставая тонкую жёлтую брошюрку и передавая её Джули.

Джули осматривает первую страницу. Бросает взгляд на Нору.

— Где ты это нашла?

— Мы отправились искать вас в вестибюль аэропорта, а они были расклеены повсюду.

— Почему их всё ещё распространяют в аэропортах? — удивляется Джули, начиная читать. Нора пожимает плечами.

— Я видела много записок на стенах. На полу свежее дерьмо. Может, аэропорты до сих пор собирают у себя путешественников.

— Девятнадцать лет с BAVL... это за прошлый год, да?

— Ага. Практически новости. Посмотри на последнюю страницу. Джули перелистывает в конец, читает и ухмыляется.

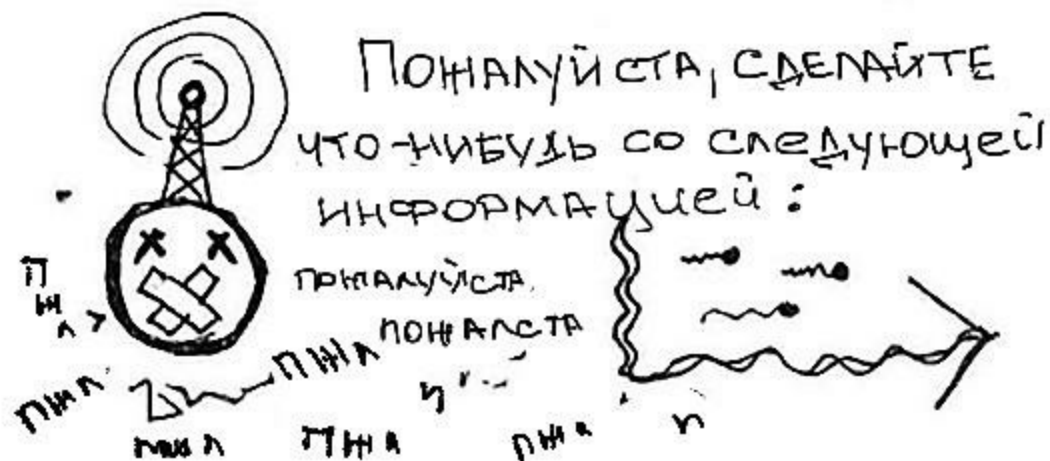
— Я знала. Чёрт тебя дери, я знала! — она пихает брошюру мне в руки. — Сможешь прочесть, Р?

Грубо откопированная бумага напоминает мне старомодный самодельный журнальчик или манифест сумасшедшего. Бешеный почерк едва можно разобрать, но прочесть я могу. Понять — уже другой вопрос.

Тур по Каскадам!

Мы проехали вдоль пограничной стены Западного побережья (Ворота Монтана снова активны - починили?) Затем на северо-восток от Убенища. Посмотрели красивые пейзажи, встретили хороших людей и сбежали от плохих, но ни на шаг не приблизились к разрушению волки ...

Филлингем: X

Сиэтл: X (разрушен) 100

Олимпия: X+ (рассеянное население)
(маленькое гнездо в главном здании)

Убежище: 2 укрепленных
города (закрытые, враждебные)

рассредоточенное насел.

(Большое гнездо в аэропорту

Оран, чуть не потыбли, пытаюсь

оставить там копцы)

Портланд: заселён наполовину

нет правит-ва, натуральное хоз-во,

бартерный рынок

... Ранне-социалистическое

поселение ???

20-30 мёртвых в неделю (цифры?)

ОБНОВЛЕНИЕ!

В Портланде

найдены

матросы.

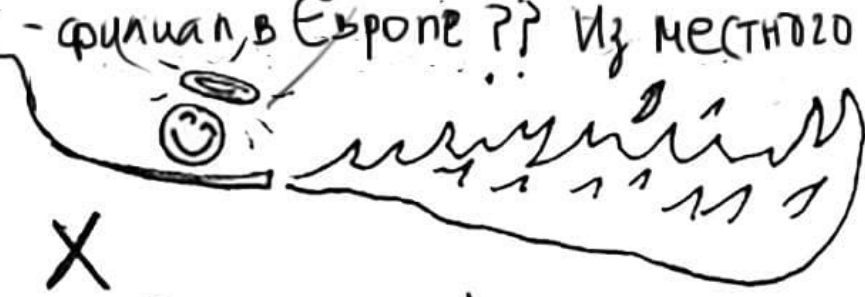
Зoo
редукт

ПОЛУБЕЗУМНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
РАСКАЗАЛИ ЛЕГЕНДЫ О ТЁМНОЙ
*РАССКАЗЫ ПУСТОЩИ...

ЗА
ПЛАНЕТОЙ
АМЕРИКА

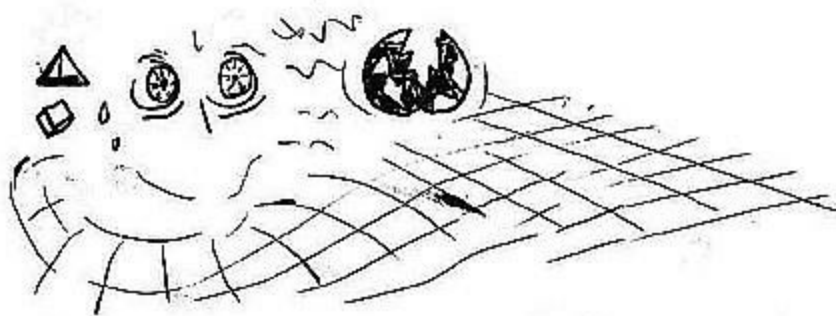
- ИСПАНИЯ: X
- ФРАНЦИЯ: X (Париж разрушен) ☹️
- ГЕРМАНИЯ: X (по слухам)
- БРИТАНИЯ: X (Лондон разрушен) ☹️
- Церковь Окея - филиал, в Европе ?? Из местного населения ??

- НОРВЕГИЯ: X
- ШВЕЦИЯ: X (по слухам)
- ИСЛАНДИЯ: X...??? По слухам,
начиная с 10 года работы BABEL, но
не подтверждено. Разведчики не вернулись.
УБИТЫ? ☠️ ПРИСЕДИНИЛИСЬ?? 🗨️

ВНИМАНИЕ!

Как всегда, глобальные новости
нужно считать СЛУХАМИ. Отчёт
МАТРОСОВ РЕДКО БЛЪЮТ ДРСТВЕРИЯМИ.
Впечатлит-ть = изоляция = неконтролируемая
реальность = (хлипкие) факты

В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ:

С ВОСТОКА - в самое сердце!
ПОЖЕЛАЙТЕ НАМ УДАЧИ И ЗДРАВЫХ МЫСЛЕЙ!
МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, ЗАРАЖЁННЫЙ МИР!

— Что это? — спрашиваю я, протягивая брошюру Джули.

— Это Альманах! — Джули поражена моей несообразительностью. — Даже ты должен знать, что такое Альманах.

— Люди... верят в эту информацию? — я провожу пальцем по шизофреническим каракулям, по нарисованным сюрреалистичным монстрам.

— Нищие не могут выбирать, Р. Люди не знают, что происходит даже за милю от их убежищ. Десять лет назад РДК прочёсывали страну вдоль и поперёк и оставляли отчёты там, где проходили. Пусть это обрывки новостей, но всё же это новости.

— Я так разволновалась, когда нашла такой в первый раз, — печально говорит Нора. — Было такое чувство, будто в город приехала моя любимая группа.

Джули улыбается.

— У нас с мамой был тайный уговор. Если мы когда-нибудь их встретим, то бросим папу и сбежим вместе с ними.

Её губы дрогнули.

— Но вернёмся к делу, — говорит Нора. — Исландия, верно? Звучит многообещающе, да?

— Верно, — Джули отдаёт журнал Норе. — Теперь ты с ним поговори. Я уже достаточно доставала его сегодня.

Нора кивает и направляется к кабине.

— Исландия? — спрашиваю я у Джули, понизив голос. — Ты уверена, что это ответ?

Она смотрит на меня так, будто я спросил, мокрая ли вода.

— Конечно, не уверена. Просто... — она отворачивается и вглядывается в окно, в угасающем свете её лицо окрашивается в красный. — У меня хорошее предчувствие.

— Почему?

— Потому, что моя мама... — она смотрит на стадо маленьких облаков-барашков, пасущихся под нами. — Моя мама наполовину исландка. До встречи с папой она жила в Рейкьявике два года. Она так говорила о ней... о культуре и политике... будто там вещи имели *смысл*... Я так и не выяснила, зачем она вернулась.

— Может, потому что её дом был не там.

Она смотрит на меня с удивлением и лёгким раздражением, но я не отступаю.

— Уехать сейчас значит сдать.

— Почему? — рявкает она. — Что мы здесь имеем? Сраный дом?

Я вздрагиваю. Могу сказать, что она тоже чувствует, что сказала резче, чем планировала. Но она это перебарывает.

— Что мы имеем? — настаивает она. — Грёбанный стадион? Гордость за Каскадию?

— Людей, — я смотрю ей в глаза, пытаюсь уловить её трепещущие мысли. — Эллу, Дэвида, Мари, Уолли, Тейлора, Бритни, Зэйн...

— Я знаю, как их зовут, Р.

— Так что, мы оставим их с Аксиомой? Сбежим?

Её взгляд заставляет меня чувствовать себя хулиганом, который проколол её воздушные шарики и пописал на накрытый стол. Но я всего лишь процитировал слова, которые она сказала мне несколько дней назад, в свою очередь цитируя меня несколькими месяцами ранее. Мы перебрасываем друг другу этот кусочек правды, будто нам больно его держать.

Она резко встряхивает головой, словно избавляясь от мыслей, и возвращается на место. Нора уже ведёт осаду пилотской кабины, и я рад, что на этот раз Джули осталась в стороне.

— Какую часть фразы «разведчики не вернулись» ты не поняла? — говорит Эйбрам, размахивая Альманахом. — Сейчас Исландия может оказаться гигантским гнездом.

— У кого больше шансов не поддаться чуме, чем у острова? Возможно, получив первые отчеты, они закрыли границы.

— Ты врешь мне или себе? Чуме плевать на границы. Они бы заразились и на космической станции, ради бога!

Джули подсакивает. Я вздыхаю.

— Исландия была другой, — говорит она, просовывая голову в дверь кабины. — Они всё делали иначе. Их страна не развалилась бы, как наша.

— А исландцы не люди? Что такого они сделали, чтобы стать другими?

— Пока мы воевали во Второй Гражданской, они совершенствовали возобновляемые источники энергии, производство продуктов питания, вкладывались в образование и культуру — они не рушили, они процветали.

— О, так ты любишь историю. Тогда должна знать, что когда мы слышали о них в последний раз, они наполовину ушли под воду.

— Да, и они строили стены в море!

Нора тихонько выходит из словесной перепалки, пожимая плечами — «я старалась», и садится в своё кресло.

— Ты знаешь, что Канада заражена, — продолжает Джули, перехватывая инициативу. — А ещё Мексика и, наверное, Южная Америка. Думай о другом полушарии!

Эйбрам встаёт и идёт к ней. Джули пятится из кабины, вставая в оборонительную позу, но он проходит мимо неё, заходит в туалет и мочится.

Джули скрещивает руки на груди и смотрит ему в спину через открытую дверь.

— Тебе *буквально* на всё насрать, да? Эйбрам заканчивает и устало вздыхает.

— Послушай, ты невероятная оптимистка, — он выходит из уборной и плюхается на сиденье в первом ряду, глядя на неё снизу вверх. — Мне бы хотелось верить, что существует маяк цивилизации, который ждёт, чтобы мы его нашли. Но если маяк существует, почему мы его не видим? Почему о нём никто не знает?

— Думаешь, последняя оставшаяся страна будет себя рекламировать? Чтобы все облажавшиеся страны нашли диван, на который смогут упасть?

Кажется, Эйбрам призадумался.

— Наверно, они просто ждут подходящего момента. Развивают ресурсы, разрабатывают план.

Он резко кивает и встаёт.

— Хорошо, ладно. Исландия. Звучит неплохо.

Джули вскидывает голову, и очередной аргумент застывает на её губах.

— Но на пути туда находится Торонто, — продолжает он, проталкиваясь мимо неё к кабине. — Если мы не найдём в Торонто то, что нам нужно, тогда поговорим о пересечении границы. Лады?

Он говорит очень искренне, этого не может быть. Что если его искренность саркастична... это искренний сарказм? Думаю, даже он сам не знает.

Он возвращается на своё место, растерянная Джули возвращается на своё.

— Эй! — кричит М. — Сколько ещё лететь?

Он только просыпается, но уже вцепился в подлокотники.

— До завтра, — кричит Эйбрам.

М тихо выругивается и глубже опускается в кресло.

Я сжимаю колено Джули — ещё одна попытка её успокоить, но она погружена в свои мысли и, кажется, не замечает моих усилий. Поэтому я отворачиваюсь к окну.

Вид из окна не такой, каким должен быть. Внизу должны быть огни. Даже в отдалении должно быть видно несколько крупиц света, переходящих в сверкающие линии и скопления и, наконец, образующие экзотическую галактику города, пульсирующего и кипящего жизнью.

Но там ничего нет. Под нами только пустая темнота. Единственные существующие скопления звёзд находятся наверху — это старые добрые созвездия Льва, Рака и Козерога, но они не так дороги мне, как созвездия, созданные людьми, этими далёкими богами, которые не желают иметь ничего общего с нашими жизнями, полными риска. Несмотря на шум, смог и жаркие драмы, я скучаю по городам.

Наконец, солнце исчезает без следа, и наступает полная темнота. Я смотрю, как она

расстиляется под нами ровным чёрным ковром, а потом вижу... свет. Несколько светящихся пятнышек, потом ещё больше, потом круглый бассейн света, достаточно яркий, чтобы осветить окружающие его холмы. Огни образуют форму города, но это не уличные фонари и не свет из окон. Это пожары. Сотни зданий залиты характерным белым пламенем Церкви Огня.

— Если вы посмотрите налево, — говорит Эйбрам по внутренней связи, подражая лаконичному бормотанию капитана воздушного судна, играющего в экскурсовода, — то увидите очень искренних людей в поисках лучшего мира.

Из горла Норы вырывается горький смешок.

— *Эти* придурки всегда на высоте. Как свечи на сумасшедшем торте. Джули смотрит в окно, наблюдая за адской смертью какого-то города,

сожжённого на костре за ересь выживания. Я вижу в её глазах воспоминания, печаль, боль и гнев. Потом она закрывает их и сворачивается клубочком на своём сиденье, спиной ко мне и к окну.

Я наблюдаю за пламенем, пока оно не исчезает позади и не возвращается темнота. Тьма или огонь. Больше нет вариантов?

МОЯ МАТЬ.

Она верит в лучший мир. Но он так далёк и недостижим, что мы не примем участия в его строительстве. Новый мир будет вручён нам полностью сформированным и идеальным, он упадёт с небес и накроет хаос, в который мы превратили эту жизнь. Этот мир был приговорён ещё в начале своего создания, будучи изначально только одноразовой сценой в короткой драме, чей сценарий никто не понимает и чью концовку никто не может переписать. Мы можем внести только одно изменение — приблизить его конец, поскольку мы способны лишь разрушать. Мы испорчены ещё до рождения, и если когда-нибудь сделаем добро, то это будем не мы, а рука Господа внутри нас, которая движет нами, выполняя свой план. Наш величайший грех — вера в собственную значимость.

В это верит моя мать и учит этому меня, но я не понимаю, почему тогда она работает в лагере беженцев. Она кормит детей жертв войны и находит дома переселенцам... Разве эти люди не *должны* умереть? Разве это не тот самый Последний Закат, которого мы все ждём? Зачем она пытается оттащить солнце назад?

Я задаю эти вопросы маме, и она расстраивается. Они гасят свет, которое излучает её лицо, когда она работает в лагере, ремонтируя одежду, раздавая лекарства, приготавливая огромные чаны рагу. Помощь людям приносит ей радость, пусть даже это бессмысленно. Я решаю оставить её в покое.

Когда я могу, я всегда хожу с ней в лагерь, потому что здесь нет моего отца.

Здесь я могу выбрать себе одежду из пожертвованных вещей взамен моего домашнего изношенного тряпья. Отец говорит, что у нас достаточно вещей и нам не нужна ничья помощь, но я думаю, что мы живём немного лучше беженцев. В конце каждого дня мать бросает в сумку несколько банок с консервами и просит не говорить отцу.

Испачканные травой джинсы-варёнки. Бирюзовая футболка с Микки Маусом.

Мой выбор не отражает личных вкусов. Я беру одежду, которая мне впору.

— Здравствуйте, миссис Атвист.

— Что ты здесь делаешь?

Я перестаю рыться в ящике с обувью и прислушиваюсь к двум голосам на тротуаре. Мамин голос мягкий, но строгий, и я могу представить, как она, стоит, скрестив руки, серьёзная и неподвижная. Второй голос сухой и глухой, как хруст сломанной сгоревшей ветки. Он немного мне знаком. Должно быть, когда в последний раз слышал голос деда, я был совсем маленьким.

— Я пытался поговорить с сыном, но он застрял в этом Святом Огне по самый яйца. Из его черепа не вытянешь ни слова. Я подумал, что вместо этого могу поговорить с тобой.

— С чего ты взял, что я пойду против мужа? Или нашей Церкви? Святой Огонь — наша семья.

— Я твоя семья, мать твою. Я хочу тебе помочь.

— Мы не хотим, чтобы ты нам помогал.

— Какой позор. Я управляю последней армией в Америке, а мой сын живёт в лачуге. Мой внук вытаскивает обоссанные трусы из благотворительных ящиков...

— Не вмешивай его.

— ...а моя невестка ворует у бродяг банки с бобами.

— Через несколько лет твои деньги не будут стоить ничего.

— Деньги — не единственная валюта.

Его худое лицо. Его жёлтая от табака улыбка, выглядывающая из окна огромного белого Рэндж Ровера. Я смотрю на него, спрятавшись за мамину ногу, словно я совсем маленький.

— Привет, малыш! — его взгляд по-кошачьи перескакивает на меня.

— Возвращайся внутрь, — говорит мама.

Я подчиняюсь, но останавливаюсь у двери и подслушиваю.

— Что ты за мать? Я бы мог сделать из твоего сына принца нового мира, но ты хочешь, чтобы он подох с голоду, как остальная деревенщина?

— Мир принадлежит Господу, и он скоро сожжёт его дотла.

— Слушай меня. Я всю жизнь работал, чтобы наша семья находилась на верхушке пищевой цепи. Я не позволю тебе или моему маленькому сукиному сыну снова сделать нас кроликами.

— Оставь нас в покое. И не приезжай больше.

— Когда дела станут совсем плохи, вы позовёте меня, — он повышает голос, крича в сторону моей двери. — Звони мне в любое время, Р...! Я буду ждать!

* * *

Его голос звучит эхом у меня в ушах, когда моя третья — настоящая — жизнь возвращает меня назад. Я слышу, как с его губ срывается моё имя и заглушаю звук, редактирую его. Неважно, как сильно моё прошлое пытается посягнуть на настоящее, я не назову это имя. Я не позволю ему переписать жизнь, которую я построил вместе с Джули.

В самолёте темно, но мир снаружи серого цвета — где-то за горами прячется солнце. Джули так и спит рядом, свернувшись клубочком и дрожа. Воздух холодный, и она обхватила руками голые плечи. Я накрываю её старым пледом, но она не перестаёт трястись.

— Подожди, — слабый шёпот едва касается её губ. — Мама, подожди. Я не сплю. Мне приходит в голову, что мой чистый лист — это возмутительная роскошь.

Мой страх потерять это кажется таким жалким. Я борюсь со своим прошлым, потому что оно представляется мне диким зверем, врывающимся в мой чистый дом. Но Джули всю жизнь спит с ним рядом, чувствует на своей шее его горячее дыхание, его кровавая слюна остаётся на простынях.

На всякий случай я накидываю ей на плечи второе одеяло. Воздух очень холодный. Ледяная атмосфера над нами смешивается со старинным кислородом из резервуаров самолёта. Так странно дышать воздухом другой эпохи, наполненным звуками и запахами давно исчезнувшего мира. Я бреду по салону, пробегая пальцами по мягкой коже кресел бизнес-класса. Когда-то эти места были колыбелью богатых и могущественных. Не самых богатых и не *самых* могущественных — у тех были частные самолёты с персональными улыбками и металлические чемоданы, полные секретов, — но тех, кто мог заплатить двойную цену за небольшую дополнительную дистанцию между ними и человечеством. Неважно, где они сейчас и пережили ли переход мира от плутократии к кратократии, частички их присутствия остались в углублении этих кресел. Волосы и клетки кожи на ковре.

Отзвуки голосов, *звоните в любое время...*

Я трясую головой, моргая и концентрируюсь на окне, на своих ногах, на...

— Арчи? — тихо басит М. — Ты в порядке?

Он приподнялся на откинутах сиденьях, видимо, только проснувшись от сладкого сна.

Нора спит у окна на два сиденья дальше, свернувшись в позе эмбриона, как и Джули.

— Нормально, — я собираюсь пройти мимо него дальше в салон, но он вытягивает руку.

— Не борись с этим. Я останавливаюсь.

— Что?

— Если будешь бороться, то проиграешь. Не надо. Я меряю его взглядом.

— Нет, надо.

— Это просто воспоминания. Насколько плохими они могут быть?

— Не знаю. И знать не хочу. Она улыбается.

— Арчи. Ты всегда так драматизируешь. Я свирепо смотрю на него.

— Меня зовут не Арчи.

Он озадаченно поднимает ладони.

— Почему бы и нет? Это имя не хуже остальных.

— Его придумали для Гриджо. Чтобы он думал, что я нормальный. Это ложь. Он пожимает плечами.

— Это имя.

Я отрицательно качаю головой и смотрю в пол.

— Имя должно что-нибудь значить. Иметь историю. Ниточку к людям, которые тебя любят.

Я поднимаю глаза. Его улыбка дёргается, словно он пытается сдержать смех.

— Красавчик, — говорит он. — Ты такой сложный.

Я иду прочь, мечтая, чтобы в первом классе вместо занавески была дверь, чтобы я мог чем-нибудь хлопнуть.

Я брожу по задней части самолёта. Тихое посапывание говорит мне, что Спраут вытянулась вдоль ряда сидений, высунув голову из-под груды одеял. Когда-нибудь она станет такой же, как я. Она уже на полпути, хотя ей всего шесть. У неё нахмуренный лоб, большие цели и переживания за мир. Не знаю, гордиться ею или бояться за неё.

Бывают моменты, когда мне не хватает ума. Моменты, когда я задаюсь вопросом — является ли сознание проклятием. Правда ли, что глупые счастливее умных, или они просто поднимаются не на такие крутые вершины и опускаются в не такие глубокие низины? Прямая линия удовлетворения, неуязвимая к отчаянию, но неспособная на восторг? Я всегда говорю это себе, когда встречаюсь с беззаботными людьми. Повторяю снова и снова.

Наконец, солнце поднимается над горизонтом, и окна делят его свет на широкие золотые лучи, освещающие пыль. Ещё одно летнее утро. Наверное, мы уже близко.

Я открываю дверь в уборную, чтобы проверить, как там мои ребяташки, и нахожу их сидящими и держащими у лица кубики карбтеина. Они разглядывают их, словно кубики содержат тайны вселенной. Я очень волнуюсь, заметив, что они их грызли.

Джоанна смотри на меня ясными серо-коричневыми глазами. Интересно, как выглядит её линия? Она точно не прямая. Эти ребята знают, что такое проблемы. Их линии идут вверх, почти достигая жизни и опускаясь до псевдосмерти. Наверное, теперь они снова идут вверх. Но почему они колеблются? Что они не смогли найти три месяца назад, когда выглянули из своих могил? Какое разочарование вернуло их ко сну? Чего они ждут?

Они переключают своё внимание на стену туалета. Смотрят на неё, как в окно, будто наслаждаясь видом на закат из окна первого класса, вместо серого стекловолокна своей

тюрьмы, измазанного дерьмом.

— Наш друг, — говорит Джоанна.

— Ваш друг? — повторяю я, надеясь подхватить разговор и увести его дальше. — Кто ваш друг?

— Золотой свет, — говорит она и оборачивается, чтобы подарить мне свою первую улыбку, которую я никогда не видел. — Солнечный мальчик.

— Далекo, — говорит Алекс. — Одинокoй.

В его голосе звучит утрашающая нотка печали. Не просто личная руть, а сочувствие. Сострадание.

— Поможешь нам позвать? — умоляет Джоанна. — Скажешь ему идти следом?

Я смотрю на них, ошеломленный внезапной вспышкой воли. Но я понятия не имею, о чём они говорят. Я пытаюсь расшифровать их слова, но меня перебивает голос Эйбрама, звучащий по внутренней связи.

— Леди и джентльмены, сейчас мы пролетаем над Детройтом, штат Мичиган, самым заражённым городом Америки, и вскоре приблизимся к канадской границе. Я не думаю, что будет турбулентность, но это дикая территория, поэтому ничего не обещаю. Время просыпаться.

Дети всё также выжидающе смотрят на меня. Их взгляд говорит мне, что я взрослый человек, обладающий большим авторитетом, знаниями, мудростью и способностями, которому поручено их защищать. Что весь мир принадлежит мне, и я могу им его дать. Но я шатающийся больной, страдающий потерей памяти, который боится собственного имени. Я — подросток, живущий в страхе перед миром. Я — мальчик в футболке с Микки Маусом, и эти ребяташки выше меня.

Когда я выхожу, они смотрят мне в спину. Они смотрят, как я закрываю за собой дверь.

КОГДА РАЗДАЁТСЯ объявление Эйбрама, Джули и Нора начинают ворочаться, но окончательно просыпаются только тогда, когда солнце бьёт им в глаза. Они моргают и щурятся от горячих лучей. Я занимаю место рядом с Джули, но пока ничего не говорю. Она плохо спит и тяжело просыпается. Я выучил, что нужно давать ей минутку, чтобы прогнать тени.

Детройт простирается под нами как бетонная пустыня. Даже с такой высоты видно, насколько он разрушен. Непривычная серость. Даже нет растущей травы, способной покрыть его кости.

Я думал, что записи в доме Эйбрама упоминали об «объектах» в Детройте, но должно быть, я неправильно понял сокращения, потому что сложно представить, что там внизу есть хоть что-то живое. В заброшенности этого места есть нечто нереальное. Когда я вглядываюсь в него, всё начинает расплываться, и меня подташнивает. Плоская поверхность тонет и приобретает глубину, улицы скручиваются и выгибаются... Потом Джули выглядывает из-за моего плеча, и улицы вновь оказываются прямыми, а земля плоской.

Моя потребность в сне сильнее, чем я ожидал.

— Доброе утро, — говорю я ей. Звучит бессмысленно, как приветствие с ресепшена отеля, но звук собственного голоса помогает мне собраться с мыслями.

Она игнорирует меня и смотрит на город.

— Он такой пустой, — её голос низкий и хриплый. Я слышу в нём остатки сна и задержавшуюся печаль. — Кажется, будто он пустовал несколько веков.

Нет, это не печаль. Это разочарование.

Я прижимаюсь лицом к окну в поисках какого-нибудь движения, но даже если бы оно было, я бы не смог ничего разглядеть с такой высоты. Только абстрактные линии улиц.

— Если бы мама это увидела, она бы расплакалась, — голос Джули звучит отстранённо, будто сон опять затягивает её назад. — Здесь жили коммуны художников, которые пытались восстановить город. Мама думала, что это ключ ко всему.

Сгоревшие дома. Обрушившиеся заводы. Погибшие парки с серыми деревьями.

— Папа вечно убеждал её, что она ошибается. Видимо... так и было.

Я смотрю, как город редет, превращаясь в разбросанные промышленные здания, а затем, наконец, уступает место опустевшим равнинам. Интересно, сколько таких «ключей ко всему» появлялось и исчезало на протяжении всей истории, и почему они никогда ничего не открывали. Мы вставляли их не в те замки?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Р, — говорит Джули. — Можно тебя кое-о чём спросить?

Я слышу, что её голос стал твёрже. Взгляд всё ещё прикован к окну, но её поза теперь более уверена, сонная истома исчезла.

— Все эти годы, что ты... *скитался* или... неважно... Ты никогда не чувствовал какие-нибудь вещи из прежней жизни?

Я медлю.

— Вещи?

— Я знаю, что ты ничего не *помнишь*, но разве у тебя никогда не было чувства... *Остатка* воспоминаний? Может быть, песня, которая заставила тебя грустить без причины,

или кусок хлама, который ты просто обязан был забрать домой?

Я пытаюсь перехватить её взгляд, надеясь понять, что стоит за внезапной сменой темы разговора, но пока она говорит, она продолжает смотреть мимо меня пустым взглядом медиума, общающегося с призраками.

— Все эти безделушки, которые ты коллекционировал... Должны же быть причины, по которым ты их выбирал? Может, они связаны с твоим прошлым.

— Думаю, да, — выдавливаю я. Почему она тащит нас в эти дебри? Здесь небезопасно.

— Значит, даже тогда ты был не совсем пустым листом. Тебя что-то направляло.

— Может быть.

— А что насчёт... мест? — наконец, она отворачивается от окна и встречается с моим ищущим взглядом. У неё спокойное лицо; оно производит впечатление простого любопытства, но я по глазам вижу — она что-то скрывает.

— У тебя не было чувства, что тебя куда-то тянет? Не было инстинкта идти по определённой дороге, следовать определённому направлению?

Она пристально смотрит на меня. Я бы хотел дать ей всё, что она ищет, но на эти вопросы есть только один ответ: смутное «может быть». Это такая же истина, как то, что вещи попадают в мир Мёртвых. Что она надеется там найти?

Из интеркома звучит дружественный *динь*.

— Леди и джетльмены, — объявляет Эйбрам, очевидно, получающий удовольствие от своего капитанства. — Сейчас мы приближаемся к Лондону, штат Онтарио, и начинаем мягкое снижение к Торонто.

Джулисмотрит на меня ещё секунду, поджав губы, потом встаёт и закрывается в туалете.

Я смотрю на Нору, но сейчас она не подслушивает. Они с М заняты своей болтовнёй — что-то о том, как они скучают по кофе. Когда самолёт начинает заходить на посадку, я чувствую, как подпрыгивает желудок.

— Если вы посмотрите вперёд, — продолжает наш капитан, — то увидите конец этой великой страны, в прямом и в переносном смысле.

Я смотрю вперёд, как сказано, стремясь избавиться от беспокойства, которое пробирается мне в голову, как маленький паразит.

— Только что мы пересекли первоначальную границу, но она была слишком узкой для растолстевшей талии Америки, поэтому нам пришлось ослабить пояс. Что для союзников значит сотня миль? Что значат несколько сотен мёртвых солдат?

— Он всегда получает удовольствие, когда речь идёт о жестокости, — ворчит Нора. Может, это было жестоко, но делалось ради безопасности земель. Это прошлое, но не моё прошлое. Просто я вспомнил отрывок из заплесневелой исторической книги. Массовые миграции, сопровождаемые причудливыми корректировками границы. Дурацкая логика — если здесь достаточно места для американцев, значит, это должно быть Америкой. Страна ползла на север вслед за населением, пытаясь поглотить его, пока разозлённая Канада, наконец, не провела линию.

Я вижу её на горизонте. Она рассекает заброшенные фермы Онтарио как застарелый шрам.

— Папа? — Спраут сонно моргает, топая по проходу. — Это стена как в Мексике?

— Конечно, детка, — отвечает он с нездоровой весёлостью. — Наша тюрьма была создана международными усилиями. Мы построили пол, а Канада — потолок, — он опускает микрофон и выглядывает через дверной проём. — Но теперь всё по-другому. На

этот раз мы перелетим через стены.

Спраут улыбается, зевает и шлёпается на переднее сиденье. Она чешет глаз под повязкой и зажмуривается.

Из уборной выходит Джули. Угрюмость, которую я заметил в её глазах, распространилась по всему лицу. Она выглядит решительно. Что она собирается делать?

— Эйбрам, — говорит она.

Он не обращает на неё внимания.

— Мы приближаемся к пункту назначения, займите свои места. Отключите ваши телефоны...

— *Эйбрам*, — Джули шагает в кабину. Тишина, затем вздох.

— Ну что.

— Ты уверен, что мы можем пересечь стену? Однажды моя семья пыталась проехать через Вашингтонские ворота, и автоматика чуть нас не перестреляла.

— Это когда было?

— Лет семь назад?

— Как раз когда их вооружённые силы потерпели поражение. Не может быть, чтобы стена ещё оставалась в сети. С другой стороны, на ней всё равно никогда не было зениток. Стена скорее была символом, чем настоящей крепостью.

Я выглядываю в окно.

Стена достаточно близко, чтобы можно было разглядеть гигантские красные кленовые листья, нарисованные по всей её длине, как сигналы «стоп». Как мы смогли спровоцировать нашего добродушного соседа на такой безумный поступок? Полагаю, даже у самых классных начальников есть свои пределы терпению.

— Я подумала... — говорит Джули, — может, мы сначала пешком пройдемся, посмотрим, что к чему. Удостоверимся, что там безопасно.

Эйбрам смотрит на неё, подняв брови.

— Никогда не думал, что услышу от тебя что-нибудь об осторожности.

— А ты внезапно решил рискнуть?

— Что я могу сказать. Ты меня вдохновила. Или довела до безумия.

— Эйбрам, — я не вижу их лиц, но замечаю, как Джули сжимает дверной короб. — Думаю, нам нужно развернуться. Сесть в Детройте, взять мотоциклы и осмотреть стену.

— Сесть в Детройте? — он хохочет. — Хочешь, чтобы я продлил полёт на триста километров и целый день провёл в дороге ради какой-то бессмысленной разведки?

— Мы могли бы поискать топливо в аэропорту. И вообще... — она медлит, но потом продолжает. — Ты видел записи в том доме. «Объекты» в Детройте. Нам надо узнать, что они...

— Нет, твою мать, нам не надо, — перебивает он. — К нам это не относится.

— К нам всё относится! — рывкает Джули, повышая голос. — Они пытаются превратить эту страну в какую-то...

— Я думал, ты закончила с этой страной, — его сухой тон останавливает её. — Я думал, что ты хотела уехать.

Её пальцы дрожат, но она молчит.

Эйбрам отвлекается на проверку приборов.

— Мы перелетим стену на высоте двух с половиной километров. Нас никто не достанет. Ну, ладно, просто для подстраховки...

Он щёлкает выключателем и загорается табло «пристегнуть ремни».

— ... сделаем так.

Я встаю со своего места, видя, как нервничает Джули. Она шагает в кабину, и я готов вмешаться. Но взрыва не происходит.

— Эйбрам, послушай, — никакого гнева. Её голос стал низким и дрожащим.

Отчаянным. — Мне нужно в Детройт.

Я наклоняюсь, пытаюсь мельком увидеть её лицо в зеркале кабины.

— Это важно.

Эйбрам разворачивается вокруг своей оси, изумлённо подняв брови.

— Зачем?

Я не вижу зеркало, но поскольку наклоняюсь ближе в надежде найти ключ к разгадке по лицу Джули... Я кое-что замечаю. Это опаснее её вспыльчивого характера, опаснее её снов и секретов от меня.

На границе стены вспыхивает и взлетает яркое пятно.

— Эээ? — я краснею и не могу найти слов. Я просовываю руку между Эйбрамом и Джули и тычу в окно.

Они смотрят.

— Эйбрам? — кричит Джули.

— Нет, — у него возмущённый обескураженный тон, будто он хочет сказать: «Здесь какая-то ошибка».

Из-за стены появляется какой-то объект, и на некотором расстоянии от нас расцветает огненный шар. Несколько секунд позже появляется звук: низкий «бум», который ощущается в полу.

— Это что за хрень была? — спрашивает Нора, присоединяясь к нам в узкой кабине. Из-за стены появляются ещё два более ярких пятна, теперь они взрываются ещё ближе. Три облака дыма плывут по небу как букет чёрных роз, белые стебли которых тянутся к земле. Первый вертикальный, второй изогнутый, а третий указывает прямо на нас.

— Папа, что происходит? — плачет Спраут.

— Оставайся на месте, Мурасаки!

Что-то свистит за окном, и я замечаю секундный проблеск зенитного снаряда, которых стена якобы не имеет: синий цилиндр с острыми лопастями и красный носовой конус, похожий на детскую игрушечную ракету. Он взрывается где-то над нами, сталкивая самолёт вниз.

— Грей Ривер, — мечтательно говорит М. Он прижимается лицом к стеклу, глядя на растянувшееся облако огня. — Магнум XL.

— Что? — кричит Эйбрам, вытянув шею.

— Старые ракеты с тепловым наведением.

— Почему они в нас не попадают? — спрашивает Нора и съёживается, будто боится разрушить заклинание.

— Они предназначены для истребителей. Мы слишком холодные для них.

— Значит, прорвёмся, — с отчаянной уверенностью заявляет Эйбрам. — Они будут мазать, а мы лететь.

М таращит глаза.

— Возможно, но...

— Ты из ума выжил? — вопит Нора. — Поворачивай!

Эйбрам угрюмо смотрит перед собой, сжимая штурвал до побелевших костяшек пальцев.

— Поворачивай, — говорит Джули. — Мы можем ещё где-нибудь поискать.

— Например, в Исландии? — огрызается Эйбрам. — Например, в грёбаном Атлантическом океане? — его голос дрожит от странной смеси страха и ярости. — Некуда лететь. Времени не осталось. Мы уже в пасти, которая захлопывается.

Ещё одна вспышка со стороны стены.

— Эйбрам, ради бога! — Джули сжимает спинку его сиденья. — Поворачивай!

— Папа? — говорит Спраут. Она стоит в середине прохода с огромными перепуганными глазами. Эйбрам не обращает на неё внимания. Он прибавляет газу и рвётся вперёд.

Кажется, ракета настроена серьёзно. Она ворвётся в центр пилотской кабины и сожжёт всё дотла: наши мятежные надежды и своё видение мира, лучшего, чем дал нам Бог, мира, где мы, бесполезные существа, надменно создаём свои правила... ракета взрывается перед нами и самолёт подбрасывает вверх, как от удара в подбородок. Я падаю назад, в проход, ударяюсь головой о кресло и растягиваюсь на полу. Самолёт влетает в огненный шар, и кабина превращается в адскую пещеру. Из окон льётся красно-оранжевый свет, яростные крики проклятых требуют правосудия, *настоящего* суда, а не эту вселенскую провокацию, крики детей, которые не просили о своём рождении, наказанные за пороки мира, который их приветствовал...

— Помогите! — Спраут перекрикивает вой ветра, ворвавшегося через два разбитых окна. Её волосы тянет наружу, из пореза на лбу вытягивает капли крови, и она вцепляется в сиденье.

Джули поднимается с пола и бежит к ней. Спраут протягивает руку, и Джули поднимает её, хотя девочка не намного меньше её самой. Она затаскивает её в кабину, садит в кресло второго пилота и хватает Эйбрама за ворот куртки.

— Поворачивай, нахер! — орёт она ему в лицо.

Эйбрам смотрит мимо Джули. Сначала на дочь, потом на вихри пыли и мусора за окном.

— Да пошли вы, — шипит он, дёргая штурвал влево.

Я падаю на своё кресло, когда самолёт сильно кренится, скрипя от напряжения. Мы падаем на бок, пока окна не оказываются прямо напротив земли, грязного неба перевернутого мира. Я чувствую, как кислорода становится меньше. Над моей головой свисает кислородная маска, и я вспоминаю старые инструкции, которые на удивление идут вразрез с этикой: *позаботьтесь о себе, а потом помогайте другим*.

Не успеваю я обсудить с собой эту моральную головоломку, как кислород возвращается. Уши закладывает. Мы снижаемся так быстро, что я думаю, мы падаем, но потом вижу, как впереди выстраивается наша посадочная полоса: пятиполосное шоссе, ведущее в Детройт.

— Приземляемся... куда? — спрашивает М сквозь стиснутые зубы. — На долбанную дорогу?

Эйбрам молчит. Он ни о чём нас не предупреждает, не инструктирует. Или он занят посадкой, или просто психанул на нас. Но нам не нужно сообщать о жёсткой посадке. Джули проскальзывает на сиденье рядом со мной. У неё напряжённое лицо, но не от страха. От чего-то другого. Я беру её за руку, и она позволяет мне это сделать, но пальцы не разжимает.

— Чёрт, — ругается М. — Чёрт.

— Маркус, — говорит Нора. — Сделай вдох. Ты помнишь, как дышать? Он концентрируется и втягивает воздух сквозь зубы.

— Всё не так уж плохо. С нами всё будет в порядке.

— Откуда... ты знаешь? — пищит М, набрав полную грудь воздуха. — Ты же никогда не летала.

— Может, летала, только в другой жизни.

— Может, я... разбился в другой жизни. Нора улыбается и хлопает его по колену.

— Так мило наблюдать, как большой мужчина ведёт себя, как маленькая сучка. М смотрит на неё с ненавистью.

— Точно! Это мило.

Он закрывает глаза и медленным, медитативным выдохом высвобождает воздух из лёгких.

— Ну вот, — говорит Нора. — Может, стоит подержать их закрытыми. Автострада расстилается перед нами, разрезая километры полей, единственным урожаем которых являются ежевика и пыль. Большинство дорог в Америке навечно застряли в пробках, но эта трасса проходит между изолированной нацией и древними руинами — дорога в никуда из ниоткуда. По ней очень долго не путешествовали, поэтому наша взлётная полоса чиста, не считая нескольких черничных лоз, ползущих по краям.

Мы приближаемся очень быстро и резко садимся. Когда мы ударяемся о землю, М издаёт тихий писк. Колёса с непрерывным хрустом бороздят тонкий асфальт, к шуму присоединяется хор двигателей и разбитых окон. Кабина так дребезжит, что я жду, когда самолёт рассыпется на кучу заклёпок. Но затем всё стихает, двигатели, взревев, отключаются, и мы едем к месту остановки. С верхней полки падает и разбивается кружка «I Love NY». Наступает тишина.

Я чувствую, что снова дрожу. Чувствую холод, липкими пальцами пробирающийся сквозь стену самолёта и щиплющий мою кожу. Это одинокое кладбище, которое мы старались миновать по воздуху, становится неуютно близким.

ОКРАИНЫ ДЕТРОЙТА вырисовываются на туманном горизонте, но в остальных направлениях ничего нет. Поросшая кустарниками равнина превращается в пустыню. Эйбрам стоит на лестнице, прислонённой к конусообразному носу, и копается внутри. Весь фюзеляж покрыт копотью, но, кроме разбитых окон, видимых повреждений нет.

— Ну? — спрашивает Нора.

Эйбрам захлопывает конус и спускается с лестницы. Я вижу отчаяние в его взгляде, скользящем по группе оборванцев, стоящих напротив него: «*Как меня угораздило оказаться здесь, с ними?*»

— Нам нужна запчасть, — похоже, он кое-как подбирает слова. — Мы отправимся в аэропорт спасать эту развалюху, — он щурится, глядя на Джули. — Ты всегда добиваешься своего, да?

Джули молчит.

— Так ты сможешь его починить? — спрашивает Нора. — Мы сможем лететь дальше?

— Да, мы сможем лететь дальше, — ядовито отвечает он. — Мы сможем лететь, и лететь, и лететь.

Он берёт Спраут за руку, смотрит на порез на лбу и толкает её в самолёт.

Мгновением позже он съезжает с рампы на мотоцикле, в багажнике лежит рюкзак, а дочь цепляется за его спину.

— Он может мне помочь, — говорит он, кивая на М. — А вы можете остаться здесь.

— Нет, спасибо, — Нора уже поднимается по рампе.

— Здесь не на что смотреть. Детройт — это сухие кости.

— Никогда не знаешь, где окажется потерянное сокровище. Я иду. Эйбрам взмахивает руками.

— Ну, *кому-то* нужно остаться у самолёта. Наверняка те, кто нас сбил, уже едут сюда, чтобы обыскать обломки.

Нора останавливается на рампе и разглядывает пыльный горизонт.

— Если предположить, что в нас стреляла не автоматика, а люди, им потребуется минимум два часа, чтобы добраться до места крушения. И, если они решат ехать за нами, вряд ли нам захочется с ними встречаться.

Она исчезает в самолёте.

— Мы не будем разделяться, Эйбрам, — говорит Джули, следуя за Норой.

Эйбрам смотрит в небо, словно молясь о терпении, но дальше не спорит. Нора и Джули скатывают по рампе два оставшихся мотоцикла, Эйбрам нажимает брелком-ключом и рампа поднимается. Понимают ли происходящее вокруг мои дети? Они почувствуют себя брошенными или они слишком заняты поисками многомерных лабиринтов в своих головах? В любом случае, здесь они в большей безопасности, чем со мной. Никто не проникнет в самолёт без высокой лестницы и газового резака.

— Не обижайся, Р, — говорит Джули, ставя мотоцикл передо мной, — но вести должна я.

Я вздыхаю и сажусь позади неё, размышляя, мог ли Эйбрам оставить два мотоцикла в Хелене, чтобы посмотреть, как мы справимся.

Нора смотрит на М.

— Запрыгивай, бифштекс. Он смеётся.

— Ни за что.

Она возмущённо выпрямляется.

— Серьёзно? Мужчина должен ехать впереди? Это что, две тысячи двадцатые годы?

— Нет, — отвечает он, качая головой. — Просто... так не получится.

— Почему?

Он пожимает плечами и садится сзади. Его живот спихивает её на топливный резервуар, а грудь нависает над головой, отчего она склоняется до самого руля.

— Всё, всё! — она смеётся, задыхаясь, и толкает его локтем под рёбра. — Свали.

Он слазит, и Нора делает то же самое, продолжая смеяться. Она откидывает волосы с лица и указывает на мотоцикл: «После вас». Мотоцикл всё ещё довольно мал для этого дуэта, но тоненькая Нора цепляется за огромного, как гора, М, и это намного лучше, чем наоборот.

— А ты хоть ездить-то умеешь? — спрашивает она. М бьёт по дросселю и, практически не теряя равновесия, делает быстрый круг вокруг самолёта.

— А, ну, тогда ладно, — удовлетворённо кивает Нора.

Мне хочется его стукнуть, чтобы он перестал ухмыляться.

— Эй, — Джули поворачивается ко мне. — Твои дети справятся одни?

Я смотрю на самолёт. Вижу, как они глядят на меня через задние окна. Видимо, выбрались из камеры туалета. Никаких эмоций, на лицах нет подсказок насчёт их внутреннего состояния.

— Они мертвы, — бормочу я. — Что может быть безопаснее?

Эйбрам, устав от наших разговоров, громко вздыхает и устремляется вниз по шоссе, подняв облако пыли. М едет за ним, Джули едет за М, а древний Детройт покрывается рябью, как мираж на горизонте.

* * *

Апокалипсис наступил не сразу. Мир не закончился чередой впечатляющих взрывных спецэффектов. Все происходило медленно. Скучно. По одному маленькому шажку за раз: один моральный компромисс, один забытый идеал, ещё одна оправданная несправедливость. Мир не захлестнула разрушительная волна, просто вот такие маленькие пятна гнили, разбросанные по миру, возникали там и тут на протяжении десятилетий до тех пор, пока не объединились в одно большое пятно.

Некоторые города на протяжении многих лет поддерживали иллюзию процветания. Как продолжают зеленеть листья срубленного дерева. Но Детройт был самой нижней веткой — он был мёртв так давно, что стал скорее похож на место археологических раскопок, чем на американский город. Современный климат превратил большую часть окружающих пастбищ в пустыню, и коричневый песок покрывает всё вокруг, образуя дюны возле рассыпающихся зданий и на парковках. Восходящее солнце освещает вершины разрушенных башен, и они становятся похожи на маяки, в то время, как остальная часть города угрюмо уютится в тени. Не сомневаюсь, что за последние десятилетия мы первые, кто приехал в это место.

Когда мы въезжаем на мост через реку, бывшую когда-то канадской границей, я крепко обхватываю Джули за талию. В трещинах мостового полотна видно мутную красноватую

воду, полную ржавых машин, мусора и старых человеческих останков. Я наклоняюсь к шее Джули и вдыхаю аромат корицы — это спасает от вони, идущей снизу.

Кто-то может посчитать, что сидеть на мотоцикле сзади не очень мужественно, но это не самый худший способ путешествовать. Я прижимаюсь к спине красивой девушки, из-за выбоин на дороге и тряски мои движения напоминают те, что имеют место в спальне, так что я рад, что М едет впереди и не может этого видеть. На мгновение я забеспокоился, что окажусь в неловком положении из-за эрекции, но потом мрачно улыбаюсь. Всё те же подростковые волнения. Всё те же страхи юного мальчика, живущего в мире стыда. Этот мир умер много лет назад. Люди изо всех сил пытаются выжить, и у них нет времени переживать за поведение своих тел, так почему же труп старого мира все ещё цепляется за меня?

Мы — два человека, скрепленных любовью, так что мы заслужили те подарки, что предлагают нам наши тела.

В каком из этих утверждений я сомневаюсь?

* * *

Когда мост заканчивается и мы въезжаем в город, дорога резко ухудшается. Пропадает вся эротика поездки, мотоцикл начинает брыкаться, как разъярённый бык. Я подлетаю вверх и хлопаюсь назад на сиденье. Джули сбавляет газ, но мы на уличных мотоциклах, а это место едва ли можно назвать улицей. Я вижу, как Нора и М тоже изо всех сил борются с мотоциклом, она держит М за бока, чтобы не свалиться, а мотоцикл то тонет в выбоинах, то подпрыгивает на очередном куске мусора.

— Эйб-брр-раам! — кричит Нора через плечо М. — Нам нужно остановиться!

Я вижу, как Эйбрам с трудом маневрирует по свалке, Спраут вцепилась в его спину, как испуганная маленькая обезьянка, но само собой, он игнорирует советы Норы. Он проезжает еще два квартала, поворачивает за угол на главную улицу и город берет над ним верх.

Дорога полностью занята автомобильными останками — река ржавчины и резины. Штабеля сплюснутых машин занимают все боковые улицы — когда-то здесь пытались расчищать путь. Почему именно эта пробка стала последней? Началась война? Вторжение нежити? На город опустилось облако ядовитого воздуха? Или это был просто массовый побег? Тысячи людей вылезли из своих машин и отправились домой к семьям? Сомневаюсь, что кто-нибудь знает наверняка. Под удушающим облаком страха и радиопомех история прошла путь от искусства, науки и большинства других достижений... и отступила назад. Факт превратился в слух, а знание — в предположение. Даже нынешний год открыт для обсуждения.

Эйбрам смотрит на непролазную стену ржавой стали. Он достает из куртки старую карту — пережиток тех времён, когда технологии начали откатываться назад, а информация неохотно вернулась к физической реальности. Он изучает линии на морщинистом листке, смотрит вперед, ища дорожные знаки, и слезит с мотоцикла.

— Слава богу, — вздыхает Нора, отпуская М и разминая руки.

Эйбрам снимает рюкзак с мотоцикла, берёт Спраут за руку и поднимается на капот Пити Крузера. Оттуда прыгает на крышу микроавтобуса.

— Ты хочешь перелезть? — спрашивает Джули, оглядывая каньон ржавчины и битого стекла.

— Аэропорт всего в трех километрах, я не вижу способа лучше. Но как я уже сказал, вы мне не нужны. Идите, играйтесь в агентов ФБР, раскрывайте злодейский план, делайте всё, для чего вы сюда приехали.

Джули медлит, будто раздумывая над предложением. Потом смотрит на Спраут.

— А как же она? Ей не обязательно карабкаться через всю эту свалку, если ты придешь через несколько часов, так ведь?

— Она идет со мной. Джули кивает.

— Да, тогда я тоже.

Эйбрам холодно улыбается.

— Ого, ты будешь охранять меня? Хочешь убедиться, что я не дезертирую? Джули игнорирует его, слезает с мотоцикла и начинает подниматься на Крузер.

Эйбрам посмеивается. Он прыгает с крыши фургона в кузов грузовика, но рюкзак перевешивает, и он чуть не падает назад. Спраут едва успевает отпрыгнуть.

— Эй, — говорит М, приземляясь рядом с ним. — Давай я понесу, — он протягивает руку за сумкой. — А ты смотри за своим ребёнком.

Эйбрам колеблется, рассматривая шрамы, покрывающие лицо М, а затем отдает рюкзак. Обеими руками помогает Спраут перебраться на другую крышу, и они начинают медленно, но верно продвигаться вперед.

Я поднимаюсь вверх следом за Джули. Замечаю маленький пистолет, спрятанный за резинку её джинсов под кобурой дробовика. Не помню, чтобы у неё был пистолет. Интересно, где она нашла его, и почему не сказала никому. Она оглядывается на меня, и я вижу стальной цвет её глаз, которым так восхищаюсь. Но я не уверен, что мне нравится тот холодный блеск, который сверкает в них прямо сейчас...

* * *

Мы переползаем с машины на машину как альпинисты, пересекающие коварную местность, выбираем только самые крепкие авто и проверяем каждый шаг перед тем, как перенести вес на ногу. Сначала все карабкаются в тишине — мы полностью сосредоточены, но через час или около того движение становится инстинктивным, и мы уже можем поразмыслить.

— Маркус, — спрашивает Нора. — Кто стрелял по нам ракетами?

М полностью поглощён крышей автобуса с гармошкой — если у него получится на неё залезть, то это облегчит ему двадцать метров передвижения. Он не отвечает.

— Ты сказал, это Грей Ривер. Даже если в Канаде остались вооружённые силы, у них бы не было ракет Грей Ривер, так?

— Да, — кряхтит М. Он забирается на крышу и неторопливо идет до конца автобуса.

— Но они были бы у Аксиомы.

— Ага. Это материнская компания.

Нора поднимается на холм из нескольких автомобильных салонов и спускается вниз.

— За каким хреном Аксиома стала бы вооружать канадскую границу? Кто, по их мнению, будет сюда вторгаться? И что они здесь защищают? — она обводит руками разруху вокруг. — *Вот это?*

Тишина.

— Эйбрам? — зовёт она.

— Если бы я понимал, зачем Аксиома делает то, что делает, — отвечает он. — Я бы сейчас был не здесь. Я бы открыл свой офис в Стадионе и в честь открытия потягивал классный скотч и наслаждался компанией девчонок.

Звучит фальшиво. Не верится, что в Аксиоме есть хорошие ребята. Мне трудно представить, чтобы этот человек наслаждался скотчем, женщинами или чем-нибудь ещё.

— Я здесь, потому что понятия не имею, чем они занимаются, — говорит он. — Думаю, они тоже.

— Думаешь, они лупили наугад? — говорит Нора. — Когда они вторглись в Убежище, то казались очень организованными.

— «Вспышка и захват» — это старая операция, разработанная до перерыва в деятельности. Аксиома неплохо повторяет себя, и некоторые старые приёмы ещё работают. Они продвигаются вперёд, но появляются трещины, — ветровое стекло под его весом покрывается паутиной трещин, но он не обращает внимания на получившийся каламбур. — Если бы я мог предположить, я бы сказал, что они пытаются восстановить границу. Снова поставить Америку в жёсткие рамки. Даже до перерыва им не нравилась неопределённость.

— Зачем граница, если на другой стороне никого нет? — задумчиво интересуется Джули, будто это какой-то абсурдный дзен-коан^[7]. Думаю, она даже не слушала.

Последние несколько кварталов она ничего не делала, только настороженно смотрела на отдалённые переулки и боковые улицы. — Можно и на Луне нарисовать границы.

— Ты имеешь в виду Лунную Республику Божественной Кореи? — спрашивает Эйбрам с мрачной улыбкой.

Нора хихикает.

— Помню-помню. Если вы ходите проехать севернее места приземления Аполлона, вам понадобится виза, подписанная призраком Уважаемого Лидера.

— Когда луна бросается тебе в глаза... — запевает М низким баритоном. — ... это Корея.

Кажется, Джули не слышит этих глупостей. Её взгляд перестал блуждать и она смотрит прямо перед собой.

— Значит, нам придётся обойти стену. Пауза.

— Обойти, — повторяет Эйбрам.

— Пройти на север по штату Мэн и обойти вокруг Новой Шотландии. Тишина. Только скрежет сапогов по металлу и скрип старой подвески.

— Канада вышла из игры. Ты это знаешь. Нам надо валить с этого континента.

— Я говорил тебе, — говорит он, не оглядываясь на неё, — что я не могу лететь через океан без навигации и радио.

— Кончай брехать, — огрызается она. — Я ещё тогда не купилась на это, а теперь тем более не куплюсь, потому что ты довёз нас из Убежища в Хелену и в Онтарио как по рельсам.

Эйбрам молчит.

— У тебя есть какая-то аналоговая система. Полагаю, это та запчасть, которая вышла из строя, поскольку от носа самолёта идёт навигационная передача. Один из друзей Перри был пилотом, я знаю, как устроены самолёты.

Эйбрам оглядывается через плечо, но не на Джули.

— Ты понимаешь эту девчонку? — спрашивает он меня. — Можешь перевести мне?

Потому что я растерялся. Лицо Джули темнеет.

— Она хочет сражаться с Аксиомой и спасти Америку? Или она хочет сбежать в Исландию? Или она хочет всё сразу, но не знает, как устроена реальность?

Джули останавливается, вскарабкавшись на крышу Чеви Тахо. Она сжимает губы и прищуривает глаза, но это не гнев. Эйбрам задаёт правильные вопросы, думаю, она это знает. *Чего* же она хочет? Что важнее? Как сделать выбор, когда от одной мелочи зависит так много?

Кажется, будто она сжимается от неловкости, и я ищу, чем бы разрядить обстановку, когда раздаётся крик.

Спраут смотрит через плечо Джули на рухнувшие останки старинного кинотеатра, её здоровый глаз стал огромным от страха. Эйбрам снимает винтовку с плеча и берёт в руки. Он разглядывает окружающие здания, перескакивая от окна к окну.

— Что такое, малыш? Что ты видела?

— Вон то здание, — говорит она. — Оно изменилось.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю, — отвечает она, сосредоточенно хмурясь. — Оно было... другим.

— Каким другим? Ты видела, как что-то двигалось? Малыш, это важно. Если ты видела...

— Оно было целое, — её хмурые брови становятся удивлёнными. — Оно было красивое.

Кажется, в этот момент Эйбрам что-то отмечает для себя и расслабляется. Он убирает дробовик в кобуру и продолжает идти. Спраут ещё несколько раз оглядывается, а потом догоняет отца.

— С ней всё нормально? — спрашивает Нора, подняв брови.

— У неё проблемы со зрением, — отвечает Эйбрам. — Иногда она кое-что видит.

— Что, например?

— То, чего нет.

Я смотрю, как девочка забирается на автомобиль, вцепившись в отцовскую руку как в альпинистский трос. Каждые несколько минут она таращит глаз то на одни развалины, то на другие, но держит увиденное в себе.

— Что с ней случилось? — я слышу свой вопрос.

— Ничего, — отвечает Эйбрам, пронзая меня мрачным взглядом. — Она с этим родилась.

Я смотрю туда, куда смотрит Спраут, щурясь от жаркой ряби, поднимающейся от разогретого солнцем асфальта. Она замечает, чем я занимаюсь, и мы встречаемся глазами. Спраут смотрит пугающе многозначительно, учитывая нашу разницу в возрасте, потом закрывает глаз, и сначала я решаю, что она мне подмигивает, но Спраут легко взбегает на следующую машину, не открывая глаза, и даже не заметно, что она ничего не видит.

Она оглядывается, постукивает пальцем по маргаритке на повязке и озаряется беззубой улыбкой. Я чувствую покалывание в позвоночнике.

МЫ

«ВЫ МОЖЕТЕ ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ? Существует ли будущее? Что вы собираетесь делать? Вы что-нибудь делаете?»

Мальчик задаёт вопросы, зная, что мы не ответим. Он читает корешки наших книг на бесконечных стеллажах, но мы не расставлены по категориям, и найти что-то конкретное невозможно. Нас нужно читать всех и сразу.

«Для чего это? Зачем всё это запоминать? Что мы можем с этим сделать?»

Он преодолевает миллю за милей по безмолвному шоссе, волоча босые ноги по мусору и мёртвым листьям, и его гнев то идёт на убыль, то вспыхивает с новой силой. Одномоментные всплески ярости тонут в мрачном созерцании. Нам понятны эти чувства. Мы наблюдаем, как они заполняют страницы книг мальчика и множества книг вокруг.

«Вы хорошие люди? — это угрюмое бормотание обычно предшествует всплескам. — Или вы все разные?»

Внезапный порыв ветра кружит вокруг лодыжек мальчика листья и пивные банки.

«Вы — мои мама и папа?»

Никто не отвечает мальчику, хотя нам бы очень хотелось. Он видит нас, говорит с нами и почти способен прочесть нас, некоторые страницы его книг стоят на самых верхних полках, поэтому мы очень хотели бы ему помочь. Но нас много, и нужно большие усилия, чтобы заставить нас двигаться.

Ещё один город. Ковёр из мусора становится толще. Осколок битой бутылки прокалывает мозолистую кожу и врезается в живую плоть. Появляется несколько пятен чуть тёплой крови, тёмной, но не чёрной. Он не чувствует боли. Его мысли далеко отсюда, занятые другими мирами, и у него нет времени следить за нуждами своего тела. Он не слышит, как его окликает мужчина, и не понимает, что его уединение нарушено, пока тот не встанет перед мальчиком на колени.

— Ты в порядке? — спрашивает мужчина. — Где твои родители?

Мальчик смотрит на него через полумрак солнцезащитных очков. Глаза мужчины округлились от удивления и беспокойства. У него худое загорелое лицо и короткая пушистая борода. Мужчина ждёт ответа.

Мальчик пожимает плечами.

— Ты здесь один, приятель? — спрашивает второй мужчина, и мальчик смотрит на фургон. Старый ржавый Фольксваген до отказа забит сумками, коробками, едой и оружием. Из пассажирского окна высовывается голова мужчины. У него бледное лицо, светлые лохматые волосы и большие зелёные глаза. Очки душат мальчика, ему хочется снять их, чтобы рассмотреть эти глаза, но он не делает этого. Даже в этом своём состоянии он способен учиться. Мальчик здесь именно за этим.

Зеленоглазый выходит из фургона и становится на колени рядом с кареглазым. Его руки покрыты спиралью цифр. Он касается лица мальчика. Мальчик чувствует, как инстинктивно напрягается челюсть, заряжая зубы неестественной твёрдостью, но заставляет чувство отступить.

— Ты такой холодный, — говорит зеленоглазый мужчина. — Ты болен?

— Холодный? — осторожно уточняет кареглазый.

— Не в *этом* смысле, Геб.

— Можно снять их на секундочку? — спрашивает кареглазый, протягивая руку к очкам. Мальчик отступает назад и яростно мотает головой.

— Хорошо, хорошо, — говорит мужчина, поднимая руки. — Тебе хочется выглядеть круто, я понял.

Зеленоглазый улыбается. У него ласковые глаза.

— Как тебя зовут, дружище? Мальчик пожимает плечами.

— Хочешь поехать с нами?

Мальчик задумывается. Его разум начинает составлять для нас конкретные настойчивые вопросы, но он останавливает этот процесс, вместо этого обращаясь к Библиотеке. Он закрывает глаза и просматривает наши бесчисленные страницы.

Находит что-то. Слово в бесконечном кроссворде. Смутное интуитивное чувство. Он кивает зеленоглазому.

— Меня зовут Гейл, — говорит мужчина. Мальчик отмечает ритм его голоса — отзвук далёких мест. — Это Гебре.

— Может, мы попозже поговорим, — говорит Гебре, — когда будешь готов, — у него тоже экзотический, но знакомый акцент. — Не хочешь подкрепиться? Ты голодный? — мальчик отрицательно качает головой.

— Пить хочешь? — он достаёт из фургона бутылку с водой и предлагает её мальчику. Тот берёт её, смотрит на плескающуюся внутри жидкость и на микроорганизмы, плавающие внутри — миллиарды маленьких ромбов и спиралей, живущих своей непостижимой жизнью в неизвестном нам мире. Он делает глоток и чувствует, как они скользят по сухому горлу, становясь его частью. Мальчик садится в фургон вместе с Гейлом и Гебре.

Я

ПОЛ.

Я сижу на крыше с другом Полом Барком и курю сигарету, которую стащил у отца. Мне не нравится курить, — я чувствую, как она сжигает меня изнутри, — но суть как раз в этом. Когда я спросил у отца, почему он не бросит привычку, которая его убивает, он сделал глубокую затяжку и процитировал священное Писание:

— Любящий жизнь свою погубит ее; а ненавидящий жизнь свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную».

Тогда я его не понял, но теперь понимаю. Я набираю полные лёгкие дыма и сдерживаю кашель, пока он не превратится в тупую боль. Это здорово — ненавидеть свою жизнь. Чувствуешь себя в безопасности. Если я желаю смерти, то ничто не сможет причинить мне вреда.

— Чем занимается твоя мама? — спрашивает Пол.

Внизу на лужайке мама обрезает розовый куст. На фоне его тусклых зелёных стеблей цветки кажутся невозможно красными, как пятна чистого оттенка, проникающего из какого-то другого королевства. Несмотря на мучительную жару, весь двор стоит в цветах. Каждую неделю она привозит для них целую цистерну воды.

— Зачем она тратит время на этот дурацкий сад? — спрашивает Пол. — Она что, не верит в Последний Закат? — его голос звучит сердито, как и всегда, когда он думает об атеизме, и я вспоминаю игру, в которую мы когда-то играли, когда были помладше. Мы представляли, что наши велосипеды — это драконы, а его дом — это замок, который мы должны захватить.

— Разрушьте стены Иерихона! — радостно кричал он, когда мы подъезжали к маленькому домику. — Господь преопределил их уничтожение!

Мой велосипед поскользнулся на гравии, и я упал.

— Не велик, а кусок дерьма, — сказал я, пиная колесо. Пол смотрел так, будто его предали.

— Это не велик, это дракон! Твоего дракона убили Ханаанеи!

— Я разбил коленку. Я иду внутрь.

— Нет! Ты не можешь! — в его голосе звучал и гнев, и паника. — Ты всё портишь!

Сейчас он смотрит на розы моей мамы с такой ненавистью, будто она портит более крупную игру. Меня тоже беспокоят эти розы, потому что моя мама верующая. Она верит сильнее всех. А ещё выращивает цветы. Кормит беженцев. Сквозь почву её веры пробивается глубокий, инстинктивный родник, и она занимается этими бессмысленными вещами.

— Она — женщина, — говорю я другу. — Она любит цветы. Она не думает о том, что это значит.

Пол хмурится.

— Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей.

— Я знаю Писание, Пол.

— А она знает? — он тычет рукой в хрупкую женщину в грязном комбинезоне, ухаживающую за своими яркими питомцами. — Среди наших родителей есть кто-нибудь

сильный, способный жить с жестокой правдой? Или они все стараются её смягчить?

Она срезает листья с самого яркого цветка, и сложно не увидеть любовь в улыбке, появившейся на её лице.

— Ты слушал проповедь прошлой ночью, — говорит Пол. — Мир создан не для того, чтобы его любили. Он создан для того, чтобы нас проверить. «Не дом, но поле боя».

Я выпускаю последнее колечко дыма и выбрасываю сигарету. Сухая трава начинает тлеть.

* * *

Я просыпаюсь от назойливых красных пятен солнца на веках. Открываю глаза и виновато озираюсь вокруг, охваченный внезапным страхом, но никто на меня не смотрит. Никто не видит, как в моей голове растёт молодой парень. Меня разбудило солнце, со мной рядом друзья — я не сделал ничего плохого.

Я выпрямляюсь, возвращаясь к реальности. Горячий воздух. Тихий город.

Эйбрам копошится в носу старого самолёта. М что-то пилит.

— Маркус, — зовёт Нора. Она сидит на дороге, скрестив ноги и оперевшись спиной на колесо самолёта, и наблюдает, как Спраут играет с отвёрткой.

М останавливает работу. Со дна самолёта свисает квадрат алюминия. М стоит на шасси и смотрит на Нору.

— Да?

— Сколько ты вспомнил?

— Сколько?

— Ты вспомнил всю жизнь или пока ещё только картинки?

Вдалеке слышно карканье ворона. Интересно, что он ест в этой бесплодной городской пустыне.

— Картинки, — говорит М. — Но их много. Как для фильма.

— Как раскадровки?

— Как раскадровки.

Он возвращается к работе. Ветерок свистит в дырах стен терминала, подыгрывая его пиле.

— Я сто лет не смотрела фильмов, — меланхолично улыбается Нора. — С тех пор, как была подростком.

— Какой был последний?

Она на секунду задумывается.

— *«Возвращение живых мертвецов».*

М хихикает.

— Я знаю. Но это не я выбирала. Мне разонравилось кино про зомби, когда они стали реальными, но я сидела в тюремной яме, а его смотрели охранники, так что...

Солнце начинает опускаться, окрашивая аэропорт в сюрреалистичный оранжево-красный цвет. Джули сидит за невидимой границей нашей компании, отгородившись от разговора и глядя на рябь города. Она больше ничего не говорила с последнего спора с Эйбрамом. Интересно, о чём она думает. Интересно, сны, которые её беспокоят, такие же, как мои?

— Расскажи мне о своих картинках, — просит Нора, наблюдая, как М делает распил в

её сторону. — Мне любопытно.

Он заканчивает пилить и квадрат падает вниз. Когда М передаёт его Норе, тот трясётся и издаёт жуткий гул.

— Пианино, — говорит М, разглядывая обнажённые внутренности самолёта. — Любил играть на пианино.

— Правда? — спрашивает Нора.

Он начинает вырезать следующий квадрат.

— Семья тоже удивилась. Сказали, что я для этого слишком огромен. Сказали, что я похож на цирковую обезьяну.

Нора молчит.

— Я никогда особо не любил спорт, — он перекрикивает пилу, добавляя к голосу грубую жёсткость. — Но в моей семье все большие ребята были борцами. И я боролся.

Маленькие капли металлического дождя капают с пилы и падают на землю рядом с Норой. Он смотрит вниз. — Тебе надо пересесть. Не хочу, чтобы они попали тебе на волосы.

Она поспешно пересаживается и смотрит на Джули.

— Джулез, ты в порядке? — кричит она издалека. Джули, не оборачиваясь, кивает. Не убедительно. Нора смотрит на меня и поднимает брови. Я осознаю, что на меня возложены обязанности бойфренда. Я приближаюсь к своей девушке, не зная, с чем мне предстоит иметь дело, и сажусь рядом с ней.

— Джули?

— Я в норме, — говорит она. — Просто думаю.

Она сидит ко мне боком, и я не могу заглянуть ей в глаза.

— О чём? — спрашиваю я и съеживаюсь от банальности сказанного. «Эй, Джули, ну чё, о чём думаешь?»

Она качает головой, словно предостерегая меня от этой неразумной разведывательной миссии. Я затыкаюсь.

— Какой была твоя семья? — спрашивает у М Нора. У них довольно безобидный разговор, и я переключаюсь на него, краем глаза приглядывая за Джули.

— Мама рано ушла от нас. Я вырос с отцом и двумя братьями. Пока не помню, как их зовут.

— Они все умерли, полагаю?

Она рассеянно вертит в пальцах болт. М перестаёт пилить и смотрит на неё, чуть улыбнувшись пухлыми губами.

— Ну... да. Наверное.

Нора кивает. Типичная современная семья: все умерли.

М заканчивает квадрат и спускается с шасси, бросая второй квадрат поверх первого — это новые окна для нашего потрёпанного самолёта.

— А что насчёт твоей? — спрашивает он, присаживаясь возле колеса рядом с Норой.

— Моей семьи?

— Ага.

Её взгляд обращается к городу, присоединившись к Джули. Разбитые здания.

Засыпанные улицы. Руины подёргиваются рябью в тошнотворной оранжевой дымке, как лихорадочный сон.

— У меня никогда её не было, — отвечает она. — Я выросла из земли.

Джули встаёт. Она стоит ко мне спиной, я не вижу её лица. Только волосы, развеваемые

ветром.

Она шагает.

— Джули? — зову я.

Она продолжает идти.

— Джулез! — кричит Нора. — Ты куда?

— Нужно пописать, — отвечает Джули, но её безэмоциональный голос меня настораживает.

Я догоняю её, когда она поворачивает на узкую улочку, скрытую от солнца и засыпанную песчаными наносами как пирамида-усыпальница.

— Джули.

Она продолжает идти.

— Джули, поговори со мной.

Я касаюсь её спины, и она вздрагивает, обхватывает себя руками и идёт дальше.

— Р, я вижу, — жалобно хнычет она, и я понимаю, что она плачет. Я пытаюсь положить руку ей на плечо, но она отталкивает меня и продолжает идти.

— Что ты видишь?

Она качает головой и сжимает локти. Выглядит больной, и это меня тревожит.

— С этим местом что-то не так, — её голос дрожит. — Я могу видеть сквозь него. Будто это прозрачный суп. И в моих... это место в моих *снах*.

Она поднимает голову, глядя на далёкие здания — или сквозь них.

— Монстры, люди. И моя...

Она останавливается. Наконец, смотрит на меня.

— Я не сплю?

— *Нет*, Джули, ты не спишь. Пожалуйста, просто...

Я предпринимаю ещё одну попытку коснуться её. Она разворачивается и бежит прочь.

* * *

У неё юные живые мышцы, но мои ноги в два раза длиннее. Я следую за ней лёгким бегом, пока она пробирается сквозь запутанные улицы, бросая взгляд налево и направо, как потерявшийся турист в поисках тропы. Я не мешаю ей бежать, пока её дыхание не становится свистящим, потом кладу руку ей на плечо и крепко сжимаю.

Она сбавляет скорость до быстрой ходьбы, делает глубокие вдохи, пока лёгкие не приходят в норму. Слезы высохли. Кажется, её страх перерос в цель. Я осматриваю город в поисках признаков того, к чему она так стремится, но для меня все кварталы похожи один на другой: веками создававшиеся искусство и архитектура стали бесформенными кусками и дюнами монохромной пыли. Красное вечернее солнце ползёт по скрученным грудам металла. Краем глаза я вижу танцующие тени, но они исчезают, когда я поворачиваю к ним голову. Я вспоминаю, что видел в самолёте: как улицы расплывались и скручивались, как город терял свои очертания. Когда Джули говорит, что с этим местом что-то не так, я несколько в этом не сомневаюсь.

У меня получается заставить её притормозить, чтобы успеть набрать сумку игрушечных солдатиков из магазина на углу и оставлять их на каждой развилке. Представляю, как страшно потеряться в этом огромном городском лабиринте.

Джули не в состоянии думать о мерах предосторожности. Она в трансе, у неё бледное

каменное лицо, влажные, но полные ярости глаза. Если бы я не пошёл следом...

Если бы я недостаточно хорошо знал мелодию её голоса и не поймал эту диссонансную ноту...

Я весь занят мрачными мыслями и чуть не врезаюсь в неё, когда она внезапно останавливается. Мы входим в какое-то подобие внутреннего дворика — пустое место между четырьмя домами. Кажется, недавно здесь кто-то поселился. Дворик зарос колючими сорняками и измученными виноградными лозами, но он не так похож на древний Египет, как остальная часть города. Садовые стулья расставлены на газоне широкими кругами, вокруг валяются пивные и винные бутылки, трубки с марихуаной и стопки книг, которые дождь превратил в целлюлозную кашу.

— Должно быть, это они, — бормочет Джули, разглядывая детали раскинувшегося впереди натюрморта. — «Восстановители».

Повсюду раскиданы длинные рабочие столы, на которых лежат инструменты различных профессий, связанных с искусством. Долота, кисти, трафареты, карандаши, банки с краской, ножи, крючки для вязания. В углу стоит барабанная установка, лежит груда гитар, сцена и подставка для микрофона. На одной из стен есть фреска, или смесь десятка фресок — их резко контрастирующие стили каким-то образом сплетаются в джунгли красок и фигур, от толп крохотных людей до тридцатиметровых гигантов.

— Мама говорила, они строят совсем другие города.

Я не могу связать эмоции в её голосе, противоречивые аккорды гнева, печали и любви.

— Они основывались на других ценностях. На других показателях успеха. Они должны были стать посланием миру.

Фреска доходит до самого верха стены, где когда-то солнечная панель питала одинокую жёлтую лампочку, которая сейчас не горит.

— Интересно, как долго это продолжалось? — она поднимает голову, чтобы посмотреть на лампочку. — Интересно, что его убило?

Она обходит двор по периметру, пробегая пальцами по кирпичу стен, и я делаю несколько шагов вслед за ней.

— Мы могли бы приехать сюда. Мы были так близко. Судя по знаку, в пятнадцати километрах... — у неё твердый, но тихий голос, будто она кричит издалека. — Папа бы не уехал. Мама кричала на него, но... — она медленно кружится, разглядывая фреску — инертный остаток бывшего движения. — Неужели это то, что нужно было, чтобы её удержать? — её подбородок дрожит. — Она оставила нас ради этого?

— Джули, — мягко говорю я, привлекая её внимание. — Зачем мы здесь?

Она смотрит на меня. Открывает рот, будто, наконец, собирается мне ответить, но замирает. Наклоняет голову и прислушивается. Я тоже это слышу.

Двигатели. Шорох шин по песчаному покрытию. В этом призрачном городе есть кто-то живой.

Мы выходим со двора как раз тогда, когда автомобили скрываются за углом: два белых фургона без окон и опознавательных знаков, за исключением геометрической мандалы, нарисованной на боках.

В голове раздаётся щелчок, будто звук незаряженного пистолета. Они ехали за нами сто шестьдесят километров от самой границы? Или они уже были здесь?

Я смотрю на Джули. Её лицо ничего не выражает. Глаза округлились, и она дрожит.

И бежит за фургонами. Я кричу:

— Подожди! — но знаю, что она не послушается, и уже бегу следом.

Фургоны притормаживают в середине следующего квартала, из боковой улицы выезжают ещё два, чтобы к ним присоединиться. У этих есть окна, и перед тем, как они уезжают друг за другом, я мельком успеваю увидеть, что они везут. Людей.

Около дюжины в каждой машине, сидящие тесным рядком, как пассажиры- попутчики.

Это не поисковый отряд. Во всяком случае, они ищут не нас. Мы наткнулись на другую группу.

Джули бежит следом за облаком пыли, оставленным фургонами. Оно вьётся между мусором, как протоптанная животными лесная тропинка, и ведёт вглубь города. Я не оставляю попыток поймать её взгляд, надеясь расшифровать её намерения, но она смотрит прямо вперёд, абсолютно неприступная. Когда пыль становится слишком прозрачной, чтобы идти по её следу, мы выходим из переулка позади большого здания, а фургоны оказываются прямо перед нами.

Поначалу я переживаю, что Джули бросится к ним, как во сне, но она в ясном уме и ныряет за мусорный бак. Задыхаясь от запаха его содержимого, я прислушиваюсь к лающим командам и шарканью ног. Фургоны стоят задом к зданию, заслоняя мне обзор на происходящее, но и так понятно, что они выгружают пассажиров. Минутой позже дверь с грохотом захлопывается, фургоны отъезжают и мы остаёмся одни на пустой парковке.

— Джули, — шепчу я. — Надо возвращаться. Позвать остальных. Джули мотает головой.

— Мы не знаем, что там внутри. Нельзя просто...

Она вскакивает на ноги и идёт к зданию. Я иду за ней, стиснув зубы и пытаюсь настроиться на Эйбрама Кельвина, Эвана Кёнерли и их паранойю, осматриваю окна в поисках снайперов и максимально оцениваю ситуацию. Но всё спокойно.

Джули останавливается напротив входа. Это лестница. Крутой узкий колодец, ведущий во тьму.

Она спускается.

— Джули, *стой!*

В темноте растворяются её ноги, затем талия и плечи.

— *Джули!*

На какое-то мгновение остаётся только голова — масса золотых волос, плывущих по чёрному пруду. Затем чернота поглощает и её.

Я ПОКАЧИВАЮСЬ у края лестницы, застыв в иррациональной панике. Я не вижу дна. Это просто лестничный пролёт, обычное подвальное помещение в унылом муниципальном здании, но он растягивается, уходит в глубину, становится круче — и вот это уже не лестница, а бездонный колодец, чьи скользкие каменные стены исчерчены мерзкими кровавыми надписями и следами когтей, холодный, сырой и...

Я не хочу туда спускаться. Но там Джули. Неважно, чего я боюсь, она осталась с этим один на один.

Я ныряю на глубину.

Когда я достигаю дна и встаю на твёрдый пол, у меня подкашиваются ноги, поскольку я ждал ещё одну лестницу. Изучение искусства ходьбы шаг за шагом — как воспоминания из детства. Вот только это не детские воспоминания. Длинные ноги в чёрных брюках, спотыкаясь, бредут по лесу, прочь от мёртвой женщины...

— Джули! — шепчу я.

— Что? — её мягкий безэмоциональный голос раздаётся эхом в узком туннеле, как бормотание лунатика.

Когда мои глаза привыкают к темноте, я замечаю впереди бледный свет. Подбегаю к ней. Она безвольно держит фонарик, освещая разве что свои ноги.

Я решаю пойти другим путём.

— Где ты взяла фонарик?

— У Эйбрама.

Она продолжает шагать очень быстро, почти бежит, её взгляд не отрывается от пола, освещаемого овалом света.

— Ты украла фонарик?

— Иногда я ворую. Я раздумываю.

— Зачем?

— Потому что мир ворует у меня. Он украл у меня всё, — она дважды моргает, и я замечаю, что у неё мокрые глаза, хотя взгляд совсем пустой. — Здорово оказаться на другой стороне.

Она останавливается. Проход заканчивается каким-то подвальным складом.

Груды коробок, одряхлевшие и превратившиеся в папирус, старинные бежевые мониторы — типичный офисный набор за одним исключением: стальной столик на колёсах, на котором лежат скальпели, крючки, ножницы и пилы — липкие от тёмной жидкости. На полу тонкий слой пыли, вверх по лестнице ведёт цепочка следов.

Джули достаёт из клетчатой «кобуры» дробовик. Наверху лестницы находится дверь, и я уже готов ещё раз попросить Джули быть осторожной, но она даже не останавливается. Она пинает засов, и дверь распаивается. Джули встаёт в боевую позицию с оружием наготове.

Я неуклюже слеую за ней, безоружный, ничего не умеющий, ни к чему не готовый. Но никакой школьный курс единоборств не смог бы подготовить меня к этому.

Видимо, мы находимся в университетской библиотеке. Высокие потолки, окна с витражами, столы и полки из тёмного дуба. Когда-то это место было величественным, предназначенным для глубоких стремлений, но его величие было разрушено — не временем и разложением, а утилитаризмом. Люминесцентные лампы на алюминиевых профилях

свисают с потолка, избавляя от бронзовых ламп на стенах. Дорогие деревянные столы дополняют ряды складных металлических, и их белые столешницы смеются над окружающей античностью. Ну, и, конечно же, окна, защищенные пластиковыми листами.

Но, возможно, я уйду от главного. Возможно, избегаю самых характерных особенностей комнаты, поскольку устал обрабатывать эти изображения. Возможно, мне нужна отсрочка от душераздирающего безумия этого мира, поэтому я сосредоточился на декорациях.

Потому что библиотека полна зомби. Их не меньше двух сотен. Голые, с резиновыми ошейниками на шее. От стен и полок — от всего, что способно выдержать извивающихся и корчащихся зомби, — тянутся стальные тросы. Хотя некоторые из мёртвых до жути спокойны. Столы завалены несовместимыми вещами: сверкающие стальные медицинские (или пыточные?) инструменты соседствуют с переносными магнитофонами, наборами для макияжа, телевизорами, игрушками и баночками с человеческими пальцами.

Свисающие флуоресцентные лампы выключены; свет проникает только через витражи — гнетущее голубоватое свечение, наполняющее огромную камеру тенями. Джули обходит периметр, и я следую за ней. Мёртвые повсюду. Не только в читальном зале, но и поодиночке спрятанные в проходах, словно про запас. По моим оценкам их уже около трехсот. Различных возраста, рас и пола, но с одной общей чертой: они не высохшие. Большая часть совершенно невреждена, а их состояние выдают лишь свинцовые глаза и жалобные стоны. У некоторых есть повреждения: пулевые ранения, укусы, одна-две отсутствующие конечности, но их тела остаются бледными и гладкими, будто они умерли только вчера.

Джули крадется вдоль стен, методично просматривая проходы. Её лицо стало ещё одной незнакомой мне маской — мрачной систематичностью солдата. Я думаю о той ночи, когда мы сидели на крыше нашего нового загородного дома и делились историями о своей юности. Я мог рассказать лишь о расплывчатых эпизодах первых дней в виде трупа, лишенных контекста и последовательности — как я *пытался съесть оленя, как ходил с каким-то мальчиком, как наблюдал за поющей девочкой*. А её воспоминания были яркими и чёткими, будто все эти годы она хранила их на складе с климат-контролем. Её жизнь в Бруклине, наблюдения за прибывающей водой, танками на улицах, а ещё игры в стикбол, школьные влюблённости и другие ароматы счастья. Винные вечеринки на просмоленных крышах. Смеющаяся мама в белом платье, метание пустых бутылок в брошенные дома, стоящие по соседству, восторженные крики, когда попадаешь в окно. Лоуренс и Элла, целующиеся на пожарной лестнице. И даже улыбающийся отец, напевающий строчки из песен своей группы...

Её дробовик движется в такт с телом как ещё одна конечность, с механической точностью очерчивая контуры комнаты. Она выходит из-за угла в последний проход и останавливается. Дробовик падает на пол.

...старая спальня Джули, её хаос и пестрота были протестом против пустой серой крепости отца. Небесно-голубой потолок, заваленный одеждой пол, стены, похожие на музей: красная — для страстей старого мира, билетов в кино, концертных флаеров, журналов и стихов; белая — для частной коллекции краденых шедевров и нескольких её собственных застенчивых вкладов в искусство; жёлтая — стена, которая предназначалась для желаний, которым ещё предстоит быть реализованными, и которая была и остаётся нетронутой; и чёрная стена. Я всегда боялся спросить, для чего она. Потому что её украшала

только одна вещь.

Фотография женщины, очень похожей на Джули, парящей в тёмном пространстве. Джули грузно валится на пол следом за дробовиком, её руки висят вдоль тела.

У неё огромные глаза, наполненные слезами. Она даже не вздрагивает, когда длинные ногти оказываются в сантиметре от её лица. Джули падает на колени в абсолютной капитуляции, пока женщина с фотографии рвётся из ошейника, шипит, стонет и тянется к горлу дочери.

МНЕ КАЖЕТСЯ, Джули может хотеть смерти. Судя по шрамам на запястьях, он танцевала с этим желанием, но я всегда верил, что оно осталось в её детстве — ископаемой окаменелостью, погребённой под милями времени.

Теперь оно выкопается?

Она стоит на коленях, как раскаивающийся грешник, умоляющий Господа забрать у него всё, и, похоже, женщина напротив ждёт этого с нетерпением. Она скинула большую часть книг с полки, которая её удерживает, и приближается с каждым новым выпадом. Я хватаю Джули под мышки и оттаскиваю назад на несколько футов. Её тело — обмякшая масса, которая сейчас намного тяжелее, чем должна быть. Она безучастно смотрит вперёд.

Ждала ли она этого? Неужели она могла знать? Может, это была безумная надежда, лихорадочное желание, мучившее её сердце, но я не могу поверить, что она представляла, что *это* произойдёт в действительности.

Её мать. Мёртвая, но не мёртвая. Шагнувшая из снов в кошмар.

Эта женщина умерла очень давно, но по внешнему виду не догадаешься. Какой бы внутренний огонь не защищал меня от гниения все годы, что я скитался, он должен быть и у матери Джули. Она серая, измождённая, светлые волосы превратились в беспорядочные лохматые колтуны, но на лице сохранилась изящная красота, которую я видел на той фотографии. Она скривилась в хищной усмешке с рядами пожелтевших зубов, но всё ещё красива. Я сентиментален, и мой разум наполняется видениями о том, как она вернётся к жизни, как исцелятся её раны и как Джули перестанет быть сиротой.

Затем мои глаза приносят более рациональный отчёт. Мать Джули голая, как и все находящиеся здесь Мёртвые. Её кожа усыпана созвездиями ножевых и пулевых ранений — неизбежный результат жизни, связанной с насилием. Если сравнивать с ранами М, то я уверен, что Нора смогла бы вылечить их в тот счастливый день, когда они начнут кровоточить. Но эта женщина умерла не от пуль. Эта женщина заглянула в комнату дочери, увидела ту спящей и ушла в город в одиночку. Может, она шла в торжественной тишине, а может, плюнула на всё и выла в ночи, рвала на себе одежду и волосы, и звала Мёртвых, чтобы они пришли и отняли всё, что уничтожили в этом мире.

И Мёртвые повиновались.

Её лицо невредимо, но тело искусано, как мясо, брошенное крысам. На икрах ног и бёдрах не хватает больших кусков, и можно увидеть сокращения оголённых мышц, создающих рваные движения. Чтобы превратить её, достаточно было любого из этих укусов, но если она когда-нибудь победит чуму, то и они заживут тоже. Но мои радужные фантазии омрачает зияющая дыра на месте левой половины грудной клетки. Я вижу оставшееся лёгкое, свисающее с позвоночника. Серое из-за бледности смерти и почерневшее от множества выкуренных сигарет. Я вижу её безжизненное сердце.

Конечно, Джули смотрит именно на эту дыру. Она уже всё подсчитала. Её лицо остаётся неподвижным, за исключением стекающей слезинки.

Я хочу проклясть бога. Я вспомню все ругательства. Я буду кричать и богохульствовать, пока молния не заставит меня заткнуться. Кто-то же должен ответить за эту абсурдную жестокость, за эту чудовищно затянутую пытку. Но я стучусь в дверь пустого дома. Здесь только мы. Только я, Джули и её мама. И трое мужчин в бежевых куртках, шагающих к нам

по проходу.

— Вы кто такие, чёрт подери? — кричит один из них. — Как вы сюда попали? Джули протискивается мимо меня. Дробовик снова у неё руках, и она стреляет — перезаряжает — стреляет — перезаряжает — стреляет.

По комнате раскатывается низкое эхо. Трое мужчин лежат на полу, их мозги стекают в лужу между ними, наверное, делятся последней сбивчивой мыслью.

Я наблюдаю, как Джули обыскивает тела. Она выглядит отстранённой и далёкой, будто я смотрю на неё через телескоп. Я знаю, что Джули убивала людей.

Она рассказывала мне о некоторых из них, начиная с первого убийства в десятилетнем возрасте, когда она заколола в спину мужчину, который душил её отца, и заканчивая недавним прошлым — меньше года назад она попала в обычную ситуацию с насильником в кустах. Но я впервые вижу, как она это делает, и меня смущает, насколько сильно это меня потрясло. Будто раньше я ей не верил.

Она вытаскивает из куртки одного из мужчин связку ключей и проходит мимо меня, направляясь к матери. Открывает замок на тресе, отсоединяя его от книжной полки. Её мать шипит и бросается к ней.

Джули толкает её.

— Прекрати, — говорит она ровным твёрдым голосом. — Я — твоя дочь. Тебя зовут Одри Мод Арнальдсдоттир, а я — твоя дочь.

Одри смотрит на неё, широко раскрыв глаза и рот. Затем делает второй выпад. Джули отталкивает её так сильно, что она валится назад на книжную полку.

— А ты — трусиха, — продолжает Джули. Её голос начинает дрожать. — Ты слабачка. Грёбанный ребёнок. Но ты — человек, и будешь вести себя по-человечески.

Одри лежит с открытым ртом, её взгляд блуждает по комнате, избегая глаз Джули. Нельзя сказать, поняла ли она, что сказала Джули, не говоря уже о том, вспомнила ли она что-нибудь, но, кажется, она немного успокоилась.

— Пригляди за ней, — говорит мне Джули, шагая в проход.

Пока Джули обшаривает библиотеку, мы с Одри стоим в неловком молчании.

— Я — Р, — бормочу я, кладя ладонь ей на руку в нелепом рефлексорном жесте. Одри наклоняет голову. По подбородку стекает чёрная жидкость.

Джули возвращается с грязным лабораторным халатом и длинной стальной палкой с кольцом на конце. Она накидывает халат на извивающуюся мать и заставляет просунуть руки в рукава. Как только халат застёгивается, скрывая страшно истерзанное тело, она снова становится похожа на человека. Будто переработавший доктор, которому нужно в душ.

Кажется, это преобразование застаёт Джули врасплох. Твёрдая решимость пошатнулась и на глаза снова наворачиваются слёзы, когда она внезапно видит перед собой женщину из воспоминаний. На секунду мне кажется, что Одри это чувствует. На её лице мелькают признаки сознания, свирепость меняется на нежное изумление. Затем всё проходит, и она снова начинает шипеть.

Джули пристёгивает кольцо палки к ошейнику матери. Внезапно мне становятся понятны её намерения.

— Джули, — говорю я, пока она ведёт мать за ошейник, держа на безопасном расстоянии, как бешеную собаку.

— Что, — она выходит из прохода и идёт вглубь университета к выходу.

Я иду за ней, стараясь не встречаться глазами с несчастными заключёнными,

корчащимися вокруг. Может, нам стоит освободить их тоже? Но что потом? Я слышу пронзительный крик из раций погибших охранников. Что бы здесь ни произошло, оно будет продолжаться, пока кто-нибудь не заставит этот голос замолчать. Сегодня мы не сможем спасти всех.

Я вижу, как халат Одри развевается над дырой в её боку. Сегодня мы не сможем спасти никого.

— *Что?* — снова спрашивает Джули, оглядываясь на меня. — Говори.

Слова застряли в горле. Нет, её мать никогда не сможет к ней вернуться. Да, брать её с собой — безумие. Но да, конечно, мы всё равно возьмём. Если я думаю иначе, то я — чудовище.

— Ничего, — отвечаю я. — Идём.

МЫ МЧИМСЯ ВНИЗ по ступенькам колледжа Уэйн Каунти, как дети в последний ден семестра — холодный отголосок беззаботных летних традиций. Я слышу голоса давно умерших студентов и могу почувствовать, как они протискиваются мимо меня. Я слышу визги юных красоток — наполовину сформировавшихся куколок в коконах утверждений. Они кажутся абсолютно не такими, как девушка рядом со мной, несмотря на то, что она того же возраста. Я слышу басы, звучащие из навороченных автомобилей, — обезьяноподобные парни ассоциируют громкость с мужественностью. Толчки, смех, хвастовство, насмешки — все проверяют друг дружку, царапаются и клюются, сражаясь за своё положение. Я вижу и чувствую это сквозь дымку времён, сквозь неясные очертания наложенных друг на друга моментов, намешанных городом вокруг меня. Через улицу от колледжа — буквально в соседних дверях — находится Детройтский Институт Погребения. В квартале отсюда стоит полуразрушенное здание, вывеска на котором гласит: «ПОХОРОННЫЙ ДОМ ПЕРРИ». моргаю и тру глаза, но это действительно так.

«Я не сплю?» — спрашивала меня Джули, и тогда я отвечал ей весело и уверенно. Теперь уверенность исчезла.

Меня немного успокаивает дорожка из пластиковых солдатиков. Я представляю, что я солдат, в нашей стране есть лидер, и у меня есть чёткие приказы и веские причины им следовать. Наверное, кварталов десять я наслаждаюсь этой уверенностью, затем солнце садится, и моя армия растворяется в темноте.

— Дерьмо, — выдыхаю я.

Ворованный фонарик светит узким лучом, и вскоре мы теряем след. Одри спокойно идёт следом за дочерью, но Джули держит палку двумя руками, чтобы контролировать внезапные выпады то в свою сторону, то в обратную. Если мы будем продолжать так идти, то она выскользнет, — это всего лишь вопрос времени.

Джули вытаскивает из-за пояса пистолет и стреляет в воздух с характерным ритмом: *Паф. Паф-паф*. Затем смотрит на небо и прислушивается.

Несколько секунд спустя откуда-то из-за реки раздаётся: *Паф. Паф-паф*.

На лице Джули проскальзывает облегчение, и я понимаю, что мрачный приступ фуги не совсем похоронил её личность. Она испугалась так же, как и я, когда представила себе весь ужас ночи на призрачном кладбище города.

Ориентируясь на реку, мы возвращаемся на главную улицу и находим свой мотоцикл там же, где его оставили. На сиденье под куском бетона лежит записка:

ВОЗВРАЩАЙСЯ К САМОЛЁТУ ПОЛЕТЕЛИ ДОМОЙ, НЕНОРМАЛЬНАЯ

Мы смотрим на Одри, потом на мотоцикл, потом друг на друга.

— Ты поведёшь, — говорит Джули. — Я сяду сзади, а её посажу между нами. Сбитая с толку Одри скалит зубы, еле сдерживая ярость.

Мне не нужны слова, чтобы указать на ошибку в плане. Я показываю на рот Одри и на свою шею.

Джули ненадолго задумывается, потом протягивает мне палку и зарывается в грудь

автомобильных обломков. Она появляется, держа в руках изрешеченный пулями мотоциклетный шлем, вытряхивает оттуда старый череп и водружает потрёпанный белый шар на голову матери.

— Мама, не кусаться.

Свирепые тёмно-серые глаза Одри таращатся из окошка шлема. Джули захлопывает визор.

Наша тройца на мотоцикле выглядит как нелепый бутерброд: Джули едва держится на задней кромке, а я, сгорбившись, сижу на бензобаке, прижимаясь к нему на каждом дорожном ухабе. Я слышу, как Одри шипит внутри шлема. Изредка она ударяется о мой затылок, но Джули держит меня руками за талию, прижимая руки Одри к её бокам, как смиренная рубашка. Я еду со своим неудобным грузом так быстро, как могу, ориентируясь по звёздам и памяти, и к тому времени, как гаснет последний проблеск солнца, мы уже оказываемся на месте.

Нора ходит по дороге взад-вперёд, наблюдая за горизонтом. Когда мы подъезжаем к самолёту, она бежит к нам, и, кажется, она так сосредоточена на Джули, что не замечает нашу гостью.

— Лучше скажите, что с вами случилось что-то ужасное, — говорит она, встряхивая копной локонов, — потому что если вы удрали, чтобы просто потрахаться, клянусь богом... *Ого*, — она вытягивается по струнке. — Это кто?

Мы слезим с мотоцикла. Джули цепляет палку к ошейнику Одри.

— Джули. Кто, чёрт подери...

— Нора, — происходящее так нереально, что Джули не в силах сдержать нервный смех. — Это... это... это моя *мама*.

Она снимает шлем. Одри скалится, показывая Норе обломанные жёлтые зубы.

Нора отскакивает назад. Не сомневаюсь, она узнала это лицо, если не по старому фото, то по жуткому сходству с лицом Джули — его юность странным образом сохранилась, даже когда в эти черты просочилась гниль. Красота сорокалетней женщины, замаринованная чумой.

— Мама, — говорит Джули. — Это Нора. Она — самый лучший человек, которого я когда-либо встречала. Пожалуйста, относись к ней хорошо.

— Привет, — едва слышно шепчет Нора, застыв от шока.

По лестнице с рюкзаком спускается Эйбрам. Он смотрит на нас.

— Как? — пищит Нора.

— Мы нашли... *объекты*, — отвечает Джули и начинает подталкивать Одри к самолёту. — Сотни закованных в цепи зомби. Выглядит как какой-то эксперимент. Будто большая версия того, что мы видели в домике Эйбрама, — она смотрит на него.

— Знаешь что-нибудь об этом?

Эйбрам не отвечает.

— Какие зомби? — любопытство Норы берет верх над шоком. — Оживающие?

— У нас не было времени проверить остальных. Но мама... ну...

Одри начинает извиваться, хвататься за ошейник и издавать захлёбывающиеся звуки.

— Преимущественно мёртвая, — говорит Нора. — Или Совсем...

Джули ничего не говорит. Мы проходим мимо Эйбрама. Он стоит там, где стоял, всё ещё держа язык за зубами. Но когда мы подходим к грузовой рампе, он, наконец, произносит:

— Просто чтобы убедиться, что я правильно вас понял... — у него ровный голос. — ... вы хотите взять на борт самолёта взрослого зомби. В придачу к двум несовершеннолетним, которых мы уже везём. Итого у нас три плотоядных трупа, которые делят с нами самолёт. Я всё правильно сказал?

Джули смотрит на него.

— Это моя мама.

Эйбрам делает длинный усталый выдох.

— С меня хватит.

Он берёт Спраут за руку, набрасывает через плечо рюкзак и направляется к нашему мотоциклу.

— Эй, — говорит Джули. — Она крепко связана, она никому не навредит. Эйбрам продолжает шагать.

— Эй! — она суёт мне палку Одри и идёт за ним. — Ты куда?

Нора смотрит на меня и закатывает глаза: «*Опять двадцать пять*», но нет, это не тот же спор между теми же людьми. После того, что только что испытала Джули, нельзя предугадать, что здесь произойдёт. Только отчаянный непредсказуемый момент, вращение, скольжение, падение.

— *Эйбрам!*

Он останавливается и оборачивается. Он не выглядит разозлённым, просто уставшим и измученным, как учитель средней школы, которому надоели драмы, провоцируемые гормонами: каждый день новая беременность, новое самоубийство, новая перестрелка.

— Я не знаю, куда мы пойдём, — отвечает он. — Может, в Питтсбург. Может, в Остин. Я только знаю, что мне надоело водиться с психами.

— Значит, ты собираешься пересечь смертельно опасную местность на мотоцикле, хотя у тебя есть персональный самолёт, который ждёт тебя? Ну, и кто тут псих?

Он хихикает и продолжает идти, качая головой.

— Не стоит.

— Да чтоб тебя, Эйбрам, ты нам нужен! Ты не можешь бросить нас в таком положении!

— У вас есть мотоциклы, вот и устраивайте с ними вашу революцию. У Че Гевары прокатило.

Джули останавливается и смотрит ему в спину, пока он идёт к мотоциклу.

— Тебя ничего не волнует, да? — она искренне поражена. — *Ничего*. Он начинает привязывать рюкзак к мотоциклу.

— А что меня должно волновать?

— Люди? Мир, в котором ты живёшь? Будущее, которое ты помогаешь строить? Эйбрам откидывает голову назад и смеётся.

— Хочешь узнать, почему вы меня достали? — он поворачивается. — Потому что люди, которые так говорят, как раз и убивают этот мир. Так говорил Че Гевара. Так говорили Ленин и Мао. Все эти идеалисты с невинными глазами наблюдают будущее в телескоп, пока топчут настоящее. В мире нет большей угрозы, чем люди, которые думают, что могут всё улучшить.

Он садит Спраут на заднее сиденье. Она с грустью и страхом оглядывается на Джули, но Джули не смотрит на неё, она сверлит взглядом затылок Эйбрама.

— А что ты скажешь на это? — говорит она. — Либо ты ведёшь самолёт, либо я тебя пристрелю.

Эйбрам хихикает, поворачивается и обнаруживает, что смотрит в дуло пистолета.

— Что если мне плевать на мир, — говорит Джули, сжимая пистолет обеими руками. —

Что если я хочу, чтобы ты отвёз нас в Исландию, где я смогу помочь моей маме, потому что она — моя семья, а на остальных мне насрать?

У Эйбрама удивлённая, но усталая улыбка.

— Мило, — говорит он, и отворачивается, чтобы сесть на мотоцикл.

— Я выстрелю, Эйбрам.

Он садится на сиденье, отрицательно покачивая головой.

— Нет, ты стоишь и угрожаешь выстрелить в меня, потому что любишь разглагольствовать о вещах, которые, сама знаешь, никогда не слу...

Джули стреляет.

Он падает с мотоцикла и приземляется на колени, сжимая руку. Спраут кричит.

— Чёрт, Джулез, — бормочет Нора.

Побледневший от боли и удивления Эйбрам встаёт на ноги. Его рука тянется к боковому карману рюкзака, и я открываю рот, чтобы предупредить Джули, но она смотрит на Эйбрама, и в её взгляде не видно озабоченности. Он вытаскивает руку — в ней пусто.

— Ты спёрла мой Руджер, — говорит он с приглушённым изумлением.

— Веди самолёт, — говорит Джули.

Секунду он смотрит на неё, потом тянется за дробовиком, висящим на спине. Джули стреляет ему в плечо.

— Джули! — всхлипывает Спраут, не веря своим глазам.

Джули бросает взгляд на Спраут, и я вижу, как на её лице мелькает стыд и ужас, будто на Джули находит прозрение. Но потом снова становится бесчувственной.

— Веди самолёт.

Эйбрам проверяет свои раны — глубокая ссадина на левом трицепсе и точный выстрел в трапециевидную мышцу — и, когда кровь пропитывает рукав бежевой куртки, шок на его лице медленно превращается во что-то ещё. В слабую улыбку. На этот раз она не покровительственная, не издевательская и даже не разгневанная. Он смотрит на Джули так, будто видит её впервые.

— Ну... тогда ладно, — говорит он.

Он поднимается на рампу, пока Джули держит его спину под прицелом.

Она не смотрит на нас. Мы не смотрим друг на друга. Мы садимся в самолёт в испуганном молчании — как заложники. Я тяну призрак матери Джули за ошейник. В её глазах не видно ничего, кроме смерти.

— ДАВАЙ ПОИГРАЕМ, — говорит Гейл.

— Во что? — спрашивает Гебре.

— Давай играть в «Дорожное имя»

— Это как?

— Сначала ты берёшь название первой разбитой машины, которую увидишь, потом имя мультяшного персонажа для первого сбитого на дороге животного, потом соединяешь их, как тебе нравится, и получается твоё дорожное имя.

Мальчик сидит на пластиковом ведре между водительским и пассажирским сиденьями и смотрит на дорогу. Утреннее солнце струится сквозь деревья, окутывая всё вокруг лёгким свечением, но свет проходит через грязное лобовое стекло и поцарапанные очки, но к тому времени, как он достигает мальчика, становится мутным и тусклым.

— Я играю за нашего маленького приятеля, — говорит Гейл, улыбаясь мальчику.

— Потому что нам нужно какое-нибудь имя, чтобы не называть его просто «приятель». Верно, приятель?

Мы наблюдаем за мыслями мальчика — он оценивает мужчин. Их намерения, их мотивацию. Мозг создан, чтобы учиться на ошибках: если огонь обжигает — не трожь пламя. Если мозг мальчика выполняет своё предназначение, то он больше никогда не доверится людям. Но всё же мозг — не просто машина. Это концентрическая бесконечность одних колёсиков внутри других, и он борется со своей ролью ради целей, которых почти не понимает.

— Хонда Фит! — кричит Гебре, когда они приближаются машине, зарытой носом в канаву. Сейчас очередь Гейла вести машину, поэтому у Гебре есть преимущество. — И животное на дороге! Думаю, это голубь. Должно быть, они свернули, чтобы его не сбить... — Он вытягивает шею, чтобы посмотреть, как исчезнут сухие птичьи останки.

— Видать, в наше время такова награда за доброту.

— Геб, — говорит Гейл.

— Неважно. Хонда Фит плюс птица, получается... Видимо, я Твитти Фит?

— Ты можешь соединять, как хочется. Не обязательно брать слова целиком. Гебре раздумывает.

— Фонда Тити.

— Точно, так и есть, — хихикает Гейл. — Неплохо звучит. Ладно, дружище, твоя очередь.

Они едут уже три дня. Мальчик записывает окружающее глубоко в память.

Свет, потом темнота. Жара, затем холод. Распускающиеся и закрывающиеся одуванчики. Отчаянное кишение насекомых, затем полная тишина. Слабеющий и возобновляющийся поток разговоров от праздной болтовни до жарких споров и неопределённого молчания. Они предлагали ему еду, но он отказался. Они видели, что он сидит на ведре, когда укладывались спать на выдвижные кровати. А когда просыпались, находили его там же. Он сидел там, ждал и равнодушно разглядывал их. Ему интересно, почему они притворяются, будто не знают, что он такое.

— Вон там! — говорит Гейл, указывая на внедорожник, заглохший посередине дороги. У него пробиты колёса и выбиты окна. — Лэнд Ровер. Ладно, приятель, внимательно ищи

сбитое животное, и мы придумаем тебе прекрасное новое...

Мальчик вскидывает руку, и Гейл поражённо замолкает. Его палец указывает на что-то, лежащее на дороге впереди. Веселье сползает с лица Гейла.

— Твою мать, — шепчет он.

Мальчик выжидающе смотрит на него. Гейл решает, что мальчик слишком наивен, чтобы понять, что увидел, и просто ждёт, когда услышит своё дорожное имя. Но Гейл не знает его так, как мы. Мальчик точно знает, что видел, и хочет посмотреть, как мужчина отреагирует на ежедневный ужас реальности. Он сделает серьёзное лицо и пойдёт вперёд? Или неловко закашляется и предложит новую игру?

— Нуууу... — выдыхает Гейл, когда огромный мясной блин остаётся позади. — Машина плюс персонаж из мультика... Думаю, тебя будут звать Ровер Фадд.

Гебре прячет лицо в ладонях, медленно покачивая головой.

Впервые за вторую жизнь, после семи лет бесконечной жестокости и безразличия, мальчик улыбается. Он думает, что добродетель должна быть чем-то большим, чем просто доброта. Чтобы держать их вместе, нужен крепкий стержень. Как вы зашьёте рану, если упадёте в обморок при виде крови? Как принесёте добро в мир, который отказывается видеть? Возможно, добро требует честности, которая требует отваги, которая требует силы, которая требует...

Мальчик останавливает себя.

Возможно, добродетель — сложное понятие.

Дорога впереди исчезает из поля зрения, погружаясь в более тёмный и густой лес, и мальчик слышит рёв двигателя, сражающегося с подъёмом. Гейл останавливает фургон на возвышении, на случай, если незнакомцы захотят поделиться новостями, полевыми заметками и, может быть, кофе или выпивкой, как это сейчас принято на пустынных автомагистралях. Но, когда мальчик смотрит туда, где дорога внезапно исчезает, будто там находится край крутого обрыва, он слышит другой шум, идущий снизу. Не двигатель.

Он выпрямляется и тянет Гейла за рукав.

— Что случилось, Ровер? — спрашивает Гейл.

Мальчик умоляюще смотрит через солнцезащитные очки, шум становится громче, но Гейл и Гебре улыбаются, с любопытством поглядывая на него, глухие к тому, что приближается.

— Едем, — хрипит мальчик. Он давно не пользовался гортанью. Гейл и Гебре смотрят на него, изумленно раскрыв рты.

— Прячьтесь, — говорит мальчик.

— Ровер! — говорит Гебре. — Ты разговариваешь!

А ты не слушаешь.

Шум нарастает, прорезая рёв двигателя как зазубренное лезвие. Внезапно мальчик вспоминает о кусках пластика, закрывающих его лицо.

Крупные пластины черного поликарбоната стоят между ним и остальными, не давая свету проникнуть внутрь и не давая эмоциям выйти наружу, утаивая его от мира.

Неудивительно, что они ничего не понимают.

Он снимает очки и выбрасывает их. Смотрит жёлтыми глазами на Гейла и Гебре.

— С дороги, — говорит он.

Несколько секунд они молча смотрят. Затем Гейл, не отводя взгляда от глаз мальчика, возможно, даже не осознавая, что он это делает, поворачивает колесо и съезжает на обочину.

Мальчик раздумывает, как бы объяснить, что это недостаточно далеко, ведь им нужно повернуть в лес и ехать так быстро, как только возможно, и в это время на гребень холма выезжает автомобиль.

Это квадратная бронированная инкассаторская машина. Полностью белая. Она тащит за собой длинный грузовой прицеп, усиленный стальными пластинами.

Прицеп гудит.

Есть много вещей, с которыми можно сравнить этот звук: какофония звуков, жужжание разъярённых ос, медитационное «ом-м», но мальчик думает о бомбе. Он думает о духах смерти, живущих внутри неё, о химических веществах, которые шипят и воют внутри стальных стенок, требуя, чтобы их выпустили наружу.

А затем они уезжают. Бронированный автомобиль со своим пугающим грузом исчезают в лесу, и фургон вновь остаётся один на безмолвной дороге.

Кажется, Гейл и Гебре совсем ничего не знают о кошмаре, который только что пронёсся мимо них. Они едва взглянули на невоспитанных путешественников, которые даже дружески не помахали им. Они смотрят на мальчика и его сверкающие золотые глаза. Он ощущает, как назревают вопросы, но это неправильные вопросы, и он больше не чувствует понимания — этот короткий миг прошёл. Мальчик слезает с ведра и уходит в заднюю часть фургона, где прячется в грудах одеял.

Мир не имеет для мальчика большого смысла. И чем больше он его изучает, тем незначительнее мир становится. В нём живут существа, которые не являются ничем иным, как алгоритмами, отголосками мёртвого общества, которое заслужило смерти, но кто-то использует эти алгоритмы. Кто-то собирает их вместе, полагая, что это пойдёт кому-нибудь на пользу.

Возможно, добро — не такое уж сложное понятие. Может, это плод воображения. Или, возможно, это просто безумие.

Когда Гейл и Гебре возвращаются на дорогу и продолжают путешествие на восток, помрачневший мальчик сидит в темноте и раздумывает над вещами, слишком серьёзными для его возраста. Он слышит ещё один звук. Мягкий и почти успокаивающий гул где-то над головой, похожий на длинный медленный вздох. Он высовывает голову из окна и смотрит вверх, но в небе ничего нет. Самолёт уже пролетел мимо.

Я

ДОЖДЬ.

Дождь проникает сквозь одежду, а холод — сквозь кожу. Я чувствую, как он пробирается сквозь мышцы и органы к центру меня, и отдалённо, без особого интереса, я задаюсь вопросом — может ли он остановить моё сердце?

Крыша скользкая от плесени и гнили, но только не там, где иду я. Я протапывал себе путь годами, как животные протапывают тропинку в лесу. Провисающая черепица ведёт из окна моей спальни к дымоходу. Я прислоняюсь к трубе, прижимая колени к груди, и, как горгулья на соборе, наблюдаю сверху за похоронами. Я должен быть там. Сидеть в своём лучшем костюме на одном из складных стульчиков и смотреть, как её всё глубже опускают в землю рядом с бабушкой. Но я не знаю, как правильно скорбеть. Если сейчас она в лучшем месте, то горевать эгоистично. Если это план Господа, то моё горе — бунтарство. А что насчёт моего гнева? Кому мне его адресовать? Мужчине с проблемами, который убил её, или богу, который создал для него эти проблемы? Исполнителю или драматургу?

Или себе, раз я задаю эти вопросы?

Хорошо, что я наверху. Подо мной открыто плачут скорбящие, следуя условностям и не думая о противоречиях, и они бы ждали от меня того же. Но я слишком зол, чтобы плакать. Я выжатая тряпка, скрученная и сухая. Поэтому я сижу на крыше и разрешаю дождю плакать за меня, капая с ресниц фальшивыми слезами.

* * *

— За что она умерла?

— Она пыталась помочь.

— Давая им еду? Сохраняя им жизнь? Как это им помогало?

— Мы кормим их, значит, можем их учить. Голодные люди — лучшие слушатели.

— Учить как попасть на Небеса? Как оставаться хорошими достаточно долго, чтобы попасть на Небеса?

Отец смотрит на меня мутными красными глазами. Он сидит в кресле, сгорбившись, в пепельнице растёт серая горка пепла. Он смотрит в телевизор, который транслирует плохие новости по всем каналам. По MTV показывают атаку беспилотников. По Comedy Central — манифесты террористов. Lifetime показывает массовые захоронения. Ещё неделю назад я бы ни за что не сказал ему этих вещей, но горе его ослабило, а меня сделало сильнее. Он тонет, я пылаю.

— Разве не поэтому мы здесь? — настаиваю я. — Чтобы просто дождаться конца? Чтобы играть сцену, пока бог не крикнет: «Снято!»?

— Опять ты со своими дурацкими метафорами, — ворчит он, делая затяжку.

— Почему мы здесь, папа?

— Мы здесь, чтобы делиться новостями, — отвечает он. — Мы здесь, чтобы распространять Огонь.

— Новостями о Небесах, правильно? Не о Земле.

— Само собой, не о Земле, — рычит он, встряхивая головой. — Земля — это шар из дерьма. Она должна была быть разрушена ещё в начале своего создания.

Я слышу, как мой голос повышается до крика.

— Тогда зачем мы продолжаем её исправлять? Зачем строим здесь дома? Почему бы нам её не сжечь?

Он втягивает дым и смотрит в телевизор, на скулах играют желваки.

— Может быть, этот мужчина просто пытался помочь, — теперь мой голос стал низким. — Может, он просто хотел помочь ей отправиться на Небеса.

Это даёт ожидаемый результат. Я отшатываюсь к стене, пробегая языком по ссадинам на губе. Ох, я пропустил удар. Кровь на белой футболке. Боль указывает на моё место в этом мире и говорит мне, что я прав во всём. Не хватает только страха.

Когда я был маленьким, отец пугал меня, но теперь, когда мне шестнадцать, и я выше его сантиметров на тридцать, он выглядит жалким. Я торжествую, видя, как он теряет над собой контроль, демонстрируя, что его принципы были притворством. Он мочит штанишки перед Богом и человеком.

Мне придётся искать страх где-нибудь в другом месте.

Я насмешливо ухмыляюсь, обнажая испачканные кровью зубы.

— Мне нужно идти, — говорю я. Он стоит, сжимая кулаки и тяжело дыша. — Я опаздываю в церковь.

* * *

Я снова сижу в конференц-зале отеля, разглядывая виниловый баннер, пока пастор распинается на тему молодежи в Мизуле. Но сегодня вечером что-то идёт не так. Я сижу, сжимая подлокотники кресла. Я не один такой. Неделию назад беженец повиновался хору голосов, которые заставили его заколоть мою маму ножом для картошки, когда она готовила обед, но в моей трагедии нет ничего особенного.

Двадцать убийств в месяц в одном городке с одной лишь заправочной станцией. Три поджога общественных зданий, сопровождаемых стрельбой полицейских со смертельным исходом. И, само собой, пошли слухи о том, что произошло с некоторыми телами. Даже после блокировки связи чувствуется поднимающаяся волна.

— Не совершайте ошибок, — говорит священник. — Это конец. День был длинным, но солнце садится. Вы видите этот мировой хаос, но не беспокойтесь. Это горит не наш дом, а наша тюрьма. Этот огонь принадлежит Господу.

Я смотрю на него покрасневшими влажными глазами. В мозгу происходит когнитивный диссонанс. Пол Барк бросает взгляд на мой блокнот, где я, не глядя, выцарапываю каракули.

— Всё принадлежит Господу, — продолжает пастор. — Дьявол принадлежит Господу. Грех принадлежит Господу. Бог создал *всё*, поэтому ему принадлежит *всё* без исключения. Хотя Господь ненавидит зло, оно принадлежит ему, и он может использовать его как угодно, следуя своему плану.

Царапанье моей ручки становится таким громким, что ребяташки позади меня наклоняются ближе, чтобы заглянуть мне через плечо.

— Значит ли, что Господь есть зло, если он его использует? — он качает головой и улыбается. — Нет. Господь хороший — понимайте это слово как прилагательное и как существительное. Он — наше определение добра, наши атомные часы^[8], стандарт меры,

посредством которого мы проводим сравнения. Если это делает Господь, то это не зло.

Пол отводит взгляд от моего блокнота и смотрит мне в глаза. У него тяжелый взгляд, вздёрнутый подбородок. Он подбадривающе кивает мне.

— Так что, когда вы видите, как вокруг вас пылает мир... радуйтесь! — Разведённые руки. Блаженная улыбка. — Когда вы видите, как цивилизация рушится, исчезая во тьме, славыте Господа, потому что вы видите *его* работу. Он вычищает землю, готовя её к своему Царствию, и поверьте мне, — его улыбка лукаво блестит, — вы не будете скучать по дому, который мы построили нашими неуклюжими маленькими ручками, когда он опустит на вершину мира свой дворец.

Я чувствую на себе взгляды десятков мужчин и женщин. Некоторые смотрят на блокнот, некоторые мне в лицо, покрасневшее и дрожащее. Ярость и горе сталкиваются внутри меня, как лава и морская вода, образуя неровный чёрный камень. Кучка моих сверстников остаётся сидеть рядом со мной, а остальная часть собрания идёт к выходам. Хотя никто не говорит ни слова, я знаю — у нас есть общая мысль, которая парит над нашими головами, как языки пламени.

Когда священник проходит мимо нас, я переворачиваю блокнот, пряча рисунки от его любопытного взгляда. Может, он вдохновил меня на них, но он бы их не понял. Они являются новым откровением для более молодых и сильных святых: домов, школ и лагерей беженцев, охваченных огнём, и для духов, которые убегают с земли, ставшей просто шаром чёрных, бесформенных и пустых чернил, какой она была в начале и какой должна оставаться.

— Чем заняты, ребятки? — весело спрашивает священник.

— Ваша проповедь меня тронула, — отвечаю я. — Я бы хотел остаться и помолиться.

— Мы останемся с ним, — говорит Пол.

— Очень хорошо, — говорит пастор, меняя улыбку на утешительную. — Я очень соболезную вашим потерям, всем вам. Знаю, это был тяжёлый сезон.

— О чём вы говорите? — спрашиваю я в странной дрожащей эйфории. — Все наши потери приближают Царствие.

Кажется, он чувствует себя неловко.

— Верно. Ну, я надеюсь, сегодня вечером Господь ответит вам.

Он уходит, оставляя нас одних в конференц-зале. Я смотрю на лица — они бледные и усталые, глаза красные от слёз, внутренней борьбы и поисков ответов, которых нельзя найти. Я вижу, как в них отражается моё собственное прозрение.

Я вытаскиваю блокнот и начинаю набрасывать план. Остальные толпятся вокруг меня, как части одного организма. Я никогда не чувствовал Дух Божий так близко.

В ПОДВАЛЕ нет тепла. В старых коробках нет приятной ностальгии. Они лежат грудками, словно их побросали в панике. Некоторые коробки проткнуты изнутри острыми предметами, а некоторые пропитались тёмной жидкостью. Что я должен был здесь найти? Зачем мне нужны эти старые ужасы? Снаружи меня ждёт много новых.

Открываю глаза.

В самолёте спокойно. Мягко гудят двигатели. Розовый свет сочится сквозь окна. Будет ли этот день выглядеть иначе? Глаза, которые я только что открыл, те же самые, которые я закрывал вчера вечером? Или я воскресил в памяти другие, новые? Как выглядит мир для человека, который пытался его уничтожить?

Нора и М спят в ряду позади меня. Спраут свернулась калачиком у спинки и обняла руками колени в испуганной позе, которая рвёт мне сердце. Эйбрам включил автопилот и храпит в кабине. Его ранения довольно прилично забинтованы.

Не спит только Джули. Она сидит в кресле второго пилота, сгорбившись и положив пистолет на подлокотник. Она замечает, что я смотрю на неё, и с вызовом сверкает глазами — попробуй осудить меня. После того, что я только что пережил, сама мысль о том, что я могу кого-нибудь осуждать, вызывает у меня улыбку.

Я шагаю в кабину и прислоняюсь к приборной панели за спиной Джули. Она поворачивает кресло лицом ко мне, глядя на меня тусклыми глазами.

— Что.

Такой тон адресуется незнакомцу. Возможно, даже врагу. Я забываю всё, что хотел сказать.

Она отворачивается обратно к окну. Солнце маленьким угольком поднимается из бесконечного серого пространства.

— Джули, — я подаюсь вперёд и кладу ладони ей на плечи. — Я понимаю.

— Да? — говорит она в лобовое стекло, и в её низком тоне слышится опасная дрожь. — Я думала, ты — пустой лист.

Её плечи так напряжены, что, похоже, она скоро выпустит шипы.

— Я думала, что ты мог выбрать, откуда начинать своё прошлое, и ты выбрал день нашей встречи. Это мило и всё такое, но это значит, что у тебя никогда не было семьи, ты никогда её не терял. Ты ничего не терял. Значит, ты не понимаешь.

Я убираю ладони. Смотрю на её макушку — маленький золотой мячик, который присутствовал в каждой секунде моей третьей жизни. Хотелось бы, чтобы она была права. Хотелось бы, чтобы я был ничем, кроме короткого жизненного эпизода, но моё настоящее превращается в маленький плот, плывущий по тёмному океану.

Могу ли я рассказать ей? Стоит ли знакомить её с мерзавцем, который обретает форму в моей голове? Разве она ещё недостаточно сломлена?

В кабине раздаётся резкий сигнал, и напротив Эйбрама начинает мигать красная лампочка. Он садится и берётся за штурвал, даже не зевнув. Либо он дремал, либо хорошо притворялся. Джули тоже концентрирует внимание, поднимает пистолет и настороженно моргает покрасневшими глазами.

Эйбрам бросает взгляд на пистолет.

— Ты же знаешь, в этом нет необходимости. Твоя взяла. Джули смотрит на него молча.

— Ну, что я сделаю? Выпрыгну в окно? Почему бы тебе не взять меня в заложники, когда мы приземлимся?

— Заложник думает, что мне нужно убрать пистолет, — сухо отвечает Джули. — Он думает, что это будет логично.

Эйбрам вздыхает.

— Я просто прошу тебя успокоиться.

— Почему? — она покачивает дулом. — Тебя нервирует оружие? Кажется, он смотрит на неё с неподдельной мольбой.

— Оно нервирует мою дочь.

Маска сползает с лица Джули. Сглаживаются острые углы. Она оглядывается и видит встревоженную Спраут, которая сидит в кресле, готовая бежать. Подбородок Джули вздрагивает в спазме печали, и она опускает пистолет на колени.

— Спасибо, — говорит Эйбрам.

Красная лампочка вновь мигает, и раздаётся сигнал.

— Что это? — спрашивает Джули.

— Это утренний будильник. Не могу опаздывать на работу, когда мой босс вооружён и опасен.

— Так и есть.

— Это уведомление о маршруте. Значит, мы приближаемся к Питтсбургу.

— Зачем тебе уведомление для Питтсбурга?

— Потому что я считаю, что нам стоит там остановиться. Она пристально на него смотрит.

— Что?

— Думаю, нам нужно остановиться в Питтсбурге.

Она наклоняется вперёд, внимательно глядя на него и прижимая пистолет к своему бедру.

— Я *недостаточно* понятно объяснила, куда мы летим?

— Послушай, я отвезу тебя в Исландию. Скорее всего, там одни безжизненные скалы, но я отвезу тебя. Но прежде, чем мы полетим через Атлантический океан с ограниченным запасом топлива и навигацией из 1970-х годов, думаю, нужно сделать остановку в Питтсбурге.

— Блин, да что такого в этом Питтсбурге?

Эйбрам смотрит на первые лучи солнца, ползущие к нему по приборной панели.

— Что ты там говорила, когда в первый раз просила вести самолёт? Что-то об утопических поселениях и армиях повстанцев? Ну, я точно не могу обещать первое, зато второе — может быть.

В скептическом взгляде Джули появляется сомнение.

— В Питтсбурге есть армия повстанцев?

— Я знаю, что год назад была.

Джули возвращает пистолет на колени.

— Слушаю.

— После того, как они нашли меня в лесу, Питтсбург стал моим первым местом жительства. Там я проходил обучение. Он практически стал моим родным городом. В свои двадцать с хвостиком я много переезжал, но когда родилась Мура, я решил... — он встряхивает головой. — Суть в том, что во втором филиале я впервые услышал, что Аксиома

сходит с ума. У некоторых ребят из командования были связи с Главным... конечно, не прямые связи. Я не знаю никого, кто бы в действительности разговаривал с Атвистом...

Внутри поднимается тошнота, и внезапно мне захотелось оказаться в другом месте. Может, в туалете. Я закрываю глаза и делаю медленные вдохи.

— ... но они были достаточно близко, и видели, что на верхах что-то идёт не так. Конечно, если верхи вообще существовали.

— Роза... — начинает Джули, но замолкает. — Генерал Россо, лидер Стадиона, говорил, что Аксиому уничтожили много лет назад.

Эйбрам открывает рот, чтобы ответить, но кое-кто опережает его. Неожиданно раздаётся третий голос:

— Семь лет назад. Руководители были убиты, штабы разгромлены, — всё похоронило землетрясение. Но он сказал, что останавливаться нельзя.

Джули с Эйбрамом смотрят на меня.

— Да что с ним такое? — спрашивает её Эйбрам. — Его радиацией облучило?

— Это тебе Роза сказал? — недоуменно спрашивает Джули. Я несколько раз моргаю.

— Неважно, — вздыхает Эйбрам. — Да, в Нью-Йорке мы провернули большое дельце. Филиалы потеряли контакт с Главным, и долгое время никто не знал, что происходит, и даже существует ли ещё организация. Но через пару лет снова начали поступать приказы, сообщения о том, что Главный выжил. Первый филиал был перестроен, и всё стало хорошо. Мы верили в это до сих пор.

Джули оглядывается за спину и вздрагивает. Нора стоит, скрестив руки на груди и прислонившись к двери в кабину, и слушает. Между пальцами болтается жёлтая смятая брошюра.

— Не обращайтесь на меня внимания, — говорит она. Эйбрам переключается на Джули.

— Но к тому времени, когда я оставил работу ради кампании на западном побережье, пошли слухи. Секретные встречи. Я бы сказал, как минимум половина филиала к чему-то готовилась.

— К чему? — спрашивает Джули.

— К свержению Главного. Может, к разделению организации на местные органы власти. Они не озвучивали подробности.

— Полфилиала против сети национальных ополчений? Да как бы это сработало?

— В деле оказались и остальные филиалы. Называй происходящее революцией, если это задевает твои подростковые чувства.

Джули щурится.

— Во-первых, я не подросток...

— О, точно, у тебя же был день рождения. Теперь всё по-другому.

— ... а во-вторых, когда ты стал революционером, Эйбрам Кельвин? — она щурится ещё больше. — С каких пор ты сражаешься за что-то кроме своего маленького домика?

Эйбрам сохраняет равнодушный вид.

— Мы летаем по всей стране, ища путь вперёд, а ты только и делаешь, что бежишь от каждого полученного шанса. А теперь ты вдруг такой: «Вива революция!» Ты вдруг стал с нами солидарен, но забыл об этом упомянуть?

Лицо Эйбрама никогда не покидает слабая усталая усмешка, но сейчас она кажется немного вымученной.

— Я не собирался лезть в филиал Аксиомы, потому что мы все в списке разыскиваемых.

Если переворота ещё не произошло, будет сложно связаться с моими контактами. И да, я бы предпочёл рыбалку в горах вместе с дочерью попыткам спасти мир с кучкой сумасшедших детей. Но если выбирать между этим и путешествием в одну сторону к замёрзшим скалам в океане, я выберу революцию.

Джули качает головой.

— Ты — кусок дерьма.

— На самом деле, нет.

— В Питтсбурге ничего нет. Ты просто хочешь приземлиться, чтобы сбежать. Эйбрам кивает.

— Справедливо, но неверно. Ложь — это не моё. Джули хохочет.

— Правда, что ли?

— Отец учил меня: соврётся кому-то — дашь ему силу. Ложь делает тебя подсудимым, а его — судьёй. Говори правду и разбирайся с тем, что получилось. А враньё для слабаков.

Джули хохочет.

— Ты *полный* кусок дерьма.

— Вообще-то, — говорит Нора. — Может, это и не так.

Она разглаживает жёлтую брошюру и протягивает её Джули.

Джули просматривает коряво исписанные страницы с рисунками. Брошюра похожа на средневековую рукопись, освящённую пьяными монахами. Она поднимает на Нору изумлённые глаза.

— Где ты это нашла?

— В аэропорту, конечно же. В тысячах миль ото всех. Думаю, у РДК обсессивно-компульсивное расстройство.

— Почему ты раньше мне не показала? Нора одаривает её холодным взглядом.

— Ты выстрелила в парня на глазах у его дочери. Кажется, было неподходящее время.

Джули вздрагивает. Подозреваю, Нора уже давно не на её стороне. Джули переключает внимание на жёлтую бумагу, почти полностью спрятавшись за листами, а я читаю через её плечо.

ЗАРАЖЕННЫЙ МИР АЛЬМАНАХ (К)

АВГУСТ (ГНП)

18 ЛЕТ С В АВЛ

Приготовили большую партию сладостей и Барбара снова в деле. Стрелки часов США бегут в обратную сторону, преследуя древнюю легенду о Старом Правительстве - таинственной людях, которые пересекают границу через леса Каскады. Охотники были арестованы за то, что ошивались неподалёку от мест, где было полно правительственных людей в касках - ТАКИЕ ДЕЛА. Нечасто случается, что слухи приносят люди, которым можно верить, но Каскадия и Нью-Йорк восстанавливаются, так что мы идём

ИСТОРИЯ ШУТИТ ХАХАХА

ОСТИН: X

Буквально мёртвый

МАРФА:

МАЛЕНЬКОЕ ПСЕЛЕННЕ С
МЕСТНЫМ САМОУПРАВЛЕНИЕМ
ОТКРЫТОЕ, ДРУЖЕСТВЕННОЕ,
МНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ,
ИНФОРМАЦИИ.

Н. ОРЛЕАН: X (ЗАТОПЛЕН)

ОРЛАНДО: X И КИШИТ ИМИ

НЕ МОЖЕМ ПРОЙТИ ЧЕРЕЗ
Ю. ФЛОРИДУ

? ?
ЧТО
УТО
ПОЧЕМУ
ПОЧЕМУ

НЬЮ-ЙОРК: X или не X?

ГИГАНТСКИЙ УНИТАЗ, ПОЛКЫЙ ДЕРЬМА
И МОРСКОЙ ВОДА. ИДЁМ РАДИ БИШНИ
СВОБОДЫ, ОСТАВЛЯЮСЯ ИЗ-ЗА АРЕСТА
НА НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ СРОК. АКСИОМА =
УГРОЗА ДЛЯ ЖИЗНИ! ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
ПОПАДАЮТ В НЬЮ-ЙОРК, ИХ ГРАБЯТ
И ПОЛЦИЯЮТ = СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ

УНИА С

I, ♥ NY, , , ,

ОКРУГ КОЛУМБИЯ: X (РАЗРУШЕН)

ПИТТСБУРГ: ПРИМИТЕ К СВЕДЕНИЮ!

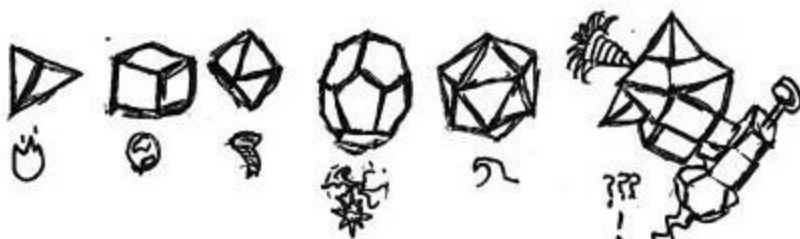
РАЗРОЗНЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ + ОГРОМНАЯ БАЗА
АКЦИОНЕРЫ, но ПРИМИТЕ К СВЕДЕНИЮ!

АКСИОМА = ВРЕДНАЯ, СОМНИТЕЛЬНАЯ, НЕПРЕЛАТЕЛЬНАЯ!

РАЗГОВОРЫ С БЕННЕВЫМИ КУРТКАМИ
ИНТРИГУЮТ. СОВЕДУЮТ ВСЕМ НЕДОВОЛЬНЫМ

ПЛАТИТЬ ЗА ВЪЕЗД.

СОБИРАЮТ И ПЕРЕВОЗЯТ ОБЪЕКТЫ. ВСКРЫВАЮТ
ИХ, ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО ВНУТРИ, ДЕЛАЮТ ИЗ
КУСКОВ НОВЫЕ. ВОТ ТАКОЕ ТВОРЧЕСТВО.

ИТАК, ЕДЕМ ДАЛЬШЕ, ВПЕРЕД,
НА СЕВЕР И НА ЗАПАД, ОПРОКИЖЕМ
БАШНЮ И ЗАСТАВИМ БОГА
ПОНЕРВНИЧАТЬ, ВЫЛЕЗЕМ ИЗ БОЛОТА
И НАЧНЕМ РАЗГОВАРИВАТЬ!

Джули перелистывает страницу.

— Это было два года назад. Ты не думаешь, что мы бы что-нибудь да слышали?

— Да ладно тебе, — говорит Нора. — Два года назад мы даже не знали, что Аксиома до сих пор существует. Может, теперь Питтсбург стал полноценным экстремистским государством.

Из задней части самолёта доносится стон, и Джули наклоняет голову в сторону звука. Рядом с туалетами останки её матери ждут, привязанные к креслу. Только я не знаю, чего именно. Сомневаюсь, что и Джули это знает, но я вижу, как на её равнодушном, мокром и подавленном лице возникает эмоция.

— Мы не можем, — бормочет она. Её глаза стекленеют. — Мы должны ей помочь.

— Мы поможем, Джулез, — говорит Нора. — Но, как ты думаешь, чего ей хочется прямо сейчас?

Ещё один длинный болезненный стон, сильно отличающийся от предыдущих стонов бессмысленного голода.

— Джули, — говорит Эйбрам, и она вздрагивает от звука своего имени. — Я знаю, почему ты это делаешь. Я бы сделал то же самое. Но, если ты когда-нибудь всерьёз говорила о спасении мира, ты позволишь мне посадить самолёт. Потому что мы пролетаем мимо твоей первой настоящей возможности что-нибудь сделать.

Джули крепко зажмуривается и встаёт.

— Садись, — говорит она, но в её голосе нет мятежного пыла, скорее, это капитуляция, а не приказ. Она направляется в хвост самолёта. — Мама? Ты в порядке?

Я тихонько иду следом, держась на почтительном расстоянии. Её мама сидит, сгорбившись, на полу в проходе. Длинный трос тянется через её ошейник и обвивает подголовник кресла, давая несколько футов для передвижения, а неподалёку сидят Джоанна с Алексом, осторожно наблюдая за ней.

— Страшно, говорит Алекс, делая большие глаза.

— Грустно, — говорит Джоанна, сочувствующе глядя на Одри. — Она... очень печальная.

Звенят колокольчики. У моих детей тоже есть ошейники. Я нашёл их в переносках для животных и решил, что колокольчики будут предупреждать об опасности и станут порукой за эти нежные молодые трупы. На этот раз Эйбрам не стал возражать.

— Мы садимся в Питтсбурге, мама, — говорит Джули, садясь напротив неё и скрещивая ноги. — Они говорят, что там есть группы сопротивления. Посмотрим, сможем ли мы им чем-нибудь помочь.

Одр положила руки на пол ладонями вверх и смотрит на них. Её лицо обмякло.

— Ты помнишь, как пыталась помочь, мама? Помнишь, как сильно ты хотела сделать мир лучше?

Одри качается взад и вперёд, грязные волосы свисают ей на глаза.

— Мама? Ты хоть что-нибудь помнишь?

Одри бросается вперёд и щёлкает зубами в паре сантиметров от лица Джули.

Джули подсакивает вверх и назад, её губы дрожат. Одри смотрит прямо на неё. Эмоции Мёртвых сложно прочесть, даже если Мёртвый — твой друг, но если бы мне пришлось угадывать, я бы сказал, что на желтоватом лице Одри — горе. Глубокая необычайная боль человека, который пытался творить добро и понёс за это наказание.

— Почему мы продолжаем этим заниматься? — пристаю я к матери, пока она чистит картошку к тушёному мясу. — Какой смысл помогать людям, если мир всё равно сгорит?

Я больше не могу её жалеть. Я слишком запутался, чтобы сдерживаться.

Необдуманные слова набрасываются на маму, сбивают её с ног.

— Мы зарабатываем очки перед богом? Он даже ведёт счёт? Разве он не сбросится до нуля, когда мир перезагрузится? Никаких записей о том, что мы тут делали, не останется, мама! Зачем мы это делаем?

— Я не знаю! — кричит она, и нож падает на пол. Она плачет. Она уже давно плачет: лицо и шея стали мокрыми от слёз, но мама сидела спиной ко мне, и я этого не видел. — Я не знаю! Слышишь, ты, холодный расчетливый человек, я не знаю!

Я ухожу из кухни. Мой гнев и запутанность смешиваются с виной, образуя более прочный сплав.

Мама вытирает глаза мозолистой рукой, наклоняется и подбирает овощечистку...

Джули смотрит на меня. Что написано на моём лице? Как сильно я открылся? Я чувствую, как слабеет земное притяжение, когда самолёт начинает снижаться, и я теряю опору.

МЫ

В ФУРГОНЕ больше никто не играет в дорожные игры. Нет оживлённых споров, и стереосистемы не звучит поп-рок. Царит неловкое молчание. Мальчик сидит на ведре между двумя сидениями, очки валяются где-то сзади, под сумками и коробками. Он смотрит прямо вперёд, а Гейл и Гебре украдкой на него поглядывают. Ему не надоедают ни их любопытство, ни страх. Он бы ответил на все их вопросы, если бы мог ответить на свои.

— Я могу с уверенностью сказать только одно, — говорит Гейл в заключение длинного спора в своей голове. — Ты разговаривал. Я точно слышал, что ты говорил. Значит, можно предположить, что ты нас понимаешь, да, Ровер?

— Может, он глухой, — говорит Гейл.

Гебре раздумывает. Потом протягивает Гейлу айпод.

— Включи что-нибудь, что ненавидят дети.

Гейл крутит колесико и нажимает кнопку. Ангельский фальцет перекрикивает тяжёлые барабаны и горькие звуки струн.

— Не-не, — кривится Гебре. — Я сказал, то, что ненавидят *дети*, а не все здравомыслящие люди.

— Это Сигур Рос! — возражает Гейл. — Это классика мопкора!

Гебре вздрагивает. Они смотрят на реакцию мальчика, но он равнодушно смотрит вперёд. Гейл увеличивает громкость до тех пор, пока пронзительный фальцет не начинает угрожать разбить лобовое стекло. Гебре кричит ему заканчивать эксперимент, поскольку видно, что мальчик глухой, но обрывает тираду на полуслове и вырубает стереосистему.

— Эй, — шепчет он мальчику в звенящей тишине. — Ты в порядке?

Лицо мальчика всё так же равнодушно, но его шокирующие жёлтые глаза наполняются слезами. Он не отвечает Гебре, поскольку мальчика в фургоне больше нет. Он идёт по проходу пустой тёмной Библиотеки, зависшей между непознаваемыми высотами и невыносимыми глубинами, изо всех сил стараясь смотреть только вперёд. Несколько книг падает со своих полок, и вокруг него трепещут потерянные страницы. Теперь он в ресторане, сидит напротив девочки и пытается терпеть музыку, которую она выбрала. Девочка похожа на него, но она старше, худее, её кожа светлее. Но глаза такие же карие и тёмные, как колодцы, идущие вглубь сквозь все слои к началу жизни на Земле.

Он любит девочку, а она любит его. Они — единственные оставшиеся хранители воспоминаний друг друга, скрывающие их глубоко внутри себя.

— Эй, — говорит Гебре, нежно смахивая слезинку с его щеки. — Что случилось, солнышко?

— Мальчик смотрит на влагу на пальце мужчины и видит кристаллы соли внутри неё, плывущие будто айсберги по затонувшей Земле.

— Округ Вашингтон, — говорит он.

Гейл и Гебре обмениваются ошеломлёнными взглядами.

— Это куда ты шёл? — спрашивает Гебре. Мальчик не отвечает.

— Альманах, который мы нашли в Далласе... — шепчет Гебре Гейлу. — Округ заброшен, да? Зброшен и разрушен?

— Ровер, — Гейл смотрит на мальчика с глубоким сожалением. — Там никого нет, приятель. Его давно сожгли.

Мальчик никак не реагирует.

— Но мы едем туда, где живут люди, — притворно весело говорит Гебре. — Где есть люди, еда, работа. Где безопасно. Где нас никто не тронет.

Гейл неуверенно тянется к нему и кладёт руку на плечо. Мальчик знает, что Гейл побаивается его зубов, и на секунду ему хочется чего-то, он это не голод. Он контролирует этого примитивного зверя. Когда чувство возникает снова, оно становится грохотом клетки, бешеным желанием согнуть её прутья.

— Мы будем за тобой присматривать, — говорит Гейл, сжимая его плечо, и они с Гебре обмениваются многозначительными взглядами. Решением. — Что бы с тобой ни случилось, мы поможем тебе с этим, лады?

Мальчик сжимает зубы, чтобы перестать стучать зубами, поскольку Гейл нервничает. Он видит залитый лунным светом балкон, пыльный аэропорт и старый пылающий дом — видения сжимаются и улетают в темноту сквозь заднее окно Гео.

— Не волнуйся, Ровер, — говорит Гебре, стараясь сделать интонацию обнадеживающей. — Ты полюбишь Нью-Йорк.

Я

— В ЭТОМ ФИЛИАЛЕ смешанное население, поэтому присутствие гражданских здесь — обычное дело. Но нам нужно помнить, что они всё ещё транслируют коды для нашего захвата, поэтому люди узнают нас, если мы предоставим им такую возможность. Я буду держаться подальше от плотного движения, но если мы с кем-нибудь столкнёмся, держите рты на замке, опустите головы и не смотрите им в глаза. Думайте о каждом разе, когда вы кого-то подвели, пусть стыд сделает вас невидимыми.

Я не слушаю. Мне не нужны эти советы. Никто не может избегать человеческого внимания лучше меня. Ни у кого нет столько стыда, сколько я прячу внутри. Впереди поднимается горизонт Питтсбурга, Эйбрам бубнит что-то про лидеров сопротивления, которых мы ищем, и про секретные конференц-залы, в которых они проводили встречи, но я слушаю вполуха. Мне тяжело находиться здесь, в настоящем, со взрывами, погонями, тайными операциями. Мы пытаемся свергнуть деспотический режим и спасти Америку, но я могу думать только об одном — о пяти людях, которые идут рядом со мной, о их маленьких конфликтах, крохотных радостях и боли.

Нора где-то далеко, путешествует по внутренним пространствам, о которых я мало что знаю. М идёт рядом с ней, у него такой же отстранённый взгляд. Возможно, он продолжает копаться в своём, видимо, безвредном прошлом. Пистолет в руке Джули кажется очень тяжёлым. Дуло то и дело опускается, словно смущаясь, и Джули неохотно поднимает его назад, на Эйбрама.

— Нора, — едва слышно шепчу я, и она вздрагивает, будто проснувшийся лунатик.

— Что... прости, что? — бормочет она и начинает поглощать взглядом окружающую обстановку.

— Я могу задать тебе... личный вопрос?

— Ну... конечно.

— Что бы ты сделала, — я стараюсь говорить тихо, чтобы слышали только Нора и М, — если бы нашла свою мать?

Она мрачнеет и не отвечает.

— Ты бы поступила так же? — я показываю на Джули.

— Как я уже сказала Маркусу, — отвечает она. — У меня нет родителей. Я выросла из земли.

— Прекрати, — рычит Маркус.

Она бросает на него неопределённый взгляд, собираясь возмутиться.

— Прошу прощения?

— Прекрати нести чушь, — каким-то образом он наполняет слова нежностью. — Ты сильнее этого.

Глаза Норы становятся большими, она глядит на него в нерешительности и несколько раз моргает.

— Ты говорила, что они тебя бросили, — напоминаю я. — Ночью в баре? Она поворачивается ко мне, глядя на меня затравленным взглядом.

— Ты потеряла всё, что есть у Джули. Так что... ты поступила бы так же? Кажется, она

сломила внутренний барьер, наружный слой внутреннего города, обнесённого несколькими стенами.

— Это другое, — говорит она, выпуская обломки лёгким выдохом. — Джули любила своих родителей. Они были хорошими людьми, — здесь виноваты обстоятельства. Мои...

Она дрожит, будто пытается перебраться через что-то в своей голове.

— Мои бросили... — очередной спазм. — меня. Ещё один глубокий вздох.

— Они бросили меня. Умирать. Они были подонками с самого начала. Так о чём вообще вы спрашиваете? Угону ли я самолёт и полечу ли через весь мир, чтобы спасти родителей, если найду их живыми? — она мрачно хихикает, но этот звук скорее напоминает рычание. — Хер с два. Мне было бы сложно не убить их своими же руками.

Я замечаю, как рука М тянется к плечу Норы, затем он передумывает и убирает её.

— Но я бессердечная сука, — продолжает она с наигранным легкомыслием. — Я сижу в заднице Будды вместе с этим дерьмом. Никого не люблю, ни по кому не плачу, понимаешь? Джулез другая, — она смотрит, как шагает Джули, которая всего на несколько сантиметров выше дочери своего заложника. — Она прошла через ад, и теперь у Джули железная кожа, но что под ней? Под ней Джули вся такая нежно-розовая, — Нора улыбается, когда пистолет опускается в очередной раз, и Джули больше не пытается его поднимать. — И мне в ней это очень нравится. Иногда я даже завидую. Нужна сумасшедшая отвага, чтобы позволить себе быть такой чувствительной. Но, да... — она вздыхает. — Иногда это проблема.

— Не такие уж вы и разные, — тихо-тихо говорит М.

— Что ты там сказал? — спрашивает Нора, наклоняя голову так, будто не расслышала, но её тон говорит об обратном.

— Ты не такая чёрствая... как думаешь.

— Это очень интересная теория, но ты ничего не знаешь обо мне, верно? М не отвечает, но не отводит взгляда.

— Свернули разговоры, — кричит Эйбрам. — Мы только что вошли на территорию филиала. Просьпайтесь и смотрите, не появятся ли патрули.

Я оглядываюсь вокруг. Ни видимой границы, ни изменений в городском ландшафте, — но, должно быть, мы пересекли какой-то ориентир, о котором знают только свои. Какая-то часть меня разочарована, что нам до сих пор не встретились люди. Я с нетерпением ждал, когда увижу, как выглядит не заброшенный город.

Даже под контролем Аксиомы город был бы больше похож на настоящий, чем людской зоопарк Стадиона. Но мы едем по Питтсбургу уже больше часа — врываемся в город на мотоциклах, как неубедительные Ангелы Ада — и не встретили ни одного человека.

«Вот как всё выглядело в первые дни, — потревоженным ребёнком, бормочущим в темноте, из подвала памяти всплывает воспоминание. — Города истекли кровью, когда люди бежали от себя, рассеиваясь по стране в надежде, что изоляция — это лекарство, что их тени не пойдут за ними следом. Но мы пошли. Мы преследовали их повсюду».

— Ты сказал, с тех пор, как был здесь в последний раз, прошёл год? — спрашивает Джули у Эйбрама.

— Верно.

Она переводит взгляд от одного пустого здания к другому.

— А тогда здесь были люди?

Перед тем, как ответить, он минует ещё один квартал.

— Наверное, они переехали в центр города и сосредоточились там.

«Как часто добыча обгоняет хищника? Хищник создан, чтобы побеждать, и если бы так не происходило, если бы пожирание слабых не было выгодно, то и хищников бы больше не осталось. Но хищники будут всегда. Неважно, насколько опустеют пастбища».

«Кем бы ты ни был, — отвечаю я меланхоличному бормотанию. — Заткни свою пасть».

К моему удивлению, он повинуется, оставляя в тишине лишь отзвук негодования. Теперь я — просто я, наблюдающий за призрачными башнями Питтсбурга, проплывающими мимо.

Интересно, сколько людей живет в моей голове. Наверное, каждый день рождает новую версию меня, со своими мыслями и чувствами. Очередь из тысячи человечков тянется от сегодня до вчера к юности и младенчеству, они спорят и дерутся за места. Это бы многое объяснило...

* * *

Эйбрам ведёт нас к реке, которая течёт к центру города, питаясь от переполненного океана, пока не выйдет из берегов и не превратит парки в пруды. Единственный видимый путь через море — одинокий ярко-жёлтый мост.

— Мне бы хотелось отметить, — говорит Нора, что мы идём по мосту так же скрытно, как идёт парад.

— Доверься мне, — отвечает Эйбрам.

— Почему я должна это делать?

Эйбрам тормозит у входа на мост и сбрасывает рюкзак с правого плеча. Он копается в нём, пользуясь только правой рукой и придерживая большую левую у бока, но всё ещё вздрагивая от движений. Я замечаю, что Джули вздрагивает вместе с ним. Я собираюсь предложить ему какую-нибудь помощь, но в это время он находит то, что искал, и выпрямляется. Смотрит в бинокль на тот край моста, делает облегчённый выдох и протягивает его Джули.

— Хорошо. Я был прав. Они просто переехали в центр.

Джули смотрит, кивает и передаёт бинокль мне, словно мы — группа туристов, изучающих вид. Я вижу офисные окна. Летающих птиц. Жёлтую расплывчатую голову Джули. Потом я нахожу мост. Увеличение уводит меня на тот конец моста, за пятнадцать метров от мужчин в бежевых куртках, которые терпеливо стоят и наблюдают, держа винтовки у бёдер.

— Хорошо, — говорит Джули. — Значит, мост охраняют солдаты Аксиомы. Это... хорошо?

— Лучше пустого города, — говорит Эйбрам, двигаясь к пандусу, проходящему под мостом. — Может, переворот ещё готовится.

— Эйбрам, — говорит Джули. Он останавливается и оборачивается. — Ты правда так думаешь?

— Я знаю, что он *готовился*. Думаю, и сейчас тоже.

— А ты правда *хочешь*, чтобы так было? Хочешь уничтожить людей, которые помогли тебе подняться?

Эйбрам смеётся.

— Слушай, если ты думаешь, что я люблю Аксиому за то, что они помогли мне

«подняться», то ты не знаешь меня и Аксиому. Она не построена на любви, это бизнес. Обмен услугами. Она даёт тебе комфорт и безопасность, ты ей — ещё что-то. Всё заканчивается, когда заканчиваются платежи.

Он снова шагает.

— Между прочим, если кто-то и помог мне подняться, то это не Главный. Это ребята, с которыми мы хотим встретиться.

Воздух под мостом прохладный из-за тени от стальных балок. За одним из опорных столбов, в углу бетонной стены, куда додумался бы заглянуть только работник коммунальной службы, находится крохотная стальная дверь. Он открывает её и показывает на темноту внутри.

— Что это? — спрашивает Джули.

— Тоннель метро. Он проведёт нас под рекой и выведет на территорию филиала. М качает головой.

— Нет. Я даже не пролезу.

— Намажься чем-нибудь, — отвечает Эйбрам. — И пролезешь. Он тянет руку к Джули.

— Не против вернуть фонарик, который ты у меня стащила?

Она вытаскивает его из кармана, включает, наводит на дверной проём и кивает.

— Веди.

Он вздыхает.

— Ты просто кремень, да? Спорим, для Перри ты была ужасной головной болью.

— Я думала, ты не хотел говорить о Перри.

— Он поэтому умер? Ты его довела?

— Заткнись, — огрызается она, сверкая белками глаз и поднимая пистолет. Эйбрам поднимает руки вверх, поражённый её реакцией.

— Ладно, ладно.

Она указывает фонариком на дверь.

— Пошли.

— Идём.

Он берёт Спраут за руку и исчезает в темноте. Джули идёт следом, за ней иду я и Нора, а позади нас кряхтит и изрыгает проклятия М, пытающийся пролезть в дверь. Луч фонарика рассеивается на асфальте, тускло освещая крутую, как стремянка, лестницу.

— Пап, — говорит Спраут. — Мы идём домой?

— Это не наш дом, травинка, — отвечает Эйбрам. — У нас нет дома.

— Когда он у нас появится? Тишина.

— Может, мы его построим? Тишина.

МОЯ ТЮРЬМА.

Пол в камере похож на пятна на картине импрессиониста, но, поскольку еду подают только в столовой, это могут быть только жидкости тел. Когда я поднимаюсь вверх, то чувствую их под ладонями — жирные, липкие, а когда опускаюсь вниз, могу учуять их запах: солёная, мясистая, болезненная сладость — гнилой одеколон человеческой порочности.

— Сколько раз ты отжался? — спрашивает Пол из камеры в другом конце коридора.

— Я не считаю.

— А как ты узнаешь, когда хватит?

Руки горят и трясутся. Живот так напрягся, что сейчас лопнет. По лицу струится пот, добавляя свежий рассол в суп на полу, который я заставляю себя вдыхать, смакуя сырую мерзость.

«Это — то, что мы есть, — с каждым вздохом говорю я себе. — Кровь, моча и сперма».

— Только что узнал.

«Счисти нас. Отмой добела».

— Я рад, что ты с нами, Р... — улыбаясь, говорит Пол. — Только сильные мужчины верят в правду. Войне Господа нужны сильные воины.

Но я не думаю о войне Господа. Я думаю о своей войне. Я хочу наказать свою слабую плоть. Я хочу стать сильным, чтобы причинять боль тем, кто этого заслуживает. Эти простые упражнения не сделают меня воином, но это могут сделать мужчины во дворе. Военных преступников, руководителей ополчений и наёмных убийц так забавляет дерзость худого деревенского парнишки, что они очень рады учить меня приёмам. На моём теле остались следы их щедрости. У меня красное лицо и красные пальцы, а мышцы начали гореть ещё до того, как я начал. Но я ещё не закончил.

— Они проповедовали сложное учение о Братстве, — откуда-то издали говорит Пол, — но даже там ни у кого не хватило яиц, чтобы воплотить это в жизнь. Пройти всё до конца, как было на Ближнем Востоке. Мы должны быть готовы сжигать ради правды.

Я понимаю, что мне хватит, когда оказываюсь на грязном полу вниз лицом. Непослушные мышцы не подчиняются приказам, разум пуст и окружён облаками сверкающей черноты. Я использую последнюю оставшуюся калорию, чтобы перевернуться на спину, чтобы можно было смотреть на цветные пятна, кружащиеся перед глазами.

— Эти решётки не выдержат огня, — вдохновляется Пол, наблюдая за моими страданиями. — Когда мы выберемся отсюда, то соберём остальных и закончим работу.

Щёлкает замок. Открывается дверь. Надо мной возникает испуганное лицо, потом дверь захлопывается. Мои глаза прикованы к необычному пятну на потолке. Кровь. Похоже на брызги. Возможно, в ярёмную вену воткнули карандаш.

— Добро пожаловать, братюнь, — кричит Пол новому заключённому.

Мужчина смотрит на меня несколько секунд, его лысая и рельефная голова плавает среди звёзд, как жестокий бог.

— Какого хрена? — говорит он, пиная меня под рёбра. — Свали с чёртова пола. Теперь это моя камера.

Я встаю. Сажусь на койку и смотрю на мужчину. Большой. Мускулистый.

Забитый татуировками. Змеи, черепа и восемь мячей — клише человека, который думает, что темнота — это преступление и насилие, а не пустота, которая скрывается за ними.

— Чёрт, — говорит он, глядя то на меня, то на Пола. — Да вы, мать вашу, ещё дети. Сколько вам, восемнадцать?

— Семнадцать, — отвечаю я.

— Национальная гвардия больше не занимается молокососами. Как такие сопляки, как вы, попали сюда?

— Мы сожгли Хелену.

Он смотрит на меня в замешательстве.

— И Бойс, и Денвер. Они поймали нас посреди Солт Лейк Сити. Мужчина смотрит на Пола. Пол улыбается.

— Мы закончим с ним потом, — говорит Пол.

Я ложусь на койку, скрестив на груди безжизненные руки и переключая внимание на кровь на потолке. Темно-красную, как угасающий закат.

* * *

Подвальная дверь не заперта и наполовину открыта. Через проём тянет холодным подземельем. Моё прошлое больше не ждёт, когда я усну. Оно воспроизводится перед моими открытыми глазами, проецируется в реальную жизнь такой отвратительной ясностью, что мне трудно поверить, что друзья этого не видят. Но если бы они видели, то я был бы в курсе. Уверен, если они узнают, что творится внутри этого скромного человека, пожимающего плечами, то всё изменится.

— Насколько здесь глубоко? — спрашивает у Эйбрама Джули и морщится, когда вода переливается через верх ботинок и проникает внутрь.

— Не знаю, — отвечает он. — Много лет не спускался сюда.

Он протягивает руку и ловит крупные капли, падающие с потолка.

— Но над нами миллионы литров воды из Аллегейни^[9], так что... насколько хорошо ты плаваешь?

Стены тоннеля покрыты грибковой слизью, а железнодорожные пути скрыты тридцатью сантиметрами мутной воды, поэтому сложно поверить, что когда-то это место было сверкающей городской артерией, качающей жизненную силу города из головы в ноги и обратно. В нынешнем состоянии она больше похожа на канализацию.

— Я не так беспокоюсь о воде, — продолжает он, — как о высоковольтном рельсе, проходящим под ней. Надеюсь, сегодня не тот день, когда они решат его включить.

— Папа, — стонет Спраут.

— Кто-то был так одержим защитой своей дочери, — говорит Джули. — Кажется, ты забыл, что она частенько бывает рядом.

Эйбрам выглядит виноватым, но ничего не говорит.

— Или тебе так нравится быть козлом, что это того стоит?

— Она в порядке.

— Папочка, я боюсь, — говорит Спраут.

— Всё нормально, солнышко, — говорит Джули, поворачиваясь и наклоняясь до уровня глаз Спраут. — Он просто шутит и пытается нас напугать. Он бы не взял тебя сюда, если бы

здесь было опасно.

Спраут щурится.

— Не разговаривай со мной, — говорит она. — Ты мне больше не нравишься.

Джули вздрагивает. Внезапно она становится похожа на девочку, стоящую напротив неё.

— Спраут, — говорит она. — Мне очень жаль, что я поранила твоего папу. Я не хотела, но моя мама больна, и я... Мне было нужно, чтобы он ей помог.

Взгляд Спраут не меняется.

— Ты снова хочешь его поранить?

— Нет! Конечно же, нет.

— Тогда почему ты всё ещё тычешь в него этим пистолетом? Джули колеблется.

— Потому что мне нужно... Я не знаю, вдруг он захочет...

— Не разговаривай со мной, — говорит Спраут и шлёпает вперёд, чтобы присоединиться к отцу.

Джули смотрит на воду вокруг её лодыжек. Она выпрямляется и видит, что я за ней наблюдаю. Моё сердце сжимается от её страдающего взгляда, но она быстро отворачивается. Кажется, прошло много дней с тех пор, как мы смотрели друг другу в глаза. Мы избегаем этого, словно боимся получить травму. Когда мы научились друг друга бояться? Бояться представлять, о чём думает другой, избегать жестокостей, которые мы написали и поместили в рты друг друга?

Не знаю, как это остановить. Мы потерялись на старых тропинках, попались в старые ловушки. Мы должны были идти через этот тёмный лес бок о бок, но я чувствую, как дистанция между нами увеличивается.

* * *

Уровень воды растёт, пока поток почти не превращается в реку, ползущую под Аллегейни, как её застенчивый ребёнок. Топливо поездов создаёт на его поверхности психоделическую радугу, которая бешено завихряется, когда мы пробираемся вперёд. Когда вода поднимается Спраут почти до пояса, Эйбрам пытается посадить её на плечи. Он поднимает её на полметра от земли, но раны дают о себе знать, и он с болезненным стоном роняет её.

— Всё хорошо, папа, — говорит она и берёт его за руку. — Я в порядке.

Он морщится, но соглашается и движется вперёд, крепко сжимая её руку.

— Знаешь, я тоже злюсь на Джули, — говорит он. — Но она права. Я бы не взял тебя сюда, если бы здесь было опасно.

Спраут смотрит на капающий потолок.

— Здесь правда безопасно?

— Правда. Когда я был маленьким, я собирался сбежать от людей сюда. Когда у меня были низкие показатели, и босс-отец сделал мне выговор, я убежал и спрятался в этих туннелях, — на его лице появляется тревожная задумчивость. — Я спал на лавочке на станции Первая улица, пил капли с потолка... Иногда я прятался по нескольку дней, пока сильно не проголодаюсь, — он хихикает. — Тогда я начинал видеть всякие вещи и понимал, что пора возвращаться.

— Что ты видел? — с тревогой спрашивает Спраут.

Сначала он не отвечает. Он идёт вперёд, в темноту, за светом фонарика.

— Рот.

— *Рот?*

— Когда мне становилось очень одиноко и голодно, туннель превращался в огромный круглый рот с зубами по кругу. Я представлял, что этот монстр был больше вселенной, и он собирался поглотить всё вокруг.

— Боже, — говорит Нора. — Может, хватит?

Эйбрам качает головой, словно избавляясь от ностальгии.

— Но, в любом случае, здесь безопасно. Здесь тихо, мирно, никто не знает об этом месте, и никто нас не достанет.

Спраут не поддерживает разговор. Она возвращается в своё обычное тревожное молчание.

— Эйбрам, — осторожно спрашивает Нора. — Как твои швы? Не чувствуешь, как поднимается температура? Голова не кружится? Бреда нет?

— Я в порядке, спасибо, Нора.

Нора смотрит на М и поднимает брови. Интонацию Эйбрама всё труднее распознать, сарказм уже не так очевиден. Я начинаю думать, что его шутка о плавании на самом деле не была шуткой, но туннель, наконец, идёт под уклон и вода отступает. Фонарик освещает станцию впереди.

— Наша остановка, — говорит он, и мы поднимаемся по служебной лестнице на платформу.

Джули бегаёт фонариком вдоль заплесневелых кафельных стен, ища выход.

Луч падает на скамейку, где лежит заплесневевшая, изъеденная крысами подушка и такое же одеяло. Бесконечные капли падают в банку из-под супа, стоящую рядом, но она слишком ржавая, чтобы удерживать воду. Рядом с ней лежит альбом.

— Да ладно, нет! — бормочет Джули. — Он *не может* быть твоим.

Эйбрам смотрит на старую картинку, альбомные листы размокли, рисунки размылись в пятна Роршаха^[10]. Из него рвётся смех.

— Пошли, — говорит он и быстро направляется к лестнице.

Мы поднимаемся следом за ним к надземному терминалу, тускло освещённому дневным светом, который стекает по лестницам, ведущим к выходу. Выцветшие плакаты в киосках рекламируют телефонных провайдеров, страховые компании и прочие абстрактные вещи, которые почти невозможно понять современному уму. Все указатели исправлены краской из баллончика, теперь стрелки ведут в места, которые ожидаемо не принесут ничего хорошего: налево — СМЕРТЬ, направо — АД, а вверх по лестницам — АКСИОМА. Джул начинает двигаться к лестницам, но Эйбрам вытягивает руку:

— Стой, — он открывает дверь, на которой написано: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» шагает в комнату, которая, должно быть, была комнатой совещаний для работников метрополитена. Длинный стол, белая доска, несколько офисных кресел, валяющихся на полу. Не знаю, что Эйбрам ожидал найти, но здесь этого нет. Единственным доказательством того, что комнатой когда-то пользовались, был слабый несмываемый след крови на бежевом линолеуме.

Эйбрам секунду смотрит на пятно, потом разворачивается и направляется к лестницам.

— Это и была тайная комната для собраний? — спрашивает Нора, когда он протискивается мимо неё. — Плохие новости? — он не обращает на неё внимания и

срывается на бег. Джули бежит за ним, но я чувствую, что его спешка не имеет ничего общего с побегом. По большей части это — гнев. Знакомое выражение его жёсткого лица, но здесь есть ещё что-то, чего я раньше не видел.

Горе?

Мы выходим на дневной свет в центре Питтсбурга, и по мне пробегает странный холодок. Не от мрачного и ужасного зрелища, а от его неестественного отсутствия.

Город стоит в первозданном виде.

Улицы очищены от брошенных машин, убраны мусор и обломки. Большая часть зданий недавно покрашена в успокаивающие нейтральные цвета, а дома, имеющие структурные разрушения, полученные в давнишних конфликтах, окружены лесами и виниловыми листами — они *ремонтировались*, и теперь выглядят настолько старомодно, что сомневаюсь, понимает ли Спраут, что она видит перед собой. Но что действительно нервирует на этой картине, так это отсутствие людей. Мечта городского архитектора — сверкающие высотки, рациональная планировка и нет надоедливое население, чтобы всё это разрушить.

— Что тут *происходит*? — бормочет Джули, вытаращившись на небоскрёбы, как турист из маленького городка. — Эйбрам?

Но Эйбрам не останавливается. Он шагает к толстой башне из голого бетона в стиле брутализма, которая выглядит неуместно в историческом центре города.

— Эй! — кричит бегущая следом Джули. — Что ты делаешь?

Несмотря на первое впечатление, город *не совсем* пуст. У входа в здание стоит охрана.

— Эйбрам, *стой!*

Но слишком поздно. Может, это была ловушка? Может, он как-то успел наладить отношения с Аксиомой и заключил с ними сделку, чтобы притащить нас сюда? В это сложно поверить, но он приближается к охранникам с уверенностью человека, который является частью этого места.

Мы гонимся за ним. Джули достала пистолет, но если им сейчас воспользоваться, то это уже ничего не изменит. Охранники достают винтовки. Эйбрам идёт прямо на них, — они не стреляют. Даже ничего не говорят.

— Мне нужно увидеть мистера Вардена, — он старательно сдерживает рычание. — Управляющий филиалом, Варден, где он?

Мужчины не отвечают. Здесь нет тени или укрытия — полуденное солнце бьёт им в лица, но у них сухие лбы. В бледно-голубых глазах нет и следа неудобства и, раз уж на то пошло, осмысленности. Я чувствую, как живот болезненно скручивается, словно я наступил босыми ногами во что-то неопишное.

— Офис филиала всё ещё здесь? — настаивает Эйбрам. Могу сказать, он чувствует, что что-то идёт не так, но всё равно упорствует. — Мистер Варден всё ещё управляющий?

Мужчины смотрят на него. Затем они отводят глаза и смотрят в сторону города, будто ищут кого-то более важного, чтобы поговорить с ним.

Эйбрам хватается Спраут за запястье и проталкивает мимо декоративной охраны в фойе здания. Джули поднимает руки, будто сдаётся на милость его безумия, и идёт следом. Я замедляю шаг, позволяя остальным пройти мимо меня, пока не остаюсь последним, и смотрю на охранников. Их взгляд ненадолго падает на меня, а затем возвращается назад к городу. Я иду в бетонную башню следом за друзьями.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ собой офис постапокалиптической корпорации?

Какой вид офисной работы нужен для захвата городов? Я представляю себе секретарш, которые запрашивают по факсу разрешение на начало резни у перегруженных работой и количеством выпитого кофе военачальников. Деспоты- руководители кричат на вербующих в ополчение за низкие показатели. Какие документы лежат на их столах под пресс-папье из человеческих черепов? Какую зарплату они получают в мире, где нет денег, где статус — просто показуха, которую почти никто не может видеть?

Я захожу в фойе Второго филиала и понимаю, что, возможно, не получу ответов на свои вопросы. Оно кажется запустевшим — не хватает мебели, канцелярских принадлежностей и мотивирующих плакатов. Единственным элементом декора являются телевизоры с плоским экраном, расположенные на стенах с одинаковым интервалом друг от друга, которые транслируют переработанный Аксиомой канал ЛОТОС. Абстрактные образы и убаюкивающие банальности уступили место агрессивной пропаганде, которая громче и примитивнее: орлы, золотые слитки, мрачные патриархи, которые простирают руки над жёнами и детьми, защищая их, в это же время мигающий текст кричит: «ДЕЙСТВУЙ СЕЙЧАС!». Эта едва различимая неправильность, как компьютер, пытается анализировать человеческие эмоции.

Эйбрам выглядит потерянным. Он смотрит налево и направо, будто ищет хоть что-то знакомое.

С Джули достаточно.

— Эйбрам, — она поднимает пистолет всего на несколько сантиметров, наверное, надеясь, что Спраут не заметит. — Скажи мне, что мы здесь делаем.

— Ищем Вардена, — его взгляд продолжает метаться, кажется, он больше не замечает пистолета, или, может, ему всё равно. — Мне нужно узнать, что случилось.

Он бежит к грузовому лифту. Джули опускает пистолет и следует за ним, по-видимому, её убедил его испуганный взгляд.

Он нажимает кнопку верхнего этажа и вводит код на клавиатуре. Раздаётся запрещающий сигнал, и ничего не происходит. Он качает головой, еле слышно бурчит и жмёт одну кнопку за другой, пока не доходит до этажей не для служебного пользования: двадцатый этаж тридцатью этажами ниже.

Лифт поднимается, и перегрузка вызывает у меня тошноту. Давненько я не чувствовал гравитацию внутри — чувства, которого никогда не возникает в живой природе, если конечно, ты не добыча, если это не смерть мыши, которая испытывает головокружительный подъем перед встречей с клювом. Я слышу незнакомцев в моём подвале, которые взволнованно вышагивают, бормоча не то предупреждения, не то угрозы, но я захопываю дверь. *Не сейчас. Сейчас не время.*

Мы наблюдаем, как номера этажей ползут вверх. Ожидание усугубляется медлительностью. Джули меняет пистолет на винтовку, и Эйбрам смотрит на своё старое оружие.

— Я не знаю, что мы там найдём, — говорит он. — Тебе нужно меня вооружить.

— Если бы я хотела, я бы это сделала.

— Ты правда думаешь, что я попытаюсь удрать? Отсюда?

— Мы внутри штаба твоего работодателя. В городе, где ты вырос. Трудно представить места лучше, чтобы ты повернулся против нас.

Кажется, он смотрит на неё с неподдельным скепсисом.

— Ты что, спала, когда «мой работодатель» пытался меня убить? Или когда они передавали по национальному телевидению ориентировку на меня? Я думаю, более чем очевидно, что я уволен.

Когда мы проезжаем десятый этаж, из динамика над головой раздаётся резкий хлопок и в лифт начинает литься музыкальный поток. Песня «Анархия в Соединённом Королевстве»^[11], исполненная на блестящем саксофоне и синтезаторе.

— Ничего не очевидно, — бормочет Джули. — Уже давно ничего не было очевидно.

На пятнадцатом этаже, за пять этажей до нашего, лифт останавливается. Мой желудок возвращается на место. Потом двери открываются, и он снова проваливается вниз.

Снаружи в тёмном коридоре стоит мужчина в серой рубашке. Чёрные брюки.

Красный галстук. Утончённая деловая одежда выглядит немного непрофессионально из-за рваных краёв, нескольких пятен и неподходящих к образу рабочих ботинок.

Что-то стучит в мою подвальную дверь, но я прислоняюсь к ней, не давая ей открыться. *Сказал, не сейчас!*

Мужчина вежливо улыбается, но остаётся снаружи, будто ожидая менее наполненного лифта.

— Заходи, — говорит Эйбрам.

Мужчина входит. Спраут забивается в угол.

Мужчина ниже меня ростом. Его волосы светлее моих, а глаза другого цвета. Лифт наполняется густым ароматом его одеколona — сахарной ваты и прогорклого масла.

— Миллер, — говорит Эйбрам.

Мужчина наблюдает, как закрывается дверь, потом смотрит на номер этажа.

— Я помню тебя. Ты был помощником Вардена.

Мужчина оборачивается и улыбается Эйбраму, демонстрируя отличные зубы, которые не имеют ничего общего с моими кривыми.

— Привет, спасибо, что посетили нас. Я генеральный директор Второго Филиала компании Аксиома. Чем я могу вам помочь?

Эйбрам смотрит в его невероятно яркие голубые глаза.

— Что случилось с Варденом?

— Мой предшественник был вовлечён в деятельность, которая не отражала ценностей нашей компании, — отвечает мужчина сквозь неподвижную ухмылку. — Реструктуризация стала необходимостью.

Эйбрам встряхивает головой.

— Это ты его сдал. Так и знал, что ты чёртов червяк, — он смотрит вверх. — Он мёртв? Вы его казнили?

Самое неприятное в улыбке этого мужчины — то, насколько искренне она выглядит. Будто он убедил притворяться каждую, даже самую маленькую, лицевую мышцу. Будто это не игра, а просто его реальность. Я беру кончик его галстука и подношу к своему лицу, разглядывая блестящие волокна.

— Что они сделали? — спрашиваю я. — Как они сделали тебя таким? Мужчина улыбается ещё шире.

— Я чувствую себя фантастически.

Эйбрам отталкивает меня и приближается очень близко к лицу Миллера.

— Скажи, что тут происходит, — низко рычит он, не заботясь об отсутствии оружия. —

Где все?

— Второй Филиал переживает переходный период, — шепчет Миллер. — Проходят испытания новых концептов сотрудников.

В лифте раздаётся звон. Мы приехали на двадцатый этаж.

— Хочешь узнать больше? — спрашивает он.

Честно говоря, я не знаю, как бы ответил на этот вопрос, но когда дверь закрывается и Миллер шагает наружу, мы идём следом.

* * *

Мы находимся в огромной комнате размером с ангар для самолётов. От одного конца здания до другого нет стен, минимум на три этажа выше нет потолка.

Единственное освещение — бледный дневной свет, пробивающийся через прорези вместо окон. Всё видится смутными очертаниями, словно комната наполнена тёмным туманом. Сквозь этот туман я вижу людей. Сотни людей, окружающих сотни станков: стальные прессы, фрезы и более сложное оборудование, которое я не узнаю. Некоторые станки полностью автоматизированы, например, тот, который выкатывает маленькие латунные цилиндры, и тот, который наполняет их чёрным порошком, и тот, который запечатывает их свинцовыми конусами. Другим нужна помощь человека, например, тому, который отправляет пачки с клееобразной субстанцией на сборочную станцию, где мужчина встраивает в клей какую-то электронику и вставляет её внутрь металлического чемодана.

— Я знаю их, — бормочет М. — Я знаю эти машины.

— Мы рады представить вам обновленную Грей Ривер Нэйшнл, — голос Миллера разносится эхом по обширной тусклой комнате, пока он идёт впереди нас. — Это стало возможным благодаря недавним достижениям в области управления людскими ресурсами. Мы с нетерпением ждём создания упрощённой, но эффективной системы безопасности всех филиалов Аксиомы, поскольку наша семья продолжает расти...

Его голос исчезает в темноте. Мы перестаём идти за ним следом. Мне понадобилось немного времени, чтобы в слабом свете я начал замечать у рабочих странную особенность. Они двигаются небрежно, а когда закручивают винты и подсоединяют провода, смотрят не на свою работу, а в окна, словно работают только с теми инструментами, на которые наталкиваются. Вдалеке я слышу голос Миллера, разговаривающим с пустотой едва слышным обертоном, который смешивается с грубой мелодией фабрики, шлифовкой металла и скрипом ржавых колесиков. Рука рабочего, стоящего рядом со мной, попадает под пресс и он вытаскивает её с оставшимися двумя пальцами. Из обрубков остальных равномерно, без пульсации, начинает сочиться чёрная жидкость, но мужчина продолжает свою работу.

— Они сделали это, — шепчет Джули. — Они сделали это и без нашей помощи.

Я осторожно подхожу к рабочему. Он не останавливается и не смотрит на меня.

Нет признаков сознания.

— Кто ты? — спрашиваю я. — Как ты сюда попал? Он молча работает, истекая кровью.

— Зачем ты это делаешь?

Его глаза встречаются с моими меньше, чем на секунду. Его движения замедляются,

затем возобновляются, и в моей голове возникает воспоминание. Не из подвала, не из первой жизни, а из пыльной, кровавой второй.

Мои отношения с большинством своих жертв были простыми: они пытались меня убить, потом от меня удрать, а когда ничего не получалось, они кричали, пока я их пожирал. Стандартный материал документальных фильмов о дикой природе. Но был один молодой парнишка, который, возможно, был немного неуравновешенным и чрезвычайно пронизательным. Пока я на него охотился, он задавал мне вопросы. Он был в отчаянии и пытался договориться. *«Зачем ты это делаешь? — спрашивал он. — Зачем тебе меня есть? Что это тебе даст? Для чего это?»*

Это был единственный раз, когда кто-то пытался до меня достучаться. Остальные были рады отыграть стандартный сценарий хищник-жертва. Они слышали отчёты и видели фильмы; они знали, как выглядит нападение зомби и играли роль до конца, чтобы сохранить порядок повествования, ужасный, но комфортный в своей последовательности.

Парень проигнорировал это и совершил нечто абсурдное: он попробовал наладить общение с безликим символом неумолимого ужаса. И на мгновение тот прислушался. Его вопросы проникли под толстую оболочку моего сознания, и несколько холодных нейронов в мозгу сгенерировали связную мысль. Простой ответ: *«Я не знаю»*.

Кажется, тогда я колебался столько же времени, сколько этот рабочий.

Смелость молодого человека дала ему всего несколько лишних секунд жизни. Но что она дала мне?

Я оставляю рабочего со своим заданием и догоняю Миллера в темноте фабрики. Я нахожу его стоящим на краю прямоугольной, утопленной в пол бетонной ямы, похожей на пустой бассейн, накрытый стальной решёткой.

— ... всё ещё на стадии эксперимента, и потребует больше усилий, чтобы максимизировать потенциал, — говорит мужчина. — Но результат уже впечатляет, — когда я приближаюсь, он поворачивается ко мне, продолжая улыбаться. — Конечно, мы по-прежнему проявляем большой интерес к вам, поскольку ваш процесс даёт более универсальные результаты. Вы пришли, чтобы пересмотреть наше предложение?

Яма под решёткой — это буйство зомби. Сотни трупов стоят плечом к плечу, покачиваясь, как зрительская волна на концерте, цепляясь за стены и друг за друга. Их возбуждённое состояние указывает на сильное голодание. Должно быть, даже моя наполовину живая плоть пахнет очень вкусно.

— Что вы с ними делаете? — спрашиваю я у мужчины, чей галстук такой же красный, как тот, что висит в шкафу в доме — нашем с Джули доме в конце тихой улочки.

— Мёртвые пусты, — говорит он. — Они внушаемы и податливы. Мы делаем их полезными.

— Вы создаёте рабов.

Он показывает на бурлящую яму с телами, и они подпрыгивают за его рукой, наползая друг на друга, добираясь до люка и яростно громыхая им.

— Посмотрите на них, — говорит он, и его улыбка становится преувеличенно неодобрительной. — У них нет ни культуры, ни религии, ни национальности — ничего. Это сырой материал. Кто-то должен сказать им, кем быть, — он перестаёт хмуриться и показывает на мрак вокруг нас. — Мы говорим им стать такими.

— Кто вы? — спрашиваю я, напряжённо разглядывая его гладкое безупречное лицо.

Его глаза с необычной прямоотой встречаются с моими.

— Я чувствую себя фантастически, — он улыбается так широко, что я думаю, у него порвётся рот. — Я знаю, зачем я здесь. Я каждый день знаю, что буду делать. Я ответил на все вопросы и решил все проблемы. Всё стало таким понятным.

— Р, — окликивает меня тихий голос. — Мы ничего не можем здесь сделать. Пошли, пока он не позвал настоящую охрану.

— Я уже уведомил Службу Региональной Безопасности, — заверяет её мужчина утешительным тоном. — Они скоро приедут за вами.

— Р, *пошли!*

Я смотрю на бурлящую массу Мёртвых в яме, они запутались, они неистовствуют и испытывают отчаянный голод. Могу ли я предложить им что-нибудь получше? Могу ли я указать на свою новую жизнь, полную боли и ужаса, и сказать: «Видите, что вы теряете?». Мой взгляд блуждает по безмолвным шаркающим рядам сытых работающих Мёртвых. Ни стонов, ни хрипов, ни тревожного клацанья зубов. Они плавают в ещё более мрачном сне, завёрнутые в серое одеяло и похороненные под мягкой пылью.

Должен ли я оставить их здесь?

Мои друзья бегут к лифту. Я делаю несколько шагов и останавливаюсь.

Возвращаюсь к яме.

— Вы решили пересмотреть наше предложение? — спрашивает Красный Галстук сквозь натянутую безрадостную улыбку.

Я даю одинаковый ответ и на свой, и на его вопрос:

— Нет.

Открываю защёлку на люке и бегу.

— Где ты ходишь? — спрашивает Джули, когда я проскальзываю в лифт. — Сначала ты бежал за нами, потом пропал.

Я несколько раз жму кнопку закрытия двери.

— Р?.. — её озабоченность нарастает.

— Я сделал кое-что... импульсивно, — выдыхаю я.

Когда двери закрываются, фабрику заполняет хор голодных стонов.

МУЗЫКУ В ЛИФТЕ снова замыкает. Я смотрю на динамик на потолке, желая, чтобы он наполнил этот стальной куб каким-нибудь скучным посткультурным богохульством, потому что даже песня «Ещё один кирпич в стене^[12]» была бы предпочтительнее, чем рычание, просачивающееся к нам снаружи.

М смотрит на меня и вздыхает.

— Ты их выпустил, что ли? Я виновато улыбаюсь.

Нора закрывает лицо ладонью.

Я ожидаю от Эйбрама более пылкой реакции, но он смотрит куда-то вдаль, словно дверь — это окно.

— Ничего, — говорит Джули, кивая самой себе. — Они двадцатью этажами выше. Мы успеем убежать отсюда и оставим их крушить это место. Ничего.

Стоны не стихают так быстро, как должны. Большой лифт движется мучительно медленно, и даже когда мы приближаемся к первому этажу, то по-прежнему слышим рычание и царапанье.

— Ничего, — повторяет Джули, продолжая кивать.

Дверь открывается, и, когда мы бежим к выходу по тёмному фойе, все четыре двери с лестниц распахиваются настежь. Мёртвые льются оттуда, как вода, не столько спускаясь по ступеням, сколько падая с них, скатываясь, сталкиваясь и топча друг друга в погоне за нашим жизненным ароматом.

Возможно, «импульсивно» — это слишком мягкое слово для описания моих действий.

Охранники у передних дверей всё ещё не предпринимают попыток нас остановить. Ещё несколько ошибок в «процессе». Эйбрам выставляет локти, чтобы заслонить свою дочь, пока тащит её, как маленького ребёнка, не обращая внимания на агонию ран, но мы проходим мимо охраны, не встречая сопротивления. Когда Совсем Мёртвые обступают охранников, но не интересуются их плотью, хотя всё равно убивают их в стихийной бессмысленной погоне.

Мы взбегаем на мост и тот же сценарий повторяется с охраной моста, но в этот раз мы дальше. Голод может разбудить Мёртвых, ускорить их шаг до трусцы, но сделать гниющий труп, каким бы мотивированным он ни был, хорошим бегуном не может. К тому времени, как мы перебираемся через реку, мы отходим от них на безопасное расстояние и можем бежать тише, чтобы перевести дыхание.

— Козёл ты, Арчи, — задыхается М, склоняясь к коленям. — Ненавижу бегать. И ненавижу, — он делает глубокий вдох, — необходимость дышать.

— Эйбрам, — говорит Джули. — что такое Региональная Служба Безопасности? Эйбрам смотрит в сторону центра Питтсбурга стеклянным взглядом.

— Эй! — Джули щёлкает перед ним пальцами. — С чем мы имеем дело? Откуда они придут?

— Не знаю, — бормочет он, не глядя на неё. — Всё поменялось.

Я оглядываюсь на мост и вижу, что Мёртвые опасно близко. За несколько секунд они преодолели большую часть дистанции. Конечно, в этом и состоит опасность. Их медлительность усыпляет вашу бдительность. Вы думаете, что в безопасности. Останавливаетесь передохнуть, может, начинаете спорить, отвлекаетесь на свою личную драму, и пока ваши сложные умы плетут запутанные нити, Мёртвые просто идут. Медленно,

уверенно и без конфликтов.

— Двигаемся дальше, — говорю я на бегу.

* * *

Наш осторожный путь от аэродрома в город занял час. Обрато мы вернулись за двадцать минут. Грузовая рампа самолёта закрывается за нами со щелчком, но я не даю себе расслабиться. Образ охранников, исчезающих под волной трупов, опять появляется у меня в голове, и я прокручиваю его снова и снова.

Эйбрам идёт в кабину, а мы с Джули идём в салон проверить останки наших семей, но я уже вижу, что у нас проблемы. Повсюду вмятины и царапины, будто здесь находилось дикое животное. Мои ребятишки со страхом в глазах выглядывают из туалета, и, кажется, объект этого страха — мать Джули, которая сидит на ковре, скрестив ноги и сердито на нас поглядывая.

— Мама, — говорит Джули, стараясь говорить уверенно. — Ты что натворила? Одри ещё прикована к креслу, но оно упало набок и валяется рядом с ней, вырванное из пола. Её руки похожи на тёмное кровавое месиво, отсутствуют ногти и большая часть кожи, пальцы стёрты до костей. На ковре вокруг неё разбросана огромная коллекция деталей самолёта.

Эйбрам кричит что-то бессвязное, и я слышу в передней части самолёта быстрые шаги. Джули поднимает пистолет, но Эйбрам не обращает на неё внимания и начинает собирать детали с пола. Одри бросается к нему, но Джули дёргает её за ошейник.

— Прицепи её куда-нибудь, — сдерживая злость говорит Эйбрам. — Или я вырву ей мозги голыми руками.

— Что она сделала? — спрашивает Джули, вытаращив глаза.

— Разобрала кабину. Сорвала рычаги со стержней, — он собирает в рубашку столько деталей, сколько может поместиться, и возвращается назад.

— Мама, — жалобно говорит Джули, крепко сжимая поводок из кабеля. — Ну зачем ты это сделала?

Невозможно прочесть эмоции на лице Одри, если они там вообще есть. Они похожи на гнев и неповиновение, а при небольшом изменении угла обзора превращаются в печаль. А может, никаких эмоций нет. Просто случайные движения лица, в которых нет ничего.

Джули протягивает кабель через крючок на полу, за который крепилось кресло, и закрепляет так, чтобы Одри едва могла подняться. Одри бесстрастно смотрит, как дочь привязывает её, но, кажется, Джули мучается.

— Прости, мама, — бормочет она, словно мать обвиняет её в чём-то. — Прости.

Я решаю дать им минутку. М и Нора нависли над Эйбрамом и наблюдают, как он устанавливает на место всё, что можно, соединяет разорванные провода изолянтной, а поломанные части закрепляет скотчем.

— Мы можем... помочь? — предлагает М.

Эйбрам игнорирует его. Торопливость его движений указывает на опасность нашего положения, и мне кажется, что причиной этому стали два мягких сердца: моё и Джули. Две крупные ставки против жестокой реальности. Должны ли мы чувствовать себя глупо, если рискуем жизнью ради вещей, которые важнее, чем жизнь?

Я возвращаюсь в середину самолёта. Иду вниз по лестнице. Прохожу через дверь в грузовой отсек. Иду мимо возвышающегося чудища, который когда-то был моим домом, и

выхожу из тени крыла в оранжевый свет вечернего солнца. Я прислоняюсь спиной к переднему колесу, наблюдая, как рой Мёртвых сочится с улиц и объединяется в толпу на взлётной полосе. Возможно, они ответят на этот вопрос.

— Р! — кричит Джули из окна кабины пилотов. — Ты что делаешь? Возвращайся назад!

— Всё готово? — кричу я. — Мы можем лететь?

— Он ещё чинит, заходи внутрь!

Я переключаю внимание на надвигающуюся толпу. Теперь они достаточно близко, чтобы разглядеть отдельные лица. Все их характеристики — цвет кожи, глаз, даже цвет волос у некоторых покрытых пылью трупов — всё поглотил серый поток, но следы их личностей остались. Татуировка. Пирсинг. И, конечно же, выбор одежды. Даже уничтоженные смертью они полны историй.

Как же мне им напомнить?

— Р!

Её голос доносится до меня через километры, пронзительный и отчаянный.

Я выхожу из тени конусообразного носа и разрешаю солнцу согреть моё лицо.

— Кто вы? — спрашиваю я у Мёртвых. — Вы были людьми. Вы всё ещё люди. Кто из вас?

Я не кричу. Я спрашиваю спокойно, как друг за столом паба, который задаёт серьёзный вопрос, уводящий разговор от пустой болтовни в настоящую глубину. Готовы ли они следовать за мной? Или они посмеются надо мной, обзовут занудой и убьют?

— Кто вы? — спрашиваю я снова, не в силах сдержать страх в голосе, когда они подходят ближе. — Подумайте! Вспомните! — я вижу рябь на их лицах. Голодное рычание сменяется неопределённостью. Сомневаюсь, что они видели прежде то, что я сделаю сейчас, — я шагаю в их сторону.

— *Кто* вы?

Они перестают приближаться. Смотрят на землю, потом на небо. Это... момент.

Затем идущие позади врезаются в парализованный головной отряд, и момент заканчивается. Они помнят одно: они голодны. И устремляются вперёд, чтобы пожрать мою новорождённую плоть.

Но затем они начинают падать. Какие бы семена я не сумел посеять в их головах, они выходят оттуда с брызгами крови. Какие бы мысли там не появились, они расщепляются, когда пули разделяют нейроны и рассеивают их электрические разряды в вечернем воздухе.

Нора и М стоят на крыле на коленях. Нора стреляет точно, каждая пуля находит мозг, выбирая ближайших ко мне. М поливает из АК-47 всех без разбора, но убивает так же хорошо, благодаря большому потоку пуль. В моём горле возникает крик, я хочу наорать на друзей, но не могу. Они действуют рационально. Они живут в этом мире и хотят здесь остаться. Они не обязаны присоединиться ко мне на этом алтаре.

Я отступаю к грузовой рампе, закрываю её и выбегаю на крыло. Они ещё стреляют.

— *Остановитесь!* — кричу я им.

— Мы не можем, Р! — кричит Нора между выстрелами. — Они залезут в самолёт! — она смотрит на молодого парня, взбирающегося по переднему колесу и снимает его.

— Они... не смогут пролезть!

— Ты знаешь, что смогут, — рычит М. — Толпа уплотняется, взбирается выше, разбивает окна... помнишь автобус, который мы взяли в Олимпии?

Он выпускает очередь в приближающуюся толпу, скашивая передний ряд.

Я прячу лицо в ладонях. Что случилось с моим актом доброты? Как он превратился в *это*? Я дважды за эту неделю спровоцировал убийство. Что со мной не так, почему все мои благородные попытки становятся дерьмом?

Я бегу в кабину и нахожу Джули проверяющей выключатели, пока Эйбрам заматывает остатками скотча стержень управления.

— Пожалуйста, скажи, что закончил, — умоляю я.

Он садится на своё место и осторожно подталкивает комок скотча, в который замотан большой рычаг. Тот щёлкает, и двигатели с рёвом оживают. Я слышу, как М и Нора вбегают внутрь и захлопывают дверь аварийного выхода. Зомби падают с самолёта, когда мы включаем реверс, и к тому времени, как Эйбрам разворачивает самолёт по U-образной дуге настолько, насколько гигантский авиалайнер может это сделать, мы освобождаемся от их роя.

Они стоят среди неподвижных тел своих соратников и наблюдают, как мы улетаем, и, пока расстояние не сделало их лица неразборчивыми, я вижу, как голодное выражение сменяется тоской. Совсем крохотное изменение, видимое только тем, кто чувствовал это раньше. Возможно, где-то под выжженной землёй выжило несколько семян. Возможно, я способен на добро в череде своих неудач. Возможно, если я буду повторять это снова и снова, пока мы улетаем с этого континента, я смогу заставить себя в это поверить.

ЕГО ЛИЦО между прутьями.

— Как тебе живётся со своими соратниками по преступлениям, Р...?

— Я завёл много новых друзей.

Мой дедушка улыбается. Я — нет. Моё лицо — сплошной синяк, и улыбаться очень больно. Я тощий, жилистый и мускулистый. Кожа на кулаках, наконец, стала мозолистой.

— Я знаю, как тяжело в тюрьме, — говорит он. — Но, кажется, тебе тяжелее всех.

— Я тренируюсь.

— Тебе надрали зад. Я смотрю в пол.

— Некоторые меня недолюбливают.

— Почему?

— Обычно всё начинается с моего имени.

— А что с ним не так?

— Они никогда раньше не слышали такого имени, поэтому оно им не нравится. Он хихикает.

— Никогда не выяснял, каким образом такой любитель Библии, как твоя мать, додумался до этой хрени. Спорю, у ребят в школе был простор для креатива, — он замечает мой раздражённый взгляд и возвращается к теме. — Но ты не можешь сказать, что заработал всё это, — он показывает на моё лицо, — только за дурацкое имя.

— Нет.

— Так почему твои новые товарищи тебя не любят?

— Потому что они знают, что я лучше их.

Он улыбается шире, показывая коричневатые зубы.

— О, *понимаю*.

Я плюю на пол, частично выражая презрение, частично потому, что мой рот полон водянистой крови.

— Просто они — подонки. У их преступлений нет цели, они совершают их как животные, когда голодны, сексуально возбуждены или скучают.

— А ты лучше их, потому что сжёг город и сделал это для бога?

— Точно.

Он хохочет. Его смех звучит, как сухие ломающиеся кости.

— Ты сделал так потому, что ты — обозлившийся ребёнок. Ты сделал это, потому что твоя мать умерла, а тебе нужно было кого-то обвинить. Но ты не можешь обвинить бога, потому что знаешь, что его не существует.

Пока он говорит, я скриплю зубами. Не понимаю, что я к нему чувствую. Я должен его ненавидеть, но это не совсем так.

— Ты и они — вы все лжецы. Ты сочиняешь херню, чтобы оправдать свои поступки. Ты говоришь, что делаешь что-то, потому что так велел бог, а они — потому что «жить трудно» и «у них не было выбора». Неблагодородные поступки всегда прячутся за благородными оправданиями, — он смеётся. — Вы — кучка хлюпиков. Самый большой и суровый ублюдок в этом месте — полное ссыкло, можешь ему передать, что это сказал я.

— Чего тебе надо, *дедушка*? — рычу я. — Что я могу для тебя сделать, *папуля*? Он качает головой.

— Для начала оставь это дерьмо, с нами всё будет не так. Можешь звать меня мистер Атвист.

Я взрастил много мрачных убеждений о своём месте в этом мире, но очень волнуюсь, когда слышу, что одно из них так откровенно подтверждается.

— Лады, *мистер Атвист*, — говорю я, стараясь сдержать дрожь в голосе. — Зачем ты продолжаешь сюда приходить? всю мою жизнь ты был просто слухом. А теперь — мой единственный друг?

Он оглядывает зверинец накачанных головорезов и сумасшедших с дикими глазами и останавливает взгляд на пустой камере напротив моей.

— Твой партнёр, Пол Барк. Знаешь, что он уже начал поджигать снова? Выждал всего неделю после того, как вышел. Он набрал около трёхсот человек, претендующих на членство в этой... как они это называют? «Церковь Огня»?

Похоже, они растут. Все подразделения нервничают. Даже федералы стоят на ушах.

Я смотрю в пол.

— В свои шестнадцать вы создали успешный культ. В вас есть что-то, что движет людьми. Это интересует меня, как бизнесмена.

— Пошёл вон, — бормочу я.

Он снова хихикает и встаёт. Охранники забирают его стул и отпирают замок.

— Ты прав только в одном, — говорит мистер Атвист. — Ты лучше них. Но не из-за своих моральных притязаний.

— Тогда почему? — говорю я сквозь зубы.

— Ты лучше остальных, потому что ты Атвист, а они — нет. У тебя есть будущее, а у них — нет.

В моей ракушке появляется крошечная трещина. Перед тем, как я успеваю её запечатать, оттуда проблескивает отчаяние.

— Ты можешь вытащить меня отсюда? — спрашиваю я у дедушки. Он улыбается.

— Конечно, могу.

Он уходит.

* * *

— Р, — говорит Джули.

Мои глаза уже открыты, но я моргаю, возвращаясь в настоящее.

— Ты в порядке?

Стандартный вопрос, который часто задают незнакомцы. Я отвечаю так, как он этого заслуживает: пожимаю плечами и киваю.

— Ты же знаешь, что это не твоя вина, — говорит она, и мне нужно время, чтобы понять, что она говорит о недавней бойне, а не о тёмном пути, развернувшемся в моих воспоминаниях.

— Это не твоя вина, — повторяет она. — Ты поступил так, как считал правильным, в соответствии со знаниями, которые имел на тот момент. Это всё, что можно было сделать.

Она не в моей голове, и мне становится тревожно оттого, насколько мне полегчало. Было время, когда я не хотел ничего сильнее, чем пригласить её туда, чтобы она узнала мои мысли, узнала меня. Когда я отменил это приглашение? Мне бы хотелось, чтобы она отпустила грехи негодяю из моего подвала, но она с ним даже не встречалась.

— Мы по-прежнему летим с Исландию? — спрашиваю я.

Мы сидим на полу в хвосте самолёта и наблюдаем за её матерью, грызущей мясо на своих пальцах. Джули сдалась и больше её не останавливает.

— Р, — говорит она, бросая на меня страдальческий взгляд. — Ты понимаешь, что я должна была это сделать?

— Ты понимаешь, что мы не можем её спасти?

Не похоже, что это мои слова. Кажется, это его. Ожесточенного юноши, который дуется в своей камере, шепчет проклятия через решётку. Он зовёт своего двойника, девушку в подвале Джули? Сиротку, покрытую шрамами, которая плачет во сне и убивает, не моргая, которая убеждена, что недостойна любви?

Мы строили дом. Он должен был стать прекрасным. Как мы могли позволить им запереть нас?

— Да, — отвечает Джули на мой холодный вопрос, и меня задевает отсутствие гнева. Вместо того, чтобы взорваться, она сжимается вовнутрь, стискивает колени и смотрит в пол. — Я понимаю.

Я хочу притянуть её к себе, растопить стену простым тёплым жестом, но мерзавец тянет меня назад. «*Ты ранишь её. А она ранит тебя*, — шепчет он. — *Опасно*».

Нора выходит из-за занавески и садится рядом со мной. Мы втроём смотрим на Одри, которая исподлобья оглядывает салон мутными встревоженными глазами.

— Прости, Р, — говорит Нора. Я киваю.

— Они были слишком далеко. Я киваю.

— Когда работаешь медсестрой, то узнаёшь одну важную вещь: нужно отпускать тех, кто ушёл, ради спасения тех, кто ещё здесь.

Джули зарывается подбородком в колени. У неё мокрые глаза. М прислоняется к дверному проёму, не желая навязываться.

— Мы не *всех* убили, — выдаёт он, пожимая плечами.

— Ага, — весело подхватывает Нора. — Может, несколько десятков, но их были сотни, — она пихает меня локтем. — Ты спас сотни людей, Р.

Я могу ответить только ещё одним кивком. Друзья понятия не имеют, какие сражения идут внутри нас. Они не слышат нашего молчаливого крика.

М вздыхает и входит внутрь. Садится рядом с Норой, оставляя между ними несколько вежливых сантиметров. Эйбрам появляется в дверях следом за ним, и останавливается, наблюдая сцену: в середине комнаты сидит мёртвая женщина, а наша четвёрка сидит напротив неё в ряд. Но у него нет едких комментариев по этому поводу. У него равнодушное выражение лица.

— Мы направляемся на юг, — говорит он. — Просто хотел, чтобы ты знала, и не стала стрелять в меня, когда увидишь океан.

Мы смотрим за реакцией Джули, но, кажется, она не слушает.

— Исландия не на юге, — говорит Нора.

— Мы не можем лететь через Нью-Йорк. У Аксиомы охрана по всему штату. Нужно облететь вокруг.

— Это большой круг. У нас хватит топлива?

— Я пролечу так близко к Лонг-Айленду, как смогу, потом поверну на юг к Бостону и...

— Валяй, — бубнит Джули себе в колени. — Делай, что нужно, только увези нас с этого ненормального континента.

Эйбрам кивает. Джули замечает, что мы все смотрим на неё, и выпрямляется, упираясь затылком в окно.

— Может, когда-нибудь мы сможем вернуться вместе с исландской армией и спасти всех. Эллу. Дэвида и Мари... Даже Эвана, если хочешь, Нора. Но сейчас... как ты говорила, да? — её голос — это вымученных вздох, пронзённый горечью. — Отпустим тех, кто уходит.

Я чувствую, что все вокруг в смятении, но сейчас трудно спорить. Мы путешествовали по стране и в каждом углу находили смерть. Мы искали отряд сопротивления, а нашли рабов. У нас были грандиозные планы, но их было не с кем разделить, потому что мир заткнул уши, завернулся в одеяло радиомолчания и приказал всем спрятаться в бомбоубежищах и ждать в темноте прихода смерти.

Итак, кажется, мы скажем «прощай» нашей стране. Нашему континенту. Всему и всем, кого мы знали. Мы позволим своим городам сгореть в фанатизме и утонуть под гнётом. Оставим наши недостроенные дома крысам и дождю. Скинем свои воспоминания в кучу, сложим на обширную баржу земли, и будем наблюдать, как она тонет.

Пока я сижу и размышляю, мои мысли прерывает незнакомый голос.

— Нью, — говорит Одри.

Джули вскакивает на ноги. Она прислоняется к стене, и её глаза становятся такими большими, как только возможно. Мать смотрит на неё. Не просто позволяя своему стеклянному взгляду скользить сквозь Джули, а по-настоящему на неё глядя.

— Что? — дрожащим шёпотом спрашивает Джули.

— Н-нью... И-йорк. Джули смаргивает слезу.

— *Мама?*

Одри осматривает салон. Она ненадолго встречается взглядом с каждым из нас.

Затем опадает и смотрит в пол, тихо хрипя.

— Одри? — Джули падает на колени перед матерью, сопротивляясь желанию коснуться её и сжав вместо этого воздух в кулаке. — Одри Арнольдсдоттир? — она рискует быстро погладить холодную материнскую щеку и улыбается сквозь слёзы. — Ты... ты вспомнила меня, мама? Свою дочку? Джули?

Одри издаёт низкий стон и продолжает разглядывать ковёр.

— Это не случается так быстро, — ворчит М.

Джули смотрит на него, инстинктивно вспыхивая гневом, но он продолжает.

— Сначала вспоминается всякая мелочь. Места. Предметы. Проходит много времени, пока мы не вспоминаем...людей.

— Но... это она, правда? — спрашивает Джули. — Она вспомнила, где она жила? М пожимает плечами.

— Первое, что я вспомнил... манная каша. Потом... квартиру в Сиэттле, — Джули улыбается М впервые после пропитанного кровью дня, когда они встретились.

— Это подражание, — говорит Эйбрам. У него скрещены руки и в общем поза скептически, но его выдают слегка расширившиеся глаза. — Я сказал: «Нью-Йорк», и она повторила следом. Иногда они так делают.

— Брук...лин, — вздыхает Одри, глядя в пол. Эйбрам таращит глаза ещё больше.

— Мам, — Джули отрицательно качает головой, не веря в происходящее. — Мам, ты здесь? Ты помнишь? — она наклоняется ближе и хватается Одри за плечи, пытаясь установить зрительный контакт. — Ты встретила папу в самолёте. Джона Гриджо. Ты влюбилась. Вы переехали в Бруклин. Ты исполняла свои стихи на концертах его группы, работала в

библиотеке и подписывалась на любое выступление, которое могла найти.

— Полегче, — выдыхает М. — Слишком много для одного раза... нехорошо.

Кажется, Джули не видит никого, кроме женщины напротив. Она поймала взгляд Одри и наклонила голову, чтобы не потерять его, хотя Одри пытается спрятаться от её глаз.

— Мама, когда я у тебя появилась, ты была молодой. Вы с папой знали, что ты не готова к этому, ведь вы были просто молодой творческой парой, жили в студии в заброшенном уголке Нью-Йорка, и вы несколько недель спорили по этому поводу.

Папа говорил, что неправильно тащить ребёнка в испорченный мир, а ты говорила, что неправильно не тащить. Ты сказала, что ребёнок, которого ты родишь, будет именно тем, что нужно этому испорченному миру.

Джули смеётся и вытирает слёзы. Взгляд Одри перестаёт метаться и останавливается на полу. Джули наклоняется ниже, снова стараясь его поймать.

— Ты была моего возраста, мама. Мне недавно исполнилось двадцать.

Поздравишь меня с днём рождения?

Одри сжимается, издавая мягкие нечленораздельные звуки. Затем поднимается на ноги и скидывает лабораторный халат, отбрасывая его подальше, будто он в огне. Она стоит голышом посреди пустого салона, демонстрируя безнадежно испорченное тело.

— Ох, Джулез... — печально бормочет Нора.

Джули поднимает глаза на мать, вновь поражённая зрелищем. В её глазах никогда не высыхают слёзы. Они только что шли на убыль и вот текут снова.

Одри смотрит на зияющую дыру в своём боку. Просовывает в неё руку. Её незащищённое лёгкое раздувается, и изо рта вырывается печальный вой.

— Мама, — хнычет Джули и издаёт бессмысленный слабый стон. — Мама, пожалуйста.

Эйбрам качает головой и возвращается в кабину. Невозможность исполнения исландских надежд Джули слишком очевидна, чтобы комментировать. Неважно, какую научно-фантастическую утопию мы можем там найти, её мать умрёт.

Я замечаю, что Спраут выглядывает через щель в занавеске. Она медлит.

Смотрит на Джули около секунды, потом идёт следом за отцом.

— Слева от нас, — устало объявляет Эйбрам через громкоговоритель, — так далеко, насколько возможно, видно штабы Аксиомы, или Первый Филиал, или Нью-Йорк.

Если хотите отвлечься от грустных мыслей, не стесняйтесь — можете побояться.

Я не могу утешить Джули. Неловкое похлопывание по спине не только не поможет, а может навредить. Представить не могу, что ей сейчас нужно, поэтому я решаю предоставить ей пространство.

Я прохожу через занавеску и поднимаюсь по проходу, разглядывая Нью-Йорк сквозь окна. Небоскрёбы напоминают рошу сгоревших деревьев в тумане. Садящееся солнце бросает на них огненные блики. Мы находимся на расстоянии многих километров, над сверкающим Атлантическим океаном, в безопасности, но я чувствую на себе взгляды. Нацеленные лазеры и телескопы. Возможно, новый сегмент ЛОТОСА зовёт нас, чтобы снять, как нас собьют, с едва заметным монтажом знаменитых авиакатастроф. Ничего из этого не будет иметь значения. Мы за пределами досягаемости, и скоро будем далеко от их мира, от их жестокой экосистемы.

В поисках мира, в который меня несёт, я иду к западному окну и смотрю на солнце, которое падает в океан, разбиваясь в воде на тысячи кусочков. Я чувствую это лишь одно мгновение. Ощущение, будто земля вычистилась, и сквозь суглинки пробиваются новые

возможности. Я продолжаю разглядывать, как делаю всегда, но внезапно вижу кое-что, что вырывает меня из задумчивости. Я моргаю и прищуриваюсь, но оно не исчезает. Бегу в середину самолёта, к самому ближайшему окошку у крыла, и смотрю на двигатели.

На меня смотрит мужчина.

— Эйбрам? — кричу я кабине.

Эйбрам не отвечает. Наверное, в его голове нет места для того, что я собираюсь ему сказать. Да и как я могу сказать? Как мне описать эту нелепость: за одно из креплений двигателя цепляется огромный мускулистый Мёртвый. Его серо-голубая кожа покрыта инеем, но он не заоченел. Он движется. Медленно ползёт вперёд.

— *Эйбрам!*

Я слышу, как он ворчит и возится в кабине, слышу, как щёлкает замок на ремне, но Мёртвый уже зацепился за край двигателя. Он тянется к какой-то непостижимой цели, может, к запаху крошечной семьи в кабине пилота, упрямо не замечая пропасть неба между ними.

Эйбрам выходит из кабины. По моему лицу видно, что дело срочное, и он открывает рот, чтобы задать вопрос. В это время мужчина проскальзывает через обод двигателя.

Раздаётся два взрыва. Сначала красновато-чёрная вспышка с тыльной стороны двигателя, когда потом и кровью заработанные мускулы бодибилдера брызжут в сторону Лонг-Айленда, как поливальная струя из «кукурузника». Второй взрыв — это выброс огня, полностью окутавший крыло, и когда он рассеивается, двигателя уже нет. Остаётся большой кусок крыла, а из дыры длинными змеями пламени вырываются потоки горящего топлива.

Когда самолёт начинает крениться, Эйбрам исчезает в кабине, а остальные, крича и визжа, несутся в хвост, ко мне цепляется одна самая бесполезная мысль:

«Мы не назвали его. В этом самолёте я вырастил семена своей третьей жизни. В нём я и Джули преодолели огромные расстояния. Он спас нас, он перенёс нас через всю страну, а мы не дали ему имени».

Все впихиваются в кабину, спрашивая, что же делать, а Эйбрам кричит, что мы ничего не можем сделать, мы серьёзно влипли, нужно сесть, пристегнуться и сначала спасти себя, а потом помогать остальным — всё это превращается в мягкие медленные нечленораздельные звуки на задворках моего сознания.

«Джули отлично это умеет. Дарить жизнь неодушевлённым объектам. Она превратила Мерседес в Мерсика. Как бы она назвала 747-ой?»

Я падаю в проход, когда Эйбрам переоценивает крен, пытаюсь снять нагрузку с раненого крыла.

«Дэвид».

Я улыбаюсь себе, падая в кресло рядом с Джули.

— Дэвид Боинг, — говорю я, едва сдерживаясь от удовольствия.

— Что? — вопит она.

— Я дал самолёту имя. Дэвид Боинг.

Она смотрит на меня с абсолютным непониманием, но я по-прежнему улыбаюсь. Отлично. Может, и у меня это тоже получается.

— Р, — говорит она, и внезапно я понимаю, что я не так понял выражение её лица.

Это не непонимание, всё совсем наоборот. Это мрачное осознание, от которого я скрываюсь.

— Р, если мы...

— Пожалуйста, не надо, — быстро отвечаю я.

Она замолкает. Выпрыгивает из кресла и, когда самолёт трясётся и брыкается, прижимается к дверному косяку кабины пилота.

— Простите меня, — говорит она, глядя мокрыми глазами на Спраут и Эйбрама. — Мне так жаль.

— Мне пофиг, — цедит Эйбрам сквозь зубы, сражаясь с бешеными рычагами.

Джули отворачивается от перепуганных глаз Спраут и, спотыкаясь, идёт назад по проходу.

— Пристегнись, Джулез! — кричит Нора, держа одной рукой за плечо М, который вцепился в своё сиденье с оцепеневшим неподвижным лицом. Он пепельно-серого цвета, глаза вытаращены, и сейчас больше похож на труп, чем когда-либо. Во время нашей первой аварийной посадки он оставался относительно спокойным, но тогда она была довольно мягкой. Эта посадка будет жёсткой, если мы вообще приземлимся. Может, она заставит нас орать.

Джули берёт меня за руку и тащит в конец самолёта, где на полу сидит её мать, цепляясь за свой кабель как за якорь, пока самолёт трясётся и подпрыгивает.

— Держись, мам, — говорит Джули. — Пожалуйста, держись.

Она проскальзывает в последний оставшийся ряд сидений и делает глубокий медленный вдох, потом с внезапным спокойствием смотрит на меня.

— Посидишь со мной?

Я сажусь с ней. Перед нами болтаются кислородные маски, но нас это не волнует. Мы смотрим в окно на быстро приближающийся берег, который воспоминания из моего подвала называют Восточным Атлантическим пляжем. Кроме того, там есть Международный аэропорт имени Джона Кеннеди, а повсюду вокруг него...

Сумасшествие. Монстры. Полный смерти город. Даже если мы выживем при посадке, сложно предвидеть будущее.

— Перестань, — говорит Джули, глядя на моё лицо, взлётно-посадочная полоса приближается под невероятным углом. — Побудь со мной.

Я смотрю в её сверкающие глаза, и рёв вокруг меня стихает. Странно, как любые сложности тают перед лицом катастрофы. Как страх, стыд и запутанные узлы логики растворяет жаром, оставляя только сердцевину любви, которую не волнует шум в наших головах, которая прогоняет аргументы и игнорирует сомнения.

Любовь, которая просто есть.

В эту секунду, какой бы короткой она не была, всё становится понятным.

Джули целует меня, я целую её в ответ, приказывая себе не сдавать назад, поскольку сегодня всё может закончиться. Я хочу, чтоб всё закончилось именно так.

Мои глаза закрыты, все чувства сосредоточены на ней, так что я не чувствую приближения удара. Я целую Джули, я целую Джули, я...

МЫ

ВНУТРИ ОДНОЙ Земли много других. Внешняя — самая загруженная, здесь есть океаны, леса и города. Она жужжит, шипит, чирикает, рычит, воет, разговаривает и поёт. Эта поверхность — настоящая игровая доска, на которой играет жизнь. Под ней спрятан мир отверстий и тоннелей, по которым существа ползают, скользят и проводят секретные встречи в слоях прошлых эр. В центре — огонь, который создал всё вокруг, вращающееся и бушующее сердце Земли, полное бесконечного импульса, вечно режущее и всегда готовое к *изменениям*, землетрясениям и извержениям.

Земля любит изменения. Ей скучен баланс, отдых делает её беспокойной. В тот момент, когда её жители думают, что знают правила, она сбрасывает всё с доски и переходит к следующей игре.

К следующей эпохе. Следующей эре. Следующей эволюции.

Мы плывём сквозь земную мантию и скальные породы, через палеоген, плиоцен и голоцен, сквозь наши собственные кости и оболочки, от видов к видам, от поколения к поколению, каждая часть нас узнаёт свои останки, когда мы проплываем мимо, предаваясь кратким всплескам ностальгии.

Этим мы и занимаемся. Мы запоминаем и наблюдаем, а где-то на Высших уровнях, где возможно существование таких вещей, мы надеемся.

Мы не делаем только одну вещь — действие. Мы не авторы, мы — книги. Бывает время — вроде нынешней эпохи мягких линий, прозрачных барьеров и энергетических вакуумов, заполняющихся ядом, — когда нам хочется стать чем-то б ольшим. Но мир принадлежит живым, а они нашей помощи ещё не просили.

Поэтому мы плывём вверх, через новообразованные скалы и тёмную грязь в самые низкие глубины некогда великого города. Мы проходим сквозь водные туннели и древние кирпичные канализационные трубы, забитые вековыми слоями дерьма, поднимаемся к плотной сети кабелей, которые были нейронами мозга Нью-Йорка, пока тысячи пуль не заглушили его мысли.

Теперь у Нью-Йорка нет мыслей. Только серость и гниение. Восставший из мёртвых город бесцельно бредёт, повторяя за отголосками прежней жизни, пока они не изнасятся до неузнаваемости, и постоянно, постоянно ищет плоть.

Мы разрываем поверхность, и в нас ударяет шум. В новом мире редко встретишь плотную людскую толпу. Где-то в грязи заводи Джерси-Сити образуется очередь, которая концентрируется в плавающем тоннеле Холланд и выливается в сумасшедший беспорядок страха и отчаяния у пограничных ворот Манхэттена.

Здесь, в пределах видимости забора из колючей проволоки и его усталых таможенников, мы находим мальчика со своими новыми защитниками. Они спрятали фургон в гараже на окраине, а теперь стоят на маленькой парковке среди толпы потрёпанных беженцев, держа переполненные рюкзаки. В этом желанном городе нет места автомобилям, его едва хватает для людей. Используется каждый сантиметр Манхэттена, восьмиэтажные высотки превратились в коммуналки, парки — в высокоурожайные кукурузные поля, улицы — в длинные палаточные города. Вакантные места для толпы

снаружи создаёт только коса смерти. Бетонные барьеры, спасающие от наводнений, образуют стену вокруг острова, а поднявшиеся Ист-Ривер и Гудзон окружают его подобно нападающим войскам, переливаясь через верх при каждом сильном дуновении бриза. Затонувшая по грудь Статуя Свободы больше не похожа на гордого факелоносца, теперь она выглядит тонущим пловцом, зовущим на помощь взмахом руки.

— Электричество, — говорит Гебре. — Водопровод. Органы правопорядка. Толп нежити — ноль.

Гейл вздыхает и поднимает рюкзак с грязной травы, когда очередь продвигается вперёд.

— Да-а.

— Они не отправят нас в спасательный отряд. Там тысячи детей, им нужны учителя.

— Надеюсь, здесь больше вакансий, чем было в Юте-Аризоне. Моя докторская степень не даёт мне права преподавать техобслуживание винтовок.

— Гейл, Гейл, Гейл, — говорит Гебре, жестом указывая на разрушенные высотки за забором. — Это Нью-Йорк.

Мальчик смотрит на своих опекунов через тёмную пелену. По их просьбе он снова прячется за очками Ray-Bans. Он не разговаривал с того времени, как они отговаривали его от Вашингтона, но молчит не потому, что зол. Он мог уйти от них, если бы захотел, и закончить путешествие в одиночку, но остался. Он пошёл за ними сюда, в этот тонущий остров отречения, склонив ухо к какому-то непонятному предложению голоса, идущего из глубоких залов Библиотеки шёпотом бесчисленных страниц.

— Что думаешь, Ровер? — спрашивает Гебре. — Хочешь ходить в школу? Я могу преподавать тебе военное дело и формы правления, а Гейл — кварки и бозоны. Всё самое бесполезное!

Мальчик не слушает. Он смотрит на юг, вниз по Канал Стрит, на процессию белых фургонов. Мальчик видит мрачные лица водителей и силуэты пассажиров. Он вглядывается в тонированные окна, пытаюсь проникнуть сквозь стёкла.

— Возраст и навыки, — говорит таможенник, приближаясь к Гебре с блокнотом.

— Мне сорок три, — отвечает Гебре. — Гейлу тридцать четыре, а Роверу... десять.

— Я преподавал квантовую физику в Университете Брауна, — говорит Гейл. Таможенник равнодушно смотрит на него.

— Мы не нуждаемся в...

— Прикладную квантовую физику, — вставляет Гебре, улыбаясь. — Он может... проектирование лучше пуль?

Гейл холодно смотрит на таможенника. Тот делает отметку в блокноте.

— А ты? — ворчит он, не поднимая глаза на Гебре.

— Техническое обслуживание оружия, — говорит Гебре, продолжая улыбаться.

— Мой муж такой скромняга, — отвечает Гейл, сдерживая злость. — У него есть докторская степень по мировой истории.

Гебре вздыхает.

— Хорошо, да, я историк. Но я отлично чищу M-16.

Таможенник смотрит в пространство между ним и Гейлом. Делает ещё одну пометку в блокноте.

— Хорошо, подберём вам что-нибудь. В Спасении всегда есть вакансии. Гейл и Гебре обмениваются взглядами.

— А что насчёт мальчика, он... Таможенник роняет блокнот.

Мальчик пристально смотрит на фургоны, которые ожидают перед служебными воротами. Солнцезащитные очки остались в руке. Его нереальные глаза становятся больше в попытках просверлить тонированное стекло фургона и увидеть людей внутри, потому что в сегодняшнем улове агитаторов и отстающих есть сигнал, маяк, будто кто-то пытается ему что-то сказать.

А пытаемся ли мы сказать ему что-нибудь? Говорим ли мы сейчас с ним? Книжки разговаривают тогда, когда их читают, и только читатель знает, что они сказали.

Плечо мальчика сжимает рука.

— Я поймал ещё одного без категории, — говорит таможенник в рацию. — Несовершеннолетний. Золотая радужка. Отправляю его вам.

— Отпусти его! — кричит Гебре.

— Он заражён, — говорит таможенник. — Его заберут в наше учреждение и позаботятся о нём.

Из таможенной будки выходят трое охранников и отталкивают Гейла и Гебре в сторону.

— Пожалуйста, не делайте этого, — говорит Гебре. — Он не Мёртвый.

— Без категории изучаются в рамках новой программы управления чумой, — говорит таможенник. — Ваш мальчик поможет миру снова стать безопасным.

Мальчик слушает голоса своих опекунов. Когда мрачные люди ведут его за забор, они становятся всё громче, меняются от умоляющих к требовательным и отчаянным. Последнее, что он слышит, звучит как обещание:

— Мы найдём тебя! Мы не бросим тебя с ними!

Он спрашивает себя: каково соотношение? Трое плохих людей утаскивают его от двух хороших, значит, зла больше, чем добра? Есть ли в отношении человечества какой-нибудь консенсус?

Он ловит взглядом последний фургон. Видит рябую поверхность оконного стекла, пузырьки кремнезёма и частицы пыли, похожие на горы. Но его внимание направлено на темноту внутри. Он видит знакомый силуэт, тень позади тени, вызывающий тусклое воспоминание о теплоте. Затем трое плохих людей утаскивают его прочь.

Я

ПЯТНО.

В моей камере появилось новое пятно.

Мой сокамерник — он только ухмыльнулся, когда я спросил, как его зовут, будто я не достоин даже этого, — оставил за время своего пребывания много пятен. Я наблюдал, как он пишет через решётку на охранников в холле. Я наблюдал, как его рвёт на пол после того, как он выпил какую-то тухлую смесь из фруктов и чистящих средств. Я старался не смотреть, когда он мастурбировал в своей койке, похрюкивая, толкаясь и представляя какую-то грудастую аберрацию, способную доставить удовольствие стволу его головного мозга.

Однако, он не всегда пользовался только своими жидкостями. Иногда моими. Он разбрызгивал мою кровь кулаками и ногами, а иногда, когда у меня был плохой день, и моя голова была забита угасающими воспоминаниями и пугающим осознанием того, что я не смогу прожить жизнь, какую мы себе создали, пропущу все этапы и умру, — в такие дни он ловил меня и размазывал по бетону мои слёзы вперемешку с кровью.

Мой сокамерник нарисовал множество пятен, но сегодня он создал шедевр, перекрывший все его предыдущие попытки. Он полностью закрыл их собой, разлившись по всему полу.

Когда мир снаружи начал рушиться, тюремная охрана стала слабее. Появилась возможность приобретать карандаши, например, для рисования, ведения дневников и прочих терапевтических выражений.

Дверь клетки распахивается, и ко мне приближаются ботинки. Видеокамера в верхнем углу смотрит на моего сокамерника, лежащего ничком. Я не могу думать ни о чём более абсурдном, чем о наказании, которое случится здесь, в месте, единственной целью которого является удаление опасных людей из общества. Ну, одного я удалил. Пусть Господь накажет меня за то, что я опередил его, но здесь, на Земле, меня нужно похвалить за мою практичность.

Ботинки останавливаются перед моей камерой. Дедушка смотрит на кровавый бассейн вокруг моих босых ног. Он улыбается.

— Думаю, ты готов.

Он кивает двум мужчинам, стоящим по бокам от него — это не тюремная охрана, я не узнаю эту милитаристскую чёрную униформу — и они оставляют нас наедине. Он наклоняется ближе к прутьям решётки.

— Что думаешь, Р..? Думаешь, ты готов?

Я хватаю его за рубашку и сильно бью лицом об решётку, чтобы оставить синяки на белёсой коже.

— Три года, — рычу я. — Ты бросил меня здесь на *три года*. Он морщится и посмеивается, будто борется с ребёнком.

— Тише, мальчик! Полегче со стариком.

Я отталкиваю его и смотрю, как он поправляет воротник.

— Что ты сказал в прошлый раз, когда я здесь был? Что ты много учишься? Ну, у тебя было полно времени, чтобы учиться. Думаю, теперь ты выучился.

Мой взгляд плавает по тюрьме. Большинство клеток сейчас пусто. Машина закона проржавела и потеряла тысячи зубчиков в шестерёнках, но ни у кого нет времени её ремонтировать. Это началось задолго до того, как перестали привозить еду.

— Зачем ты убил этого мужчину, Р..? Я не отвечаю.

— Ты пошёл на многое, чтобы минимизировать количество жертв в ваших пожарах. Ты говорил: «Жизнь принадлежит Господу». Так почему ты убил этого человека?

— Он делал ужасные вещи, — бормочу я. — Он заслужил смерти.

— Как и все когда-либо живущие. Если ты — божий палач, почему ты не убивал раньше? Почему первым стал этот свиноёб?

Тюрьма расплывается перед глазами. Я концентрируюсь на кровавых отпечатках ладоней, которые я оставил на дедовской рубашке.

— Потому что он бил меня. Я ненавижу его.

— Потому что *ты хотел убить его*. Я киваю.

— И всё сводится к этому, Р... К тому, что *ты хочешь*. На самом деле, все делают только то, что приносит им пользу. За каждой моральной позицией стоит эгоистичное желание. Самый суровый аскетизм, святейший альтруизм... они удовлетворяют внутреннюю потребность. Чувствовать себя сильным, нужным, хорошим. Неважно, какая у тебя мораль, решать всегда тебе. А кому же ещё?

Он снова приближается к решётке. Ярость ушла. Я не могу заставить себя посмотреть в его узкие карие глаза, поэтому я смотрю себе в ноги. Кровь просачивается мне сквозь пальцы.

— Ты одинок, Р... Ты единственный — человек. Всё эти существа ходят вокруг и, может, выглядят как люди, но они существуют только по отношению к *тебе*. То, что они делают для тебя и то, что они заставляют тебя чувствовать — это и есть они. Ты знаешь, что они могут исчезнуть, если на них не смотреть.

Кровь уже остыла. Мужчина, который делил со мной этот крохотный куб больше трёх лет, исчезает у меня на глазах. Он становится прозрачным; я вижу бетон сквозь его мясные останки; я уже начал забывать то небольшое, что знал о нём.

— Борьба за знание, с которым животные уже рождаются, занимает у нас целую запутанную жизнь, — прокуренным голосом рычит мой дед. — Здесь нечего узнавать. Мы ищем смысл в пустой комнате. Цель жизни состоит в том, чтобы прожить так долго, сколько сможешь, съесть, сколько сможешь, потрахаться, сколько успеешь, распространить свои гены и идеи, и по максимуму изменить мир под *себя*.

Он ухмыляется, демонстрируя кривые коричневые зубы.

— И знаешь, что? Это весело. Однажды ты узнаешь, что такое жизнь. Это охренеть как весело.

От моих липких пальцев через пах до самого черепа пробегает дрожь.

— Чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты работал на меня.

— Что делать?

— Времена меняются. Коммерция умирает. Все убегают к холмам, чтобы выращивать кукурузу и ждать Вознесения, но я не желаю останавливаться, — его ухмылка застыла в свирепой гримасе, губы крепко прижались к зубам. — Слышишь меня, Р... Ативист? Я никогда не остановлюсь. Конец света — это возможность. Нам нужно выяснить, как её использовать.

Я обвожу взглядом тюрьму, в которой я провёл лучшие годы юности. Здесь я стал взрослым. Здесь я сбросил свою подростковую шкуру, вышел из неё мускулистым, сильным, покрытым шрамами и остался в этой камере, глядя на прутья решётки, размышляя над правилами вымышленной вселенной, пока жизнь снаружи шла своим путём.

Я никогда не прикасался к женщине. Не пробовал пива. Но я убил человека и разрушил город.

— Я помогу, — говорю я деду. — У меня есть идеи.

Его ухмылка возвращается. Дыхание прорывается сквозь дырки в зубах, табак и засохший кофе.

— С нетерпением жду, чтобы услышать их, малыш.

Он достаёт из кошелька электронный ключ. Проводит им по двери камеры, замок щёлкает, и я на свободе. Я шагаю в коридор и выхожу следом за мистером Атвистом, оставляя на бетонном полу красные следы.

Я УБИЛ МНОГО ЛЮДЕЙ. Поедал их плоть и выпивал воспоминания мужчин, женщин и детей. Я никогда не буду этого отрицать, никогда не забуду и приму это как должное. Я совершал чудовищные поступки, потому что был монстром, лишенным имени, личности и моральных рамок, которым управлял неизмеримый голод и чуть теплившееся сознание. Я оплакал эту тёмную главу, взял из неё всё, что смог, и перевернул страницу. Простил вторую жизнь.

А что насчёт первой? В ней чума не виновата. Настоящий я — не нелепый упырь, вытасченный из книжной выдумки. У него есть имя, мать, отец и дед, и он сделал выбор тем же обыденным способом, что и остальные.

Кто этот человек? Я живу в его теле и храню его воспоминания, но он для меня чужак. Я чувствую больше родства с безмозглым трупом, чем с этим озлобленным, безжалостным, обвиняющим мир негодяем. Но каким-то образом сквозь неясную алхимию времени эти два элемента объединились... и стали мной.

Я открываю глаза.

Стальные прутья. Зловонный запах плесени и пота. Я всё ещё сплю? Я лежу на животе, поэтому нужно подняться на колени и оглядеться, но затем меня пронзает боль. Пальцы тянутся к эпицентру боли. На лбу надулся огромный пухлый синяк.

— Вечно ты спишь допоздна, — раздаётся мягкий голос, определённо не из тюрьмы моего прошлого. Лицо красивой девушки проясняет моё зрение. У неё такой же синяк на лбу. Из меня рвётся сухой смех.

— Твоя голова... мы?..

Джули меланхолично улыбается.

— Видимо, так и есть.

— Поцелуйная контузия, — бормочет Нора. — Отвратительно, так вам и надо.

На полу под моими руками жёсткий бежевый ковёр. Его пестрота задумана быть скоплением пятен, победой упреждающей капитуляции. Комната пуста, все пассажиры Дэвида Боинга, кроме моих детей и матери Джули, сидят на полу, устало прислонившись к стенам. Сначала я запаниковал, пока не увидел, что они сидят в комнате на другом конце коридора, видимые через загороженные внутренние окна. Одри ходит по кругу, клацающая зубами, а Джоан и Алекс забились в угол, прячась от неё. Жужжащие люминесцентные лампы делают наши лица такими же болезненно-серыми, как и их.

— Ты везунчик, — продолжает Нора. — Проспал весёлый допрос. Уверена, первый из многих.

Я высматриваю у неё ранения, и на мгновение меня шокирует отсутствующий палец, но потом я вспоминаю, что это случилось давно, в другой жизни, о которой даже Джули может только догадываться. У Норы есть несколько царапин, но, вероятно, из-за жёсткой посадки. Когда Аксиома переходит от убеждения к принуждению, то не ограничивается царапинами.

— Чего они хотят на этот раз? — говорит Джули.

— Они по-прежнему пытаются выяснить, кто вы. Вроде бы то, что они делают для контроля над Мёртвыми, довольно непродуманно. Это хорошо только для создания мулов и никого больше. Им хочется более умных рабов, вроде наших Оживающих. Тех, кого, как они думают, «создаёте» вы, — она мрачно улыбается. — Им хочется заполучить вашу магию,

Джулез. Научите их вашим заклинаниям, и мы все сможем вернуться домой.

Джули качает головой, не в силах выразить эту глупость словами. Магия, которая влияет на них, — это человечность. Это происходит медленно, естественным путём. Это непредсказуемо мощный продукт соприкосновения сознательных умов. Эти психи хотят синтезировать любовь. Они хотят изготовить её, вооружиться ей и использовать для управления людьми. Это такая смехотворная схема, что было бы забавно, если бы они растоптали мир в погоне за ней.

Эйбрам тоже качает головой, но чувствую, что он саркастичен по другому поводу.

— Что? — спрашивает его Джули.

— Я просто тащусь, — говорит он, сидя у стены вразвалку, как уличный бродяга.

Его заляпанная кровью бежевая куртка исчезла, из-под серой майки виднеются порезы и ушибы, некоторые свежие, некоторые старые. — Я думал, Аксиома сошла с ума, но они всего лишь пытаются управлять чумой, может, превратить её во что-то полезное. Только вы пытаетесь отговорить Мёртвых быть мёртвыми, — он смотрит на меня с недоверчивым презрением. — Только вы можете сначала спустить с цепи толпу зомби, а потом встать перед ней и задавать вопросы, как грёбаный зомби- психотерапевт, — он снова качает головой. — В каком мультике, по вашему мнению, вы живёте?

Я встречаю его взгляд со спокойствием. Не собираюсь извиняться перед истуканом за попытку совершить поступок.

Надо же с чего-то начинать.

— Ты разговаривал с ними! — он смеётся и вскидывает руки. — Думаешь, можно вылечить чуму словами?

— Слова — это идеи.

Не знаю, откуда это берётся. Я слышу шёпот в голове, похожий на шелест страниц.

— Любое лекарство от любой чумы начиналось с идеи.

Эйбрам делает длинный выдох и сползает ещё ниже. Он притягивает Спраут к своим плечам, но она высвобождается и остаётся стоять, с любопытством глядя на меня.

— Р, — говорит Джули. — Думаю, это был твой новый рекорд по количеству слогов.

Я пожимаю плечами. Я не считал.

— Уже перестал с этим бороться? — едва заметно улыбается М, и внезапно мне становится некомфортно от такого внимания. Я встаю и смотрю в окна, выходящие на улицу, в надежде отвлечься на панораму Нью-Йорка. Но видно только кирпичную стену соседнего небоскрёба. Несколькими этажами выше с крыши мне улыбается гигантский рекламный щит. Глаза модели закрывают солнечные батареи, будто ему хотелось скрыть свою личность.

— Значит, это вы.

Все вскакивают и смотрят на источник голоса.

— Лосось, зебра, щегол и золотая рыбка, верно?

Он идёт из соседней комнаты. Женский голос, такой высокий и визгливый, что проникает через стену с поразительной отчётливостью.

— Почему вас поймали? Я болела за вас, кем бы вы ни были.

— Э-э... Кто ты? — спрашивает Джули у стены.

— Товарищ по несчастью. Второй месяц из пожизненного приговора. Добро пожаловать в Башню Свободы.

Эйбрам садится на корточки и прижимается лицом к стене.

— Где находятся пограничные посты? Ты нашла какие-нибудь лазейки? Какой у тебя план?

Несколько секунд стоит тишина. Затем я слышу пение.

— Мон ами, мон ами, ла-ла-ла-ла...

— Эй? — зовёт Эйбрам.

— Ты ещё не видел город? — спрашивает женщина, внезапно обрывая свою песню. — Здесь самая большая плотность населения в Северной Америке, так что, если ты ожидал реальности, чтобы умничать, то здесь повсюду одна нереальность. Улицы сохраняют форму, а люди — нет. Здесь нет летающих лягушек и прудов с порталами, но это сплошное безумие. Остров перевернут вверх ногами, воздух находится под водой, и все царапают его пузырь.

Мы переглядываемся.

— Как тебя зовут? — спрашивает Джули.

— У меня стрёмное имя, — отвечает она. Я называю себя Х.Томсен. Или просто Томсен. Или просто Х. А тебя как зовут? Ты щегол, золотая рыбка или Голдмэн? Как дела под куполом? Я слышала, какое-то время назад они говорили о его захвате.

Боже, как я скучаю по миру.

Она говорит быстро и рвано, и эти звуки похожи не на разговор, а на случайные вспышки контактирующих нейронов. Джули ждёт паузы, а потом говорит:

— Я Джули.

Эйбрам возвращается на своё место у стены, по-видимому, решив, что мы не узнаем ничего полезного у нашей соседки. М слушает, озадаченно улыбаясь, а Джули и Нора проявляют огромный интерес.

— У тебя... необычная манера разговаривать, — говорит Нора. — Фанатка альманаха «Заражённый мир»?

— Боже, как я скучаю по Альманеху, — вздыхает голос. — Боже, как я скучаю по сбору материалов и издательству. Работала здесь над новыми выпусками, но почти не о чем сообщать, если твой мир — это комната. Всё заброшено, населения — один человек, кроме того раза, когда ко мне присоединился паук.

Джули и Нора таращат глаза и переглядываются.

— Погоди, — говорит Джули. — Ты говоришь, что создавала Альманех? Ты — член РДК?

Из-за стены раздаётся хохот.

— Томсен?

— Была. Теперь РДК — член меня. Подождите, давайте познакомимся.

Я слышу какой-то металлический стук. Скрип петель. Несколько шагов. Потом дверь нашей камеры распаивается.

— Какого чёрта? — говорит Эйбрам, и мы все вскакиваем на ноги.

— Приятно познакомиться, Джули, — говорит Томсен, протягивая руку Эйбраму.

— Х.Томсен.

— Э-э-э, привет, — говорит Джули, наклонившись, чтобы перехватить рукопожатие. — Я Джули. Привет.

Кажется, возраст Томсен где-то между возрастом Норы и Эйбрама, но её внешность неоднозначна по многим признакам. Из-за обветренного лица, обожжённого солнцем и покрытого шрамами, трудно сказать, она хорошо сохранилась или у неё была трудная молодость. Её бронзовая кожа, короткие красновато-коричневые кудри и ярко-зелёные глаза

свидетельствуют о смешанной родословной. На ней надета просторная рубашка-сафари и брюки с большими карманами, покрытые грязью и смазкой для двигателя, что намекает на тяжёлую жизнь в дороге. Её жилистое тело кажется утонувшим в одежных складках.

— Ты кто? — спрашивает Эйбрам, загораживая Спраут. — Ты не заключённая?

— Конечно, заключённая, — отвечает Томсен. — Я же в тюрьме.

— Ты только что вышла!

— Ну, я не собиралась сидеть в тюрьме два месяца и не придумать, как выбраться из своей камеры.

У неё красивые черты лица и поразительные глаза, но слово «красивая» не для неё. Симпатичная? Привлекательная.

Эйбрам качает головой, берёт Спраут за руку и протискивается мимо Томсен, разглядывая коридор. Все комнаты, кроме одной, где сидят наши мёртвые члены семьи, вроде бы пусты, хотя дыры в окнах размером с кулак свидетельствуют о том, что раньше они были заняты. Кто бы там не сидел, их уже обработали, выжали из них полезные соки, а шелуху выкинули.

Эйбрам пробует вызвать лифт. Он испускает пронзительный писк и мигает красной лампочкой в слоте для электронного ключа. Эйбрам направляется к лестницам.

— Как зовут этого человека? — шепчет Томсен Джули.

— Эйбрам.

— Эйбрам! — кричит Томсен. — Между нами и улицей двадцать запертых дверей и двадцать этажей, полные бежевых. Это здание смешанного пользования. Тюрьма тире казармы.

Эйбрам останавливается у выхода на лестницу.

— Каждый час приходит обслуживание камер. Когда они придут, ты либо будешь в своей камере, либо будут проблемы.

Плечи Эйбрама поднимаются и опускаются, он сутулится и возвращается в камеру.

— Может, попозже украдём пистолет? — предлагает Томсен. — Попробуем снова уже с оружием? Кажется, ты умеешь стрелять.

— Ладно, стойте, погодите, — говорит Нора, разводя руками и трясая головой, словно избавляясь от растерянности. — Мы можем поговорить о побеге потом. Что значит «РДК — член тебя»?

Томсен пожимает плечами.

— Это я. Я пишу Альманах.

Джули и Нора смотрят друг на друга, зажимают рты ладонями и визжат.

— Мы — твои большие фанаты, — восторгается Джули.

— Огромные фанаты, — уточняет Нора.

Томсен смотрит на них, потрясённая таким излиянием чувств.

— А где остальная часть команды? — спрашивает Джули, глядя через окна на остальные камеры. — Они выбрались?

Томсен качает головой.

— Ничего не знаю о командах. У меня никогда не было команды. Пыталась однажды собрать одну, когда училась в школе. Они сбежали.

Нора хмурится.

— Но... тогда кто «вы»? Кто РДК?

— Раздолбай-картографы. Это была семейная банда: я, мама и папа, потом только мы с

папой, а теперь... только я! — она натянуто улыбается.

Фанатский пыл Джули идёт на убыль.

— Ты исследовала... в одиночку?

— Конечно, нет, я что, дура? Со мной была Барбара.

— Но... Барбара — это твой фургон, разве нет? Томсен издаёт громкий смешок.

— Нет-нет, Барбара совсем не фургон.

— О, — нерешительно смеётся Джули. — Хорошо. Я подумала...

— Это дом на колёсах. В фургонах нет ванн. Нора и Джули снова переглядываются.

— Мне пора идти, — Томсен оглядывается вокруг в поисках часов, которых нет, и суетливо переминается с ноги на ногу. — Охрана идёт. Приятно было познакомиться. Я не познакомилась со всеми. Только с двумя. Я познакомлюсь с остальными позже, когда охрана не будет идти.

М машет рукой, по-прежнему сидя у стены в другом конце комнаты.

— Эй, Томсен, — говорит он. — Где кофе?

— Они не носят кофе. В основном воду и карбтеин, — она наклоняет голову. — Зачем тебе? Ты любишь кофе? Не люблю его. Я от него нервничаю.

М улыбается и пожимает плечами.

— Просто поинтересовался. Маркус, если что.

Томсен машет ему. Она выходит из камеры, потом останавливается в дверях и смотрит на Джули.

— Вероятно, сейчас они заберут ваших мёртвых друзей. Лицо Джули застывает.

— Что?

— Обычно те, кто без категории, отправляются прямо на Ориентацию. Иногда они временно хранятся здесь, но не дольше дня, — она сжимает губы в сочувствующую линию. — Мне жаль.

Она поворачивается и исчезает в коридоре. Я слышу, как закрывается дверь её камеры, и снова слышу дрожащий фальцет.

— Внимание, мон ами...

Наша дверь остаётся открытой. Все, кроме М, столпились напротив неё, глядя в коридор и борясь с желанием бежать.

— Джулез, — говорит Нора. — Не надо.

Джули выходит в тёмный мерцающий коридор. Она дотягивается до окна материнной камеры через прутья решётки.

— Ты в порядке, мама?

Одри перестаёт ходить и смотрит на дочь непонятым взглядом. Любые раны, которые она могла получить в авиакатастрофе, незаметны на фоне гибнущей плоти.

— Я только что встретилась с автором Альманаха, мама. Помнишь Альманах?

Помнишь, как ты радовалась, когда мы нашли информацию о Канаде?

Одри смотрит на камеру Томсен через окно. Лицо Джули озаряется.

— Да! Это она, прямо там, в той комнате. Это одна девушка, мама. Она много лет обыскивала мир. У неё даже есть истории о местах за пределами Америки. Не хочешь поговорить с ней?

Загораются лампы лифта. Я слышу далёкий шум механизмов.

— Джули! — шипит Нора. — Иди сюда. Джули смотрит на лифт через плечо.

— Мама? — её улыбка дрожит. — Возможно, они хотят забрать тебя. Сейчас я не смогу

их остановить, но обещаю, я найду тебя, хорошо? — её губы сжимаются. — Я не брошу тебя, как ты меня бросила.

На лице Одри появляется эмоция. Я почти уверен, что это печаль.

— Ты можешь что-нибудь сказать, мама? Чтобы я знала, что ты ещё здесь? Одри опускает глаза в пол.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты здесь?

— Джули, — говорю я, наблюдая за дверьми лифта и скрипя зубами. — Брось. Она обхватывает прутья обеими руками, прижимается к ним лбом и, наконец, отцепляется и бежит назад в камеру. Эйбрам захлопывает дверь в тот момент, когда раздаётся звонок лифта.

Я жду допрашивающих. Пичменов. Ухмыляющихся привидений в галстуках высоких рангов. Но не четырёх уставших мужчин в бежевых куртках, которые выходят из лифта и идут прямо в камеру Одри, едва взглянув в нашу сторону. Они надевают ошейники на трёх заключённых — хрупкую печальную женщину и двух недоедающих беспризорных ребяташек — и вытаскивают их, держа за палки.

Джоанна и Алекс смотрят на меня, когда идут к лифту. Хотелось бы знать, что нужно сказать, но я почти ничего не знаю. Куда они идут. Что с ними случится. Могу ли я что-нибудь сделать. Всё, что я могу — слабо помахать. Они машут в ответ, потом исчезают в лифте.

Одри останавливается между открытыми дверями.

— Здесь, — говорит она.

Джули отвернулась, не в силах наблюдать за мрачной процессией, но голос матери заставляет её обернуться. Одри смотрит прямо на неё, в глазах если не узнавание, то сознание.

— Я... здесь.

Джули закрывает руками рот. Она визжит сквозь поток слёз, но они с матерью смотрят друг на друга лишь до тех пор, пока их не разделяют двери лифта.

В камере стоит долгая тишина. Джули забивается в угол подальше от всех и трёт глаза. Мне сложно представить, что она чувствует. Её мать может выкарабкаться, но куда? Впереди нет счастливого исхода. Одри погибла много лет назад, жестоко и безвозвратно. Чума, которую мы надеемся вылечить, — единственная вещь, которая удерживает её с нами.

Я сажусь рядом с Джули, но не близко. Остальные расселись на свои привычные места, распределившись по парам, определёнными отношениями, на расстоянии, определённом близостью. Какое-то время Эйбрам вышагивает, наверное, насилуя мозг планом побега, а может, просто от волнения, но в итоге он уступает. Мы сидим кругом по периметру комнаты. Люминесцентные лампы над головой мерцают, освещая наши лица, как желтоватый костёр.

Наконец, Джули замечает мой взгляд, и я отвожу глаза. В моей голове расцветает мысль, которой я позволяю распространиться, наполнить грудь давно отсутствовавшим там теплом. Что, если бы мы встретились в другое время? В одну из многих других эпох, только не в эту? Что, если бы я был просто мальчиком, сидящим в кафе, и, вместо того, чтобы делать домашнюю работу, наблюдал за девочкой, попивающей кофе? Что, если бы эта девочка жила обычной жизнью, волновалась о школе, работе и ещё о чём-то? Что, если бы её сердце, возможно, было лишь немного ушиблено, но не было сожжено и не почернело? Что, если бы никто из нас никого не убивал, никогда не видел, как наши родители умирают, не

подвергался избиениям и пыткам, не был обременён непроходимым квестом? Что, если бы она увидела, как я смотрю на неё и улыбаюсь, и я бы сказал: «Привет!» и спросил, как её зовут, и всё было бы так просто?

«Такие миры существуют, — напоминаю я себе. — Такие миры возможны. И не важно, насколько они кажутся далёкими от нашего».

ИМЯ ТОЙ ЖЕНЩИНЫ.

— Нравится то, что ты видишь? — шепчет мистер Атвист мне через плечо.

Я учусь не шарахаться от запаха его дыхания. Он сказал, что бросил курить в тот день, когда умер мой отец, но либо дым навсегда пропитал его ткани, либо это просто запах гниющего старого человека.

— Один из многих плюсов работы здесь, — говорит он, присоединяясь к моему зрительному пиру. Блондинка в узком красном платье изо всех сил пытается добраться до своего рабочего места. В Атвист Билдинг не так много женщин, но те немногие, которых я видел, выглядят невероятно привлекательными и непрактично одетыми.

— Кто она? — спрашиваю я, не отводя от неё глаз.

— Что значит «кто она»?

— Как её зовут? Что она здесь делает? Он хихикает.

— Ты задаёшь неправильные вопросы, малыш. Но, наверное, ты всё ещё девственник, да?

Я смотрю на него, затем снова на женщину.

— Начиная от Святого Огня и заканчивая Юто-Аризонским изолятором, догадываюсь, у тебя не было больших шансов посеять свой овёс, — он ухмыляется. — И нет, потеря анальной девственности с тем головорезом из твоей камеры не считается.

Несмотря на все усилия, я немного сжимаюсь от его влажных словесных ударов.

— Слушай, Р... — говорит он, шлёпая ладонью мне по плечу, — эта компания запустила свои пальцы во множество горшков, но есть одна идеология, которая связывает их вместе — мы получаем то, что хотим. Это наша миссия как компании и как мужчин. Чёрт, это — причина существования жизни на планете, потому что когда-то несколько микробов решили, что хотят большего, и сделали всё, чтобы это получить.

В отличие от большинства сотрудников Аксиомы, эта женщина носит бейджик. Должно быть, она привезла его с другой работы. Я стараюсь прочитать его: Ракель? Розанна? В это время она замечает мой взгляд. Она улыбается безрадостной натянутой улыбкой в предвкушении открывающихся возможностей, выпрямляет осанку и демонстрирует пышное декольте. В глубоких расщелинах моего мозга закипают сигналы, ниспадая каскадом у поверхности, и я забываю о бейджике.

— Кто она? — повторяет мистер Атвист, качая головой. — Она — дырка. Она — жертва. И если ты собираешься помогать мне в компании, которая будет управлять страной, мне нужно, чтобы ты научился охотиться.

* * *

Итак, я учусь.

Я сижу на всех собраниях, слушаю рычание и лай стариков из руководства. Я тайком слежу за каждой операцией, наблюдая за тем, как участники переговоров умело смешивают страх, надежду и иногда насилие. Я впитываю всё с фанатичным рвением, поэтому настолько быстро понимаю суть бизнеса, что никто даже не начинает кричать про кумовство, когда мистер Атвист протаскивает меня в Управление. Впервые в жизни у меня

есть власть, пылающий меч по сравнению со слабой зажигалкой, которой я владел вместе с Полом, и я начинаю им размахивать.

— Я хочу, чтобы вот этого уволили, — говорю я, и это происходит.

— Я хочу, чтобы вон того убили, — говорю я, и это происходит.

Я по-прежнему молод и нахожусь внизу карьерной лестницы, но у меня есть обещание. У меня есть инстинкт. Мистер Атвист даёт мне ответственную работу в связях с общественностью, и я лезу в молодого злого себя, в мою мрачную пугающую семью и в маленькие умишки, окружающие нас, и думаю: «Чего они хотят? Во что они верят?». Я падаю перед пыльной, заплесневелой полкой отчаянных моментов, глупых побуждений и стонущих потребностей, и просматриваю её уродливые книги.

Я говорю:

— Я хочу подняться на вершину мира и плюнуть в дыру, где находился Бог. И это происходит.

Когда цивилизация угасает, Аксиома поднимается над группами более слабых образований. Мы переживаем переход от валюты к товарам. Мы продаём правительству оружие для того, чтобы они сражались со своими же жителями, загребая миллионы тонн усовершенствованного сырья и карбтеина, и к тому времени, как старое правительство сгнивает изнутри и рушится древняя система, мы понимаем, что находимся в удобной позиции, чтобы их заменить.

«Кто, мы? — спрашиваем мы, невинно хлопая глазами, как Люсиль Болл. — Хорошо, если ты настаиваешь...»

Это происходит на удивление спокойно. Десятью или двадцатью годами ранее один необдуманый комментарий политика мог взорвать целый мир, стать заголовком новостей и поднять шум в интернете, но в ту ночь, когда Соединённые Штаты перестали существовать, никто об этом не говорит. Об этом даже знает только несколько человек. Интернет превратился в общенациональное сообщение об ошибке, давно уничтоженный щелчком выключателя, чтобы защититься от кибертерроризма. Замолчали и радиоволны, кроме раций, работающих на небольших расстояниях. Всё оказалось похороненным под одеялом помех VAVL. Даже федеральный радиоканал, казалось, взял выходной, уснув в море статических шумов. Единственными новостями, транслирующимися в этот особенный вторник в 14:48, являются искажённые спазмы федерального телевидения, которого пытается сообщить нам нечто важное, но по-прежнему не может говорить откровенно.

«Я дуну, — кричит волк из старого чёрно-белого мультика, — и сдую твой домик!»

Старинное фото солдат Конфедерации. Белый дом. Поросят согнали в загон.

Искры болезненно-зелёной статики.

Ведущий новостей сидит за столом, смотрит в камеру, открывает рот...

Кадры горящего Пентагона, снятые на дрожащую в руках камеру. Снова ведущий:

«Леди и джентльмены, боюсь, у нас ужасные...»

Голубые помехи. Красные. Армия разрисованных танков входит в Вашингтон.

«Простите, у нас некоторые...»

Вертолёт снимает невероятно большую толпу, окружённую пылающим Пентагоном, тысячи, если не миллионы, людей взбираются по его стенам.

«Леди и джентльмены, я боюсь...»

Камера падает со штатива. Крики, громкий шум, перед объективом проносятся ботинки.

Экран гаснет. Квартира погружается во мрак. В темноте исчезает моя богатая

меблировка. Экран остаётся чёрным ещё пять минут, затем стрелки часов встают на 15:00 и флаг США гордо махает, постепенно исчезая, пока нарастает музыка и прокручиваются картинки с восхитительной едой. Канал ЛОТОС возобновил свою работу.

Пищит рация. Я беру трубку.

— Это случилось, — говорит мистер Атвист.

— Всё получилось?

— У нас больше шансов победить на выборах, но всё равно, будет нелегко.

Множество других кандидатов тоже захотят поучаствовать.

Я разглядываю цветные картинки, случайно вспыхивающие на экране. Каналу не хватает той поддержки, которая у них была. Он поменяет направление и будет вращаться, как самолёт с мёртвым пилотом, пока однажды на станции не закончится энергия.

— Мы вели себя тихо, — говорит мистер Атвист. — Мы осторожничали, когда закладывали фундамент, и это хорошо. Мягкой силе своё время. Но если мы собираемся перестроить эту страну и сделать её такой, какой она должна быть, нам нужно хорошо потрудиться. Ты готов к этому?

Я смотрю в телевизор. Не отвечаю.

— Я спросил, ты готов хорошо потрудиться, малыш? Разбуди свою секретаршу, если тебе нужен флаффер.

— Что ты планируешь? — я испугался, услышав, как тихо это прозвучало.

Маленький дрожащий звук, который напомнил мне о мальчишке, который прятался на крыше за трубой. Я говорю себе, что просто уже поздно. Я просто устал. Обессилен и истощён суровым режимом индουλгенции. В моей постели спят две женщины из компании, зловоние дыма и запах тел смешивается в прогорклый парфюм. Одна из них — моя помощница. Вторую не могу вспомнить. Они — мои болеутоляющие, которые я принимаю, чтобы проще переживать сомнения. Они подтверждают мой выбор, давая в качестве награды свои тела, извиваясь в большой кровати в моей большой квартире, где я наблюдаю за концом Америки в максимальной безопасности и комфорте. Это — вершина, разве нет? Как мой путь может быть неверным, если он привёл меня на вершину?

— Будь в конференц-зале через час, — говорит Атвист. — Мы поднимем тост за Америку и поговорим о том, как приготовить её тушку.

Рация в руке кажется такой тяжёлой. Я роняю её и смотрю на мигающее безумие в телевизоре. Я чувствую странное желание расплакаться, но душу его внутри.

— Ты в порядке?

Моя помощница сидит на краю кровати и смотрит на меня.

Я встаю и надеваю брюки, набрасываю серебристую рубашку.

— Ты уверен, что хочешь пойти?

— Должен.

— Я думала, ты всегда делаешь только то, что хочешь.

Я пронзаю её предупреждающим взглядом, и она замолкает. Застёгиваю рубашку и тянусь за красным галстуком.

Снаружи, на девяносто этажей ниже моих огромных окон, город корчится в лихорадке, улицы трещат от паники, выстрелов и пожаров. Но всё, что я вижу — Башню Свободы, сверкающую в лунном свете и Башню Синопек, насмешливо подмигивающую мне.

Есть здания и повыше наших. Это не вершина.

Безумец бубнит в покрытых плесенью тенях моего подвала, рассказывая свою историю. Он сидит в углу сгорбившись, его некогда дорогая одежда стала грязной и потрёпанной, красный галстук потемнел и стал коричневым. Негодяй рассказывает истории о своей невероятной славе. Я хочу, чтобы он был именно здесь.

Прикованный к полу, голодный и бессильный. Я не хочу его убивать. Даже не хочу, чтобы он заткнулся. Я буду держать его здесь и слушать, пока не узнаю все его секреты, сильные и слабые стороны. Он никогда не будет снова меня контролировать.

Я открываю глаза и вижу бледный свет своей последней тюрьмы. Джули спит рядом со мной, свернувшись в клубочек, оставив между нами запас прохладного воздуха. Наша жизнь стала настолько отягощена страхом, что любовь кажется роскошью, которую мы не можем себе позволить. Даже здесь, в этой камере, где нечего делать, кроме как ждать, мы отталкиваем её от себя. Но я отказываюсь верить, что она исчезла. Временами я замечаю, как она поблёскивает в разломах.

Быстрый взгляд. Поцелуй в падающем самолёте. Как-нибудь, среди огня и смерти, мы снова её найдём.

Раздаётся звонок лифта. Джули открывает глаза. Она видит, что я смотрю на неё, и кажется, она озадачена слабой улыбкой на моём лице, но, как всегда, сейчас не время делиться с ней своими мыслями. Лифт открывается, и мне не нужно отводить взгляда от её лица, чтобы понять, кто выходит оттуда. Всё ясно по панике в её глазах.

— Всё будет в порядке, — говорю я, шокированный тем, насколько ровным оказался мой голос. Я больше не Мёртвый, я дышу, истекаю кровью и чувствую боль, но по какой-то причине я не боюсь. Я сажусь ближе к ней и касаюсь её руки. — Теперь мы стали сильнее. Они не знают, как причинить нам боль.

Она смотрит на меня и сжимает губы, чтобы они не тряслись. Кивает, и этот простой жест наполняет меня надеждой.

Дверь камеры открывается, и мы встаем, чтобы встретиться с ними.

— Привет! — шепчет Жёлтый Галстук.

МЫ

МАЛЬЧИК СИДИТ на столе. Ему сказали, что стол — это привилегированное место для людей с большим потенциалом. Впервые за все его жизни кто-то сказал, что у него есть потенциал, но это его не вдохновило. Он находится в комнате, полной людей с большим потенциалом, они разного возраста, пола и внешности, но у всех есть общая черта. Какой бы ни был цвет их кожи, он исчез. Каким бы ни был настоящий цвет их глаз, он изменился — в основном, на серый, но у некоторых глаза с жёлтыми вкраплениями. Мальчику кажется, что потенциал — туманное понятие. У яда есть потенциал для убийства. У плоти есть потенциал для гниения.

Все эти люди с высоким потенциалом сидят на столах, как и мальчик, впитывая сбивающий с толку поток информации. Экраны находятся в каждом углу, транслируя на полную громкость различные программы — спорт, фильмы, старые выпуски новостей с постоянными перерывами на рекламу — и сражаясь за доминирование с поп-песней из динамиков, похожей на звуки женских оргазмов, положенные на биты.

Посреди всего этого в передней части комнаты стоят двое мужчин, вроде бы читающих лекцию или что-то в этом роде, хотя мальчик может выхватить только несколько обрывков в вихре этого шума. Что-то о безопасности от одного из них, и что-то о свободе от второго.

Большинство людей в комнате смотрят дикими глазами то на один экран, то на другой, то на динамики. Некоторые смотрят прямо перед собой, с их разомкнутых губ стекают слюни. Двое или трое с ясным, как у мальчика, взглядом осматриваются по сторонам, сосредоточенно нахмурившись в попытках понять, что за странная атака. Внезапно одна из них вскрикивает и скидывает руку, сбивая свою капельницу. Трубка выскакивает из пакета. Сиропообразный розовый коктейль льётся на пол и мужчина в лабораторном халате бросается его подключать.

Мальчик чувствует сироп в своих венах, взаимодействующий с его чуть тёплой кровью. Он следит глазами за трубкой от руки к пакету, а потом к потолку, где она соединяется с остальными, свисающими как лианы в джунглях из центрального хаба, который питается от толстого шланга, выходящего из комнаты. Мальчику интересно, куда он ведёт и что внутри него. Ему интересно, во что эти люди хотят его превратить.

Пока лаборант борется с непослушной студенткой, сеанс останавливается. В оглушительной тишине мальчик слышит стоны и вопли менее привилегированных учеников в соседних классах. Они слишком глубоко увязли в чуме, чтобы действовать, как люди. У них нет столов. Они не смотрят телевизор. У них низкий потенциал, и они будут переориентированы для более грязных работ, в соответствии с очевидным порядком природы.

Дверь открывается. Женщина в лабораторном халате вталкивает внутрь двух ребятишек. Мальчик смотрит на детей, а дети в ответ смотрят на него.

Один из них улыбается. Это девочка примерно семи лет, серость едва коснулась её смуглой кожи, её тёмные глаза сверкают золотом, как прожилки руды, обещающие богатство.

Она бежит к мальчику, обнимает его, и он вспоминает, что её зовут Джоанна.

Светленький брат Джоанны пританцовывает возле стола мальчика, трогает его за щёки и смеётся.

— Нашли тебя, нашли тебя! — говорит Алекс.

Эти дети находят его не в первый раз. Давно-давно, в отдалённой части этого мира, они нашли его скитающимся по подвалу аэропорта и вытащили на дневной свет. Его друзья, Джоанна и Алекс. Ещё два хороших человека.

Женщина в лабораторном халате хватается за ошейники и тащит к столам, усаживает и подсоединяет к рукам капельницы. Сеанс продолжается. Вихрь шума бьёт им в глаза и уши, но Джоанна и Алекс, похоже, не обращают на это внимания. Они улыбаются мальчику, и он понимает, что их радость заразна. Он улыбается в ответ.

Страницы на Верхних полках шелестят, наполняясь новыми словами. Простые предложения полируются и сверкают.

Я

ВОТ И ОН. Мегалополис, который я хотел увидеть. Больше нет тихих дворишков, пустырь зданий и ветра, завывающего на призрачных улицах. Это Нью-Йорк. Через окно внедорожника я наблюдаю за тем, как он бурлит, как перемешивается настоящее и будущее. Я — заключённый, или это просто очередное возвращение с работы? Очередная поездка в лимузине от Атвист Билдинг до дома после долгого дня? Тротуары забиты пешеходами, улицы стоят в пробках, как в час пик. Это энергия и коммерция, и через плотную тонировку окна мир выглядит прежним. Но когда я опускаю окно, чтобы посмотреть на него без фильтров, появляются несоответствия. В окнах небоскрёбов трепещет стираное бельё, превращая сверкающие бизнес-башни в диккенсовские трущобы. Каждый сквер и парк переоборудован в некое подобие рабочих мест: импровизированные сборочные линии и станции для переработки мяса, временно огороженные зоны ожидания для подающих надежды иммигрантов. Шум пробок отсутствует, и это кажется странным — где духовой оркестр? Где диссонирующая симфония клаксонов?.. Потом я замечаю, что все автомобили на дороге помечены логотипом Аксиомы. Строительные машины и транспортировочные фургоны двигаются в молчаливом единодушии.

Окно поднимается, затемняя неприятные детали сцены. Голубой Галстук ловит мой взгляд в окне заднего вида.

— Для обеспечения оптимальной безопасности при движении по населённым пунктам следует держать окна закрытыми. У нас трудности с сотрудниками, которым мы не заплатили.

— У каждого есть возможность продвинуться в этой компании, — говорит Жёлтый Галстук, поворачиваясь ко мне с переднего сиденья и улыбаясь. — Если он будет достаточно трудолюбивым и готовым к самопожертвованию.

Чёрный Галстук ничего не говорит. Он смотрит на лицо Джули, и она отодвигается от него так далеко, как только может, почти садясь мне на колени.

— Ты воняешь, как дерьмо, — рычит она и поворачивается к переднему сиденью, чтобы обратиться к остальным двоим. — Вы воняете, как дерьмо старика, забрызганное освежителем воздуха. Куда вы нас везёте?

— В настоящее время 432 дом на Парк Авеню — это самое высокое здание в западном полушарии, — с мягкой уверенностью заявляет Жёлтый Галстук. — Девяносто этажей просторных квартир со всеми удобствами, которые вы можете себе представить. Это действительно новый стандарт элитного жилья.

— Что за хрень ты несёшь? — кричит Джули. — Ты вообще себя слышишь? Я смотрю на людскую реку, плывущую по обеим сторонам улицы.

Измощённые худые лица, тощие, либо ожиревшие тела, обёрнутые в потрёпанные выцветшие остатки дорогой одежды, логотипы на которой не видны из-за пятен и дыр. Разрушенные войной и землетрясениями здания не восстановлены, а отремонтированы сырой фанерой. Витрины огорожены и заставлены непонятными механизмами. Город гудит, как завод, но что он производит? Ни на одном лице не видно удовлетворённости от результатов тяжёлой работы. Этот завод — продукт многих заводов.

Как это произошло? Даже негодяй в моём подвале не хотел бы жить в таком мире. Он хотел собирать плоды общества, а не сажать сад. Из-за чего Аксиома сошла с ума? Я взываю к своим воспоминаниям, но они отказываются мне открываться.

— Ты хочешь всю дорогу ехать по Парк Авеню? — спрашивает Джули.

— Это самый короткий путь, — отвечает Голубой Галстук.

— Пробки ужасные. По Третьей было бы быстрее.

Голубой Галстук смотрит на неё через зеркало, но продолжает ехать по Парк Авеню. Джули вздыхает.

Вспомнить, что мы с ней оба нью-йоркцы, доставляет мне некоторое удовольствие, как бы плохо сейчас не звучало это звание. Кусочек общей земли в огромной пропасти между её прошлым и моим. Я представляю, как она едет в центр вместе с группой своего отца, впитывая всё, что попадает в поле зрения её голодных юных глаз, и стремясь скорее вырасти. А потом, навещая его в форте Гамильтон, когда начали кипеть Конфликты Районов, ей хотелось этого меньше. Я вижу её двенадцатилетней, воображение подкидывает мне удивительные детали: она ниже, худее, на мягких щеках меньше шрамов, крошечное тельце утопает в мешковатой рабочей одежде. Она идёт по Бруклинскому мосту, вдалеке добавляет текстуры восходу солнца дым от взрыва. Эта мысль заставляет меня улыбаться, пока я не вспоминаю, что я тоже там был. Может быть, смотрел на неё из какого-нибудь мрачного окна высотки, но видел только ещё один пиксель в порнухе моих амбиций.

Я хочу выкашлять своё прошлое, сплюнуть его подальше, но оно закладывает мне горло. Есть только один способ справиться с ним — переварить его.

— Вот мы и приехали! — объявляет Жёлтый Галстук, когда автомобиль подъезжает к обочине.

— Не прошло и трёх дней, — говорит Джули, закатывая глаза.

— Мы признательны вам за энтузиазм, — говорит Жёлтый Галстук. — Надеемся, это значит, что на сегодняшнем интервью вы решите сотрудничать.

— Да пошла ты. Ты воняешь, как вишнёвый презерватив с тухлой спермой.

Я фыркаю. Жёлтый Галстук хмурится. Какими бы красочными не были оскорбления Джули, они остаются отвратительно меткими.

Я выхожу, сильный ветер выдувает из моего носа зловоние пичменов, но только чтобы заменить его на густой городской аромат мусора и отходов человеческой жизнедеятельности. Чёрный Галстук выталкивает Джули, и она оступается. Я подхватываю её, насколько это возможно сделать со связанными впереди запястьями. Мы оба в наручниках, но мы неукротимы. Если бы мы внезапно пустились в бега, то, возможно, смогли бы уйти, но, судя по явному отсутствию беспокойства у пичменов, эта идея бесполезна. Куда мы побежим? Как далеко сможем убежать? Город сам по себе тюрьма.

Прежде, чем я нахожу вершину Парк Авеню, 432, моя шея несколько раз хрустит. Здание представляет собой совершенно симметричный прямоугольник, его квадратные окна идут всё выше и выше в непрерывной последовательности, пока не становятся слишком маленькими, чтобы можно было их разглядеть. Голова кружится, но не от высоты: здание мне знакомо. За дверью подвала раздаётся взволнованное бормотание.

Я жил здесь.

«Это было великолепно, — вздыхает негодяй. — Но, что более важно, это было необходимо. Людям нужно видеть кого-то у власти, кого-то, кто будет наблюдать за ними с непостижимой высоты. Это таинственность, которая поддерживает власть, это

усталое допущение, что кто-то должен быть выше них, ведь Богу разумно прятаться на Небесах».

Но что-то не так. Вестибюль удивительно неряшлив для божественной силы.

Белые мраморные полы запачканы следами ботинок, мебель раскидана, всё покрыто пылью. Нет ни швейцара, ни консьержа — вообще никаких признаков жизни. Я запомнил это здание роскошной крепостью для нескольких выживших людей с большим влиянием, но сейчас она такая же холодная и тихая, как и любое разрушенное здание.

— Это не самое высокое здание, — говорит Джули, пока пичмены ведут нас к лифту. — Как вы собираетесь управлять страной, если даже не знаете контуры Нью-Йорка?

— Башня Синопек выше, — признаёт Жёлтый Галстук.

— Вот именно. Член хорош, но я видала и побольше.

Мы поднимаемся наверх. Квадратные окна проносятся мимо прозрачных стен лифта, открывая нам мигающий зоотропный вид на город, который становится прозрачным, когда мы прибавляем скорость.

— Заметь, башню Синопек сейчас не видно, — говорит Голубой Галстук. Джули рассматривает горизонт и хмурится.

— После того, как в трагическом землетрясении Восемь-Шесть мы потеряли штаб в центре города, — говорит Жёлтый Галстук. — мы решили, что должны занимать самые высокие здания в городе, тогда доверие к бренду будет больше. Мы смогли взять Башню Свободы с минимальными затратами, но постоянно конфликтовали с жителями башни Синопек. Мы решили ликвидировать здание, убив сразу двух зайцев.

— Эффективная многозадачность имеет решающее значение для того, чтобы в сегодняшнем конкурентном мире оставаться на вершине, — говорит Голубой Галстук.

Джули смотрит на пустое место, где раньше находился шпиль из голубого стекла. Я чувствую такую же пустоту в своих воспоминаниях. Они прыгают взад и вперёд, но существует барьер, который они никогда не брали, в тених которого прячутся эти события. Землетрясения, наводнения, падающие здания. Сумасшедшая схватка за вершину после того, как залёг на дно.

Как он это сделал?

Номера этажей продолжают ползти вверх. Пятидесятый. Шестидесятый. Чем выше мы поднимаемся, тем нереальнее кажется город. Исчезают люди. Здания превращаются в игрушечные домики. Ладьи на шахматной доске, которая ставит тебя в тупик.

Внезапно мне будто выплёскивают в лицо ледяную воду.

— Куда мы едем? — я делаю угрожающий шаг к Голубому Галстуку. — Что находится в этом здании?

— С тобой хочет поговорить руководство, — говорит он. Желудок подпрыгивает.

— Он здесь? — язык отшатывается от его имени. — *Он...* здесь?

Три хорошо одетых упыря улыбаются мне. Даже Чёрный Галстук.

Я бью Голубой Галстук плечом, отбрасывая его к кнопочной панели. Отчаянно колочу по кнопке аварийной остановки, но ничего не происходит. Кулак Чёрного Галстука сносит меня, как автобус, и я отступаю назад, наблюдая перед глазами вспышки и пятна. Джули включается в потасовку так, будто мы её планировали. Она запрыгивает на спину Чёрного Галстука и накидывает наручники ему под подбородок, стянув шею цепью так сильно, что она почти исчезает в его плоти. Но он выглядит невозмутимым. Он тянется за спину и хватает Джули за волосы. Она вскрикивает, когда он стаскивает её со спины и бросает на

пол. В его кулаке остаётся клочок золота. Он видит, как я смотрю на него, одаривает меня расчётливой ухмылкой и прячет его в карман.

Ужас сменяет гнев. Я прижимаюсь к стене, готовясь ударить его и, надеюсь, вытолкнуть через стекло, а потом избивать до тех пор, пока не воссоединимся с улицей. Но Голубой Галстук тычет мне в шею электрошокером, и я падаю.

Чёрный Галстук поднимает Джули с пола. Он придерживает её за плечи, пока Голубой Галстук прижимает шокер к её груди.

— Стой, — хриплю я, поднимаясь на колени.

— Сейчас нам нужно ваше полное сотрудничество, — предупреждает Жёлтый Галстук.

— Пошла... ты! — рычит Джули сквозь стиснутые зубы. Между её клыками вспыхивают искры. В моём мозгу мелькает ещё одна мелочь, ещё один кусочек паззла в женщине, которую я люблю: исследования показали, что ругань оказывает анестезирующий эффект.

Ругань облегчает боль.

Лифт звякает. Двери открываются. Чёрный Галстук отпускает Джули, и она мешком валится на меня. Я не могу обнять её, поэтому импровизирую: прижимаюсь подбородком к её макушке.

— Ты в порядке? — шепчу я.

Она слабо кивает и трётся головой о мой подбородок. Её дыхание согревает мою шею.

— Если вы сейчас пойдёте с нами, — говорит Жёлтый Галстук, выманивая нас из лифта, — то мы передадим вас руководству, и они с радостью вам помогут.

Мы заходим в квартиру, чьи резкие контрасты придают ей ауру художественной инсталляции — может, это какой-нибудь неуклюжий комментарий о безудержном потреблении или о пустоте богатства. Как и вестибюль внизу, самая высокая резиденция в западном полушарии оказалась запущенной. Изящная кожаная мебель в пятнах и трещинах, белые мраморные столешницы в пыли, а полы из светлого дуба потемнели от следов ботинок, ведущих вглубь. Это могла быть чаша с плодами, но сейчас в ней засохшая гниль, просто один из ароматов кладбища, раздражающих мой нос. Но больше всего меня беспокоит другой: сигаретный дым.

Или, точнее, человеческая плоть, разложившаяся по его вине.

Он здесь.

После стольких лет. Он по-прежнему здесь. Ждёт меня. Выползает из моего подвала.

Атвист.

Это имя врывается в мои мысли, вгрызается в мою личность подобно тому имени, тому странному шуму, начинающемуся с «Р», которое мне дали родители. Что, если он назовёт его вслух? Что, если он выпустит его из моей головы и сделает его реальным вместе с остальной тёмной жизнью?

Всё перезапишется? Я исчезну?

Я чувствую удар в спину и шагаю вперёд. Я даже не понял, что остановился.

Странно, по квартире разбросаны стулья, валяются разорванные книги, а на стенах из гипсокартона глубокие царапины. Я бы не удивился, узнав, что у деда был ручной медведь. Все светильники разбиты, и, хотя квадратные окна обеспечивают достаточный обзор, комната наполнена мраком. Солнце скользнуло за тёмное облако, плывущее через океан. Окна скрипят на ветру.

Пичмены ведут нас в гостиную прямо по дорожке из следов ботинок — по-видимому, во всём пентхаусе ходят только здесь. Я помню эту комнату. Я помню камин с его

безупречно нарубленными кедровыми дровами, который никогда не горел. Я помню рояль, который доминировал над пространством, как глянцева́я чёрная скульптура, на котором я никогда не играл.

«Ты хоть когда-нибудь устаёшь? — иногда хотел бы я спросить. — Ты когда-нибудь задавался вопросом, над чем мы работаем?»

А он бы рассмеялся и сказал: *«Нет»*.

«Мы столько всего приносим в жертву, — сказал бы я ему, когда мир вокруг меня начал расплываться после нескольких выпитых стаканов. — Нашу жизнь и жизнь остальных. Ты когда-нибудь спрашивал себя, зачем?»

А он бы рассмеялся и сказал: *«Затем, что мы можем. Потому что если бы этого не сделали мы, сделал бы ещё кто-то. Так устроен мир»*.

Рояль весь в пыли, но он цел. Брёвна посерели, но, кажется, ещё способны согреть этот мраморный склеп, если бы кто-нибудь поджёг их. Я помню эти светильники. Только не помню белой занавески, которая тянется от стены к стене, деля пространство на две половины, как роскошную больничную палату.

— Руководство хочет поговорить с вами, — повторяет Голубой Галстук, и они с Жёлтым проходят вперёд, прижимаясь спинами к занавеске. Я ожидал, что они драматично отдёрнут её, открывая Атвиста и членов его правления, сидящих за длинным чёрным столом. Но пичмены просто стоят. Свет за занавеской отбрасывает на неё бесформенные тени. А потом:

«Мы знаем, кто ты».

У меня в волосах зажужжали пчёлы. В ушах — москиты. В мозгу закопошилось паучье гнездо. Я привык слышать голоса, но это другое. Это не моя совесть, не моё прошлое и не призрак, которого я поглотил. Голос идёт снаружи.

«Мы знаем, что ты сделал, и хотим, чтобы ты всё исправил».

В последний раз, когда я слышал похожий голос, я не знал, был ли он реальным или моей проекцией. В разгар мрачных событий на Стадионе, окружённый армией скелетов, это не имело большого значения. Голос пел, выл бессвязно бормотал, и я изо всех сил старался его игнорировать, раскалывая ухмыляющиеся черепа. Но ужас в глазах Джули избавляет меня от утешительной неясности. Голос настоящий.

«Ты дашь нам то, что мы хотим, или мы найдём способ это получить».

Голос такой же бессмысленно уверенный, каким я его запомнил. Скучная монотонность заранее известных выводов. Но в его тембре появилось что-то новое. Скрипучая нота агрессии.

Он.

«На постройку нашей машины ушли века. Она была прекрасна. Она обеспечивала людям безопасность, скармливая их нам. А ты сломал её».

— Р, что это? — шепчет Джули, прижимая ладони к щекам.

«Ты запутал людей. Ты сказал, что видишь вещи, которых не существует. Ты запутал чуму, и теперь мир наполняется людьми, которым нет места. Люди, которые не помещаются нам в рот. Они напуганы, а мы голодны».

Это он, но его голос — только один голос в хоре или, может быть, в толпе, поскольку здесь больше шума, чем гармонии. Будто миллион стариков орут друг на друга, пока их голоса не сливаются, не усредняются и их софизмы не сливаются, наконец, в истину.

«Мы хотим, чтобы всё снова стало простым. Мы хотим, чтобы ты вёл их в наш»

рот».

— Нет, — говорю я.

Сквозь щель в занавеске потянул сквозняк. Она покрывается рябью. Солнце снаружи полностью скрывается за тёмными облаками. На стекло приклеивается лист, сорванный с деревьев, которые растут так далеко, что с высоты похожи на траву.

«Мы сделаем тебе больно».

— Вы и раньше делали.

«Мы сделаем больно людям, которых ты любишь».

— И это вы тоже делали, ублюдки, — говорит Джули, делая строгое лицо и выпрямляя спину.

Занавеска вздымается как от сейсмического толчка. Что бы там ни было, оно не имеет человеческих контуров. Низкие тени, оцетинившиеся острыми иглами.

«Детишки, — рычит другой знакомый голос. — Танцующие улыбающиеся засранцы».

Порыв ветра бьёт по зданию, грохоча оконными стёклами. Пищит рация Голубого Галстука. Он подносит её к уху. Я не могу разобрать слова на том конце провода, но слышу, что случилась беда.

— Извините, — говорит он, проскальзывая через занавеску.

Мы с Джули переглядываемся. Жёлтый Галстук по-прежнему весело улыбается, но молчит.

— Что не так? — говорит Джули. — Они будут нас пытаться или нет?

Я напрягаю слух и ловлю еле слышные звуки из-за занавески. Бессловесный шёпот. Тихое бормотание.

— И? — огрызается Джули, обеспокоенная тревожным молчанием. — У меня ещё осталось девять пальцев, давайте начнём!

Я вижу, как в океане появляются барашки. Ещё один порыв ветра бьёт в башню, словно мягкий кулак, и окно рядом со мной даёт трещину. Я наблюдаю за расплзающимися серебристыми линиями, хрустящими, как ломающиеся кости, и у меня появляется странная мысль:

«Песочные замки. Ты ребёнок, царствующий в замках из песка, но ты забыл о приливе».

Голубой Галстук выходит из-за занавески и молча уходит из комнаты. Жёлтый Галстук идёт следом, по-прежнему улыбаясь, а за ней идёт Чёрный Галстук, подталкивая нас вперёд.

— Эй! — кричит Джули. — Какого чёрта тут происходит?

Они заталкивают нас в лифт, и мы падаем вниз. Джули смотрит на меня дикими глазами, но я могу только пожать плечами. Пичмены слушают жужжание раций, глядя на темнеющее небо. Их ухмылки начинают сползать.

МЫ

ГОРОД ПРОСНУЛСЯ от дневного сна. Распахнул взволнованные облачные глаза Сквозь тёмное стекло пичменовского внедорожника я вижу людей с коробками и рюкзаками, которые бегают по улицам взад и вперёд, загружая тележки и даже навьючивая лошадей. Я вижу, как отряды Аксиомы выстраивают людей в линию. Кажется, происходит какая-то сортировка, но её принципы ускользают от меня. В результате получается две группы: люди, которые молча кивают и садятся в фургоны, и люди, которые кричат и ругаются, пока солдаты отгоняют их прочь. Время от времени слышны выстрелы, раздающиеся эхом по улицам, но их сложно расслышать из-за завывающего ветра.

Джули перестала требовать ответы. Она с отсутствующим взглядом наблюдает за хаосом вокруг.

— Когда моя семья сбежала, было точно так же, — бормочет она. — Каждый пытался удрать, при этом прихватив что-нибудь с собой. На улицах были танки, всё вокруг было забрызгано боевой раскраской, цветами районов и изрисовано логотипами. Стейтен-Айленд воевал против Бруклина, тот против Квинса, этот против Бронкса, и все четверо шли против Манхэттена. И, конечно, Мёртвые, которые возникали после каждой стычки. Мёртвые шли против всех.

Она наблюдает за женщиной, сгоняющей двух ребятишек в подземный переход. Я наблюдаю за мужчиной, который пытается залезть в окно по пожарной лестнице вместе с листом фанеры, которую пытается вырвать ветер.

— Тогда это были просто люди, — говорит Джули. — Мы думали, что бежим от людей.

Пичмены останавливаются на тротуаре и ведут нас в здание. Они по-прежнему молчат, и их лица не выражают эмоций всю дорогу до этажа нашей тюрьмы.

Возможно, они затерялись в своих странных мыслях, если, конечно, способны мыслить. Я думаю, скорее всего они просто оглушены внезапной сменой задания, отключены от схемы и теперь бродят в темноте, в которой нет готового сценария.

Они открывают наручники и молча подталкивают нас к камере. Нора смотрит на нас, не находит новых увечий и делает слегка озадаченный вздох облегчения.

Эйбрам злобно зыркает на пичменов. Спраут спит на его плече. М мягко посапывает, прислонившись к стене.

Здесь, где находится только одно окно, выходящее на кирпичную стену, непонятно, что творится снаружи. Повсюду слышны завывания и треск, но не видно паники, которая распространяется по городу.

— Привет, — говорит Джули.

— Привет, — отвечает Нора. — Как прошло интервью?

— Слушай, — говорит Джули, подбегая к ней, — снаружи всё разваливается, нам нужно...

Она замолкает и глядит через плечо. Пичмены всё ещё стоят в дверях.

— Да?.. — говорит Джули. — Вам чаевые дать или что?

Они поднимают рации. Я слышу тихий ропот голосов, и их безэмоциональные лица снова усмеваются, преисполненные уверенности.

Чёрный Галстук шагает в камеру и тянется к руке Спраут. Эйбрам отталкивает его руку, встаёт и с отпихивает его с такой силой, что можно было бы сбить с ног мужчину намного больше пичмена.

— Даже не думай, — говорит он.

— Это для её же безопасности, — говорит Жёлтый Галстук с обезоруживающей улыбкой. — Если получится её переориентировать, она всегда будет в безопасности. Разве ты не этого хочешь?

— Она не Мёртвая.

— Аксиома стремится разрушить барьеры, — с гордостью заявляет Жёлтый Галстук. — По мере того, как мы разрабатываем технологии Ориентирования для разнообразных биологических состояний, традиционные категории «Живой» и «Мёртвый» всё больше становятся неразличимыми. В Новой Америке для всех найдётся место, — она лучезарно улыбается, будто она воспитательница в детском саду, которая говорит детям, что они особенные. — Даже тебе.

— Пошли вон, — рычит Эйбрам, загораживая дочь, которая в панике смотрит по сторонам сонными глазами.

Жёлтый Галстук вздыхает. Она поднимает рацию и говорит:

— Охрану на двадцатый этаж, пожалуйста.

Эйбрам бросается вперёд. Чёрный Галстук бьёт его в лицо. Он отшатывается назад и чуть не падает, но Спраут удерживает его сзади.

Я готовлюсь к очередной драке, к очередной серии ударов шокером по моему ещё пульсирующему мозгу, но пока я обдумываю свой первый ход, дверь на лестницу распаивается и врываются три солдата, целясь в нас винтовками через окно камеры. Джули уже сжала кулак и замахнулась — она всегда принимает решения быстрее меня, но солдаты вбегают в камеру и прицел их винтовок перепрыгивает с одной цели на другую, чтобы показать, что мы все на мушке.

— Мы надеемся, что вы больше не будете подвергать себя опасности, — говорит Голубой Галстук. — Как только мы приведём филиал в порядок, то будем с нетерпением ждать, что вы станете членами семьи Аксиомы.

Один из охранников тычет дулом в лоб Эйбрама, пока остальные обходят его, чтобы взять Спраут за руку.

— Отвали! — кричит Спраут, извиваясь и пинаясь. Охранник держит её, чтобы Жёлтый Галстук могла застегнуть вокруг её запястий кабельную стяжку.

Эйбрам сжимает кулаки, но он на мушке. Спраут перестаёт сопротивляться и смотрит через плечо заплаканными глазами сначала на отца, потом на Джули.

— Ну, — вздыхает М, поднимаясь с пола. — Пошло оно всё.

Он подбегает к ближайшему охраннику и бьёт его головой об стену, вырывает из рук винтовку и стреляет ему в грудь. Поворачивается и в следующую секунду стреляет в голову второму. Чёрный Галстук перехватывает оружие и выворачивает его в сторону, пока Голубой Галстук прижимает шокер к спине М, но тот не обращает на него внимания, и использует мышечный спазм от тока, чтобы ударить локтем в лицо Голубого Галстука, врезаться головой в Чёрный, отпихнув того назад, и нанести три череподробящих удара прежде, чем третий охранник успеет в него выстрелить.

Ярко-красная кровь хлещет из его плеча, затем из живота. М падает на пол.

За время, которое заняло всё происходящее, мы успели сделать около пяти шагов

вперёд. М невероятно быстр для своих габаритов. Последний охранник блокирует дверной проём, всё ещё целясь из винтовки в Эйбрама, трясущегося от ярости, способной в любой момент разорвать узы разума.

— Мы приносим извинения за это происшествие, — говорит Голубой Галстук, пока он и Чёрный Галстук идут к лифту следом за Жёлтым. — К сожалению, когда пренебрегают авторитетом, насилие становится необходимостью.

Охранник достаёт ключи и карточки у двух мёртвых коллег, запирает нашу дверь и присоединяется к пичменам.

— Аксиома стремится сделать мир стабильнее, — говорит Жёлтый Галстук. — Надеемся, вы проживёте достаточно долго, чтобы успеть это понять.

Когда двери лифта закрываются, она по-отечески улыбается нам.

В камере тихо, только ветер едва слышно трещит стёклами и сталью.

— Прости, Эйб, — сопит М. — Я старался.

Охранник, которого он пристрелил, начинает дёргаться. Эйбрам смотрит, как безжизненные карие глаза мужчины становятся серыми. Затем топчет его голову, пока ботинок не проходит сквозь неё.

— Меня зовут Эйбрам, — ворчит он, вытирая с лица пятна крови. — Меня зовут Эйбрам Кельвин.

Он возвращается в свой угол и опускается на пол.

Нора садится на колени рядом с М и стягивает с него рубашку, чтобы осмотреть раны. Она ничего не говорит, у неё суровое лицо профессионала, хотя ноздри раздуваются от быстрых вдохов.

— Какой... диагноз, док? — говорит М. — Пулевое ранение?

— Плечо в порядке, — бормочет она. — Прошла навывлет, слегка задело ключицу. Выстрел в живот... — она замолкает.

— Не лучшее время для молчания, — говорит М.

Глаза Норы странно пусты. Она смотрит на дыру в животе. Моргает снова и снова.

— Нора? — зовёт Джули.

Нора сильно встряхивает головой.

— Простите. Я... — она поднимает М за бок на несколько сантиметров от пола, чтобы осмотреть рану на выходе, потом грубо отпускает его. Он стонет.

— Пуля прошла насквозь. Она попала в бок, там много жира, поэтому, наверное, важные органы не задеты. Но, думаю, скоро мы это узнаем.

— Господи, Нора, — качает головой Джули. — Твоя манера обращаться в больными...

Дверь нашей камеры приоткрывается. Х.Томсен проскальзывает через щель.

— Он в порядке или умрёт? Не люблю смотреть, как умирают люди.

— На этом этаже есть канцелярские принадлежности? — спрашивает Нора. — Типа степлера?

Томсен убегает в комнату для совещаний и возвращается с большим тяжёлым степлером.

— Отлично, — Нора сжимает края дыры на животе М и защёлкивает толстую скобу.

— Твою мать! — кричит М, удивлённый сильной болью.

— Нужно найти что-нибудь, чтобы потом обработать, а пока кровь немного остановится.

Ещё одна скоба.

— Дерьмо! — кричит М.

— Чёрт возьми! — кричит М. И так далее.

Я иду к окну и прижимаюсь лицом к стеклу. Соседнее здание и его улыбающийся рекламный щит заслоняют город, но можно увидеть узкие улицы внизу. Сотрудники Аксиомы выбегают из Башни Свободы кучей бежевых муравьёв, грузят ящики в машины, а людей — в автобусы. Эвакуация.

Порыв ветра ударяет в окно, и я чувствую сердитый толчок стекла.

— Нужно выбираться отсюда, — объявляю я комнате.

— О, ты так думаешь? — говорит Нора, устанавливая очередную скобу.

— Грёбаное дерьмо! — кричит М.

— Я имею в виду *прямо сейчас*. Город пустеет. Думаю, это...

— Сраная херня!

— Это ураган, — говорит Джули, и это привлекает внимание остальных. — Наверное, сильный. Учítывая, что половина Манхэттена ниже уровня моря...

Никто ничего не говорит. М молча терпит следующую скобу.

— Значит, они забирали её в безопасное место, — бормочет Эйбрам себе в ладони. Его голос похож на голос расстроенного мальчика, высокий, будто сказанный нараспев. — Это хорошо. Она может играть с Мёртвыми ребятишками. Твоя Мёртвая мать присмотрит за ней. Это хорошо.

— Эйбрам, — говорит Джули, пытаюсь поймать его взгляд. — Мы найдём её. Он улыбается, глядя в пол.

ДЖУЛИ ПРОВЕРЯЕТ дверь на лестницу. Закрыто. Я пробую вызвать лифт. Нужна ключ-карта.

Мы рыскаем по другим офисам и конференц-залам. Некоторые ещё не переделаны в тюремные камеры, но в их заплесневевших ящиках не находится ничего полезного, только карандаши, ручки и абсурдные бумаги Аксиомы.

Документы учета поступления амуниции. Квитанции о торговле людьми.

— Отсюда нет выхода, — говорит Томсен, наблюдая за нами через решётку своей камеры. Там темно. Не знаю, зачем она сидит там, если охрана ушла. — Простите, но я всё перепробовала. Я просидела здесь два месяца, и всё перепробовала. Отсюда нет выхода.

Джули стоит в коридоре, притопывая ногой и накручивая локон.

— Я вламывалась в множество зданий, — продолжает Томсен. — Почти во все. Сирс Тауэр. Чейс Тауэр. Ки Тауэр. Уилшир Гранд Тауэр. Здание Банка Америки. Крайслер Билдинг. Вулворт. Джи-И-Билдинг. Метлайф-Билдинг...

— Томсен? — говорит Джули, перебивая её как можно вежливей. — К чему ты клонишь?

Томсен делает паузу, раздумывая.

— Джи-И-Билдинг. Отель Трампа. Коламбия Центр. Трансамерика. Башня Синопек пока её не разрушили. Центр Технологии и инноваций Комкаст...

— Томсен! — кричит Нора из другой комнаты. — Давай к делу!

Томсен встряхивает головой, возможно, чтобы вспомнить, к чему вела.

— Я знаю, как проникать в здания и выходить оттуда. Но это не такое, как остальные, — она суёт руки в карманы и начинает расхаживать по камере. — Охрана удвоена, утроена. Чрезмерная. Это смешно. Им приходится тратить несколько часов в день, чтобы вводить коды и поворачивать замки, — она зарывается пальцами в свои каштановые кудри и напрягает лицо, внезапно потеряв рассудок. — Ненавижу это здание! Здесь ничего не имеет смысла! Я могу подобрать ключ к замку, но не код. Я не хакер! Я — журналист! Я не могу вас вытащить.

Порыв ветра бьёт в здание, но не стихает. Дом трещит, как дерево, сражающееся с бульдозером. Я никогда не слышал, чтобы ураган повалил небоскрёб, уверен, они построены с учётом сильного ветра. Но опять же, окружающие этот остров руины свидетельствуют о том, что старому миру не хватало предусмотрительности. А это — новый мир. Здесь новые ветры.

Я слышу, как над и под нами бьются окна.

— Мне жаль, — говорит Томсен, яростно вытирая лицо. Я с тревогой понимаю, что она плачет. — Я не могу подобрать код. Я не могу вытащить вас отсюда. Простите.

Джули смотрит на Нору через дверь камеры, словно ищет помощи, но Нора всё ещё занимается М. Она рвёт одежду охранника на лоскуты и перевязывает раны.

Джули стучит в дверь Томсен.

— Можно войти?

Томсен не отвечает, поэтому Джули толкает дверь и входит внутрь, бросая через плечо взгляд, говорящий мне идти следом. Я — её помощь.

Прежде чем обратиться к женщине, лихорадочно расхаживающей по камере, я ловлю

момент, чтобы рассмотреть её камеру. Будто ты оказываешься внутри особенно маниакального Альманаха. Пол, стены и кое-где даже потолок покрыты словами и рисунками. Некоторые из них выцарапаны на стенах, другие нарисованы с помощью пальцев едой, а может, другой менее аппетитной субстанцией. Сами записи — мало какие из них читабельны — это подробное описание жизни в камере. Расписание кормления. Описания и портреты охранников. Размышления о цели её задержания. Всё написано в том же стиле, что и сам Альманах. Вся её энергия, направленная на изучение мира, сжалась в этой комнате.

Мне приходит на ум, что это безжалостно. Мне приходит на ум, что человеку, чья жизнь — это поиск, человеку, который никогда не перестаёт двигаться, два месяца в этом месте должны показаться столетием.

В камере темно, потому что лампочки разбиты. Записи на стенах испещрены дырами от ударов кулаками.

— Томсен, слушай, — говорит Джули. — Мы и не ожидали, что ты вытащишь нас. Мы хотим выбраться все вместе, и примем любую твою помощь.

Томсен продолжает ходить. Джули смотрит на неё.

— Как давно ты занимаешься Альманахом?

— С девяти лет после BAVL, — моментально отвечает Томсен.

— Что побудило тебя начать?

— Уже была в дороге, искала башню. Подумала, что могу делиться новостями, которые найду, чтобы хоть чуть-чуть мир, осветить тёмные участки. Лучшее, что я могла бы сделать, пока башня не упадёт.

— Значит, ты в одиночестве искала источник помех... одиннадцать лет?

— Не в одиночку, у меня была Барбара! В ней столько человеческого, что я бы хотела вас познакомить. Я была в башне, я знаю, она есть, у меня была бомба, я почти сделала это, а потом эти грёбаные... эти мужчины, они...

Джули ждёт. Наконец, Томсен замечает тишину и перестаёт вышагивать.

— Я знаю, как это тяжело, — говорит Джули. — Чувствовать, будто ты должен спасти мир. Будто только ты один пытаешься это сделать.

Томсен смотрит на неё влажными пустыми глазами.

— Я чувствовала себя так же очень долго. Странствовала по стране, наблюдая, как мои родители постепенно сдаются. Переехала в убежище, полное людей, которые были рады умереть в клетке, — она качает головой. — Кстати, ты была там. На Стадионе в Убежище? Думаю, именно его ты описала его как «закрытый, враждебный». Очень точно.

Томсен продолжает смотреть.

— В любом случае, я просто хотела, чтоб ты знала — больше ты не работаешь одна. Теперь у тебя есть команда, мы помогаем друг другу.

Томсен смаргивает последнюю влагу с глаз.

— Команда?

— Как говорит Нора, мы огромные фанаты. Для нас будет честью работать с тобой.

— Эйбрам работал на Аксиому, — добавляю я. — Может, у него есть информация, которой нет у тебя.

— Верно, — говорит Джули. — Давай попробуем. Открой все двери, которые можешь. Посмотрим, как далеко мы уйдём.

Томсен кивает. Она так сильно кивает, что я переживаю за её шею.

— Хорошо, хорошо. Давайте.

Я смотрю через её плечо на улыбающегося подонка на рекламном щите, качающегося на соседней башне. Мой взгляд цепляется за что-то ещё. Что-то ярко-красное и кружащееся.

— Ого, — говорю я. — Там...

Нет времени разговаривать. Я возвращаюсь к языку тела. Сбиваю девушек с ног как раз тогда, когда красный знак остановки влетает в окно, и, как пила, врежется в гипсокартонную стену. Ветер свистит через разбитое стекло.

— Мы можем это сделать *сейчас*? — кричит Джули Томсен, вытаскивая осколки из волос.

Томсен вытягивает из кармана сумку с импровизированными инструментами и бежит к дверям, ведущим на лестницу.

М встаёт на ноги. Нора пытается поддержать его, но он отодвигает её:

— Я в порядке.

— Ты уверен?

— Хорошая работа. Я в порядке.

Мы толпимся вокруг Томсен, пока она работает над замком с помощью скрепки и чем-то похожим на распрямлённое кольцо для переплёта. Эйбрам задерживается в дверях. Он не присоединяется к нам, пока замок не щёлкает и дверь не распаивается. Мы спускаемся по тёмной лестнице, и в это время позади нас разлетаются окна. Словно град из пуль, стёкла пробивает мусор.

* * *

В нарушение всех строительных норм, которые можно вообразить, на каждом этаже заперты двери. Если бы начался пожар, работники верхних этажей медленно прожарились до готовности, успев спуститься лишь на половину пути.

Лестничные двери — это цельные плиты, но в дверях, ведущих в офисы, есть окна, и я смотрю в них, пока Томсен взламывает замки. Пусто. Свет не горит.

Большинство офисов походи на странные гибриды офисных этажей корпораций и военных казарм: рабочие места с кроватями, комнаты с оргтехникой со стойками для ружей. Некоторые похожи на тюрьму, но мы, похоже, остаёмся единственными заключёнными. Это была пассивно-агрессивная казнь, или про нас просто забыли в суматохе? Об этой компании ничего нельзя сказать с уверенностью. Несмотря на кажущуюся тягу к порядку и безопасности, новая Аксиома похожа на сломанный механизм, на неисправную хлопающую взрывчатку, установленную для мира.

— Хорошо, что теперь? — спрашивает Томсен. — Раньше я спускалась сюда, но вскрыть этот замок я не могу. Что теперь?

В четырёх этажах от земли мы натываемся на дверь с кодовым замком. Её толстая сталь не даёт даже думать о том, чтобы прорваться, хотя царапины и вмятины указывают на прошлые попытки.

— Эйбрам, — говорит Джули. — Ты работал в этом здании? Знаешь какие-нибудь коды доступа?

Эйбрам смотрит на замок и ничего не говорит.

— Эйбрам?

— Я даже код в Питтсбурге не знал, — тихо отвечает он. — Всё поменялось.

Ветер ревет в разбитых окнах, и здание качается. Движение едва ощутимо, но эффект

ужасающий, будто гравитация усилилась, и мы вот-вот упадём на землю.

— Провались пропадом, — Нора, вытаращив глаза, начинает нажимать случайные цифры.

— Я знаю, — добавляет Эйбрам после раздумий, — что в этих замках заложена взрывчатка.

Палец Норы застывает в воздухе.

— Три ошибки и ты без руки.

Нора отходит назад. Джули качает головой.

— Да что не так с этими людьми?

Я открываю внутреннюю дверь и вхожу в тёмное пространство офиса, где воет ветер. Кресла катаются взад и вперёд. Вдохновляющие плакаты с животными трепещут на стенах — волки, поедающие оленя и черви, поедающие волков. На каждом подпись: ПОБЕЖДАЙ.

Я так много не понимаю в том, что сам помог построить. Мой дед был жадным, жестоким и так далее, но не сумасшедшим. Я не могу представить, чтобы мы придумали это здание. Этот город. Эти эксперименты со смертью и этих улыбающихся роботов. Откуда это всё? Кто создал этот лихорадочный мир, который придумывали мы? Возможно, мы нарисовали контур, но заполнил его кто-то ещё.

Я слышу, как кто-то выкрикивает моё имя — то, которое я заслужил, с которым жил и о котором заботился, а не то, которое прицепилось ко мне при рождении и изменилось до неузнаваемости — но откуда-то издалека. С каждым шагом внутрь офиса я шагаю вниз по лестнице. Я спускаюсь в свой подвал и начинаю копать в затхлых коробках.

«Где же оно?» — спрашиваю я у грязного изгиба, прикованного к лестнице.

«Где что?» — хихикает он.

«То, с помощью чего я выйду отсюда. Покажи мне, где».

«Почему я должен?»

«Потому что ты эгоист. Ты заботишься о себе. И, как бы мне не противно было говорить это, я — это ты».

Он раздумывает.

«Справедливо».

Он пинает коробку.

— Извиняюсь, — говорю я, трогая Томсен за плечо. Она пристально смотрит на клавиатуру, бегая пальцами по волосам, и отпрыгивает от моего касания. Смотрит на меня, видит что-то в моих глазах и отходит в сторону.

— Что ты делаешь? — спрашивает Джули, пытаясь закрыть офисную дверь. Лестничный пролёт заполняется занесённым ветром мусором.

Я смотрю на клавиатуру. Я смотрю через плечо своего деда. Он показывает мне личный семейный код, который я передам своим детям, потом внукам, потом...

— Р, не надо! Атвист вводит код.

Дверь открывается.

— Твою...мать, — говорит Нора. — Я знала. Она смотрит на Джули и М.

— Ведь мы все это знали, правда? Его одежда? Все эти заскоки?

Джули смотрит на меня. Не то, чтобы шокированно, но потрясённо. Она ждёт, что я что-нибудь скажу, и я чувствую, что прямо сейчас правильные слова могут всё исправить, пропасть тайн между нами исчезнет, и Джули вернётся ко мне. Слова, которые она ждёт, очень легко произнести: «Я вспомнил свою прежнюю жизнь. Я был сотрудником Аксиомы,

как Эйбрам и М, был обманутым винтиком в этой адской машине, но теперь я другой».

Если бы это было правдой, я бы сказал и закончил с этим. Но моя правда — это длинное признание, ей не поможет ручная стирка. Она не гарантирует мне ни сочувствия, ни поддержки, ни заверений, что теперь я среди друзей и меня не станут осуждать. Она слишком велика для этого. Это не каких-то там несколько печальных ошибок, это — жизнь, человек, неразрывно связанный с человеком, которым я являюсь сегодня.

Мой секрет — это я сам. Как я могу в этом признаться?

Я шагаю в дверь и спускаюсь по лестнице. Башня Свободы качается под моими ногами, будто в пьяном сне.

МЫ

МЫ НЕОХОТНО наблюдаем за школой. Происходящее там проникает сквозь завесу и проползает слишком близко от нас, царапая отрывки предложений из разных книг и на Верхних полках, и на Нижних, и в спрятанных укромных уголках, которым не суждено быть найденными. Это было невозможным на протяжении многих веков, с тех пор, как земля стала твёрдой. Но теперь она опять размягчается, — а может, вскрывается, — мы уже не уверены в том, что может случиться.

Поэтому мы осторожно наблюдаем. Мы не можем отвернуться. Мальчик, парящий над бездной, является нашей ближайшей связью с живыми людьми. С каждым оборотом пылающей и плавящейся сферы нам все сильнее и сильнее хочется быть узванными.

Когда сенсорная атака возобновляется, мальчик прячется в нас, как в убежище.

Бродит по мрачным залам, поднимается вверх и спускается вниз по нашей живой лестнице. Пока шум бьётся о стены, он просматривает другие жизни и другие эпохи. Ему хочется привести сюда друзей. Джоанна и Алекс сейчас снаружи, среди шторма, морщатся, пока уроки пробуют переписать их души.

Затем занятия заканчиваются. Тишина наступает так внезапно, что некоторые ученики вздрагивают, будто из них вырвали орган. В комнату врывается мужчина в бежевой куртке. Он разговаривает с двумя лекторами, но мальчик не слушает их. Он смотрит через открытую дверь в коридор, где в очереди ожидает группа детей.

Первой в очереди стоит девочка. Она примерно того же возраста, в котором был мальчик, когда его жизнь остановилась. Мальчик смотрит на её чёрные волосы, бронзовую кожу, единственный тёмный глаз, потом моргает и видит её клетки, гены, замысловатые, бесконечно совмещённые и преобразованные коллажи отцов и матерей. Затем моргает ещё раз и видит за клетками, за молекулами ревуший жёлтый свет.

— Привет, — говорит он.

Он стоит в коридоре напротив девочки, из руки тянется трубка капельницы.

— Привет, — говорит девочка. — Я Спраут.

Мы узнаём её. Мы чувствовали её присутствие в наших залах. Это знание переходит к мальчику, и он улыбается.

— Я... — его улыбка сменяется изумлением. «*Я кто? Я что?*» Он впервые задаёт эти вопросы.

— У тебя красивые глаза, — говорит девочка.

— Спасибо, — отвечает мальчик. — Твой тоже.

— Хочешь увидеть второй? — она тянется к голубой повязке с нарисованной ромашкой. Ветер прибывает к двери в конце коридора кусок мусора, и она подпрыгивает. — Там шторм, — говорит она, позабыв о том, что собиралась показать.

Мальчик смотрит в окно. Квадрат света. Вот он снаружи, идёт позади девочки, за ним идут Джоанна и Алекс, а за ними остальные. Все привязаны друг к другу за запястья. Мужчины в бежевых куртках ведут их куда-то, ветер пытается вырвать мальчику волосы, но он глазеет по сторонам на меняющийся город. За городом стоит другой, который видно заплатками, будто через изношенную ткань.

Разрушенные небоскрёбы отполированы и заполнены людьми. На крышах растут пышные сады. По каналам, заполняющим улицы, плывут каноэ и паромы. И чёрное облако, нависающее над городом, рвётся напополам, открывается, как занавес, чтобы показало солнце.

Девочка оглядывается через плечо и улыбается.

— Ты это видишь?

Мальчик изучает двигающиеся полупрозрачные слои, пытаясь подобрать ответ.

Я

ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ — как открыть бутылку шампанского. Ветер и дождь врываются вестибюль, отталкивая меня на шаг назад. Мы пойманы на середине спектакля Господа, но на чьей стороне он сейчас? Это разделение Красного моря или гибель Иова?

С неба падает вращающийся красно-белый треугольник и прилипает к стволу дерева.
«УСТУПИ».

Я игнорирую это сообщение, как и все остальные, и выхожу в шторм. Ураган оживил город. Всё население Манхэттена до последнего жителя,

которое едва ползало, теперь бежит в панике, как перед апокалипсисом. Попытки организованной эвакуации, которые мы наблюдали ранее, превратились в извечную игру «каждый за себя», отряды Аксиомы предпринимают слабые усилия, чтобы направить толпу или остановить взрыв жестокости.

Кажется, толпа плывёт в сторону моста Джерси, но не сомневаюсь, что мы пойдём против течения.

— Куда они увели мою дочь? — кричит Эйбрам Томсен, а Джули почти перекрикивает его:

— Где моя мама?

Я бы тоже мог присоединиться к ним: «Мои дети!»

Томсен озадаченно переводит взгляд с одного лица на другое, затем указывает на юг.

— Туда.

Мы выбираем проулок, чтобы избежать встречи с толпой, но ветер в узком бетонном каньоне становится ударной воздушной волной, сдирающей кожу с лица. Мы с М идем вперёд, чтобы снизить сопротивление воздуха для наших маленьких товарищей: я представляю, как Джули сдувает, и она улетает в небо, кружась, словно листик. А когда я смотрю на небо, воображая этот и другие ужасы, то вижу вдалеке вершину здания на Парк Авеню, 432. Я вижу вертолёт, парящий над ним: огромный двухроторный зверь, созданный, чтобы перевозить горы через океаны. Он кружит и качается над башней, наклоняясь почти горизонтально против ветра. Что он сейчас перевозит?

Ящик.

Над крышей пентхауса моего деда понимается металлический грузовой контейнер, выделяющийся красным цветом на фоне тёмного неба. Что может находиться внутри? В этом здании нет ничего достаточно ценного для него, чтобы спасти. Он не любил богатство, он любил богатеть. Он грыз мясо, но на самом деле хотел охотиться. Я могу представить только одну вещь, которую бы он стал спасать — себя.

Комок мусора, воняющий тухлой говядиной, шлёпает мне по лицу, и пока я отдираю и выбрасываю жирную мерзость, вертолёт улетает. Я не хочу думать о грузе, вокруг и так достаточно ужасов.

— Университет Пейс, — говорит Томсен, когда мы выходим на широкую автостраду и ветер немного ослабевает. — Туда они свозят свежих Мёртвых и Живых с потенциалом.

— Мама в плохом состоянии, — говорит Джули. — Она свежая, но... у неё повреждения.

— Если она способна работать, то они попробуют подлатать её в госпитале. Если нет, то увезут куда-нибудь ещё.

— Куда?

Ещё один порыв ветра заглушает разговор.

— Это тайна! — кричит Томсен. — Сейчас нужно бежать!

Эйбрам уже на полквартала впереди, он рванул сразу же, как только услышал место. Я понимаю, что за время нашего знакомства не было ни одного случая, когда он оставался с нами по какой-то другой причине, кроме необходимости. Что он хочет от своей жизни? Хочет ли он вообще чего-нибудь?

Мы бежим следом за ним, но через пару кварталов Томсен вдруг сворачивает на боковую улицу.

— Эй! — кричит Джули.

Томсен в замешательстве останавливается.

— Что?

— Куда ты?

— Нужно закончить! — кричит она, снова возобновляя бег. — Причина, по которой я здесь!

— Томсен, *стой!*

— Встретимся на Бруклинской набережной! — кричит она в ответ. — Барбара отвезёт нас на вечеринку!

С этими словами она исчезает в потоках дождя.

Джули ругается, но слова теряются в ветре. Мы бежим к университету.

* * *

Университет Пейс — это утилитарная бетонная коробка, больше похожая на страховую компанию, чем на священный зал науки. Я бы ни за что не догадался, что это учебное заведение, если бы не потрёпанные погодой металлические буквы на центральном здании. Некоторые из них оторвались и бешено вертятся на ветру.

Эффект просто завораживает. Будто здание раздумывает, кто оно.

Меня отвлекает отчаянный крик. Я вижу, как Эйбрам несётся к главному выходу, где несколько охранников из Аксиомы сажают детей в старый автобус. Автобус покрыт выгоревшими рисунками из какой-то старой рекламы канала Дискавери, двери похожи на челюсти акулы. Я вижу две знакомые головки, исчезающие в дверях: белокурые кудряшки и прямые иссиня-чёрные волосы. Затем челюсти захлопываются.

Я бегу быстрее, чем бегал тогда, когда было нужно остановить катастрофу и спасти мой дом и друга от безумия, которое я помог создать. Тогда я был недостаточно быстр. Мои холодные окоченевшие суставы сопротивлялись усилиям, и я прибежал как раз вовремя, чтобы ощутить обвиняющую пощёчину взрыва.

Теперь я бегая быстрее Эйбрама, но будет ли результат другим?

Я останавливаюсь у хлопнувшихся дверей.

— Открой! — кричу я водителю.

— Эй, — говорит охранник, помахивая винтовкой у бедра и направляясь ко мне. — Этот автобус не для горожан. Отойти.

— Там мои дети.

— Если они в этом автобусе, значит, эти дети *наши*.

Эйбрам врзается в него сзади, тот падает на асфальт, а его винтовка улетает под автобус. Двигатель ворчит, и автобус движется вперёд. Я слышу, как Эйбрам дерётся с охранником, но сейчас не могу ему помогать. Я бью локтем по дверям, пока стекло не вываливается из рамы. Я засовываю туда руку и сражаюсь с рычагом открытия двери, но автобус ускоряется. Либо отцепиться, либо меня будет тащить следом за автобусом.

Я вытаскиваю руку и падаю на тротуар. Когда автобус проезжает мимо, я мельком вижу их лица: Джоанны, Алекса и их новой подружки Спраут, прижатые к окнам, затем они уезжают.

Что подумают обо мне мои дети? С того дня, как они оказались под моей опекой, я бросил их дважды: в первый раз, когда пошёл за своим сердцем, чтобы влюбиться и научиться жить, а потом они стали мешать мне, потому что был слишком занят борьбой с собой, и у меня не оставалось времени защищать кого-то ещё. Но сейчас, когда я вернулся, я делаю всё возможное, чтобы дать им жизнь, которую они заслуживают... но опять и опять ничего, кроме ужаса и опасности.

Эти мысли посещают каждого родителя? Буря вины и сомнений, несмотря на все благие намерения? Чувствовал ли мой отец такие же страдания, когда сидел в кресле, втягивая дым и чувствуя прошлые неудачи, проходящие по венам? Думал ли он о том, что может разорвать эту тяжёлую цепь?

Я слышу, как матерится Эйбрам, когда автобус исчезает, а охрана уезжает на Хаммере следом за ним, держа под прицелом всех нас. Мгновение наша пятёрка неподвижно стоит, выбирая между отвагой и самоубийством. Затем я осознаю, что нас только четверо.

— Джули!

Я оглядываюсь вокруг и вижу, как она бежит вниз по улице к зданию, которое должно быть госпиталем. Надо было этого ожидать. Она будет бегать по палатам и выкрикивать имя матери до тех пор, пока на это будут способны бронхиальные трубки, пока не рухнет наземь или пока этого не сделает здание. Обещание, которое она дала матери — это то самое обещание, которое её мать нарушила много лет назад, и я не сомневаюсь, что Джули сдержит его ценой жизни.

Я бегу за ней, мои длинные ноги поглощают дистанцию. Она видит, что я приближаюсь, и, кажется, готова отбиваться, но потом замечает, что я её не останавливаю. Я не пытаюсь взывать к здравому смыслу или просить сдаться, ведь я знаю, что она не может сделать этого. Я просто бегу рядом, готовый подхватить её, если она упадёт.

Лёгкая благодарность согревает её испуганное лицо. Благодарность и кое-что большее. Затем из-за угла с рёвом вылетает белое облако, и мы оказываемся под водой.

* * *

Меня крутит, вертит, бьёт обломками. Затем тащит по улице, как по каменистому дну. Наконец, волна разливается и становится достаточно мелкой, чтобы я мог поставить ноги и подняться. Грязная пена бурлит вокруг бёдер, пока я отчаянно ищу Джули.

Я не могу её найти.

Я никого не могу найти. Меня смыло на незнакомую улицу в тень незнакомого здания. Я чувствую, как его вес давит на меня. На меня надвигаются тысячи тонн бетона, похожие на безымянный могильный камень. *Здесь покоится тело. Здесь покоится никто.*

— Джули!

Мы были рядом, как меня могло так далеко унести? Она схватилась за что-то, что я не заметил, или её унесло ещё дальше?

— Джули! — снова зову я, но ветер возвращает слова обратно в мой рот. Я слышу грохот сзади, оборачиваюсь и вижу стену.

Чувствую сумасшедшее желание расхохотаться.

Защита Манхэттена от осаждающей неизбежности — это многослойная мешанина растущего отчаяния. Фундамент построен профессионально: двухметровые плиты бетона хорошо заштукатурены по швам. Но середина стены похожа на работу добровольческих отрядов: поверх плит уложены дорожные барьеры, в зазорах которых лежат мешки с песком. А наверху уложена фанера. Эта работа перепуганного населения так же эффективна, как суеверия.

Грохот, который я слышал, издал верхний слой, ломающийся под очередным порывом ветра. Давление воздуха сталкивает с плит дорожные ограждения, и на улицы выливается Нью-Йоркское море. Его бурлящие барашки темнеют, поднимая со дна накопившуюся за десятилетия людскую грязь.

Я открываю рот, чтобы выкрикнуть имя Джули, но он заполняется чёрным супом.

Я падаю, кручусь, махаю руками и ногами в поисках опоры, но это не первая волна, проверяющая защиту. Это наводнение. Вращаясь в ледяной пустоте, я чувствую присутствие негодяя из подвала, но, к моему удивлению, он не смеётся. Он не злорадствует.

«Это оно? — грустно бормочет он. — Это то, на что ты потратил наш третий шанс? На нескольких друзей, на несколько поцелуев, на несколько досок для постройки дома?»

В воде неглубоко, но моя растерянность превращает её в пространство без дна и поверхности. Мусор оборачивается вокруг меня, как щупальца, тащит в огромную пасть.

«Этого недостаточно, — говорит он. — Ты не оплатил наш долг».

Но я его не слушаю. Я думаю о Джули, надеюсь, что она далеко отсюда, но всё же желаю её присутствия. Когда я представлял, как закончится моя третья жизнь, во всех вариантах, какими бы мрачными они ни были, она была рядом, когда я закрывал глаза. Я никогда не думал, что будет так.

Я сильно ударюсь обо что-то, и, когда чёрная вода исчезает в глубокой черноте, мысли становятся безмолвными. Просто импульсами любви, которые я выкрикиваю в пустые залы, надеюсь, что кто-то услышит их и запишет.

ЭТО КОНЕЦ.

Я просыпаюсь рядом с женщиной. Не знаю, с какой именно. Глаза горят, голова пульсирует, — такое бывает даже от дорогой выпивки. Неважно, сколько ты за неё заплатил, утром заплатишь снова.

— Привет, — шепчет женщина, и я узнаю её голос. Моя помощница. — Ты живой? Я стону.

— Ты сегодня работаешь? Я стону громче.

— Ты когда-нибудь остановишься?

Я поворачиваю голову на подушке. Моя помощница опять смотрит на меня взглядом, который кажется мне вторжением в мой дом.

— Здесь война, — говорю я.

— А когда не было войны?

Я вздыхаю носом, чувствуя своё гнилое дыхание.

— Не надо. Не сейчас.

— Я просто интересуюсь. Знаешь, у тебя есть выбор. Он есть у всех.

— Если бы это было правдой, тебя бы здесь не было.

Я вижу, как она отводит взгляд. Вежливое любопытство уступает место отвращению, и я расслабляюсь.

Она натянуто улыбается и начинает прикасаться ко мне, и, хотя я устал, болею и меня тошнит, я отвечаю. Мы целуемся шершавыми губами и острыми языками.

Мы растираем наши раны. Желудок крутит, каждое движение отдаётся в голове, но я продолжаю. Я жду продолжения. Не знаю, от кого именно, но чувствую необходимость в этом.

После долгих потных усилий я достигаю цели. Мозг неохотно, мелкими порциями отдаёт свою награду. Всего несколько толчков удовольствия — наравне с хорошим чихом. По мере того, как ощущение исчезает, в темноте своего разума я понимаю, что хочу схватить его и тащить назад, не желая признать, что это всё, что я получу. Но это всё, что я получу.

Я откидываюсь на кровати, закрыв глаза и открыв рот. Она шепчет что-то, что должно быть чувственным, сильно переоценивая то, что мы только что сделали, но я падаю сквозь кровать. Я падаю сквозь пол и землю, попадая в тёмную пыльную комнату, полную дохлых червей, полок с покрытыми грибком книгами из бумаги, пергамента, камней, клея, с клинообразными линиями, пятнами цвета охры и царапинами, появившимися до образования языка.

Я достигаю другой высшей точки. Меня выворачивает на подушку. Потом я встаю и отправляюсь на работу.

* * *

— Меня тошнит от всего этого, — говорит он. — Разрабатываешь эту старую дыру с дерьмом, окружённую мешками с песком в тених высоток в центре города. А кучка головорезов в размалёванных танках надирает нам зад. Блин, это стрёмно.

Он кружит по наполненному эхом пространству своего кабинета, потягивая скотч из хрустального стакана, а я сижу на диване, раскачиваясь и потея.

— Нам нужно расширяться.

— Расширяться? — я проглатываю кислятину во рту. Лицо горит и ломит. — Я думал, мы и так слишком много откусили.

— Нет слова «слишком». Ты когда-нибудь видел, чтобы собака уходила от еды? Все в природе знают, что нужно продолжать есть.

— Мы теряем рабочую силу. Мы кое-как удерживаем Манхэттен. Если районы объединятся, они превзойдут нас по численности.

— Вот поэтому нам и надо расширяться. Слушай, я расскажу тебе секрет, — он садится на диван напротив и наклоняется ближе. — Мы захватим западное побережье.

Его голос звучит приглушённо, как радио, сражающееся с помехами. Я изо всех сил стараюсь заставить горло работать.

— Мы не можем... как мы это сделаем? Как мы... будем контролировать такую территорию?

Он ухмыляется.

— Мы захватим ЛОТОС.

— Как?

— Мы уже много лет подбираемся к источнику. Мы знаем, что он где-то в Южной Каскадии. Наводняем регион своими людьми, захватываем каждое убежище и начинаем прессовать лидеров, пока тайна не выйдет наружу. Гарантирую, уже через год мы будем кричать с крыши BAVL.

Комната пульсирует, будто я нахожусь под водой. Лоб становится мокрым.

— Да, сейчас у нас руки заняты районами. Здесь всё может пойти плохо. Но если мы возьмём под контроль канал, мы окажемся в каждом доме, баре и бункере. Мы будем знакомым лицом, известной фамилией, мы больше не будем сражаться, потому что они будут отдавать нам всё, что мы захотим. Всё, что мы скажем, станет истиной, потому что мы будем единственным голосом.

Я открываю рот, чтобы задать вопрос, или, может, выразить сомнение, но раздаётся только отрывок.

Он улыбается ещё шире, видя, как я борюсь.

— Давай, Р... Блевани мне на пол. Это волнующий момент, а ты — ребёнок чувствительный, поэтому делай всё, что нужно, чтобы это пережить.

Я перевешиваюсь через край дивана, моё тело готовится принять его приглашение.

— Но когда ты всё выпустишь, давай обсудим особые моменты. Я хочу, чтобы ты возглавил первую волну.

Я чувствую вибрацию в полу. Она едва заметна, и мой дед не реагирует на неё, поэтому я списываю всё на свою пульсирующую голову. Сложнее объяснить рябь в его стакане, но вскоре желудок отвлекает меня от этих мыслей.

* * *

Когда это происходит, меня нет на земле. Я нахожусь в тысячах метров над ней, в самолёте с двумя двигателями, глотая двойную дозу Драмамина^[13]. С последней пьянки прошло несколько недель, но я никак не могу избавиться от тошноты.

Доктора компании приписывают причину тошноты моей тревожности, и звучит достаточно правдоподобно. В конце концов, мы на полпути к поражению в войне.

Мистер Атвист отправляет меня на запад, и, хотя у меня есть миссия, я подозреваю, что существует другая причина, чтобы выслать меня из Нью-Йорка. Я подозреваю, что она связана с огнём и дымом, которые поднимаются с улиц нижнего Манхэттена. Доклады из филиалов перестали поступать. Руководители были казнены. Стихли танковые выстрелы вдалеке. Мистер Атвист знает, откуда дует ветер, и хочет, чтобы его наследник был в другом месте, когда дерево рухнет.

Заманчиво чувствовать этот жест, чувствовать себя любимым — но я не могу даже думать об этом без смеха. Я знаю, кто я для своего деда. Я не человек, я — Семья. Я ДНК и наследие, транспорт, который отвезёт его в будущее. Ничего более.

Так что, когда я вижу пыль, поднимающуюся над городом, когда вижу, как небоскрёбы качаются, будто деревья, а самые старые из них ломаются и гнутся, когда прижимаюсь лицом к окну и гляжу, как здание Атвист Билдинг начинает рушиться и падать, тогда я не уверен в том, что чувствую. Когда я слушаю по радио его голос, исчезающий в пузырящемся визге помех BABL, но слышимый до конца, я не знаю, как трактовать его слова.

«Значит, это всё — сон? — рычит он сквозь звук бьющегося стекла. — Никаких правил, случиться может что угодно? Пошло на хер это место. Пошёл на хер новый мир. Продолжай выполнять свою работу, слышишь меня? Это не конец. Я никогда не остановлюсь. Я никогда...»

В самолёте повисает мрачная тишина. Команда смотрит на меня. Помощница смотрит на меня. Я ничего не говорю, потому что ничего не изменилось. Мы продолжаем делать свою работу. Мы улетаем из Нью-Йорка, пока он корчится и содрогается под нами, и пока мы скользим по пустым пространствам, я вижу что-то странное, но всё больше и больше узнаваемое: рябь на горизонте. Едва заметные изменения в топографии. В голубизне повисли блестящие формы, которые я заметил лишь краем глаза, и которые исчезли прежде, чем я смог бы их описать.

Это действительно сон? Если во сне, в котором может произойти всё, что угодно, может случиться что-то хорошее? Я смотрю на металлический чемоданчик на своих коленях, этот инструмент смерти и обмана, и чувствую желание плакать, смешивающееся с желанием блевать. Кто сделает сон хорошим?

* * *

Мой сон пуст. Я просыпаюсь с теми же мыслями, с теми же чувствами, с той же тошнотой, будто времени не прошло совсем, хотя теперь темно и моя команда спит. Мне частенько бывает интересно, можем ли мы почувствовать приближение важных событий. Объекты с большой массой могут исказить время. Могут ли значительные события делать то же самое? Может ли вес одного момента оставить отпечаток, который почувствуется с обеих сторон, и вспомниться перед тем, как он случится?

Когда я проснусь в день своей смерти, почувствую ли я, как дрожу и качаюсь?

Будет ли об этом знать хоть малая моя часть? Я брожу по салону, разглядывая спящие лица своей команды. Солдаты в новых бежевых куртках, таких удивительно простых и мягких. Переговорщики в серебристых рубашках и цветных галстуках — моя маленькая творческая прихоть. Это непрофессионально, так что, если Аксиома выживет сегодняшней

ночью, нужно будет всё переделать.

И моя помощница в своём красном платье. Ещё одна прихоть. Зачем я её взял?

Я не сентиментален. Я выжал это из себя много лет назад. Что мне нужно от этой женщины, кроме быстрого перепихона для успокоения нервов?

Я выглядываю из огромного окна. Под нами нет городов. Нет мерцающих факелов цивилизации, виднеющиеся точками на ландшафте. Земля тёмная, очищенная от человечества, и если в ней есть красота, никто не сможет это увидеть. Появляется ещё одно чувство, которое я не могу объяснить. Одиночество проскальзывает мне в живот, чтобы присоединиться к тошноте и меланхолии — новый гость на этой ужасной вечеринке. Я чувствую себя слабым, беспомощным и глупым. Иду в кабину пилота, чтобы найти единственного человека, который не будет спать.

Пилот кивает мне. Второй пилот спит.

— Почему он спит? — требую я, подбадривая свой слабеющий позвоночник и дрожа от полученной власти.

— Мы на автопилоте, сэр, — отвечает пилот. — Погода хорошая, курс выставлен, я подумал, что могу разрешить ему немного отдохнуть.

Я смотрю на второго пилота. Он стар. Старше, чем должен быть для этой работы. Должно быть, выбор пал на него по чрезвычайным обстоятельствам.

— Разбуди его.

Пилот тянется через приборную панель и толкает локоть второго пилота.

— Эй.

Второй пилот не двигается.

— Эй. Даг.

Пилот трясёт его за плечо, и второй пилот дёргает руками, хватая первого за руку, отрывает её, брызжет кровь, раздаётся крик, затем второй пилот оказывается на первом, самолёт летит вниз, а я лечу вперёд.

В ушах звенит. Я чувствую тряску. Я чувствую, как зубы пронзают мою голень, но вместо крика из меня вырывается отвратительный смех.

Сегодня! Это был *сегодняшний* день! Это был старик по имени Даг!

Раздаётся приглушённый выстрел, и второй пилот замирает. Моя помощница отталкивает его от меня и направляет пистолет на пилота.

— Приземляйся.

Пилот смотрит на свою руку, истекающую кровью. Он качает головой с усталостью, которая граничит с облегчением.

— Пожалуйста, — говорит моя помощница. — У вас ещё есть время!

Он делает долгий выдох. Садится в кресло и тянет на себя штурвал. Я встаю на ноги. Вижу вдали на горизонте небоскрёбы, город, может быть, это даже наш пункт назначения, и осознаю, что надеюсь и верю в то, что мы можем сделать его...

Боль пульсирует в ноге.

По венам ползут чёрные черви.

Напоминание. Меня не беспокоит то, что происходит дальше. Я стою вне круга, пока Живые обсуждают планы на будущее. Они стоят вплотную друг к другу, плечом к плечу, и их вердикт громкий и ясный: *Ты загостился. Ты не приглашён завтра.*

Я слышу вдалеке громкие голоса. Вижу город, плывущий, как остров в океане тёмных деревьев. Затем всё, что я вижу, — это деревья, которые заполняют каждое окно.

Грохот. Боль. Теперь я свободно лечу, мне не нужен самолёт. Я взмываю в воздух вместе с осколками разбитых окон и оказываюсь под водой. Не по желанию, а инстинктивно я отталкиваюсь, выплываю на поверхность и заставляю себя дышать. Я отталкиваюсь, пока ноги не достают до земли, и встаю.

Я в лесу. Стою в реке, тихий шум которой является единственным звуком. Небо чистое и полно звёзд, чей свет не перебивают человеческие огни. Интересно, это лес Мёртвых? Наверное, когда они уходят от костра Живых, они идут сюда. Я всегда задавался вопросом, что они видят, пока бродят между развалинами. Неужели это? Деревья вместо зданий, ягоды и мёд вместо кричащего мяса? Я проведу свою вторую жизнь здесь, блуждая между тихих деревьев?

— Итак, вот оно, — говорит она.

Я вылетел прямо через окно. А она нет. Неважно. Я чувствую, как черви пробираются вверх по моим ногам в пах. Короткая агония и онемение.

Я сажусь рядом с ней.

— Заражён? — спрашивает она. Киваю.

— Кажется, я тоже заражусь.

Почему я прячусь? Почему это всегда драка или полёт? Почему я выбрал этот адский мир зверей, когда имел честь быть человеком?

— Хватит пуль для нас? — спрашивает она. Киваю.

Звёзды прекрасны, но я не отрываю взгляда от грязи.

— Роза.

Даже в своем угасающем состоянии она изображает удивление, услышав звук своего имени.

— Что?

— Прости, Роза.

Она смотрит на меня искоса со смесью недоверия и непонимания.

— Ты извиняешься? — она кашляет кровью. Кровь подходит к её платью. — За что?

Черви проникают в мой живот, и нервы темнеют. Тошнота, наконец, исчезает вместе со всем остальным. Я исчезаю.

— За твою жизнь. За мою. За всё, — я разрешаю течь слезам. Мне нужно, чтобы они вытекли прежде, чем тоже исчезнут. — Я не могу придумать ничего, о чём бы не сожалел.

Роза смотрит на меня, смотрит, как мои глаза наполняются слезами. Затем плюёт кровью мне в лицо.

— Да пошёл ты, Атвист. Вали со своей предсмертной исповедью. Думаешь, всю жизнь можешь быть монстром, брать всё, что захочешь, а потом стереть свой долг на выходе? Пошёл ты.

Черви заползают мне в грудь, но, кажется, избегают сердца, придерживают его, чтобы я мог всё прочувствовать. Я смотрю на пистолет в своей руке.

— Что, если я не уйду? Что, если я останусь подольше и смогу оплатить его? Она смеётся сквозь рваный кашель.

— Оплатить? Если ты останешься, то увеличишь его вдвое.

— А что, если как-нибудь...

— Никак. Чума превращает хороших людей в монстров. Представляю, что она сделает с тобой.

Кажется, теперь черви где-то в моём горле. В лёгких. Желание дышать исчезает.

— Послушай меня, — говорит Роза. Её ледяные голубые глаза фиксируются на моих, вырывая меня из отчаянных фантазий. — Ты выстрелишь в меня, а потом в себя. Сейчас же.

Пистолет дрожит в моей руке.

Роза смотрит на меня не просто с отвращением — с разочарованием. С ненавистью к моим неуместным надеждам.

— Ты всегда был так уверен, что тебя никто не полюбит, — она берёт мою руку и приставляет пистолет к своему лбу. — Что ж, наконец, ты хоть в чём-то прав, — она нажимает мой палец на спусковом крючке.

Теперь я готов. О, Господи, я готов. Я поднимаю окровавленный пистолет, подчиняясь её последнему желанию, но, следуя примитивным инстинктам выживания, черви проникают в мою руку, и она коченеет. Пистолет падает мне на бедро.

Я почти исчез. Я — это сердце и голова, плавающие в пространстве, окружённом холодными звёздами. И когда моё сердце делает свой окончательный безумный удар и исчезает, я слышу свои мысли, будто громкий голос отделяется от разлагающегося разума, чтобы дать последнюю команду:

«Ты вернёшься. Ты найдешь способ. Ты вернёшь всё, что украл, и даже больше».

* * *

Я в глубокой чёрной пустоте, неподвижен, как и косяки мусора вокруг меня. Мои ноги дергаются. Ступни отталкиваются. Я поднимаюсь к свету над головой и выбрасываю руку. Я выталкиваюсь на поверхность и хватаю воздух. Кричу. Но мои конечности бесполезны. Я снова тону, как тонут трупы, руки плавают где-то надо мной.

Кто-то хватается за них. Кто-то вытаскивает меня из воды на что-то плавучее, а затем я опускаюсь на колени на твёрдый асфальт, кашляю, фыркаю и дышу. Наконец, когда мне начинает хватать воздуха, я падаю и перекатываюсь на спину. Небо тёмное. Её мокрые волосы танцуют на ветру. В глазах слезы, а из носа течёт кровь, но она улыбается.

— Р, — говорит Джули. — Мы не умерли.

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ качается, как гамак, пока мы бежим через него, цепляясь за перила, чтобы нас не сдуло. Я чувствую себя невесомым и растерянным. Вижу сквозь дождь знакомые лица, но я потерял весь контекст. Я — человек, который бежит сквозь шторм за женщиной, которая меня спасла, и пока этого достаточно.

Как только мы пересекаем мост, старые коричневые камни Бруклина закрывают нас от ветра, и я чувствую, как вес возвращается ко мне. С этим приходит и некоторое понимание, я осознаю, что нашей группе не хватает части.

— Где Томсен? — перекрикиваю я вой ветра.

Джули тяжело дышит и не может выговорить слова. Только качает головой. Она куда-то нас ведёт. Все идут следом за ней, бросая взгляды на улицы, туннели и парковки её старого квартала, затем мы выходим на плоское пространство набережной Бруклин Хайтс. За перилами должен быть привлекательный для туристов вид на горизонт Нью-Йорка, но там ничего нет. Дождь стёр город из реальности, оставив только серую пустоту.

М пинает дверь в магазин сувениров и мы вваливаемся внутрь. Он закрывает дверь, подпирает её стендом с открытками и внезапно наступает тишина. Ветер воет, дождь стекает по окнам, но по сравнению с хаосом снаружи, это монастырь. Я слышу своё дыхание. Оно стабильное и ритмичное, даже если я о нём не думаю. Чудеса. Я слышу и дыхание остальных тоже. У всех оно разное, с различной скоростью и громкостью, но у Джули громче всех. Сухая хрипота так ужасно похожа на звуки, издаваемые трупом. Её сумка исчезла, её куртка, её ингалятор...

Я беру её за руку и усаживаю на скамейку. Поглаживаю по спине, пока она изо всех сил пытается ухватить воздух.

— Мы в порядке, — говорю я ей. — Мы это сделали. Можешь расслабиться. Она хватается за горло, вытаращив глаза.

— Просто думай о воздухе. Как будет хорошо, когда он попадёт в лёгкие. Мягкий и прохладный, — я делаю медленный вдох и выдыхаю: чистое, идеальное дыхание, будто ленивый бриз. — Думай о дыхании. Об этом удовольствии. Об этой привилегии. Ты глотаешь небо.

Она закрывает глаза, сжимает губы и хрипота становится мягче. Нора утвердительно кивает мне. Она немного впечатлена. Наконец, Джули делает судорожный выдох и встряхивает головой.

— Зомби рассказывает мне, как дышать, — бормочет она. — Что дальше? Она опускает голову мне на плечо.

* * *

Через час шторм проходит. Дождь прекращается, ветер стихает. Мы выходим из магазина и идём к краю набережной. Стоим у перил — все скамейки заняты высохшими скелетами в одеждах, которые им больше не по размеру. Некоторые сидят одни, некоторые с партнёром, у всех в руках оружие, дыры в головах. Хорошее место, чтобы сказать «прощай».

Отсюда разрушения кажутся минимальными, но я по-прежнему вижу изменения. Новая тишина. Мерцание воды там, где должны быть толпы людей. Манхэттен превратился в

Венецию. Влюблённые будут обниматься в гондолах, пока таксисты сплавляют их по Бродвею. Если кто-нибудь из них снова поселится здесь.

— Они были в автобусе, — говорит Джули, глядя на город. — Спраут, Джоанна и Алекс. Дети были в автобусе, — я следую за её взглядом. Она смотрит в сторону госпиталя. В сторону горы водянистого щебня на месте, где он когда-то был.

— Уверена, Одри тоже у них, — мягко говорит Нора. — Она Преимущественно Мёртвая. Ценный образец.

Джули наблюдает за размывающейся горой. Течение постепенно уносит её.

— Она у них, — говорит Томсен.

— Боже, — вздыхает Джули, хватаясь за грудь. — Откуда, чёрт возьми, ты...

Неважно, откуда появилась Томсен. Она стоит у перил в нескольких сантиметрах от нас, прижимая лицо к биноклю. — Я видела её раньше, за больницей, позади госпиталя. Они загружали Мёртвых в машины. Ценные образцы.

В одной руке она держит бинокль, в другой — портативный радиоприёмник. Либо она нашла его там, откуда пришла, либо достала из своих многочисленных карманов, а охрана не потрудилась его конфисковать. Какая угроза исходит от радио, если ты управляешь единственным каналом?

Она включает его, и федеральная частота разгоняет тишину.

— *Настало время собраться с силами, — мрачный голос перебивает музыку из боевика. — Филиал на востоке разрушен, но наши корни тянутся через всю великую нацию. Когда на западе взойдёт солнце, Живые и Мёртвые будут есть одни и те же плоды.*

— Они направляются в Убежище, — бормочет Джули, глядя на затопленные улицы Манхэттена. — Они собираются перевезти всё в Убежище.

— Значит... мы поедem за ними, верно? — Нора переводит взгляд с одного лица на другое, ища поддержки. — Догоним конвоиров, заберём наших и свалим к чертям с этого континента. Правильно, Джулез?

Её голос отчаянно решителен, будто она отказывается признать, что эта идея не сулит ничего хорошего. К моему удивлению, Джули не поддерживает её. Она просто смотрит на город, будто и не слышала вопроса.

— Наверное, самолёт в ангаре аэропорта Кеннеди остался цел, — настойчиво продолжает немного озадаченная Нора. — Эйбрам, если мы соберём больше механиков, ты сможешь его починить?

Эйбрам стоит отдельно от всех. У него спокойное лицо, волосы спадают на глаза.

— Ты кое-что забыла, — у него холодный и спокойный голос. Он сжимает повязки на плече, мокрые и коричневые от городской грязи. — Я был заложником, — он смотрит на Джули. — Но вы потеряли оружие.

Нора вздыхает.

— Чёрт, я думала, мы это проехали. После всего увиденного, я думала, что ты понял...

— Нет, — он качает головой. — Я могу помочь вам с конвоем, но в ту минуту, как я заполучу свою дочь, я исчезну.

— И что потом? — настаивает Нора. Её поза становится угрожающей. — Ещё один домик в лесу? Может, попытаешь удачу у мексиканской стены?

— Что-нибудь найдём.

— Серьёзно, Кельвин? — она вскидывает руки. — После Хелены, Детройта, Питтсбурга и Нью-Йорка ты всё ещё думаешь, что можешь спрятаться?

— А как ты называла полёт в Исландию?

— Я называла это *побегом*. Большая разница.

М наблюдает за перепалкой как за боксёрским матчем, улыбаясь всякий раз, как Нора делает хороший удар, но человек, от которого я ждал большей вовлечённости, остаётся отсутствующим. Джули смотрит на город, сжав зубы и прищурившись, будто в её голове идёт более жаркий спор.

А Томсен... Понятия не имею, что делает Томсен. Она пристально всматривается в бинокль, но смотрит не на разрушения. Она наблюдает за пятном в нижнем Манхэттене, и когда я пробую найти, что её так заинтересовало, замечаю нечто особенное. Город отключился, солнечные панели снесены ветром, инфраструктура затоплена, и в вечернем мраке все здания тёмные — кроме одного. Маленькая офисная башенка среди тёмных небоскрёбов сияет, будто маяк. Её яркие окна отражаются в окружающем новообразованном море.

— Что это? — спрашиваю я.

— Это, — говорит она, — вышка BAVL.

Эйбрам и Нора перестают цапать. Джули приходит в себя.

— Что ты сказала?

Рот Томсен под биноклем превращается в зубастую улыбку.

— То, что затыкает рты, перехватывает горла и сбивает с пути голубей. Единственная причина — вот *это*, — она приподнимает радиоприёмник. — Это не коробка с друзьями. А ровно через несколько минут...

Здание вспыхивает белым. Раздаётся приглушённый бум. Затем оно рушится вниз, погружаясь в воронку, быстро заполняемую водой, которая стирает все доказательства, что башня там стояла.

Я чувствую движение воздуха. Ощущение покалывания. Или наоборот, его отсутствия.

— Да! — Томсен вопит так громко, что мы подпрыгиваем. Я отступаю, чтобы она не задела меня, пока машет руками. — Сгорела и утонула! Ты исчезла! Ты повержена!

— Это что было? — спрашивает Джули, выпучив глаза. — Это та вышка, которая создавала помехи?

— Да! — снова кричит Томсен и переходит на тихое быстрое бормотание. — Сначала я думала, что она находится в Башне Свободы, но если бы Аксиома знала, где она спрятана, то сразу же захватила бы её, а значит, вышка должна была быть хорошо спрятана, она не должна была быть похожа на большую антенну у всех на виду, должна была быть какая-то постройка, чтобы спрятать её навечно, типа перевёрнутой башни, какой-то геологической индукции, чтобы сделать передатчиком саму землю, а может...

— Томсен! — перебивает её Джули, указывая на радиоприёмник, который всё ещё вёл пропаганду. — *Попробуй*.

Томсен замирает, кивает и сдвигает бегунок с федеральной волны.

Царапающий дрожащий звук, похожий на визг микрофона или на полицейский свисток, означающий «стоять». Но немного тише. Он появляется и уходит, оставляя полсекунды тишины. Потом возвращается.

Томсен грустнеет. Она жмёт кнопку передачи.

— Алло? Шум.

Она двигает бегунок и слушает, ищет.

— Алло? — говорит она. — Алло?

Несколько приглушённых голосов. Несколько призрачных очертаний слов. Перехваченный разговор по рации или просто федеральная волна сочится кровью по частотам, окрашивая эфиры в красный цвет.

— Алло? — каждый раз она повторяет всё тише. — Есть кто-нибудь? Джули качает головой и опирается на перила.

— Чёрт.

Я смотрю в землю. Чувствую, как знание наполняет мою голову, делая её тяжёлой. Я опускаюсь на скамейку рядом со скелетом в футболке Бруклин Сиклонс^[14] и наблюдаю за штормом, уплывающим через море.

Нора кладёт руку на плечо Томсен.

— Ты уверена, что это была вышка?

— Я стояла прямо перед машиной! — кричит Томсен, и Нора, вздрогнув, отходит назад. — Она была похожа на адронный коллайдер, стоящий вертикально, огромный и ужасный, как пасть! Бомба была там же, где я её спрятала, я поставила таймер, бросила её внутрь и смотрела, как всё взорвалось, поэтому это должна... там должна была... — она сильно бьёт себя радиоприёмником по голове. — Я не понимаю.

Она продолжает крутить бегунок. Все молчат, слушая визги и скрежет задушенного мира.

Нора делает длинный выдох и оглядывается в поисках места, чтобы присесть.

Она находит парочку скелетов, сидящих на лавочке и держащихся за руки, спихивает женщину на землю и хлопается рядом с мужчиной.

— Странно, что Старое правительство назвало свою машину BAVL, — она разговаривает по большей части сама с собой. — Давненько я не читала Бытие, но разве Вавилонская башня^[15] не должна была *объединять* людей?

— Во всём мире был один язык и одно наречие, — декламирует Томсен, сражаясь с радио. — И они сказали: «Давайте построим себе город с башней до Небес, чтобы прославить своё имя и не рассеяться по всей земле».

Нора кивает.

— Правильно, так как они...

— И сошёл Господь посмотреть на город и башню, которую строили люди, — продолжает Томсен, крутя бегунок снова и снова. — И сказал Господь: «Все люди — один народ, и у них один язык; вот они и затеяли такое; теперь не будет для них ничего невозможного».

Нора удивлённо смотрит на Джули, но та внимательно слушает. Я тоже слушаю, позволяя этой знакомой сказке раздаваться эхом в моём подвале, пробуждая его одинокого жителя.

Томсен коварно хихикает, цитируя бога:

— «Сойдём же и смешаем их язык, чтобы они перестали понимать друг друга!» Итак, Господь рассеял их по земле, и они бросили строительство города.

— Это полная противоположность станции помех, — бормочет Джули. — Было общение и сотрудничество. Причина объединить мир. Почему Бог испугался?

— Почему испугалось Старое правительство? — спрашивает Томсен. — Почему это пугает всех, сидящих наверху? Потому, что иерархия — это ложь. Никому не нужен альфа. Он забирается на вершину, пыхтя и блефуя, пока мы верим, что он должен быть там. Когда твоя власть строится на невежестве, ты не захочешь, чтобы люди общались друг с другом.

Негодяй наблюдает за мной с того конца подвальной лестницы. Он протягивает мне коробку.

«Возьми, — говорит он. — Сделай с ней что-нибудь хорошее».

«Что, если они не поймут? Что, если они меня возненавидят?»

Он поднимается на верхнюю ступеньку и кладёт коробку к моим ногам.

«С этими людьми ты пережил с десяток самоубийственных ситуаций. Что изменит ещё один прыжок?»

Я закрываю глаза и поднимаю коробку.

— Знаете, как расшифровывается BABL? — спрашиваю я у всех и ни у кого в частности.

— Никогда не встречала того, кто знает, — отвечает Томсен. — Я всегда считала, что это **Buried American Broadcast Lock** — Скрытая американская блокировка вещания.

Нора раздумывает.

— **Big Apple... Barrier Language** — Языковой барьер Нью-Йорка?

— **Butt And Breast Lover** — Любитель попок и буферов, — предлагает М. Я делаю медленный выдох, готовясь к длинной исповеди.

— Это **Biocoastal Agitation Blocking Lattice** — Прибрежная сеть агитационного блокирования.

Все взгляды направлены на меня.

— В ней два генератора. По одному на каждом побережье. Помехи не уйдут, пока не будут уничтожены оба.

— *Где?* — чуть не визжит Томсен, дрожа так, будто сейчас кинется на меня. — Где второй?

— Где-то на Стадионе. Он является частью вещательной станции ЛОТОСа. И Аксиом сидит на нём.

Я чувствую, как их взгляды пытаются проникнуть в меня и раскрыть мои тайны, но я их и так больше не скрываю. Моя новая жизнь совсем юна. Прошлое занимает большую часть меня. Если я его вырежу, от меня останется только тонкая кожа и пустота внутри.

— Они давно планировали это, ещё до перерыва, до землетрясения, — я разрешаю словам литься из меня запинаящимся потоком. Я прячу лицо в ладонях и опираюсь локтями о колени. — Они умерли, но вернулись, и они не остановятся, — я смотрю на город сквозь пальцы, стараясь не видеть взглядов своих друзей. — У них уже есть сеть вещания. Скоро они получат Мёртвых. Потом Живых. А потом всё остальное.

Бриз теребит мне волосы. Когда солнце опускается вниз, несколько лучей оранжевого света проникают сквозь рваные тучи. Ежедневная солнечная рутина, не обеспокоенная хаосом, происходящим здесь на Земле.

— О чём ты говоришь? — тихо спрашивает Эйбрам. — Как ты это узнал?

Я не отвечаю Эйбраму. Я отвечаю Джули. Я смотрю на её лицо и говорю:

— Я вспомнил, кем я был.

У неё огромные перепуганные глаза, как ледяные метеоры, несущиеся к Земле, но я сопротивляюсь желанию отвести глаза. В этот раз я не сбегу. Я разрешу ей залезть в меня и копаться, и пусть она получит всё, что там найдёт.

Но час суда не наступает. По крайней мере, не сейчас. Вместо того, чтобы требовать ответы и расспрашивать меня о моих грехах, она отворачивается к горизонту и говорит:

— Нам нужно остаться.

Я понимаю, что не дышал. С благодарностью вздыхаю.

— Остаться? — говорит Нора. — Что ты имеешь в виду?

— Мы продолжаем спорить о том, спрятаться или сбежать. С каких пор это стало нашим единственным выбором? Это два варианта сдаться?

Нора хмурится.

— Хмм... Джули... ты очень настаивала на втором варианте.

— Знаю, — она качает головой. — Я была напугана. Говорила себе, что мы найдём помощь и приведём её домой, но всё пошло к чертям... — я замечаю влажный блеск в её глазу. — ... а потом появилась мама, и я просто... сломалась, — она смотрит на Эйбрама сквозь слёзы. — Прости. Я правда прошу прощения.

Эйбрам ничего не говорит. У него каменное лицо.

— Но ты прав, Р, — она секунду смотрит на мои ноги, потом поднимает на меня глаза. — Я не могу её спасти, — она поворачивается к Норе. — И *ты* была права. Она бы не хотела, чтобы я пыталась сделать это, наплевав на остальное, — она вытирает глаза рукой и стискивает зубы. — Мы не можем спрятаться, не можем сбежать. Мы должны остаться и сражаться.

Минуту или две единственным звуком остаётся визг радио Томсен, поскольку она рассеянно бежит по частотам. Я ждал, что Эйбраму будет что сказать, но он просто смотрит то на меня, то на Джули со странной пустотой в глазах.

— Сражаться с Аксиомой? — говорит М, держась за голову, будто бы она болит. — Как?

Томсен возвращается на федеральную волну, и Джули тычет в радио с гримасой отвращения.

— Я скажу. Начнём с этого.

— *Аксиома обеспечивает уверенность в сомнительные времена,* — говорит серьёзный женский голос, пока нарастает музыка. — *Как можно полагаться на своего ближнего, если он так же отчаялся, как и ты? Лишь Аксиома стоит над толпой. Лишь Аксиома достаточно преуспела, чтобы ей можно было довериться.*

— Не похоже, что у них есть непреодолимая армия, — говорит Джули. — Они не захватывают страну силой. Люди позволяют им это, потому что считают, что это лучший вариант. Потому что они знают только то, что им говорит Аксиома.

— *В наших процветающих современных городах вы найдёте еду, убежище и работу для всей семьи. Вы будете спокойно спать среди толстых стен и обученных солдат, пока вертолёты парят над вашими головами, как ангелы-хранители.*

— Меня уже тошнит это слушать, — рычит Джули. — Старое правительство или Аксиома, это всё один и тот же голос. Один орущий говнюк перекрикивает остальных.

— *Насильники, —* распевает мужчина, когда музыка мрачнеет. — *Серийные убийцы. Педофилы. Террористы. Бесчеловечные монстры, которые хотят сожрать ваши семьи...*

— Ему пора закрыть пасть, — она хватает радио и крутит выключатель. Кажется, Томсен не возражает.

Я поднимаю себя со скамейки. С выпрямленной спиной я почти так же высок, как и М. Я наполняю лёгкие вымытым дождём воздухом и издаю властную фразу:

— Давайте уничтожим BAVL.

Мрачная улыбка появляется на лице Томсен. Нора сжимает губы и зубы, но кивает.

М пожимает плечами, будто я предложил прокатиться до магазинчика за углом.

— Это мне подходит.

Но я вижу, что с Эйбрамом что-то творится. Он смотрит в землю, печальный и уставший. Трясёт головой, будто внутри него идёт горький спор. Затем он останавливается. Поднимает глаза на Джули.

— Удачи. И уходит.

— Ты куда? — кричит Нора ему вслед.

— Я иду искать свою дочь.

— Мы тоже! Возвращайся!

Я вижу, как он качает головой.

— Нет, *вы* собираетесь уничтожить BAVL, разоблачить Аксиому и построить новый мир. А я иду искать дочь.

— Мы поедem в одно и то же место, тупая задница! Если мы не найдём её по дороге в Убежище, то найдём в *самом* Убежище!

— Вы не дойдёте до Убежища. Мир сожрёт вас заживо.

— Ты говорил себе, что мы можем тебе помочь!

— Я ошибался.

Нора вскидывает руки. М с сомнением смотрит на меня и Джули.

— Мне остановить его? — он щёлкает костяшками пальцев. — Мне не нужно оружие, чтобы взять человека в заложники.

Кажется, Джули его не слышит. Её лицо напряжено от переплетающихся эмоций, когда она смотрит, как уходит Эйбрам, поэтому я отвечаю за нас обоих.

— Пусть идёт.

Я чувствую вину из-за облегчения, которые испытал, выпустив из своего рта эти слова. Мы тащили этого мужчину через всю страну, надеясь, что он выйдет из своего ступора, увидит в своей жизни свет и пойдёт к нему, но вместо этого он ушёл. Он сказал: «Свет слишком далеко, его никому не достать», и ушёл. Я устал от него. Я устал и от него, и от людей, которые его создали, и от людей, которых он бы создал, если бы мог. Я устал от традиций и наследия существования, которое он несёт, и если он хочет унести их подальше от нас, я скажу — пусть.

Но, как всегда, Джули горячее меня. Она сдаётся последней. Она рвётся за ним.

— *Эйбрам!*

Я держусь на расстоянии, на случай, если ситуация обострится.

— Эйбрам, *стой!*

— Знаешь, что самое смешное? — без следа улыбки говорит он, не сбавляя шага. — Ты продолжаешь извиняться за то, что выстрелила в меня и взяла в заложники. Но это — единственное, за что я мог бы тебя уважать.

Джули упирает руки в бока.

— Это был единственный раз, когда я увидел, что ты жертвуешь своими принципами, чтобы сделать необходимое для своей семьи. А теперь ты повернула назад. Бросила мать и бежишь спасать мир.

— *Я не бросила* мать, — Джули скрипит зубами. — Я найду её и буду рядом так долго, как смогу. Но здесь на карту поставлено всё. Может, мы единственные люди за пределами Аксиомы, которые знают, как найти BAVL, так что мы...

— Удачи! — он ускоряет темп. Джули начинает отставать.

— Эйбрам, послушай меня! — на её лице написана решимость, но голос уже хрипит. — Я знаю, что значит потерять семью. Будто ты отрезан от человечества, будто ты *должен*

быть один?

Он сворачивает в тёмный переулок, отдаляясь с каждым шагом.

— Я борюсь с этой мыслью каждый день, но, чёрт возьми, это неправда! Наконец, он останавливается и оборачивается. Его спокойствие исчезло.

— Что тогда правда, *Джули*? — его голос как кислота. — Во что ты веришь, если даже не веришь своим собственным мыслям?

— Я верю в то, что мне всегда говорила мама, — она стоит прямо и с мягкой неподвижностью встречает его гнев. — Человечество — это семья, которую ты никогда не потеряешь. Независимо от того, что произойдёт.

Я смотрю на неё сбоку. Она в курсе, что я слушаю? Или она разговаривает со мной тоже?

Эйбрам смотрит на неё так, будто они из другого мира. Нереальное существо, говорящее на вневременном языке. Я жду, что он холодно рассмеётся, но он только прищуривается и заталкивает свои эмоции обратно в тюрьму в голове. Затем, вновь став безэмоциональным, он отворачивается и идёт прочь.

Джули не идёт следом. Её пыл угасает; кажется, она уменьшилась сантиметров на десять. Эйбрам тоже уменьшается, увеличивая расстояние между нами. Затем он заворачивает за угол и исчезает.

ВУГЛУ ТЁМНОЙ ПАРКОВКИ, окружённой разобранными машинами и грудам мусора, под коричневым брезентом стоит что-то большое.

— Это она? — спрашивает Нора. — Огромная.

— Пожалуйста, скажи, что это маскировка, — тревожится М.

Томсен приближается с вытянутой рукой, будто успокаивая перепуганное животное.

— Прости меня, детка, — она расстёгивает угол брезентовой накидки. — Я не хотела оставлять тебя так надолго.

С тех пор, как ушёл Эйбрам, Джули молчит. Пройдя шесть кварталов от набережной, она не перекинулась ни с кем даже словом. Я представляю, как она бродит по тёмным залам своей памяти. Наверное, переживает последний раз, когда она пыталась спасти Кельвина. Но я вижу, как в её глазах мелькает интерес, пока она наблюдает за открытием брезента.

— Они поймали меня прежде, чем я успела это сделать, — говорит Томсен, отцепляя последний крепёж, — но я всё равно это сделала. Я сделала это сегодня. Но, думаю, нам много чего предстоит сделать, — она стаскивает брезент на землю. — Барбара, — говорит она. — Это наша новая команда. Они помогут нам закончить.

Как и было обещано, Барбара — это не фургон. Она длиннее шести метров, округлая, как подводная лодка из мультика, и стоит на трёх парах колёс, как ретро-видение будущего. Из щелей в солнечных батареях тянется лес антенн, а на крыше стоят три бочки с надписью: ЭТО НЕ БЕНЗИН, НЕ ВОРОВАТЬ! Кроме красной полосы, проходящей по бокам, в машина окрашена в яркий жёлтый.

М вздыхает, но я вижу, как на лицо Джули наползает слабая улыбка.

— ДжиЭмСи Бирчейвен 1977 года, — говорит Томсен, доставая ключи из-под хромированного бампера и открывая единственную дверь: изогнутый люк удивительно похож на дверь 747-го. — Лучший автодом из построенных когда-то, он стал даже лучше после нескольких апокалиптических модификаций.

Пока мы загружаемся в странный маленький домик на колёсах, она бежит по салону, пытаясь прибраться. Гиблое дело. Интерьер напоминает смесь редакции и мастерской эксцентричного художника: везде лежат документы, фотографии и коллажи из вырезок; карты и эскизы прикреплены к стенам и нарисованы на окнах, и, конечно, полно обычного мусора.

Потрёпанная копировальная машина, окружённая пачками пожелтевшей бумаги, занимает кухонный уголок.

— Так вот где происходит магия, — с неподдельным удивлением произносит Нора.

Томсен выглядит смущённой. Она пытается затолкать бардак в уже переполненные шкафы. Каждое сиденье загромождено, здесь буквально нет места ни для кого, кроме водителя. Джули кладёт руку ей на плечо.

— Томсен, — говорит она. — Тебе ещё нужно всё это? Томсен перестаёт распахивать вещи. Смотрит на Джули.

— Это же всё было ради поиска? Поиска вышки?

— И для Альманаха, — говорит Томсен. — Для написания и выпуска Альманаха.

— Ты только что разрушила одну башню. Мы знаем, где найти вторую. Значит, это всё... — она показывает на окружающий беспорядок. — Всё кончилось?

— Ты предлагаешь больше не выпускать Альманах? — говорит шокированная Нора.

— Конечно же, нет, — отвечает Джули. — Просто однажды мы уничтожим станцию помех, и Альманах окажется в воздухе. Если ты захочешь, он пойдёт по мировой паутине, — она пробирается через мусор, чтобы рассмотреть потемневшую от солнца копировальную машину. — То, что ты сделала всего лишь с одним копиром поразительно... но, может быть, он тебе больше не нужен.

Томсен смотрит на копировальную машину. Она смотрит на неё очень долго.

Полагаю, это любовь и ностальгия. Затем мне приходится переосмыслить происходящее, потому что она хватается копир и выбрасывает за дверь. Он разлетается с приятным хрустом, и она стряхивает пыль с ладоней.

— Прощай, заражённый мир.

* * *

Мы помогаем с уборкой, набирая охапки исследовательских работ и выбрасывая в огромную кучу на тротуаре. Странное чувство, когда выбрасываешь чью-то жизнь, но эта работа закончена. Скоро она сможет начать новую.

Когда издательство исчезает, остаётся удивительно просторный дом с туалетом, кухонным уголком, двумя парами диванов, которые раскладываются в кровати, и с большим оранжевым ковром. Все шкафы, кроме одного, занятого системой фильтрации масла, заполнены сокровищами в виде консервов, инструментов, запчастей для машины и прочих необходимых для выживания вещей. Через гигантское заднее окно я вижу свисающий со стойки скутер.

Этот трейлер не просто дом на колёсах, это автономный город.

— Х.Томсен, — Нора медленно поворачивается, сидя на пассажирском сиденье, как на троне, возвышаясь на платформе водителя. — Ты самый клёвый человек, которого я когда-либо встречала. Где, блин, ты насобирала эти вещи?

— У моего папы, — говорит Томсен, закрывая ящики, пристёгивая подвижные предметы и закрывая люки. — Он всегда был на шаг впереди. Потратил все сбережения на обустройство Барбары как раз перед валютной катастрофой, — всё закреплено, но она продолжает ходить и выискивать, что бы ещё сделать. — Провели вместе несколько лет. Было несколько хороших поездок. Первые пять выпусков Альманаха были его.

Я открываю рот, чтобы спросить, где сейчас её отец, но потом вспоминаю уроки Джули и закрываю его.

— Он замечательно писал, — мягко говорит Джули.

— Как ты могла видеть эти выпуски? Ты не такая старая... правда ведь? Джули застенчиво улыбается.

— Я, ну... Покупала их у путешественников. Для коллекции. Томсен смотрит в недоумении.

— Ты коллекционировала мои журналы?

— У меня есть все выпуски.

— Может, мы немного чудачки, — говорит Нора, — но Альманах много значил для нас. У нас не было ничего похожего, никто не пытался устанавливать контакты. Может быть, были и другие исследователи, но когда они находили что-то интересное, чертовски уверена, что они не делились этим с миром. Надо быть сумасшедшим, чтоб этим заниматься.

— Для нас это были не просто новости, — говорит Джули. — Это было... как артефакт из другой вселенной. Вселенной с другими правилами. С другими возможностями.

Томсен оглядывается назад и снова смотрит вперёд, в пространство между ними. Смущение уступает место более глубоким эмоциям. У неё сжимается горло. Она забирается на водительское сиденье, пристёгивается и сидит, глядя на огромное лобовое стекло. Затем щёлкает несколькими выключателями, проверяет несколько датчиков и поворачивает ключ. Старый двигатель — или какое-то другое приспособление, установленное её отцом — несколько раз кашляет, просыпаясь от долгого сна, затем с рёвом оживает, наполняя воздух громоханием дизеля и неожиданным ароматом.

— Это что... — Джули принимает. — Картошка фри?

— Овощное масло, — отвечает Томсен. — Отходы из фритюрницы.

— Ого, — смеётся Нора. — Я не чувствовала запаха картошки фри с... — она на секунду задумывается. Несколько раз моргает. Улыбка сползает с лица. — Не знаю. Даже вспомнить не могу, — она поворачивает кресло лицом к лобовому стеклу и фиксирует его в этой позиции.

Я смотрю на М и вижу на его лице такое же странное выражение. Он смотрит Норе в затылок с серьёзностью, которую я редко вижу на его весёлом лице.

Мы падаем на диваны, когда дом на колёсах начинает движение, и пока мы едем по Бруклин Авеню, тень сползает с лиц М и Норы, но задерживается в моём сознании. Я смотрю на Джули и вижу, что она вся в своих заботах, о некоторых из них я могу догадываться, некоторые остаются тайной, и внезапно осознаю тот факт, о котором частенько забываю: я не один запер свои двери. У всех вокруг полно скрытых страданий, но у меня перед глазами всегда стоят только мои собственные. Что находится в их запретных чердаках? В их заколоченных подвалах? Их монстры такие же, как мой?

Джули смотрит в боковое окно, не замечая моего пристального взгляда, поэтому я рассматриваю её лицо и фигуру, от спутанных волос до грязной одежды, свежих ран и старых шрамов. Несмотря на мои романтические полёты фантазий, она не безупречный ангел. Она — не стандарт совершенства, с которым можно себя сравнивать. Я вспоминаю её приступ ярости в Детройте, когда она не моргнув пристрелила троих, её ледяной взгляд, когда она выстрелила в Эйбрама сначала один раз, потом второй, и была готова сделать третий выстрел. Я вспоминаю все её рассказы о наркотиках, о бритвах и уличном сексе вслепую — о всех гадких поступках, которыми она не побоялась со мной поделиться. Боялся ли я услышать её? Я знал эту женщину по-настоящему, или нарисовал себе образ, который меня вдохновил? Идеализировал ли я её недостатки, причинял ли ей боль, устраивая великодушные спектакли и весело опуская то, что не мог приукрасить?

Я чувствую, как между нами тает мутная плёнка мифологии и абстракции. Я вижу её в чёткой реальности, которая не преувеличивает достоинства: хрупкий человек с неврезами и психозами, с вонючими ногами и жирными волосами, который действует опрометчиво, противоречит себе и сбивается с пути в темноте.

Она никогда не была такой прекрасной.

Джули всё ещё не замечает, что я смотрю на неё, разинув рот. Она встаёт, проверяет равновесие, когда автодом разгоняется по шоссе, и идёт в заднюю спальню. Прижимает пальцы к огромному окну и смотрит, как разрушенная видимая оболочка Нью-Йорка, залитая красно-оранжевым солнечным светом, отдаляется от нас. Затем садится на один из диванов, смотрит на меня и хлопывает место рядом с собой.

Я сажусь рядом с ней на коричневую клетчатую подушку, раздумывая, знает ли она об урагане в моей голове и комке, который стоит в горле. Всё время, что она меня знала, я убеждал её, что я никто. Сейчас, когда я стал кем-то, она заслуживает знать, кем именно.

— Я... скажу тебе... — мой язык сражается со словами, как в первый день среди Живых. — Я расскажу тебе... всё.

Она осторожно смотрит на меня. Она кажется маленькой, уязвимой, но такой бесстрашной.

— Ты *хочешь* всё мне рассказать?

Я медлю. Позволяю ей увидеть свой ужас и смятение. Затем отвечаю:

— Да.

Она кивает.

— Ладно, — она кладёт голову мне на плечо. — Но не сейчас.

— Не сейчас?

Она делает длинный медленный вдох и закрывает глаза.

— Не сейчас.

Её лицо побледнело от усталости. Веки припухли от пролитых рек слёз.

Конечно, не сейчас. У нас будет время для исповедей — и их последствий, — впереди долгая дорога. Сейчас я дам ей отдохнуть. Я буду благодарен за то, что она лежит у меня на плече, за каждый оставшийся момент доверия.

Позади нас город сжимается под весом неба, словно тая в огне заката. Я смотрю на него, пока он не исчезает, и представляю, что вместе с ним тает то, что я натворил. Затем отбрасываю эти бесполезные фантазии. Прошлое не осталось позади. Оно прямо передо мной, марширует на запад вместе с огромной армией. И мы догоняем его.

МЫ

ЗЕМЛЯ ПОВОРАЧИВАЕТ на восток. Но под её поверхностью происходят другие передвижения. Расплавленные реки Земли текут, повинувшись своим странным прихотям, время от времени нанося удар земной коре, и, когда мы проплываем глубоко в их околосолнечном жаре, чувствуется сдвиг. Мы, как протуберанец, прорываемся сквозь материю, и земля отвечает на наш напор. Сердце земли начинает течь на запад.

Тысячи людей плывут в одинаковом направлении. Некоторые спасаются бегством. Некоторые повинуются голосу, который слышат по телевизору и радио. У других, таких, как мальчик и трое его друзей, нет выбора в этом вопросе. Они сидят в конце автобуса со связанными запястьями, покоящимися на коленях, и спрашивают себя — куда они едут и что случится, когда они приедут. Но в списке мальчика эти вопросы находятся очень далеко. Есть более важные вопросы, которые он адресует нам:

«Можем ли мы это изменить?»

Его тело заперто, но он свободно бегает по Библиотеке. Он носится по залам, копается на полках, просматривая страницы из бумаги, хрусталя и тёплой живой кожи — воспоминания бесчисленных жизней, собранных за всё время.

«Что мы можем сделать, пока мы маленькие и юные? Как нам вырасти и стать больше?»

Он забирается на лестницы из живых костей: каждая ступенька — это поколение, и вытаскивает книги с Верхних полок. Он старается прочесть их, но даже сами авторы не знают языка этих глоссолалических стихотворений, сигилл и иероглифов, нацарапанных странными чернилами и видимых редкому глазу.

«Кем мы можем стать?»

Засунутая в заднюю часть грузового прицепа, холодная, серая, запутавшаяся женщина в грязном лабораторном халате задаёт нам похожие вопросы, но она не одинока в своём смятении. Она окружена такими же, как она сама: и в этом трейлере, и в других местах, по всей беспокойной земле, известной как Америка. Они собираются на улицах забытых городов, в лесах и в пещерах, безмолвно стоят, заглушая свой голод, пока ждут ответов.

Как бы мы хотели дать эти ответы. Как давно мы стремимся выйти из тишины памяти и кричать в настоящем. Открыть наши секреты этим отчаявшимся искателям и, наконец, разорвать занавес. Но, хотя библиотека полна красноречивых голосов, она не может сказать ни слова, пока мир не научится читать.

Поэтому мы ждём.

Мы ждём вместе с Мёртвыми, пробираясь через их ряды, как шпионы или, может, как союзники. И мы разделяем их настроение — тревогу, голод, готовность к войне. С тех пор, как мы пытались их сосчитать, прошло много лет. И хорошо, поскольку Живые и так достаточно напуганы, даже не зная, насколько численность Мёртвых превосходит их.

Армия Мёртвых — самая большая из когда-либо собранных, они не идут за лидером, не боятся опасностей, не берут взяток и не идут на компромисс. Мёртвые — это бессловесное большинство, и когда они решат что-нибудь сказать, это станет новым законом земли.

Земная мантия течёт у них под ногами, как лёгкий толчок тёплой руки, и они, один за

другим, отправляются на запад.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Мне бы хотелось сказать спасибо 108 миллиардам людей, которые жили и умирали на протяжении этой истории, чтобы родилась эта книга — и другие вещи — возможно, и даже ещё большему количеству нечеловеческих существ, которые в этом помогли. Очень вам признателен. Также мне, вероятно, следует поблагодарить своего издателя, Эмили Бестлер, и своего агента-редактора, Джо Регала, и всех в этой компании, кто защищал этот презренный книжный кораблик от разных айсбергов. Джастин Гилд помог мне сделать Дэвида Боинга максимально реалистичным, как того требовала эта нелепая история. Спасибо моей сестре, медсестре Кристе Веллер, которая ответила на множество медицинских вопросов. Стивену МакДоннелу, который помог создать ужас, скрывающийся в телефонных линиях. Баристам в кофейне Фремонт, которые предоставили мне тёплый уголок, где я мог писать и кофейничать. Натану Мариону и Джареду МакШерри, которые вовлекали меня в философские споры, из которых вышла идея этой истории. И, наконец, огромное спасибо моим читателям, за их чрезмерно щедрую поддержку — за распространение информации о книге, раздачу листовок, расклеивание плакатов и прочем. И просто за чтение этой чёртовой вещи. Без вас я был бы наедине со своей головой.

Поездка по пустыням раскрывающегося мира. Поиск потерянной семьи и лекарства от отравленной любви. Когда прошлое, наконец, извергается, Р оказывается один на краю своей с таким трудом заработанной человечности. Но все дороги ведут домой, к последней встрече с воплощениями чумы.

А в древней необъятной Библиотеке происходят какие-то волнения...

Конец истории в следующей книге ЖИЗНЬ.

notes

Фонетический алфавит, использующийся в радиосвязи. Аналогично русскому О-Ольга, П-Павел, Р-Роман

Джексон Поллок — американский художник-абстракционист

От англ. *Sprout* — росток; отсылка к детской сказке «Джек и бобовый стебель»

Метатеснофобия — страх перед переменами.

Гренуй, Жан-Батист — протагонист романа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»

Толь — кровельный материал, пропитанный дёгтем.

Коан — буддистская притча, которая даёт ученику возможность обдумать и понять суть учения и достигнуть просветления.

Атомные часы — прибор для точного измерения времени, работающий на уровне атомов или молекул.

Аллегейни — приток реки Огайо.

Пятна Роршаха — психодиагностический тест для исследования личности.

Anarchy In The UK — Sex Pistols

Another Brick in the Wall — Pink Floyd

Драмамин — таблетки от укачивания.

Бруклин Сиклонс — бейсбольная команда.

BABL = Babylon = Вавилон, отсюда BABL Tower — Вавилонская башня.